

Великая Отечественная: Неизвестная война

Молниеносная ВОЙНА

Александр
Больных

БЛИЦКРИГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Великая Отечественная: Неизвестная война

Александр Больных

**Молниеносная
война**

**БЛИЦКРИГИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

Оформление серии художника *П. Волкова*

Больных А. Г.
Б 79 Молниеносная война. Блицкриги Второй мировой. —
М. : Яуза, Эксмо, 2008. — 352 с.

ISBN 978-5-699-31584-0

В начале Второй мировой, после блестящих блицкригов Вермахта в Польше и Франции, всем казалось, что от германской тактики «молниеносной войны» нет спасения, что немцам удалось подобрать «ключ к победе», обрести универсальное средство вооруженной борьбы, позволяющее им в кратчайшие сроки разгромить любого противника. Однако уже осенью 1941 года, на Восточном фронте, стратегия «молниеносной войны» впервые дала сбой. Дальнейшие просчеты германского командования не позволили Вермахту в полной мере реализовать тактическое превосходство, а «антиблицкриг» на Курской дуге, ставшей могилой Панцерваффе, предопределил исход войны.

Тем временем Красная Армия перенимала у противника боевой опыт, осваивая его тактику. И если Сталинград, «Багратион» и Висло-Одерскую операцию, строго говоря, еще нельзя назвать классической блицкрига, то Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года стала образцом «молниеносной войны».

Новая книга ведущего военного историка! Свежий взгляд на стратегию и тактику блицкрига. Глубокий анализ основных наступательных операций Второй мировой. Подлинная история «молниеносной войны».

ББК 63.3 (0)

ISBN 978-5-699-31584-0

© Больных А.Г., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Блицкриг с высоты птичьего полета

Сегодня военные очень любят порассуждать о том, что наступила эпоха войн то ли пятого, то ли вообще шестого поколения. Я не стану с этим спорить, скорее всего, так оно и есть. Однако мне хотелось бы предложить свою, более общую классификацию. Не следует обвинять меня в том, что явился, мол, дилетант и начинает строить что-то свое, вообще несуразное. Предложенный мной вариант ничуть не противоречит этому стандартному. Мы попытаемся разделить все войны на более крупные группы, которые включают в себя все пять, шесть, семь или сколько их там еще поколений.

На эту мысль меня натолкнула попытка более внимательно рассмотреть характер Второй мировой войны. Ее отличает одна особенность, которую большинство историков считает само собой разумеющейся, а потому просто не замечает. И совершенно напрасно, потому что именно эта особенность резко отличает Вторую мировую от всех предыдущих войн, даже от Первой мировой. За 20 лет, прошедших между двумя мировыми войнами, характер военных действий изменился гораздо больше, чем за предыдущие четыре тысячи лет. Разумеется, появление огнестрельного оружия тоже изменило его. Но посмотрите внимательно: чем шеренги гренадеров Фридриха Великого отличаются от строя фаланги Эпаминонда? Да ничем! Велико ли различие между грандиозным походом, описанным в «Анабазисе» Ксенофонта, и маршем Великой армии Наполеона на Москву и обратно? Гораздо меньше, чем может показаться на первый взгляд.

Однако в первой половине 1930-х годов начинается процесс, который меняет все самым кардинальным образом.

Все крупнейшие мировые державы приступают к **массовой** механизации армий. А это означает, что при планировании операций и сражений следует учитывать фактор, ранее неизвестный — мобильность армии. Конечно, и ранее он фигурировал, однако не имел столь важного значения. Армия, отягощенная огромным обозом, двигалась не спеша, без обоза — чуть быстрее, однако в любом случае, пока солдаты маршировали на своих двоих, говорить о решающем превосходстве не следует. Ведь не будете же вы всерьез утверждать, будто итальянцы бегают быстрее австрийцев, а турки — быстрее русских?! Зато сейчас мобильность и скорость передвижения приобретают решающее значение, появляется возможность на основе превосходства в мобильности строить план операции и даже целой кампании. Золотая мечта любого генерала — свои Канны, окружение и уничтожение вражеской армии — становится реальностью.

Окопная война Первой мировой с ее сражениями, чудовищными по кровопролитности и бессмысленными по ничтожным результатам («Верденская мясорубка», «Августовская бойня») привела к необходимости создания новых средств и новых методов ведения военных действий. Появился танк, который, однако, в те годы не внес коренного перелома в ход войны. Танковый батальон — это еще не танковые войска.

Принципиальные изменения произошли в межвоенный период, когда в Германии началось формирование танковых частей и соединений. Гитлер, увидев танковые маневры в Куммерсдорфе, заявил: «Это то, что мне нужно, и то, что я буду иметь!» Хотя, как мы увидим далее, к 1939 году «то, что мне нужно» выглядело не слишком убедительно. Но фюрер был полон решимости пустить в ход даже эти Панцернедоваффе. Ведь появился какой-то шанс на быстротечную войну.

Германия по-прежнему не могла позволить себе вести затяжную войну и была вынуждена строить все планы, исходя из надежды на быстрый разгром противника, скоротечную,

молниеносную войну. А молниеносная война, в переводе с немецкого на русский, звучит как «блицкриг». Впервые этот термин появился в журнале «Дойче Вер» в 1935 году и относится именно к «большому блицкригу» — то есть к молниеносной войне. В 1938 году журнал «Милитер Вохенблатт» определяет блицкриг как стратегическую операцию, но пока еще все это неофициальные термины. Сами немецкие военные «большой блицкриг» называли «бевергунгскриг» — «маневренной войной».

Но параллельно возникает и другой блицкриг. Гейнц Гудериан развивает и совершенствует теорию «малого блицкрига» — тактики действий танковых войск. Он делает ставку именно на маневр и скорость, которые позволят окружить и уничтожить противника.

Перечислим основные характерные признаки блицкрига, исходя из которых мы будем вести дальнейший анализ операций.

Первое: массированное использование танков, создание ударного кулака, а не равномерное размазывание тысяч единиц бронетехники вдоль линии фронта.

Второе: взаимодействие разных родов войск — танков, артиллерии, мотопехоты, саперов, обязательная поддержка **авиации поля боя**. Именно и только ее! Стратегическая авиация здесь не только бесполезна, но, скорее, даже вредна.

Третье: прорыв фронта в наиболее слабом пункте.

Четвертое: стремительное развитие успеха. Танки не задерживаются для решения тактических задач, а выходят на оперативный простор.

Пятое: окружение сил противника, с последующим их уничтожением пехотой при поддержке артиллерии и авиации.

В 1945 году во время Манчжурской наступательной операции командование Красной Армии придало блицкригу новое измерение, включив в него воздушно-десантные операции. Напомним, что аналогичная попытка немцев во время наступления в Арденнах завершилась полным провалом.

Но существовало одно ограничение, которое следовало

из состояния техники 1940-х годов и уровня развития систем снабжения. Блицоперации имеют ограниченную глубину — где-то около 500 километров. Недаром все исследователи неоднократно подчеркивали, что блицкриг относится к оперативному искусству, не поднимаясь до уровня стратегии. Когда немцы попытались искусственно увеличить глубину блицопераций, они довоевались до разгрома под Москвой и Сталинградом.

И еще одно. Об этом не любят писать наши историки, причем по вполне понятным причинам. Одним из главных, если не главным условием успешного блицкрига является отсутствие сопротивления окруженной группировки. Так было во Франции, под Минском и Киевом. Когда окруженные войска отбиваются до последнего, темп наступления неизбежно снижается или вообще падает до нуля. Либо возникает разрыв между двигающимися вперед танковыми дивизиями и застрявшими у котла пехотными, как было после Могилева. Впрочем, не следует ставить это в тяжкую вину командирам. Как мы писали, до конца 1930-х годов вопросы окружения вражеских войск, военная теория вообще не рассматривала, а уж вопросы противодействия окружениям и тем более выхода из окружения и речи идти не могло.

Отсюда видно, что блицкриг представляет собой всего лишь узкую ветвь более крупного целого: танковой войны, точнее даже ее подраздела — маневренной войны. Кстати, и операций, отвечающих этим строгим критериям, оказывается совсем немного. Много блестящих операций, вроде Висло-Одерской, вполне соответствуют критериям маневренной войны, но в них нет **окружений** — одного из **ключевых** пунктов блицкрига. Именно поэтому мы не рассматриваем такие операции, как контрнаступление Красной Армии под Москвой, бои вокруг Ростова, сопровождавшиеся длинными маршами советских и германских войск. Выпадают из рассмотрения бои за Харьков весной 1943 года. Все это тема иной книги, посвященной танковой войне в целом. Ну и речи не может идти о таких крамольных для блицкрига предметах, как танки в обороне или танки в городских боях.

Блицкриг стал одним из наиболее известных порождений «сумрачного немецкого гения», возникших в годы Второй мировой войны. С ним могут состязаться разве что атомные бомбардировки. Как создавалась и применялась теория блицкрига, почему только немцы сумели использовать ее наиболее эффективно и в полном объеме, рассказывает эта книга.

СКАЗКИ ДЕДУШКИ ШЛИФФЕНА, ИЛИ КИЕВСКАЯ РУСЬ – РОДИНА БЛИЦКРИГА

Идея блицкрига не нова, можно даже сказать, что она очень стара. Только выглядела она раньше несколько иначе, чем в годы Второй мировой войны, и называлась также иначе. Впервые она появилась на свет в 1905 году в стенах прусского Генерального штаба и называлась планом Шлиффена.

Здесь мне сразу придется сделать одну оговорку, с которой придирчивые критики могут не согласиться. С моей точки зрения, здесь сливаются воедино два взаимосвязанных, но совсем не тождественных понятия. Дело в том, что под одним названием «*Blitzkrieg*» фигурирует и понятие «молниеносная война», относящееся к области военно-политических категорий, и тактика действия танковых частей в наступлении. То есть один блицкриг есть нечто, стоящее гораздо выше стратегии, потому что затрагивает такие области, как мобилизация людских ресурсов, перевод промышленности на военные рельсы, организация дипломатического обеспечения войны, а это есть действия на уровне государственной политики. А второй блицкриг относится к шаблонным приемам наступления в звене полк — дивизия, то есть с очень большой натяжкой может быть отнесен к оперативному искусству и стоит на три или четыре ступени ниже первого блицкрига. Еще больше осложняет дело то, что существуют и другие сходные понятия — маневренная война и так называемая глубокая операция. Постараемся разобраться, кто есть *wer* в этой запутанной истории.

Итак, мы возвращаемся в самое начало XX века. Только что подписан договор о «Сердечном согласии» между Францией и Россией, после чего Германия сразу оказалась перед

неприятной перспективой войны на два фронта. Правда, пока еще немцы пребывали в блаженной уверенности, что Великобритания воздержится от участия в европейском конфликте, однако исход войны даже с франко-русским блоком выглядел не столь определенным, как хотелось бы германским стратегам. Избежать войны на два фронта можно было единственным способом — стремительно разгромив одного из противников до того, как второй успеет прийти ему на помощь. Первая жертва определилась сразу — Франция. Даже прусский Генштаб правильно оценил российские просторы, которые делали скоротечную войну невозможной.

Скоротечная, молниеносная война — она виделась немецким генералам панацеей от всех проблем. Они охотно вспоминали завершившуюся не столь давно франко-прусскую войну, в ходе которой им потребовалось всего несколько недель, чтобы разгромить французскую армию. Однако те же самые генералы как-то забывали, что война не завершилась капитуляциями в Меце и Седане, ведь была еще затяжная осада Парижа, формирование новых французских армий, новые бои. И вообще вся война затянулась почти на год, а потому понятию «молниеносная» уже никак не соответствовала. За 10 месяцев можно было отмобилизовать даже неуклюжую царскую армию и начать наступление, которое вполне могло оказаться губительным для Германии. Рассуждать на тему Русско-японской войны прусскому Генштабу казалось вообще просто неприличным. Ведь все победы, которые одержали японцы, так и не привели к желанному результату — разгрому российской армии. Это было совершенно неправильно с точки зрения военного искусства, а потому рассмотрению и анализу не подлежало.

Увы, германские вояки мыслили старыми категориями, в рамках сугубо военных доктрин. Они не заметили изменений, происшедших в последнее время в самом характере войны. Раньше все было просто: разгромил армию, захватил царя (короля, императора, падишаха, хана — подставить нужное), занял столицу — и, пожалуйста, война окончена. Однако войны второй половины XIX века показали, что этого мало. Нужно еще сокрушить экономическую и политиче-

скую структуры противника, то есть война превратилась в тотальную. А в тотальной войне молниеносная победа невозможна по определению.

Но если человек не желает мириться с каким-то неприятным фактом, он его просто не замечает. Так и поступили германские генералы. Они **постулировали**, что сумеют добиться молниеносной победы, вопреки опыту последних войн, и приступили к разработке нового стратегического плана. Возглавлял работу начальник прусского Генерального штаба Альфред фон Шлиффен, поэтому естественно, что план получил его имя.

Шлиффен на бумаге легко разгромил Францию, отведя на захват Парижа 39 дней, а на капитуляцию щедрой рукой отвалил целых 42 дня. Увы, как очень часто бывает с составителями военных планов, он сыграл сразу за обе стороны, вынудив бумажных французов действовать именно так, как того хотелось ему. Хуже того, планом не были предусмотрены вообще никакие отступления от графика, не рассматривались никакие непредвиденные случайности, хотя еще, кажется, Наполеон сказал, что любой план существует до первого выстрела. Шлиффен, наоборот, был уверен, что его план просуществует до **последнего** выстрела. Недостатки этого плана мы рассмотрим чуть позднее, а сейчас поговорим о тех крайне неприятных для немцев вещах, которые становились ясными при первом же взгляде на план Шлиффена.

Дело в том, что и идея молниеносной войны, и стратегический план предусматривали разгром не успевшего отомобилизоваться противника. То есть Германия априори становилась **агрессором**. После этого никакие рассуждения о миролюбивом характере Германской империи, о вынужденной защите своих интересов не стоили и ломаного гроша. Но мало того, план изначально предусматривал вторжение на территорию нейтральных государств — Бельгии, Голландии и Люксембурга. И если нападение на Францию германская военщина еще пыталась как-то объяснить угрозой реванша за 1870 год, то эту агрессию объяснить и оправдать было не-

возможно ничем. Собственно, Шлиффен это и не пытался. Как заметил Наполеон, правда, по другому поводу: «Большие батальоны всегда правы». Пруссаки сделали это высказывание универсальным объяснением. Кстати, наверное, поэтому германские историки рискнули впервые опубликовать меморандум «Война против Франции», в котором был изложен план, только в 1956 году.

В чем же заключался план Шлиффена? Он планировал сосредоточить на Западном фронте 91% всех войск Германской империи и широким охватывающим движением правого крыла через Бельгию, Голландию и Люксембург постараться выйти в тыл французским армиям, стоящим на границе. Собственно, здесь уже заключалось первое слабое место плана. Если посмотреть на карту, то выяснится, что французские армии оказываются в полуокружении. Ситуация неприятная, что и говорить, но ведь не смертельная. Обо всем дальнейшем план Шлиффена помалкивал. Точнее, Шлиффен опять же постулировал, что военные действия на Западе на этом завершатся. Какие у него были основания для подобного вывода? Никаких.

При этом генералу пришлось наступить на горло собственной песне. Дело в том, что главная книга, труд жизни Альфреда фон Шлиффена, называлась «Канны» и была посвящена сражениям на полное окружение и уничтожение противника. К сожалению, у германской армии просто не хватало сил, чтобы обойти французов с обоих флангов и устроить им супер-Канны. Приходилось довольствоваться малым, хотя заветная мечта оставалась. После отставки Шлиффена в 1906 году сменивший его Гельмут фон Мольтке-младший видоизменил план. Он ослабил правый фланг и усилил левый — а вдруг все-таки получится. Он отменил вторжение в Голландию — и без того врагов хватает. При этом, однако, были сэкономлены значительные силы, которые позволяли компенсировать отправку части войск на левый фланг. Впрочем, основные положения плана сохранились со всеми их достоинствами и недостатками.

План Шлиффена, к несчастью для немцев, был порочен

изначально и не имел никаких шансов на успех, разве только если французы начнут играть в поддавки. А вместе с планом рухнула и идея молниеносной войны. Кратко перечислим факторы, которые привели к плачевному для немцев итогу, причем многие из них можно было предвидеть заранее. Первый: бельгийцы оказали ожесточенное сопротивление и задержали немцев на некоторое время. Второй: неожиданно появившийся Британский экспедиционный корпус также задержал продвижение германской 1-й армии, нарушив все графики. Мало того, армия была вынуждена повернуть восточнее и вместо обхода Парижа подставила свой фланг под удар гарнизона французской столицы. Третий: русские завершили мобилизацию гораздо раньше, чем предполагали немцы, и перешли в наступление. Молотке обвиняют за отставку двух корпусов на Восточный фронт, но каков был бы прок в полуокружении французской армии, если бы в это же время русские ворвались в Берлин? А такая перспектива была вполне реальной. Четвертый: французские железные дороги сработали просто великолепно и обеспечили оперативную доставку подкреплений на угрожаемые направления. Пятый: возникшие у немцев проблемы снабжения. Шлиффен вообще не рассматривал этот вопрос, совершенно забыв слова Наполеона: «Тайна войны — в сообщениях». Немцы так и не сумели наладить нормальную доставку снабжения, боеприпасов и подкреплений наступающим армиям. Шестой: ставка германского командования находилась слишком далеко от линии фронта и совершенно неадекватная связь привела к тому, что командование потеряло управление войсками. Каждая армия действовала самостоятельно, вынужденно реагируя на перечисленные выше изменения ситуации, но действия армий не были скоординированы между собой. Седьмой: план требовал совершенно нереальных темпов наступления от правофланговых 1-й и 2-й армий. На бумаге такое допустимо, в реальности — нет. Не в человеческих силах совершать форсированные марши месяц подряд. Два дня, три, ну неделя на крайний случай, но не более.

Короче, Шлиффен собирался наступать в полном соответствии с принципом небызывестного полковника Вейро-

тера, высказанным еще в 1805 году перед Аустерлицем: «Действия противника не предусмотрены!» Поэтому совсем не удивительно, что первая попытка большого блицкрига с треском провалилась, и «чудо на Марне» вряд ли стоит такого звонкого титула. Не более чем «удача». А провал идеи молниеносной войны означал неизбежное поражение немцев, что и произошло.

Как мы прекрасно знаем, Первая мировая война естественным порядком перетекла в целую серию гражданских войн, шедших совершенно по-разному и завершившихся диаметрально противоположными результатами. Они дали толчок развитию так называемой теории так называемых революционных войн, но самое любопытное — родила фантом¹, именуемый «глубокой операцией».

Как все это происходило? Разумеется, после окончания войны началось переосмысление полученного опыта и попытки предугадать характер будущей войны. Дело в том, что в годы Первой мировой войны полководцы всех стран пытались решить новые задачи старыми средствами — массивным пехотным наступлением. Однако после появления пулеметов и проволочных заграждений это вело лишь к колоссальным и совершенно бессмысленным потерям. Сосредоточение чудовищного количества артиллерии и килотонны снарядов, обрушенных на позиции противника, никак не помогали несчастной пехоте, потому что позади передовой позиции находилась вторая, третья и так далее. Поэтому рано или поздно (обычно рано) пехота упиралась все в ту же непреодолимую стену.

Наиболее значительный шаг в деле помощи пехоте сделали англичане, которые первыми применили танки. Однако сказав «а», они так и не сумели сказать «б». В английской армии танк оказался намертво привязан к пехоте, превратившись в некое подобие бронированной батальонной пушки, которая должна своими гусеницами рвать проволочные заграждения, а огнем уничтожать вражеские пулеметы. **И только!** То есть танки появились, но появления танковой войны еще предстояло ждать очень долго. Уже в 1925 году

фельдмаршал Хейг, первым применивший танки в бою, заявлял: «Некоторые энтузиасты прогнозируют, что самолет, танк и автомобиль заменят лошадь в будущих войнах. Я целиком за танки и самолеты, но они — только приложение к человеку и лошади».

Ничуть не лучше выглядели теории, которые в 1920-х годах создавались в других странах. И не стоит упрекать в этом военных. Новые системы оружия (танки и самолеты) пока еще не вылезли из мокрых пеленок, и просто невозможно было угадать в них то, что в самом ближайшем будущем перевернет все привычные представления о характере войны. И уже одно это делает безосновательными все претензии на новаторство идей, высказанных советскими теоретиками — А.А. Свечиным, В.К. Триандафиловым, М.Н. Тухачевским. Танки и самолеты того времени могли выполнять только вспомогательные, подчиненные задачи.

Позволю себе маленькое отступление. Как раз в это время разгорелась нелепая и смешная «марочная война» между Францией и Италией. Итальянцы выпустили серию марок, чтобы увековечить достижения отечественной науки — аэропланы, автомобили, катера на подводных крыльях. Французы немедленно отреагировали на происки заклятых соседей и выпустили свою серию марок, доказывая, что они изобрели все то же самое, только еще **первее**. В общем, они договорились до того, что галлы летали на самолетах, а Коллизей освещался электрическими лампами. Поэтому фраза «Киевская Русь искони была родиной слона» за границей была пущена в оборот гораздо раньше, чем в СССР, так как гальский слон всегда был самым сильным в мире.

Более того, если внимательно прочитать работы советских теоретиков, выясняется интересная деталь. Наш «блицкриг» не мог быть блицкригом в принципе, потому что описывается обычная общевойсковая операция, в которой главная роль отводится по-прежнему пехоте. Темп наступления в этой так называемой «маневренной» войне не должен (не должен!) превышать 10 км в сутки, потому что иначе не удастся подтянуть тылы и обеспечить снабжение. Все эти офи-

церы упорно увязывают темп наступления со скоростью перешивки железнодорожного полотна, потому что снабжение армий может вестись только по железной дороге. Кстати, они подчеркивают несостоятельность попыток организовать снабжение с помощью гужевого транспорта, или попросту телег, но ни слова не говорят об автомобильном транспорте. Вся автомобилизация у них ограничивается переводом артиллерии с конной на механическую тягу.

Вот цитата из Триандафилова, которая сразу все расставляет на свои места:

«Применение танков связано с местностью, поэтому они должны быть направлены в район тех корпусов, которые действуют на благоприятной для работы танков местности. Корпуса, усиливаемые танками, передают часть следовавшей за ними добавочной артиллерии соседям, лишенным поддержки танков. Операция, как будет указано, будет длиться не менее 5—7—10 дней. Танки по своим свойствам могут работать непрерывно не более двух суток, после чего требуется отдых на два дня для просмотра механизмов. Поэтому если танки нужны не для одного прорыва, а для участия во всей операции, то распределение танковых батальонов и порядок подтягивания их к фронту должны обеспечить смену танковых батальонов 1-го эшелона через каждые двое суток».

Он совершенно четко пишет, что **танки приданы пехоте**, а не наоборот, как это предусматривает теория блицкрига. Более того, танковые силы раздроблены на батальоны. Какой это блицкриг?! Еще больше осложняет дело то, что книга Триандафилова «Характер операций современных армий», по сути, является почти полным аналогом упомянутого меморандума Шлиффена, в котором излагались основные принципы войны против Франции. Точно так же Триандафилов подробно рассказывает, где, как и какими силами следует громить ближайших соседей СССР — Польшу, Румынию и Финляндию. А общим вопросам военной стратегии уделяется гораздо меньше внимания, чем следовало бы.

Все сказанное ни в коем случае не следует рассматривать

как упрек этим людям. Это были образованные и думающие офицеры, однако они не могли сделать то, что сделать не могли в принципе. Зато квасные патриоты, попытавшиеся превратить их труды в некие откровения, дарованные свыше, заслуживают самого сурового осуждения.

Но теперь, чтобы говорить более предметно, наступило время рассмотреть и сам «*Blitzkrieg*». Впервые этот термин появляется в журнале «*Deutsche Wehr*» в 1935 году в статье, которая рассматривает перспективы выигрыша войны государствами, не обладающими достаточной сырьевой базой. В следующий раз он появляется в «*Militär-Wochenblatt*» в 1938 году, однако до начала Второй мировой войны это слово используется редко. В основе идеи блицкрига лежит использование маневра, а не уничтожения как главного способа достичь победы. Для этого проводятся операции при тесном взаимодействии всех родов войск. При этом главный удар наносят танки при поддержке моторизованной пехоты, мобильной артиллерии и авиации поля боя. Такая тактика требует высокой подвижности войск, специальной службы снабжения, надежной связи и децентрализованной структуры командования. Немецкие войска, использовавшие тактику блицкрига, избегали прямых столкновений, предпочитая нарушать коммуникации и окружать войска противника, предоставляя уничтожение котлов артиллерии и авиации. Блокировать котлы должны были пехотные резервы, не обладающие мобильностью ударных частей, которые тем временем двигались дальше. Вот и судите сами, возможно ли было разработать нечто подобное в 1920-х годах. Ответ здесь может быть только один: нет!

Однако немцы все-таки попытались. Рейхсвер создал специальный комитет по изучению опыта войны, а начальник штаба Рейхсвера Ганс фон Сект предложил изменить стратегию, утверждая, что классики (Клаузевиц, Шлиффен, Мольтке-старший) сделали из окружения фетиш. По мнению фон Секта, ключевым моментом должна была стать скорость наступления, а вместо попыток обойти противника с фланга нужно было прорвать центр одним мощным уда-

ром. Вот эта теория очень сильно напоминала «глубокую операцию», но фон Сект даже близко не подошел к идее блицкрига. Поэтому вместо того, чтобы выискивать ложные параллели между глубокой операцией и трудами Гудериана, лучше сравнить повнимательней работы Свечина и фон Секта.

Страны-победители тоже пытались разработать какие-то новые теории. Можно вспомнить книгу Ш. де Голля «За профессиональную армию», труды Дж. Фуллера и Б. Лиддел-Гарта. Но здесь не место рассказывать о них подробно, потому что, затрагивая вопросы организации и действий механизированных соединений, они также находились далеко в стороне от идей молниеносной войны. Тем более что все эти авторы пытались возродить устаревшую идею профессиональных армий, которая была полностью опровергнута опытом Второй мировой войны. Как любопытный казус можно упомянуть мнение Уинстона Черчилля, который более чем своеобразно представлял себе участие британской армии в будущей войне. Он предлагал высадить на континент «несколько бронетанковых дивизий с самым современным вооружением», обильно снабдив их стрелковым оружием для раздачи местному населению. Сэр Уинстон явно перепутал эпохи. Его предок герцог Мальборо еще мог пополнять свою армию, наловив — то есть завербовав — крестьян в ближайших деревнях, но предлагать такое в середине XX века?! В общем, в стане союзников царили разброд и шатания. Французы стояли за то, чтобы распределить танки по пехотным дивизиям, сохранив за ними ту же роль, что и в годы прошедшей войны. Англичане все-таки стояли за формирование танковых бригад, но при этом намеревались превратить их в нечто подобное бронированной кавалерии, совершенно оторванной от других родов войск. И только немцы выбрали правильный путь.

Правда, отношение к человеку, внесшему огромный вклад в развитие теории блицкрига и ее практического применения, зачастую становится каким-то истерическим. Как говорится: а потом пришел Гудериан и сказал: «Да будет

свет!» В смысле блицкриг. И он стал. И увидел Гудериан, что танк хорош, и отделил его от пехоты. И назвал Гудериан танк решающим оружием, а пехоту — силами поддержки... Ладно, оставим шутки и перейдем к серьезному рассмотрению разработанной Гудерианом тактики.

Представьте танковую дивизию, ведущую наступление. Впереди фронта движется разведка, чьей задачей является прощупывание вражеских позиций. Эти разведывательные подразделения состоят из броневедомств, осматривающих главные дороги, и мотоциклистов, обшаривающих проселки. Их сопровождает артиллерийский офицер и офицер связи Люфтваффе. В случае необходимости они быстро вызывают огневую поддержку. Обнаружив противника и сообщив командованию, разведка должна попытаться обойти главные позиции, действуя как можно стремительней, чтобы сохранить темп продвижения. Она должна сохранять постоянную радиосвязь с командиром части, который регулирует темп наступления и решает, должны ли войска обойти обнаруженный опорный пункт противника или уничтожить его. Командир тоже находится впереди и следует сразу за авангардом. Если он решает начать атаку, он отдает приказ авиации. Войска наносят удар как можно быстрее, прямо с марша. Атака ведется на узком фронте как можно более крупными силами.

Центр тяжести усилий атакующих (*Schwerpunkt*) находится на выбранном командиром участке. Он должен иметь там подавляющее превосходство в силах — так советовал Гудериан. «*Klotzen nicht Kleckern!*» (Ударьте крепко, а не шлепайте!) Целью первой атаки является прорыв вражеского фронта. Через брешь немедленно проходят свежие силы, которые развивают наступление, обходя главные позиции врага. Такая тактика имеет своей целью вывести танковые подразделения за линию фронта, чтобы они могли перерезать вражеские коммуникации.

Сразу за ударной группировкой следуют силы поддержки, которые состоят в основном из моторизованной пехоты. Их задачей является ликвидация оставшихся узлов сопротивления противника, расширение прорыва вражеского

фронта, закрепление флангов. Расширение участка прорыва необходимо, чтобы сохранить брешь во вражеском фронте. Еще раз подчеркнем принципиальное отличие тактики блицкрига от всех остальных методик: пехота поддерживает действия танковых частей, но не наоборот! После прорыва фронта ударная группировка продолжает мчаться вперед, имея целью окружить как можно более крупные силы противника. Чем быстрее и глубже она проникнет во вражеские тылы, тем больше получится котел, тем больше будет хаос и паника. Принципом Гудериана было развитие успеха. В случае неудачи он стремительно перебрасывал войска на другой участок фронта, где они могли принести больше пользы, и не пытался переломить ход неудачного боя. Такие операции требовали большой слаженности разнородных сил, хорошего командования и надежной связи, а также, если возможно, и внезапности. Вместо долгой подготовки, затяжного маневрирования и массированного артиллерийского обстрела перед атакой, которые давали противнику время подготовиться к отражению удара, Гудериан предпочитал создать подавляющее превосходство в силах на узком участке фронта и нанести внезапный сокрушительный удар. Поэтому неудивительно, что он заработал прозвища *Schnelle Heinz* (Стремительный Гейнц) и *Heinz Brauseweter* (Гейнц — Горячая голова).

Далее. Особое внимание Гудериан уделял оперативности управления. Командиры танковых частей должны следовать в боевых порядках. Однако в этом плане немцы часто перегибали палку. Да, для командира полка или дивизии это естественно. Но зачем сам Гудериан вылезал на передовую, да так, что был вынужден участвовать в перестрелках? Это не задача командующего армией. Или зачем Роммель лично проводил колонны грузовиков со снабжением к находящимся в полуокружении частям? Не следовало здравую идею доводить до абсурда. Оперативность управления требовала налаживания надежной связи, и Гудериан еще в 1933 году начал требовать, чтобы **каждый** немецкий танк был оснащен рацией.

Между прочим, именно эти характерные черты блицкрига делают безосновательными претензии доморощенных патриотов, которые любят утверждать, что теория блицкрига была разработана в СССР в 1930-х годах под названием «глубокой операции». Как мы видели, это совсем не так ни с точки зрения теории, ни с точки зрения практики. Тесное взаимодействие разнородных сил могло присниться нашим генералам только в сладких снах. Даже в 1945 году состояние радиосвязи в Советской Армии было достаточно плохим, а уж в упомянутый период она вообще находилась на пещерном уровне. Так что ключевой элемент блицкрига — оперативное, тесное взаимодействие всех родов войск в период создания теории глубокой операции — был нереализуем по определению.

Если сравнить приведенное описание с положениями Триандафилова и Свечина (о Тухачевском мы поговорим чуть позднее), то сразу бросается в глаза кардинальное отличие в тактике. Если блицкриг можно уподобить уколу рапиры, наносимому в жизненно важную точку, то глубокая операция возрождает, правда на новом уровне, печально известный «русский паровой каток», которого так боялись немцы в годы прошлой войны. Недаром Триандафилов как заклинанье постоянно повторяет фразу, что наступление должно вестись на фронте 100 км и более.

Кроме того, пресловутая глубокая операция имела еще сильнейший политический привкус. Она разрабатывалась в рамках троцкистской теории «перманентной революции» и являлась, если можно так выразиться, военно-теоретической ее частью. Если внимательнее присмотреться к предложениям Свечина и Триандафилова, можно увидеть, что действия после прорыва вражеского фронта ими практически не рассматриваются. Далее советские войска должны были просто исполнять завет Чингисхана: «Вперед, к последнему морю!» Фактически теория «глубокой операции» создавалась для обоснования возможности разгрома любой европейской страны в одной, максимум двух последовательных операциях и своей главной целью ставила захват террито-

рии — в чем кардинально отличалась от теории блицкрига, главным моментом которой был разгром армии противника.

Дело в том, что после прорыва немецких танковых частей в тыл противника начиналась вторая фаза наступления — *Kesselschlacht*, то есть окружение и уничтожение войск, оказавшихся в котле. Однако заниматься этим предстояло уже менее подвижной пехоте с помощью артиллерии и авиации. Вот они, Канны, сладкая мечта дедушки Шлиффена! Однако здесь имелся один серьезный прокол, который Гудериан, похоже, не заметил. Малый блицкриг он рассматривал как чисто военный инструмент реализации большого блицкрига (политические и экономические аспекты мы рассматривать не будем). То есть немцы разрабатывали теорию блицкрига для переноса решения стратегически трудноразрешимых задач в оперативную плоскость, в то время как «глубокая операция» должна была «расширить базис войны» путем «советизации» захваченных территорий и использования их ресурсов для успешного окончания войны.

Но окружить и уничтожить армейскую группировку численностью в десятки тысяч человек — это не совсем то же самое, что прихлопнуть пехотный полк. Ладно, согласимся — дивизию. Хорошо обученные, дисциплинированные войска под руководством умелых и решительных командиров способны оказывать долгое и упорное сопротивление, что доказали советские войска зимой 1941 года, а позднее и сами немцы. Но ведь танки мчатся вперед, и в результате образуется разрыв между подвижной танковой группировкой и застрявшими частями поддержки. Любой удар в эту брешь может привести к катастрофическим последствиям. То есть, как это ни странно, абсолютно справедлив ярлык советских времен — **стратегия** блицкрига является авантюрой. Поэтому блицкриг идеально работал против охваченных паникой или не желающих сражаться войск. Тогда появляются «танкобоязнь», «котлобоязнь», прочие разновидности медвежьей болезни, и ликвидация котла не затягивается. Тогда рождается легенда.

Первыми рекламу блицкригу сделали, разумеется, аме-

риканцы. Пока этот термин оставался сугубо немецким, о нем мало кто слышал. Но вот журнал «Тайм» в сентябре 1939 года описал немецкое вторжение в Польшу:

«Линия фронта пропала. Создается впечатление, что она вообще не существовала. Это была война не на оккупацию, а война на быстрый прорыв и уничтожение — блицкриг, молниеносная война. Стремительные колонны танков и бронетранспортеров неслись через Польшу, а бомбы, градом сыплющиеся с неба, извещали об их скором появлении. Они нарушали связь, уничтожали домашних животных, разгоняли мирное население, сеяли ужас. Иногда двигаясь на 50 км впереди пехоты и артиллерии, они крушили польскую оборону раньше, чем ее успевали организовать. Затем, когда подтягивалась пехота, танки двигались дальше, чтобы нанести новый удар позади того, что ранее называли фронтом».

Ну, прямо апокалипсис какой-то. Так и видишь лейбштандарт «Адольф Гитлер», штурмующий коровник, чтобы «уничтожить домашних животных». Но мы простим журналистам красочность слога и опять займемся более серьезными вопросами.

Настало время поговорить об идеях Тухачевского. И чего только о нем не наговорили, какую только развесистую клюкву на уши не повесили! Вот, например, Суворов-Резун так его разоблачил, что костей не осталось. Дескать, проходимец и мошенник, рвущийся в Бонапарты, украл глубочайшие идеи серьезных теоретиков Свечина и Триандафилова, доведя до логичного завершения развитие теории глубокой операции.

Но увы, мы просто обязаны задать Суворову его же собственный вопрос: «Какие работы Тухачевского вы читали?» Это зубодробительный удар. Действует безотказно. Как кувалдой в челюсть. Этот вопрос я много лет задаю поклонникам Тухачевского... Тьфу, понесло меня. Конечно же, я хотел сказать «противникам Тухачевского». И вдруг совершенно неожиданно выясняется, что противники находятся в столь же затруднительном положении, как и сторонники. Они этих работ не читали. Причем не от неграмотности или

лени. Причина очень проста — таковые работы просто не существуют!

Мы привыкли к тому, что каждый крупный военный теоретик оставляет после себя если не некий «труд всей жизни», то хотя бы серьезную, объемистую книгу, посвященную стратегии или тактике. Например, «Война в воздухе» Джулио Дуэ, «Внимание танки!» Гудериана, тот же «Характер операций современных армий» Триандафилова. А какую книгу Тухачевского вы сумеете назвать? Ответ: никакой! Двухтомник избранных произведений — это не что иное, как просто сборник статей, равномерно размазанных на протяжении 15 лет и посвященных самым различным, никак между собой не связанным вопросам. При этом в 1930-х годах написаны очень немногие из них, а проблемам современной войны и вообще посвящена только одна — «О новом полевом уставе РККА». В ней Тухачевский громит всяческих западных лжетеоретиков вроде Фуллера и Лиддел-Гарта, не упускает возможности лягнуть и отечественных уклонистов. Он даже разоблачает попытки навязать самостоятельное использование танков «в отрыве от основных общевойсковых армейских масс». Вроде бы пока правильно. Однако настораживает один нюанс. Тухачевский не то что принижает роль авиации, он просто не произносит этого слова! Забудьте, статья появилась в 1937 году, в том же самом году, что и книга Гудериана. Гудериан посвящает специальную главу вопросам взаимодействия танков и авиации, Тухачевский об этом помалкивает. Дальше — больше. Танки снова оказываются приданными пехоте и кавалерии.

«Успех действий общевойскового соединения возможен лишь при условии организации бесперебойного взаимодействия родов войск. Пехота, конница и танки должны быть во всех видах боя поддержаны огнем артиллерии. При наступлении огонь артиллерии должен быть особо большой мощности как по калибрам, так и по количеству орудий. Танки, широко представленные в РККА, должны постоянно оказывать поддержку как пехоте, так и коннице. Наконец, должно быть организовано гибкое и надежное взаимодействие между танками и артиллерией».

Вот так! Где же вы тут узрели хотя бы отдаленное сходство с блицкригом? Особенно юмористически выглядит упоминание кавалерии. В общем, различия начинаются с самого первого пункта. Блицкриг требует удара по слабому пункту, Тухачевский рассуждает только о прорыве заранее подготовленной обороны. Более того, он совершенно недвусмысленно заявляет, что в бою решающие задачи возлагаются на **артиллерию**.

«Полевой устав возлагает на артиллерию решающие задачи: в период артиллерийской подготовки — подавление артиллерии; уничтожение обнаруженных противотанковых средств и подавление районов их вероятного нахождения; разрушение (подавление) НП и отдельных укреплений, особенно бетонных точек, не поддающихся воздействию танков; подавление пулеметной системы на участках, которые не атакуются танками или для их атаки недоступны».

Ну и далее, все пункты приводить нет смысла. Перед нами типичные, очень сильно опоздавшие рассуждения, так сказать, остроумие на лестнице. Если бы все это излагалось перед первым наступлением англичан под Камбрэ, этим / можно было бы даже восхититься. Однако прошло уже 20 лет, и характер войны резко изменился, а Тухачевский все еще мыслит категориями позиционной войны.

Еще интереснее представляется предложенная им классификация танков. Мы видим танки поддержки пехоты (ПП) и танки дальнего действия (ДД). Безусловно, стоило с таким жаром обличать английских теоретиков, чтобы ввести придуманные ими пехотные и крейсерские танки, хотя и завернув их в новые обертки. Только вот что интересно. Если у тех же англичан пехотные и крейсерские танки резко различались толщиной брони, то у нас, увы, разница совсем невелика. Толщина брони пехотной «Матильды I» достигала 60 мм, а крейсерского Mark III — всего 14 мм. О модификациях мы пока говорить не будем. А что у нас? Танк ДД, то есть БТ-7, — броня 20 мм, танк ПП, то есть Т-28, — 30 мм. То есть Тухачевский мало того, что тянет в прошлое, так еще и предла-

гает использовать некий фантом, не существующий в природе.

Впрочем, если кто-то думает, что ситуация с танками у немцев была принципиально лучше, он сильно ошибается. В следующей главе мы рассмотрим этот вопрос более подробно. А пока ограничимся замечанием, что, судя по всему, тактика блицкрига была своеобразным «свидетельством о бедности», точно так же, как и стратегия. Действительно, какими танками располагала немецкая армия в середине 1930-х годов? Грозными боевыми машинами типов Т-I и Т-II. С ними о прорыве укрепленных полос не следует даже и мечтать. Самое разумное — искать слабые места в обороне, ведь не самоубийцы же немецкие командиры? Вот если бы в их распоряжении в 1935 году оказалось что-то подобное «тигру», готов спорить, у них тут же возник бы соблазн проломить оборону противника без всяких хитростей, так сказать, силовым приемом.

Резюме. Из всего сказанного выше следует очень простой вывод. Блицкриг является чисто немецким изобретением. Англо-французские теории использования танков оказались совершенно неверными, за что эти страны дорого заплатили в годы Второй мировой войны. Советские работы, при всем **внешнем** сходстве с теориями Гудериана, говорили совсем об ином. Да и не было в распоряжении РККА надлежащих боевых средств для реализации идей блицкрига.

Глава 2

ВЕЛИКИЙ ТАНКОВЫЙ СКАНДАЛ

Несколько странное название, однако иначе невозможно охарактеризовать состояние танковых войск практически всех стран — участниц Второй мировой войны в тот момент, когда они в эту войну вступили. Причем речь не идет о какой-нибудь там Италии, танки которой не способны вызвать никакого иного чувства, кроме острой жалости. Со всем не блестяще обстояли дела на родине блицкрига в Гер-

мании и в готовящемся к освобождению всех и вся миролюбивом Советском Союзе.

Итак, к середине 1930-х годов все страны признали ценность танка как системы вооружения, хотя кое-кто по-прежнему утверждал, что старый добрый боевой лошак еще себя покажет. Появились книги Фуллера, Лиддел-Гарта, Эймансбергера, Гудериана, де Голля, посвященные анализу возможностей танка и его боевого применения. Однако было бы сильным преувеличением сказать, что эти книги оказали заметное влияние на мышление соответствующего Генерального штаба. Их рассматривали, скорее, как интеллектуальные управления, не лишённые, впрочем, ограниченного практического значения. Подчеркну — именно **ограниченного**.

Доктрине Джулио Дуэ в этом отношении повезло заметно больше. Огромный стратегический бомбардировщик выглядел куда эффективнее самого тяжелого (на тот момент) танка. К тому же эта доктрина соответствовала настроениям, царившим в странах Запада. Чудовищные боины Первой мировой войны (Сомма, Верден и другие) психологически надломляли целое поколение. Это вам не вьетнамский или афганский синдром, затронувший только участников войн, число которых, кстати, было невелико по сравнению с миллионными армиями Первой мировой. Нет, эта резня ударила по всему населению стран-участниц, и совсем недаром именно в это время переживает очередной ренессанс идея маленьких профессиональных армий. Поэтому идея воевать только силами авиации, вообще не входя в соприкосновение с противником, выглядела очень заманчивой. Тем более что возможные потери экипажей не казались странными даже самым отчаянным пессимистам.

Танку, к сожалению, обязательно требовался противник, причем не где-то далеко, за Ла-Маншем, а вот тут, в пределах прямой видимости. Поэтому его развивали, но как-то вяло, по обязанности, что ли? А вдруг не пригодится? Главным же фактором, повлиявшим на появление более чем причудливых образцов, было то, что все предложения и идея

оставались чисто умозрительными. Проверки в бою они не прошли, поэтому совершенствовать танк на основе боевого опыта было просто невозможно. Любая система оружия требует проверки именно боем, лишь тогда ее можно довести до конструктивного совершенства. Вы обратили внимание на то, что пехота всех стран — участниц Второй мировой войны была вооружена винтовками, созданными на грани XIX и XX веков? Колоссальный опыт, полученный в ходе многочисленных больших и малых войн, привел к созданию идеальных конструкций, и все улучшения шли лишь за счет новых технологий, ничего не менявших принципиально. И лишь появление автоматического оружия снова заставило конструкторов сесть за работу. Танк, а тем более танковые войска столь долгой истории не имели. Вот и получилось то, что получилось.

Разумеется, история блицкрига неотделима от истории развития танков, прежде всего немецких, и других систем вооружения. При более внимательном изучении этих вопросов становится понятным, почему в одних странах, если уж говорить совсем точно — в одной стране, появилась тактика блицкрига, а в других — нет. Более того, она там не могла появиться **в принципе**, даже в самом конце Второй мировой войны.

Поэтому мы кратко рассмотрим состояние бронетанковой техники и танковых войск на сентябрь 1939 года, когда началась Вторая мировая война, и на июнь 1941 года, когда началась Великая Отечественная война. При этом мы постараемся проанализировать, насколько и то и другое было пригодно для использования по своему прямому назначению и для реализации идей блицкрига. Такая постановка вопроса может показаться парадоксальной, однако для нее имеются веские основания. Понятно, что любая войсковая операция требует взаимодействия разных родов войск, и декларировали это все уставы всех стран. Однако многие ли реально готовились налаживать это самое взаимодействие? Или чаще произносились голые декларации, не подкрепленные никакими реальными мерами?

Первую реальную проверку современные танки прошли во время Гражданской войны в Испании. Ее уроки были тщательно проанализированы, хотя этих самых уроков оказалось немного и проверка оказалась довольно однобокой. Танки применялись в весьма ограниченных масштабах, от случая к случаю, поэтому никаких выводов относительно тактики их действий сделать не удалось. Зато в отношении техники выводы последовали очень и очень серьезные, они в корне изменили представление о возможностях танков, а как следствие — повлияли на их конструкцию. Причем эти выводы, в общем-то, не были неожиданными. Странно только, практически все, увидев определенные недостатки тогдашних танков, никаких мер не приняли.

Известный английский теоретик Фуллер писал: «В Испании я видел три типа танков: итальянские, немецкие и русские. Но все три были всего лишь дешевым массовым продуктом, а не результатом тактических исследований.

По моему мнению, эта война доказала, что легкий танк совершенно не принадлежит к боевым машинам. Это неважно бронированная разведывательная машина, которая может стать очень эффективной, если удлинить ее шасси. В своем настоящем виде легкий танк на пересеченной местности напоминает эсминец в бурном море. Кроме того, внутреннее пространство для экипажа настолько мало, что люди чувствуют себя как в самоходном гробу. Это плохо сказывается на морали».

Французы еще в 1937 году тоже высказали свое мнение: «Немецкие танки стали крупным разочарованием (экипаж 2 человека, 50 км/ч, 2 пулемета, почти бесполезная броня).

Никакой защиты от вражеских противотанковых орудий или от пуль стрелкового оружия. Этот опыт дает германскому Верховному командованию повод серьезно задуматься.

Германская танковая дивизия оскандалилась, даже еще не будучи созданной.

Французские танки, более тихходные, но гораздо лучше бронированные, остаются «королями поля боя».

Оптимизм суть бодрое мироощущение, но здесь францу-

зы явно хватили через край, в чем им предстояло убедиться в не столь отдаленном будущем.

А вот меморандум германского Генерального штаба от 30 марта 1939 года: «В конце октября 1938 года имелись 2 танковых батальона из 3 рот каждый. Одна рота в каждом батальоне была оснащена трофейными русскими танками. Роты, оснащенные немецкими танками, имели по 16 танков каждая.

Немецкие пулеметные танки никогда не использовались в бою целыми батальонами. Обычно танки мелкими группами придавались пехоте и сопровождали ее, как бронированное тяжелое пехотное оружие.

В целом танки использовались в Испании в малых количествах и без средств поддержки. В основном они уступали противотанковым средствам и лишь изредка их превосходили, хотя они также имелись лишь в небольших количествах.

45-мм пушки русских танков стреляют фугасными снарядами по очень крутой траектории. Эффективность этих снарядов неудовлетворительна. Бронебойные снаряды выпускаются по более пологой траектории. Из-за плохого качества стали бронепробиваемость русских бронебойных снарядов заметно ниже, чем у соответствующих немецких бронебойных снарядов. Русские бронебойные снаряды могут пробить 40-мм броню только с дистанции 100 метров. Вдобавок до 75% донных взрывателей не срабатывает.

Сначала люди охотно вербовались в танковые войска армии Франко. Но после первых потерь, когда все увидели, как выглядит внутри сгоревший танк, первоначальный энтузиазм быстро угас. Сегодня, кроме добровольцев-энтузиастов, захваченные русские танки комплектуют помилованными преступниками или испанцами, перед которыми ставят выбор: тюрьма или танковая атака».

Но рассмотрим самое интересное для нас — историю немецких танков, или, как сейчас стало модно их называть, *Panzerkampfwagen*. Прелюбопытная история получается с множеством зигзагов, отступлений и крайне непонятных решений, объяснить которые никакая логика не в силах. Вообще создается впечатление, что танковые войска и Департа-

мент вооружений сухопутных сил (Heeres Waffenamt) существовали в параллельных плоскостях, никак не пересекаясь и не соприкасаясь. Впрочем, это нормальное положение в царстве победившей бюрократии, вне зависимости от ее конкретной национальной принадлежности. И даже хваленый немецкий порядок от этого не спасает. Единственное, что хочется спросить: как получалось, что офицер, переходя из полка в департамент, моментально превращался в заядлого бюрократа и тут же забывал, как он сам на все корки ругал эти проклятые канцелярии.

Чтобы не быть голословным, я приведу выдержки из меморандума этого самого Департамента вооружений от 30 октября 1935 года, после прочтения которого возникает масса вопросов.

«M.G. Panzerwagen (La.S)

Пулеметный танк, вооруженный двумя 7,9-мм пулеметами, наименее пригоден для наступательных действий танковых частей. Однако после создания специальных боеприпасов он может использоваться против бронеавтомобилей и танков, защищенных противопульной броней.

M.G. Panzerwagen (2 cm)

Этот танк может успешно сражаться с бронеавтомобилями. Он также может проявить себя в бою с танками, имеющими аналогичную броневую защиту (14 мм). Против старых танков Рено М17 (толщина брони 22 мм) эффективные попадания можно ожидать на дистанциях менее 700 метров.

Против легких танков Рено NC37 и NC31 (толщина брони до 30 мм), а особенно против танков с 40-мм броней этот танк практически бесполезен.

Zugfuhrerwagen (Z.W.)

На дистанции 700 метров 37-мм снаряд может пробить 22-мм броню. Этого достаточно для борьбы с Рено NC27 и NC31, исключая участки с броней 30 мм.

Появления первого экспериментального танка с 37-мм пушкой следует ожидать в ноябре 1935 года. Учитывая ожидаемое увеличение толщины брони французских танков, следует попытаться увеличить бронепробиваемость на дис-

танции 700 метров с 22 до 27 мм, установив 37-мм противотанковую пушку L/65 вместо L/45.

Begleitwagen (B.W.)

75-мм пушка этого танка L/21 может пробить 43-мм броню на дистанции 700 метров. Если говорить только о бронепробиваемости, танк вполне равен новым французским танкам.

Начальная скорость снаряда может быть увеличена для борьбы с танками Char 2С, 3С, D, но это приведет к созданию совершенно нового танка. Опираясь на расчеты, можно видеть, что вес танка вырастет до 30 тонн при толщине брони до 20 мм, что уже не вполне достаточно для защиты от 20-мм снарядов.

Если подвести итог всему, изложенному выше, то можно сделать вывод, что созданные ранее танки вполне способны к наступательному бою, кроме как с самыми тяжелыми французскими танками. Необходимо, чтобы они имелись в достаточных количествах для формирования соединений, которые будут располагаться недалеко от линии фронта для компенсации их недостаточной подвижности.

Требования:

1. Можно более не требовать создания среднего танка весом около 30 тонн с 75-мм пушкой, имеющей скорость снаряда 650 м/сек.

2. Разрешить создание 50-мм противотанковой пушки, способной пробивать 40-мм броню на дистанции 700 метров. Решение вопроса о том, следует ли вооружать танки такой пушкой, можно отложить».

Потрясающе! Документ констатирует, что вооружение немецких танков не способно бороться с уже существующими французскими танками, ориентация на отстрел несчастных «Рено М17», которым в обед сто лет будет, несерьезна. А ведь в будущем ожидается появление танков с еще более толстой броней. Но при этом делать ничего не следует. В крайнем случае — отложить решение вопроса. Классический бюрократический подход! Уже в 1935 году немцы прекрасно понимают, что несчастный Т-І решительно ни на что

не пригоден, однако сколько еще лет продолжается производство этой машины?! Конкретно — до конца 1938 года. За чем?! Никто не может сказать. Резерв времени у немцев еще имеется, до начала войны четыре года, и можно успеть сделать очень и очень многое. Однако вопрос о перевооружении Т-III 50-мм пушкой откладывается, а от установки на Т-IV длинноствольной 75-мм пушки отказываются вообще. И так сойдет! В результате Панцерваффе начали войну с тем, с чем начали, хотя имелись все предпосылки для коренной замены образцов танковой техники на основании имеющегося опыта. Так что наши историки напрасно обвиняют немцев в том, что они не видели преимуществ мощных пушек. Все они видели! Только почему-то решили, что им это не нужно. Классическая ошибка догматиков — если что-то хорошо сегодня, оно будет хорошо завтра и будет хорошо всегда. Увы...

С надежностью танков у немцев пока что дела тоже обстоят не лучшим образом. В марте 1938 года танки Т-I приняли участие в аншлюсе Австрии. 2-я танковая дивизия генерала Гудериана за двое суток совершила 420-километровый марш-бросок. При этом до 38% танков вышли из строя из-за недостаточной надежности и были оставлены на обочинах дорог. После этого «похода» Гудериан остро поставил вопрос об улучшении системы эвакуации и ремонта танков. Вот она, организация службы в танковых частях! При оккупации Судетской области Чехословакии в октябре 1938 года ситуация значительно улучшилась, хотя сильнее от этого несчастная танкетка так и не стала.

Итак, 1 сентября 1939 года Германия развязывает Вторую мировую войну, вторгнувшись на территорию Польши. Кое-кто утверждает, что к этому времени Панцерваффе являлись главной ударной силой Вермахта, что немцы отлично подготовились к войне и учли все уроки Испании. Не слушайте этого «кое-кого», он вам не друг, потому что пытается нагло вас обмануть. Вот с какой «кунсткамерой» начали войну умные и методичные немцы: 1445 — Т-I, 1223 — Т-II, 98 — Т-III, 211 — Т-IV, 202 — 35(t), 78 — 38 (t) и 215 командирских танков. Простите, а может, нам изменяет зрение? Ведь мы

совсем недавно видели официальные документы, в которых немецким по белому писалось, что пулеметные танки не имеют решительно никакой боевой ценности. И вдруг выясняется, что из 3472 танков (тоже, кстати, потрясающая цифра) 41% составляют маленькие игрушки для больших мальчиков. Или наоборот — большие игрушки для маленьких мальчиков. А еще 35% численности приходится на танк, который может бороться с любым танком прошлой войны, хоть со знаменитым «Рено М17». Правда, не всегда и не везде. Если же сюда прибавить командирские танки, которые, безусловно, нужны, но все-таки к боевым машинам не относятся, то получится результат, который заставляет задуматься. 83% немецких танков носят гордое имя «танк» по существу недоразумению, наверное, вместо Panzerkampfwagen I лучше было бы называть соответствующий образец Panzerfälschung I. В общем, можно сделать странный вывод: Германия начала войну, не имея танковых войск. Грозные Панцерваффе в действительности были фальшивкой, бумажным тигром. Просто против этого бумажного тигра Англия и Франция выставили вообще мыльный пузырь.

Союзники при создании танковых войск использовали два диаметрально противоположных подхода. Французы чисто механически перетащили опыт Первой мировой войны на современность, решив, что единственной задачей танков была есть и будет поддержка пехоты, а сами по себе они никакой ценности не представляют. Правда, первой к формированию собственных танковых частей приступила кавалерия, а не пехота, в составе которой были созданы легкие механизированные дивизии. В свое время братья Стругацкие в «Сказку о тройке» ввели сатирический персонаж — полковника мотокавалерийских войск — и высмеяли апокалипсические видения лошадиных морд, торчащих над бортами бронетранспортеров. Однако в составе этой французской дивизии числились механизированные драгуны — и ничего.

Позднее французы начали формирование танковых дивизий. Впрочем, мы снова сталкиваемся с тонкостями перевода. *Division Cuirasse* при желании можно перевести и как

кирасирскую дивизию. Но главным было не это. В марте 1940 года основная масса французских танков была сведена в батальоны и роты и роздана пехотным дивизиям. В полном соответствии с доктриной. Были танки — и не стало их, ищи-свищи. Если говорить только о численности, то Франция к маю 1940-го обладала внушительным количеством танков: 314 — В-1, 210 — D-1, 1070 — R-35, AMR и AMC, 308 — H-35, 243 — S-35, 392 — H-38, H-39, R-40, 90 — FCM. Кроме них, имелось около 2000 старых танков F-17, которые стояли на складах, причем до 800 машин были боееспособными. К этому следует добавить около 600 броневедомоцилов и 3500 бронетранспортеров. Однако французы сумели организовать дело так, что вся эта бронированная толпа имела практически нулевую боевую ценность. Кстати, вот попало хорошее словечко, идеально характеризующее ситуацию, — «толпа».

После всего сказанного, казалось бы, проще всего разгромить и раскритиковать конструкцию французских танков. Какие-то они смешные. Но давайте не будем торопиться. Прежде всего французы первыми начали строить танки с противоснарядным бронированием. До начала войны в Испании оставалось еще несколько лет, а толщина брони французских танков уже достигла 40 мм и более, в то время как остальные страны благополучно обходились броней в 20 мм. И совсем недаром немцы в своих документах раз за разом повторяют эту магическую цифру 40. У танков В-1 толщина брони достигла уже 60 мм, и о борьбе с такими чудовищами немцы даже не думали.

А теперь перейдем к недостаткам, которые сами французы недостатками не считали. Малая скорость? Однако генералы считали, что и в новой войне темпы наступления не превысят 10 километров в сутки. И вообще, если танк будет действовать совместно с пехотной цепью, зачем ему эту цепь обгонять? Можно поставить более мощный двигатель, но это будет лишний и абсолютно бесполезный вес. Два члена экипажа? А зачем больше? Командир сам увидит проклятый пулемет, до которого метров сто, сам его и уничтожит. А вертеть головой по сторонам и торопиться нет необходимости.

Пулемет стоит на месте и никуда не убежит. Некоторые сомнения вызывает пушка, но и здесь все объяснимо. Малая начальная скорость снаряда не существенна, так как стрельба будет вестись на предельно малых дистанциях. Малый калибр облегчает работу командира, у которого и так забот хватает, а пулемету и 37-мм снаряда хватит. Словом, чтобы выявить технические недостатки французских танков, требовалось вскрыть порочность доктрины, породившей их. А пока французы считали, что их танки вполне соответствующим задачам, которые придется решать армии.

А теперь перейдем к еще одной характерной конструктивной черте французских танков середины 1930-х годов, которую наши историки предпочитают в упор не замечать. Зачем? Ведь все знают, что Киевская Русь — родина слона. И Т-34 — первый танк с противоснарядной броней, расположенной наклонно. И разрабатывать его начали в 1939 году с учетом опыта войны в Испании. Но позвольте, а как же нам быть с танками Н-35, FCM-36, S-35? Которые тоже имеют наклонную броню, но при этом созданы на 5 лет раньше? Ответ простой — никак. Их можно и нужно просто не замечать.

Поговорить побольше о французских танках у нас не получится по вполне уважительной причине. Вся их боевая карьера благополучно уместилась в полтора месяца — с 10 мая по 22 июня 1940 года...

Английские же теории использования танков представляли собой совершенно безумную мешанину абсолютно несовместимых постулатов. В результате родилось то, что сами же англичане назвали «великим танковым скандалом». Как англичане могли воевать, имея **такие** танки и **такие** военные доктрины, — непонятно. Они и не воевали, но это мое личное мнение, которое я никому не навязываю. Еще граф Игнатъев в своих воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» говорил, что английские джентльмены рассматривают войну как некий рискованный, увлекательный спорт. И воззрения Королевского танкового корпуса идеально укладываются в этот шаблон. Вообще создается впечатление, что англий-

ские танкисты с удовольствием заменили бы бой неким состязанием на танкодроме со стрельбами по мишеням. Концепция крейсерского танка, которую они выдвинули, представляла собой попытку возрождения кавалерии на новом уровне — кавалерии самоценной и самодостаточной. Концепция пехотного танка напоминала французскую, но в значительно ухудшенном виде.

Крейсерские танки и поступали на вооружение бывших кавалерийских полков, сохранивших старые наименования: 7-й гусарский, 5-й уланский и так далее. Вообще названия британских полков — это отдельная песня. Да еще какая! Так хранить традиции умеют одни только англичане. Вместо пошлых номеров, вроде 123456789-й танковый полк, они бережно сохранили все средневековые названия. Черная Стража! Гнедые королевы! Дербиширские йомены! Шервудская лесная стража! Ланкаширские фузилеры! При этом встречаются уже совсем непонятные конструкции вроде: *King's Royal Rifle Corps* — Короля королевский стрелковый корпус. Причем совершенно отдельно от собственных короля полков — *King's Own Regiments*. К сожалению, все эти красоты отнюдь не повышали боевую мощь полков.

Мало того, британские танки представляли собой просто незабываемое зрелище. Вот, например, самый массовый крейсерский танк Mark VI (A15) Crusader. Его главной отличительной особенностью была совершенно необычная форма башни, которая не повторялась ни до того, ни после. Разумеется, конструкторы нашли объяснение скошенным вниз стенкам. Однако они работали так, как конструкторы явно не предусматривали, — образовав своеобразный «снарядоулавливатель». Любой снаряд, попавший в нижнюю половину башни, направлялся прямо в ее погон. Последствия предсказать было несложно. Однако на этом экзотика не заканчивалась. Конструкторы решили добавить пулеметную башенку рядом с местом водителя. Это в 1939 году!

Столь же диковинно выглядели и пехотные танки. Например, «Матильда I» при весе более 11 тонн и броне в 60 мм, что для 1937 года было очень даже неплохо, была вооружена всего лишь одним-единственным пулеметом, к тому

же пехотного калибра. Нулевая ценность такого вооружения была очевидна для всех, кроме командования Королевского танкового корпуса. Слабый и ненадежный двигатель вообще превращал «Матильду I» в ползающий (слово «самоходный» звучит как явное преувеличение) пулеметный дот. «Сегодня я видел настоящее чудо — «Матильду» на вершине холма», — говорили сами английские танкисты.

А вооружение? Оно способно вызвать слезы жалости. Дело в том, что с 1938 по 1942 год основным вооружением британских танков была 2-фунтовая скорострельная пушка нескольких модификаций. И это в то время, когда все остальные страны перешли на 75-мм пушки! Мало того, к этой самой 40-мм пушке англичане имели **только** бронебойные снаряды! Да, британские танкисты собирались воевать только с танками противника, затевая рыцарские поединки, как в добрые старые времена, и в таких случаях пушка, имевшая неплохую бронебойность, была относительно полезна. Но как быть с пехотными танками?! Они-то имели точно такую же! Никто не заметил глубокого противоречия в самой концепции. Танки сопровождения пехоты должны уничтожать уцелевшие узлы вражеской линии обороны. И что прикажете, стрелять по доту малокалиберной болванкой? Нет, если говорить строго, фугасные снаряды все-таки существовали. Однако они обладали ничтожной разрывной силой, и английские танкисты просто не брали их. Недаром, когда к нам по ленд-лизу начали поступать английские танки, возник вопрос о производстве собственных 40-мм фугасных снарядов.

Ничего не изменило и появление 6-фунтовой пушки (57-мм). Вот потому англичане долгое время считали лучшим своим танком американский «Грант», который на самом деле был паршивой машиной. Но ведь он имел 75-мм пушку!

Но будем справедливы. Немецкие танки были еще хуже, однако это не мешало немцам воевать. А вот организация танковых частей намертво перекрывала англичанам путь к блицкригу. Как мы увидим позднее, они так и не сумели освоить эту сложную науку до самого конца войны. Как мы ви-

дим, количество претендентов на владение мега-оружием «*Blitzkrieg*» стремительно сокращается.

Накануне войны британские танки были сведены в полки и бригады, дивизии появились много позднее. Их организация оставляла желать много лучшего. Даже после нескольких лет войны англичане упрямо цеплялись за концепцию **чисто танковых** соединений. В немецких танковых дивизиях имелся только один танковый полк. Остальное — мотопехота, артиллерия, разведка, связь и так далее. У англичан — танки, танки и только танки, несколько разбавленные артиллерией. В составе одного полка пехотные и крейсерские танки не уживались, поэтому полки, оснащенные крейсерскими танками, мы называем бронетанковыми (*Armoured*), а полки, оснащенные пехотными танками, носили официальное название армейских танковых (*Army tank*). Уже сама структура британских танковых бригад напрочь отсекала для них возможность использования тактики блицкрига.

Более того, англичанам, похоже, была противна сама идея массирования танковых сил, потому что в составе британской армии имелась лишь пара-тройка танковых дивизий. Танковые корпуса не формировались, и эти дивизии входили в состав обычных армейских корпусов, перемешавшись с пехотой. О создании танковых армий англичане даже не задумывались. Вообще, характерной чертой действий британских войск в эту войну была неторопливая методичность, которая по самой своей природе отрицает блицкриг. Тлеющий разряд, конечно, тоже электрическое явление, но на удар молнии он совершенно не похож.

Итак, позади осталась молниеносная кампания в Западной Европе, и главные силы Вермахта направились на Восток, где их ожидал гораздо более грозный противник. Правда, немцы его таковым не считали. Наоборот, в ходу была поговорка про колосса на глиняных ногах, и воевать с ним Вермахт собирался одной левой. Именно поэтому по результатам французской кампании если и были сделаны какие-то выводы, то мер почти никаких не приняли.

К началу июня 1941 года в составе Вермахта имелось: 877 — Т-I, 1074 — Т-II, 350 — Т-III с 37-мм пушкой, 1090 — Т-III с 50-мм пушкой, 517 — Т-IV, 170 — 35(t), 754 — 38 (t) и 330 командирских танков. То есть сохранился значительный процент «танков» нулевой боевой ценности. Ну и естественно, что в боевых частях количество танков было меньше. Так что определенные изменения все-таки заметны. Танки Т-III начали перевооружать 50-мм пушкой, однако и здесь не обошлось без приключений. Гитлер потребовал установить пушку длиной 60 калибров, но промышленность решила ограничиться гораздо менее мощной пушкой в 42 калибра. Да, такое паллиативное решение имело под собой основания. Эту пушку можно было установить в старой башне без переделок, тогда как 60-калиберная требовала изменить конструкцию. Но главной причиной, скорее всего, оказались все те же выводы. Пока все обстоит нормально, зачем стараться?

Гораздо бóльшие перемены были произведены в организационной структуре Панцерваффе. Была изменена структура танкового полка, сформированы новые танковые дивизии. Если во Франции действовала сначала одна, а потом две танковые группы, то теперь к наступлению готовились уже четыре танковые группы. Увы, от этого увеличения количества соединений число танков в них возросло совсем не в четыре раза. И перспективы новой кампании, зная немцы истинное количество советских танков, выглядели бы совсем мрачными. А ведь Гудериан еще в своей книге предрекал, что русские будут иметь около 10 000 танков, однако даже он не представлял себе истинной численности советских танковых войск. Кстати, к этой цифре немцы за всю войну даже близко не подошли, а мы ее превышали много раз.

Численность танков в немецкой армии разные источники указывают разную, но разброс, как правило, не превышает 20—30 танков каждого типа. А что противопоставила им Красная Армия? Вот здесь расхождение цифр оказывается совершенно фантастическим — от 18 до 26 тысяч танков. Опять же, в составе действующей армии танков было заметно меньше, а в западных военных округах — еще меньше. Но

любые варианты подсчета дают трех-четырёхкратное превосходство Красной Армии над Вермахтом.

Возьмем некие средние величины, которые приводит М.Б. Барятинский. На 22 июня 1941 года СССР имел 23 140 танков, Германия — 5694. В западных округах дислоцировались мехкорпуса, имевшие 10 394 танка, Германия и ее союзники выставили всего 3899 танков. Кстати, все авторы дружно упоминают о танках, закрепленных за советскими пехотными дивизиями...

Кроме того, царит всеобщее убеждение, что сравнивать качество немецких и советских танков просто смешно. Действительно, глядя на Т-І и КВ, поставленные рядом, можно лишь весело смеяться. А ведь это делает события лета 1939 года еще более необъяснимыми.

Будем справедливы: на вооружении нашей армии находились не одни только Т-34 и КВ, а также Т-26, БТ, многобашенные танки и легкие. И если мы высмеиваем — справедливо высмеиваем! — несчастную танкетку Т-І, то как мы должны оценивать Т-37 и Т-38? Тоже смеяться, поставив их рядом с Т-IV? Тот же Суворов-Резун пытается придать некий смысл существованию этих машин, утверждая, что плавающих разведчиков у немцев вообще не было. Согласен, не было. Однако их не было и в составе РККА. Извините, но какой разведчик из танкетки, не имеющей рации? Если она что-то и разведает, то как будет доносить об этом?

Впрочем, взаимоотношения советских и немецких танков были гораздо более запутанными, чем может представиться на первый взгляд. Мы привыкли к победным реляциям и фанфарам, и любое сомнение в полном и абсолютном качественном превосходстве советских танков над немецкими воспринимается как покушение на святыню.

Все авторы правильно говорят, что никакие модернизации не могли сделать из **легкого** танка Т-III средний. Можно было навесить дополнительную броню, поставить новую пушку (кстати, поставить нормальную танковую пушку периода Второй мировой войны, то есть 75-мм, так и не удалось), но все это вело к увеличению веса и, соответственно,

ухудшению характеристик. Однако те же самые авторы недолго думая утверждают, что навешивание дополнительной брони и замена пушки делают из Т-26 достойного противника Т-III. А что, характеристики этого танка не ухудшаются от увеличения веса? Ведь у него резерв для модернизации заметно меньше, чем у Т-III. В конце концов, «Виккерс 6-тонный», или Т-26, — танк другого поколения, чем Т-III, и поэтому никак не может с ним состязаться. Впрочем, точно так же, как Т-III является танком другого поколения по отношению к Т-34, и никак не может с ним состязаться. По крайней мере, на бумаге.

Но здесь на сцену выступают совсем иные факторы, которые показывают, как рискованно сравнивать бумажные, справочные характеристики с реальными боевыми даже для единичного танка. Мы приводили выше немецкий меморандум, в котором советские 45-мм бронебойные снаряды получили совершенно неудовлетворительную оценку. А ведь это не пропаганда доктора Геббельса, это серьезный документ, на основании которого немцы определяли пути развития Панцерваффе.

Но вот результаты расстрела танка Т-III на НИБТполигоне:

«Указанная немецкая цементированная броня толщиной 32 мм равнопрочна 42—44-мм гомогенной броне типа ИЗ. Таким образом, случаи обстрела борта танка под углом, большим 30 градусов, приводят к рикошету снаряда...

В данном же случае дело усугублено тем, что при стрельбе использовались снаряды выпуска 1938 г. С некачественной термообработкой корпуса, которая в целях увеличения выхода велась по сокращенной программе...

Расследование убедительно показывает, что, несмотря на указанное решение об изъятии, большое количество 45-мм бронебойных снарядов отмеченной выше части имеют такие же клейма и, видимо, тот же дефект».

Но даже при использовании новых снарядов, «свободных от указанного дефекта», лишь 2 снаряда из 5 проббили броню. А вот с нашей броней дело обстояло совсем иначе. Если мы обратимся к результатам испытаний танка Т-34 на Абердин-

ском полигоне в США, то сможем прочитать: «Химический анализ брони показал, что броневые плиты имеют неглубокую поверхностную закалку, тогда как основная масса броневой плиты представляет собой мягкую сталь». Много нареканий вызывала и ходовая часть танка — подвеска и трансмиссия. Но вернемся к делам броневым. Возьмем отчет НИИ-48, подготовленный в апреле 1942 года, в котором приводится статистика поражения советских танков броневыми снарядами. И мы увидим, что мелкие немецкие снаряды калибром 37 и 50 мм вполне исправно пробивали броню советских танков, хотя почти все попадания приходились в борта и корму корпуса и башен. Кроме того, по результатам испытания трофейных противотанковых пушек и снарядов делался мрачный вывод: наша промышленность боеприпасы такого качества освоить не сумеет.

И как грубейшую ошибку советских конструкторов можно упомянуть «грозный» КВ-2, который многие историки приводят в пример Западу. Дескать, там не создали ничего подобного. Разумеется, не создали, потому что даже и не собирались создавать. Воткнуть 152-мм гаубицу в танковую башню — такое и в кошмаре не приснится. При крене около 5 градусов эту громоздкую конструкцию уже заклинивало намертво. Можно ли было воевать на таком «танке»? Лишь в 1943 году появилось то, чем должен был стать КВ-2 с первого дня — самоходная установка СУ-152, заработавшая на Курской дуге прозвище «зверобой» за ту легкость, с которой она справлялась с «тиграми», «пантерами», «носорогами» и прочим немецким зверинцем.

И все-таки численное превосходство советских танковых войск над Панцерваффе было очень велико. Однако имелся еще один серьезный фактор, работавший против нас, — это организационная структура мехкорпусов РККА. Напомним, что немцы в составе танковой группы имели в среднем около 850 танков, разделенных между двумя-тремя корпусами, состоявшими, как правило, из двух дивизий. Кроме танков, соответственно, имелись корпусные и армейские части обеспечения и обслуживания, артиллерийские, саперные и прочие, и прочие, и прочие... А что у нас? А в РККА создава-

лись монстры типа 7-го мехкорпуса — 959 танков, 6-го мехкорпуса — 1131 танк. И это не было чем-то необычайным, ведь наш механизированный корпус по штату, утверждённому в феврале 1941 года, должен был иметь 1031 танк, то есть больше, чем немецкая танковая группа, в смысле армия. Но при этом минус все командные структуры, минус вспомогательные войска и службы. Даже если численность артиллерии, саперов и зениток в советском мехкорпусе не уступала немецкой танковой группе, они были расписаны по своим дивизиям, что крайне затрудняло маневр силами, их сосредоточение и переброску на другие участки фронта. А немецкий командир мог свободно использовать части армейского подчинения, не нарушая структуру дивизий и не ломая планы подчиненных командиров. Здесь можно напомнить пример из не слишком далекого прошлого — Мукденское сражение Русско-японской войны. Командующий русской армией генерал Куропаткин растрепал все подчиненные ему корпуса и дивизии буквально по батальонам и собственноручно создал обстановку такого хаоса и растерянности, что японцам в пору было его за это наградить. Наши гигантские механизированные корпуса летом 1941 года оказались примерно в таком же положении. Между прочим, когда позднее в Красной Армии начали формироваться танковые армии, они имели не более 700—800 танков. Видимо, это и есть эмпирически нащупанный предел управляемости танковых частей.

Но имеется еще и вторая составляющая блицкрига — авиация поля боя. Здесь нельзя ставить на «авиацию вообще», как это сначала попытались делать западные союзники. Средние и тяжелые бомбардировщики мало чем могут помочь наступлению танковых частей. Союзники попытались проделать это однажды, и все закончилось скандалом. Мы говорим, разумеется, о попытках взять город Кан в Нормандии. Мало того, что в этой операции британский полководческий «гений» Монтгомери в очередной раз показал свою полнейшую несостоятельность, так еще оскандалилась и грозная авиация союзников. Нет, свою задачу она выполнила, на головы немцев обрушились сколько-то там тысяч

тонн бомб. Но кроме вполне ожидаемых результатов внезапно появились и совсем неожиданные. Бомбардировщики союзников так здорово перекопали намеченный участок наступления, что эту полосу препятствий не сумели преодолеть даже танки. В очередной раз подтвердилась старая истина: слишком хорошо — это тоже нехорошо.

И вот с этой составляющей блицкрига практически у всех стран, участвовавших во Второй мировой войне, дела оказались весьма неважными. Это сегодня везде и всюду мелькают боевые вертолеты, вертолеты огневой поддержки и тому подобные летательные аппараты. А вот в те времена с подобными конструкциями было гораздо сложнее. Собственно, лишь пикирующий бомбардировщик отвечал требованиям, предъявляемым к самолету поля боя. Все разнообразные штурмовики и истребители-бомбардировщики соответствовали этим требованиям в лучшем случае частично. Или не соответствовали вообще.

Можно было гордо заявлять, подобно англичанам, что пикировщики их не интересуют в принципе, даже после того, как те поднесли на блюдечке маршалский жезл Роммелю, сломив сопротивление гарнизона Гобрука. Можно было говорить, что сильная зенитная артиллерия делает атаки пикировщиков слишком рискованными, но немецкие пилоты, похоже, не подозревали об этом, уничтожая одну зенитную батарею за другой.

В общем, к началу Второй мировой войны только немцы создали самолет, способный поддержать наступление танков, и, что еще важнее, создали систему взаимодействия авиации и наземных сил. Конечно, сначала дела шли не так гладко, как хотелось бы, но уже во время наступления во Франции весной 1940 года эта система показала себя в полном блеске.

Ничтожное количество английских и французских пикировщиков, имевшихся к началу войны, было уничтожено столь стремительно, что вопрос об их взаимодействии с войсками даже не успел возникнуть. И лишь к 1944 году союзники на европейских театрах обзавелись самолетами, способными действовать в качестве штурмовиков. Это были

американские истребители «Тандерболт» и британские «Тайфуны». Вооруженные ракетами, эти самолеты неплохо показали себя в борьбе против железнодорожных составов и механизированных колонн **в тылу**. Однако их действия на линии фронта были далеко не столь успешны, и помощи войскам они почти не оказали.

Самое любопытное, что система воздушной поддержки войск у союзников, точнее, у американцев, все-таки существовала. И она тоже была доведена до совершенства, но в приложении к конкретным задачам, не имевшим ничего общего с наступлением танковых частей и блицкригом. Мы говорим о десантных операциях на Тихоокеанском театре в 1943—1945 годах. При высадках морской пехоты на очередной атолл в воздухе постоянно дежурили несколько звеньев истребителей «Хеллкэт» или «Корсар», вооруженных ракетами. В составе десанта имелись группы наведения, по указаниям которых эти самолеты наносили удары по японским огненным точкам. Согласитесь, это была задача на порядок более простая, чем поддержка наступления танкового полка. К тому же американцы сами ограничили свои возможности, вооружая эти самолеты только ракетами. Да, истребители могли нести бомбы и применяли их против японских кораблей, а также в ходе предварительных бомбардировок. Но, судя по всему, точность бомбометания была недостаточной для уничтожения точечных целей, поэтому использовались ракеты, имевшие несравненно меньшую эффективность. Кстати, именно американцы применили любопытную тактическую новинку. Они освободили командира ударной авиагруппы от необходимости самому атаковать цель. Командир занимался только координацией действий своих самолетов и целеуказанием. До этого не дошли даже немцы.

Осталось рассмотреть, как обстояли дела с воздушной составляющей блицкрига в Красной Армии. Формально наша авиация имела все необходимое. У нас были созданы пикировщики. У нас были созданы штурмовики. У нас даже появилась система наведения авиации, правда, первые упоминания о ней относятся к 1943 году, но все-таки появилась.

На вооружение Красной Армии к началу войны начала поступать импровизационная переделка Пе-2, названная пикирующим бомбардировщиком. Однако этот самолет тактовым фактически не являлся. Мало ли что он пикировал. Англичане проводили безумные эксперименты по пикированию на тяжелых «Веллингтонах». К тому же бомбовая нагрузка Пе-2 была, мягко говоря, невелика. Опять же, здесь не место детально анализировать достоинства и недостатки этого самолета, мы просто отсылаем любопытствующих к подробной монографии «Пешка», ставшая ферзем». Мы просто ограничимся замечанием, что упоминаний об использовании Пе-2 для уничтожения целей на поле боя по заявкам с земли мне найти не удалось. Кстати, не сомневаюсь, что такие эпизоды наверняка имеются. Однако уже тот факт, что их приходится искать специально, говорит о многом.

Ближе к концу войны появился настоящий пикировщик Ту-2, по всем характеристикам превосходивший соответствующие немецкие самолеты. Однако по каким-то таинственным причинам и он в качестве самолета поля боя не прижился. Может быть, дело в том, что он был слишком велик? Ведь и немцы использовали Ju-88 совсем для других целей, хотя этот самолет вполне мог пикировать.

В сухом остатке мы имеем штурмовик Ил-2. Кстати, хорош остаточек — самый массовый самолет Второй мировой войны. Но ведь при таком количестве штурмовиков мы вправе были бы ожидать гораздо более ощутимых результатов. Конечно, главной причиной здесь является так и не налаженное до самого конца войны взаимодействие танков и авиации. Формальные шаги в этом направлении предпринимались. Но только у немцев наведение ударной авиации осуществлял лейтенант или капитан, следовавший на специальной машине с передовыми частями. А что у нас? Возьмем типичный пример — события на Курской дуге. «Планом операции предусматривалась высылка в штабы армий оперативных групп ВВС со своими средствами связи». Стоп! Обратили внимание?! Не в штаб корпуса и уж тем более не в штаб дивизии или полка — в штаб армии. Однако и это не было выполнено. В конце концов 1-я и 5-я гвардейские тан-

ковые армии получили «представителей ВВС» — заместителя командующего и заместителя начальника штаба 2-й Воздушной армии. Что они могли сделать, сидя, опять же, в штабах? В итоге, пока заявка проходила все инстанции, обстановка на фронте менялась самым радикальным образом и штурмовики наносили удар по пустому месту или, что гораздо хуже, по собственным войскам. После этого только и оставалось, что громко рапортовать о чудовищных успехах противотанковых авиабомб, вырезавших под корень всю дивизию «Дас Райх». А о том, что наша авиация разгромила станцию Прохоровка, на которой находился пункт разгрузки 6-й гвардейской армии, скромно помалкивали.

Резюме. Если подвести итоги, картина вырисовывается следующая. Из всех составляющих: надежный, сильный танк; надлежащая организация танковых частей; налаженное взаимодействие различных родов войск; самолет поля боя; налаженное взаимодействие войск и авиации — полным комплектом не обладала ни одна армия. Теоретически блицкриг был вообще невозможен! Однако мы собственными глазами видим примеры успешных молниеносных операций. Ближе всех подошли к идеалу немцы и мы. Но именно это показывает, насколько больше значат правильная организация и боевая подготовка, чем простая численность танков, пушек, самолетов.

Глава 3

ПЕРВЫЙ БЛИН ХАЛХИН-ГОЛОМ

Мы уже говорили о том, что Гражданская война в Испании не слишком много дала развитию теории танковой войны. Танков там было немного, использовались они спорадически и серьезного влияния на ход военных действий не оказали. Однако один вывод сделали если не все участники конфликта, то главные участники наверняка. Мы говорим о Советском Союзе и Германии. Впрочем, как мы видели, даже здесь не все обстояло гладко, поэтому не следует удивляться, что итальянцы не сделали вообще никаких выводов.

Тактические доктрины использования танков прошли проверку за много тысяч километров от будущих полей европейских сражений, в прокаленных солнцем монгольских пустынях. Конечно, мы говорим о боях на реке Халхин-Гол.

Вообще этот эпизод является отличной иллюстрацией к словам вечно пьяного монтера Мечникова: «Согласие есть продукт при полном непротивлении сторон». Или более точно: если хочется, любой пустык может превратиться в повод для войны, или, выражаясь по-ученому, *casus belli*.

В 30-х годах прошлого века между Советским Союзом и Японией, а также их марионетками имел место целый ряд пограничных конфликтов. Это было прямым следствием неточной демаркации границы (Хасан) или вообще полным отсутствием таковой (Халхин-Гол). Между прочим, последующие конфликты с Китаем имели те же причины, например остров Даманский. Кстати, сегодня этот остров вообще уже не остров, а полуостров на китайском берегу реки. И как должна была выглядеть государственная граница России в этом случае? Халхин-Гол вообще был пограничным спором двух **никем** не признанных государств — Внешней и Внутренней Монголии, Манчжоу-Го и Монгольской Народной Республики. Правда, у марионеточной МНР на тот момент имелось серьезное преимущество перед Манчжоу-Го. Манчжоу-Го признавала только Япония, зато МНР — целых два государства, хотя, кроме СССР, это была еще более марионеточная Тувинская республика.

Советские историки любили повторять, что «несколько причин толкали правящие круги Страны восходящего солнца на развязывание более крупномасштабного конфликта». Но никакая, даже самая буйная фантазия не может подсказать, как именно стычка в монгольских песках заставит СССР отказаться от оказания военной помощи Китаю. Мы не будем углубляться в политические хитросплетения, просто скажем, что именно эти самые бесплодные и бесполезные пески увидели первый пример массированного применения танков. Конечно, в годы Первой мировой войны англичане использовали танки в достаточно больших

количествах, но массовое использование танков совсем не означает массированное. Англичане выстраивали танки длиннейшей шеренгой, заставляющей вспомнить гренадеров Фридриха Великого. Остается лишь напомнить, что вычерченные словно по линейке шеренги прусской армии рассыпались в прах при столкновении с французскими колоннами. И вот по приказу комкора Жукова в атаку двинулись колонны советских танков. Чем закончилась первая попытка реализовать идеи то ли блицкрига, то ли глубокой операции, мы еще увидим.

Пружина начала закручиваться еще в 1934 году. Постоянные нарушения границы, причем в обе стороны, приводили к столкновениям, перестрелкам, мелким боям. Но в мае 1939 года пружину перекрутили, и она лопнула. При этом на первых порах советское командование действовало оперативнее и эффективнее японского. 3 марта командир 57-го отдельного корпуса комдив Фекленко приказал выдвинуть в район конфликта оперативную группу 11-й танковой бригады. И лишь в апреле командующий Квантунской армией генерал Уэда подписал приказ № 1488 «Принципы разрешения пограничных конфликтов между Манчжоу-Го и СССР». Заметьте, никакая Монголия в этом приказе не упоминается.

А потом началось то, что иначе как цепью загадок назвать просто невозможно. Начнем с самой первой, бросающейся в глаза, но все-таки не имеющей ответа. Почему Халхин-Гол? Почему??!! Посмотрите на карту, не пожалейте полминуты. И тогда вы удивитесь. Чем японскому командованию приглянулся этот богом забытый угол, который даже не назовешь медвежьим, потому что там ни один медведь не выживет?! Самое смешное, что, даже если бы японцам удалась их авантюра, это не принесло бы им решительно никаких дивидендов. Отрезать пустынный и никчемный уголок Монголии — так называемый Тамцак-Булакский выступ — можно, но что с ним делать дальше? Дорогу на Улан-Батор (или как его тогда? Кяхта? Урга?) он не открывает. Дорогу на Читу и Благовещенск — тем более. Так что там забыли в равной степи и японцы, и монголы?!

Загадка вторая, которая, вполне возможно, все-таки име-

ет решение, только лично мне оно не известно. Если посмотреть на современную американскую топографическую карту NL 50-03, то можно увидеть потрясающую вещь. Все бои в районе Халхин-Гола происходили на территории современного Китая, то есть тогдашней Маньчжурии. Так кто тут агрессор?! И вообще, линия границы сегодня имеет совсем иные очертания, чем на советских/российских картах, изображающих это событие. Впрочем, как я уже предупредил, здесь может иметься очень простое объяснение. Позднее две братские страны полюбовно уладили все пограничные споры. Хотя, учитывая норв *Mao Ze-Dong'a*, мне это представляется более чем сомнительным. Но все-таки допустимым.

Но на всем этом загадки Халхин-Гола только начинаются. Столкновения начались в мае 1939 года. Кто именно был инициатором, сказать сложно. Скорее всего туземцы сохранили милые сердцу привычки скотокрадов эпохи Чингисхана, который и сам грешил этим поначалу. А потом один обиженный обратился к братану, который был то ли цириком, то ли баргутом, и появилась пусть иррегулярная, но вполне официальная вооруженная сила. И пошло-поехало...

Короче, в мае начались уже серьезные столкновения с участием тяжелого оружия, хотя пока они еще не выходили за рамки обычного пограничного конфликта. Однако обе стороны постепенно наращивали силы в районе конфликта, потому что подобные события обладают свойством самоэскалации. Начались воздушные бои, которые сначала завершались в пользу японцев. Это вызвало нервную реакцию советского руководства, которое сначала перебросило в район боев группу лучших летчиков, имевших опыт боев в Китае и Испании, а потом прибегло к испытанному методу — поменяло командира. Комдив Н.В. Фекленко был снят, и на его место назначили Г.К. Жукова. Как ни странно, этот эпизод практически не отразился на дальнейшей службе Фекленко, который постепенно дорос до генерал-лейтенанта танковых войск. Очередная загадка... Впрочем, заметной роли в годы Великой Отечественной войны он не сыграл и занимал только тыловые и штабные должности.

В июне обе стороны наращивали силы в районе конфликта и разрабатывали планы дальнейших действий, причем и Жуков, и командовавший японскими войсками генерал Комацубара намеревались наступать. В распоряжении Комацубары имелась 23-я пехотная дивизия и некоторые другие части, в том числе два танковых полка, всего около 22 000 солдат, 120 орудий и 80 танков. Первоначально он предполагал перебросить за западный берег реки Халхин-Гол не только свою пехоту, но и танки. Однако японские саперы не справились с задачей, и по наведенным ими мостам танки двигаться не могли, поэтому ему пришлось оставить танки для действий на восточном берегу реки. 27 июня Комацубара принимает решение форсировать реку частью сил 23-й дивизии, чтобы выйти в тыл советско-монгольским войскам, находящимся на восточном берегу реки. Одновременно один полк 23-й дивизии вместе с танками сковывает советские войска. Цель операции — окружить и уничтожить советские части на восточном берегу Халхин-Гола, насчитывавшие около 5000 человек. Советское командование сформировало 1-ю армейскую группу, которая имела заметное преимущество в тяжелой артиллерии, в чем японцы очень быстро убедились.

Особый интерес представляет одна фраза из приказа Комацубары: «Дивизия своими главными силами форсирует реку Халхин-Гол с целью захвата и уничтожения противника, перешедшего границу». Впрочем, наши историки утверждают, что место будущих боев — гора Баян-Цаган — находится в 40 километрах от границы.

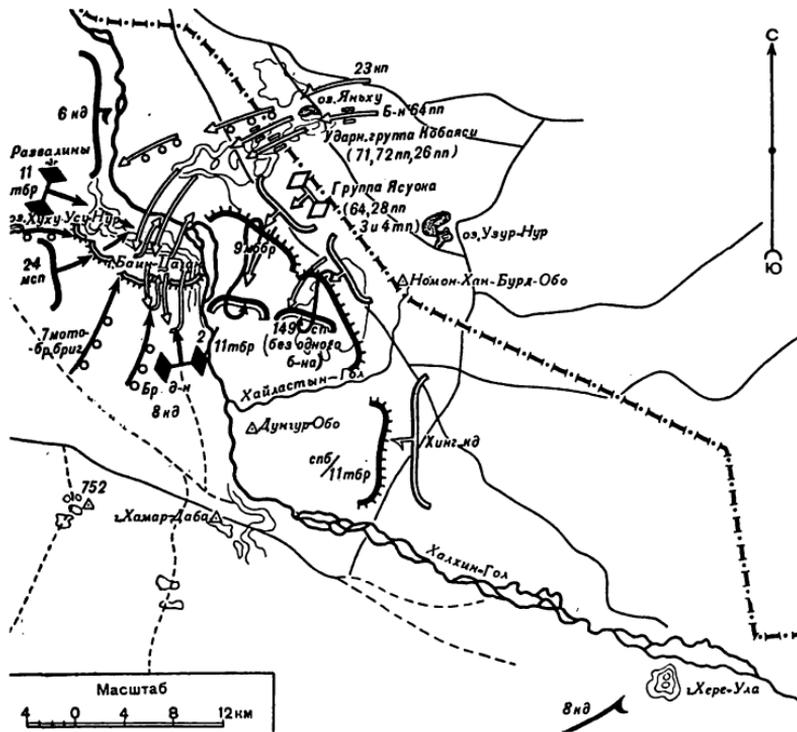
Наступление сковывающей группы развивалось медленно, потому что танки вязли в болотистой почве. 30 июня произошли первые столкновения, после которых японцы получили первые более или менее достоверные сведения о составе советских сил, в частности о прибытии 11-й танковой бригады. Однако отменять операцию Комацубара не решился и назначил наступление на 3 июля. Но командир сковывающей группы генерал Ясуока решил нанести удар в ночь со 2 на 3 июля. Говорить о каком-то блицкриге в применении к японским танкам было бы просто смешно, тем

более что японцы до самого конца Второй мировой войны так и не сумели наладить взаимодействие разных родов войск. Ночная атака танков Ясуоки завершилась практически ничем. Единственным ее результатом стали споры относительно потерь. Японцы признавали потерю одного танка, в советских рапортах говорится об уничтожении десяти. Дальше всех пошел А.В. Шишов, сообщивший, что в результате боев на **восточном** берегу реки в районе горы Баин-Цаган были уничтожены 30 японских танков. Его даже не смущает, что гора находится на **западном** берегу.

Как пишут наши историки, «командование 1-й армейской группы в течение июня не смогло наладить достаточной разведки». Написать прямо, что Жуков за целый месяц не сумел наладить разведку, видимо, было страшно. Комдив решил сам нанести удар по группе Ясуока, одновременно приказав 11-й танковой и 6-й мотоброневой бригадам выдвинуться к реке. О переправе японской дивизии на западный берег Халхин-Гола Жуков не подозревал.

Рано утром 3 июля части японской 23-й пехотной дивизии начали переправляться через реку и двинулись в направлении горы Баин-Цаган. Монгольские кавалеристы, прикрывавшие этот участок берега, отошли, не оказав никакого сопротивления. А дальше загадки сыплются словно из дырявого мешка.

Все до единого советские источники пишут: японцы переправились через реку, поднялись по крутым склонам Баин-Цагана, окопались и укрепились. Но так ли это было? При первом же пристальном взгляде эта гипотеза рассыпается в прах. Все наши источники сообщают, что японцы заняли гору примерно в 8 часов утра. Однако при этом первое столкновение 6-й мотоброневой бригады с японцами происходит уже в 7 часов утра **южнее** Баин-Цагана. Какие силы японцев переправились через реку, никто не знал. Только этим можно объяснить приказ 2-му батальону 11-й танковой бригады уничтожить японский отряд. Если верить картам, столкновение батальона с 71-м пехотным полком японцев происходит в 8 километрах от японских переправ и в 3 кило-

Бои 4—5 июля в районе Баин-Цагана

метрах от Баин-Цагана. Очередная загадка: так укреплялись японцы на горе или сразу двинулись дальше на юг во исполнение плана Комацубары? Результат встречного боя пехотного полка и танкового батальона был печальным для обоих. Наступление японцев было остановлено, но при этом батальон потерял 14 танков.

Лишь теперь Жуков сообразил, что японцы переправили на западный берег Халхин-Гола крупные силы, и решил немедленно атаковать противника, так как тот явно намеревался выйти к переправам отряда, сражавшегося на восточном берегу. Он решил одновременным концентрическим ударом с трех направлений уничтожить японцев. Так как Красная Армия, случайно или намеренно, располагала в районе боев крупными силами танков, Жукову представи-

лась возможность первому в истории провести классическую операцию блицкрига. По опыту боев в Испании, как мы помним, были сделаны определенные выводы, и сейчас оставалось лишь продемонстрировать на практике основательность этих выводов. Увы, комдив Жуков упустил возможность опередить Гудериана на скрижалях блицкрига. Операция была организована настолько безобразно, что можно лишь удивляться, как она принесла хоть какой-то успех. Впрочем, описания боев 3 и 4 июля настолько смутны и неточны, что нет возможности заняться даже реконструкцией событий.

Слово «Воспоминаниям и размышлениям»:

«Противник успел сосредоточить на горе Баин-Цаган более десяти тысяч штыков; советские войска имели возможность сосредоточить более тысячи штыков; в японских войсках было около 100 орудий и до 60 противотанковых орудий. У нас — немногим более 50 орудий, включая поддерживавшие с восточного берега реки Халхин-Гол.

Однако в наших рядах сражалась 11-я героическая танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотобронева бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-мм пушками».

Сразу в глаза бросается ложь номер один. За несчастные три или четыре часа японцы по единственному понтонному мосту ухитрились переправить через Халхин-Гол не только три пехотных полка, но и полтораста орудий?! Имелась возможность поддержать атаку танков пехотой 24-го мотострелкового полка и перебросить часть артиллерии с юга. В результате же получилось как всегда.

Атака была произведена разрозненными силами. Первым в 11.30 атаковал 1-й батальон 11-й танковой бригады. Ни пехота, ни артиллерия его не поддержали, в результате батальон потерял половину танков и к 16.00 отошел, так ничего и не добившись. Следующим атаковал 3-й батальон, который тоже понес потери и был вынужден отойти. Правда, на японцев эти атаки произвели впечатление, и они были уверены, что их атакует не менее 1000 танков. 24-й мотострелковый полк сбился с дороги и прибыл к месту боя толь-

ко к 13.00. Чтобы оправдаться, командир полка И.И. Федюнинский пытается все свалить на Жукова. Дескать, это он принял нестандартное решение атаковать одними танками без поддержки пехоты. Он же рассказывает прелестную сказку о 17 противотанковых батареях, 10 артиллерийских и гаубичной батарее, которые японцы уже успели развернуть на горе Баин-Цаган.

Я предлагаю любому желающему произвести простейший эксперимент — взять в руки лопату, выйти во двор и попытаться вырыть хотя бы стрелковую ячейку полного профиля. О ротной траншее или там орудийном окопе речь уже не идет. Сколько это займет времени? Может, после этого эксперимента и он усомнится в глубоко эшелонированной обороне, которая возникла у японцев просто в мгновение ока. Кстати, не забудем, что буквально во всех воспоминаниях участников боев подчеркивается исключительная крутизна горы, которая мешала нашей пехоте. Но японские орудия, по-видимому, прямо-таки вспорхнули на самую ее вершину.

Дальше — больше. Около 15.00 свою собственную атаку попытался провести 247-й автоброневой батальон 7-й мотоброневой бригады. Эта атака тоже была отбита японцами с потерями для нас. И лишь около 19.00 удалось провести некое подобие скоординированной атаки силами пехоты и танков. Она тоже была отбита, хотя на этот раз особых потерь наши войска не понесли. Вот так вместо одного мощного удара, которым можно было опрокинуть японцев, наши войска провели пять разрозненных несоординированных атак, в ходе которых 11-я танковая бригада потеряла 77 танков из 133 и 37 броневику из 59, участвовавших в бою. Очередная загадка — каким же оружием были уничтожены все эти танки? При внимательном чтении советских же мемуаров выясняется, что главным оружием японской пехоты были бутылки с бензином, и ничего более. Разумеется, несколько противотанковых орудий японцы, конечно, успели переправить через Халхин-Гол, и они наверняка участвовали в бою. Но их было слишком мало, и, что самое главное,

эти орудия явно были установлены открыто, в лучшем случае — в складках местности.

И все-таки эти атаки принесли желаемый результат. Вечером 3 июля генерал Комацубара приказал отвести ударную группу обратно за реку. Отступление началось 4 июля в 10 часов утра, и советские танковые части, которые накануне понесли тяжелые потери, воспрепятствовать этому не могли. 24-й мотострелковый полк попытался смять японский 26-й полк, но не сумел. В результате к 5 июля японская группировка вернулась на восточный берег реки.

И снова воспоминания маршала Жукова. Впрочем, мемуары Федюнинского воспроизводят этот отрывок с точностью чуть ли не до запятой:

«Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск, захвативших гору Баин-Цаган, были полностью уничтожены на восточных скатах горы в районе спада реки Халхин-Гол. Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилали гору Баин-Цаган. В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов, в том числе 20 пикировщиков».

Пикировщиков у японцев, кстати, под Халхин-Голом не было. Японцы искренне удивлялись, почему советские войска не попытались уничтожить переправу, авиацией или артиллерией — не важно. Ведь тогда ударная группировка действительно была бы обречена. Но наши генералы сумели только придумать басню о преждевременном взрыве моста, после чего множество самураев утонуло в реке. Косвенным доказательством не слишком удачных действий наших войск на Баин-Цагане может служить отсутствие фотодокументов. Наверняка съемки производились, но, видимо, снято было не то. Все опубликованные фотографии относятся к

боям уже на восточном берегу Халхин-Гола либо периода отражения японских ударов, либо уже после успешного наступления советских войск в августе 1939 года.

Единственным утешением может служить то, что японские танковые части действовали еще менее удачно. Они попытались было атаковать находящиеся на восточном берегу Халхин-Гола 149-й мотострелковый полк и 9-ю мотобронебригаду, но не добились вообще ничего, потеряв 3 июля 41 танк из 73, участвовавших в бою. В общем, намерение Жукова нанести мощный танковый удар провалилось с треском. Атака завершилась тяжелейшими потерями, но, несколько неожиданно, принесла результат. Японцы не выдержали напряжения боя и отошли за реку. Вообще-то эти бои могли иметь роковые последствия для будущего. Наши командиры вполне могли увериться, что им удалось выбить японцев этими разрозненными атаками слабых сил, что совсем не обязательно терять время на сосредоточение ударного кулака, на организацию артиллерийской поддержки. Но что самое скверное — они могли решить, что могут идти на любые потери — они все равно окупятся. «На горных склонах погибло более 10 тысяч неприятельских солдат и офицеров. Остатки японских войск в беспорядке бежали на противоположный берег реки. Они потеряли почти все свои танки и артиллерию». Подписывая такие сводки, нетрудно уверовать в собственную непогрешимость, и название, укрепившееся за этим эпизодом, — «Баин-Цаганское побоище» — звучит довольно двусмысленно. Гораздо большего внимания заслуживает августовское наступление советских войск, которое завершилось окружением и уничтожением главных сил японской 23-й дивизии. Это была тщательно подготовленная и отлично проведенная операция. Правда, танки сыграли в ней не такую заметную роль, как в событиях 3—5 июля, главный удар наносили пехотные дивизии. Однако танковые бригады выполнили свою задачу, помешав в ряде случаев отрезанным японским войскам выйти из окружения.

За время боев Красная Армия потеряла около 8000 человек убитыми и 15 000 ранеными. В этой связи приходится

упомянуть еще об одной загадке Халхин-Гола — количестве японских потерь. У нас как-то устоялось мнение, что японцы были наголову разгромлены, потеряв более 60 000 человек убитыми и ранеными. Никто не хотел задумываться, откуда взялись эти цифры, ведь в боях с японской стороны участвовала всего лишь одна усиленная дивизия и несколько отдельных полков. Сошлемся на заинтересованного и страстного свидетеля, К.Е. Ворошилова, который докладывал Сталину: «Как и следовало ожидать, никаких дивизий в окружении не оказалось, противник или успел отвести главные силы, или, что вернее, больших сил в этом районе давно уже нет, а сидел специально подготовленный гарнизон, который теперь уже уничтожен».

С другой стороны, не меньше сомнений вызывают и данные японской стороны. 8440 убитых и 8766 раненых — это более чем странное соотношение. Как правило, количество раненых втрое превышает количество убитых, а здесь мы видим соотношение один к одному. История войн не знает подобных примеров, и эта загадка пока так и остается неразрешенной.

Резюме. Во время боев за гору Баин-Цаган у командования Красной Армии имелась возможность провести классическую операцию блицкрига — совместный удар танков и мотопехоты с целью окружения и последующего уничтожения противника. Вместо этого бой вылился в серию нескоординированных лобовых ударов, в ходе которых наши танки понесли неоправданно большие потери, хотя в результате и вынудили японские войска к отступлению.

Глава 4

ДАЛЕКИЕ ЗАРНИЦЫ

Если до войны слово «блицкриг» было известно только немецким военным, да и то далеко не всем, то с началом Второй мировой войны о нем узнал буквально весь мир. Кто здесь постарался? Ну не задавайте глупых вопросов, конечно же, американские журналисты. При этом они ухитрились

раздуть миф о блицкриге до совершенно фантастических размеров, при том, что сама германская армия пока еще только осваивала этот тактический прием, и вся Польская кампания была только провозвестником будущих успехов Панцерваффе. Если уж позволить себе красочное сравнение, то пока можно было говорить только о далеких зарницах на горизонте. Пока долетают приглушенные громовые раскаты, но еще не ударила ни одна молния.

Если мы бесстрастно проанализируем действия немецкой армии во время Польской кампании, то окажется, что лишь одно из сражений соответствует постулатам блицкрига. Мы говорим, конечно же, о сражении на Бзуре, где были окружены и уничтожены две польские армии. Другое дело, что сама кампания оказалась скоротечной, и можно было говорить о молниеносной войне.

Впрочем, начиналось все далеко не блестяще. Выяснилось, что разгром в Первой мировой войне и межвоенные годы не прошли бесследно даже для считавшейся образцовой немецкой военной машины. Она стала далеко не образцовой и не вполне машиной, потеряв слаженность и безотказность.

Сбои и проблемы начались еще до начала войны. Говорят, что план любой военной операции существует только до первого выстрела, но почитайте, что творилось в штабе немецкого IV армейского корпуса накануне Польской кампании, то есть задолго до первого выстрела. Стройный немецкий порядок развеялся, как пыль на ветру, и перед нами предстает нечто более всего напоминающее сумасшедший дом.

Итак, Вермахт готовится к вторжению в Польшу, оперативный план «Вайсс» разработан в деталях. Остается запустить прославленную немецкую военную машину. IV корпус состоит из трех пехотных дивизий: 4, 14 и 24-й. Обратите внимание на совершенно неслучайный подбор номеров. Хваленый немецкий *Ordnung* в полном блеске. Командир корпуса фон Шведлер и начальник штаба Модель решают сложные проблемы. ОКХ избегало объявления мобилизации, чтобы не насторожить поляков. Когда 28 августа была

объявлена тревога (по дипломатическим причинам эту дату несколько раз переносили), штаб IV корпуса получил всего 3 дня на решение целого ряда неотложных задач. Каждую из 3 регулярных дивизий корпуса предстояло перебросить к району сосредоточения за пределами военного округа. И вот совершенно неожиданно 29 августа Модель обнаруживает, что 24-я пехотная дивизия передана 8-й армии. Причем еще до начала передислокации дивизий каждый третий батальон и каждая третья рота потеряли своих командиров, а также не менее 20% опытных унтер-офицеров и солдат. Они были изъяты, чтобы составить костяк формирующихся 56-й и 87-й пехотных дивизий, которые были развернуты 4 сентября на французской границе. Переброска дивизий на новые места требовала не только четкой работы штаба, но и привела к образованию брешей в рядах оставшихся частей, которые пришлось заполнять резервистами. Учитывая скорость, с какой немецкие войска выдвигались к границе, завершить доукомплектование явно не удалось.

Потеря 24-й дивизии означала, что в этой войне с самого начала корпуса будут рассматриваться как тактические штабы, которые должны руководить дивизиями, переданными для проведения конкретной операции. То есть беспорядок был заложен в самой структуре германской армии, принципиально отличающейся от периода Первой мировой войны. Если у командира и начальника штаба еще имелись какие-то сомнения на сей счет, они были рассеяны 30 августа, когда из IV корпуса была изъята 14-я пехотная дивизия и заменена 46-й пехотной дивизией из XIII военного округа. В тот же день 10-я армия передала корпусу несколько отдельных частей и подразделений, в том числе саперов, строителей, моторизованные понтонные команды, армейские артиллерийские батальоны, охранные войска, зенитные батареи и разведывательную группу Люфтваффе. IV корпус принял эти части, не говоря ни слова, и поставил им задачи.

Но на этом перестройка и перекройка не заканчиваются. Можно без труда представить, как громко ругался Модель 31 августа, когда его старый друг Фридрих Паулюс (потом начальник штаба 10-й армии) менее чем за сутки до начала на-

ступления позвонил ему и сообщил, что, по мнению фон Рейхенау, в IV корпусе слишком много моторизованных соединений для его вспомогательной роли. В результате моторизованный саперный батальон, две понтонные колонны, зенитный батальон и разведывательные самолеты исчезли так же внезапно, как и появились. Обратите внимание, они пробыли в подчинении IV корпуса менее суток. А когда Модель поинтересовался, как IV корпус должен переправлять свою пехоту и тяжелую артиллерию через реку Варта, не имея никаких средств для постройки моста, Паулюс серьезно посоветовал ему захватить мост у поляков. Хуже того, ближе к вечеру 31 августа Паулюс снова позвонил Моделю и сообщил, что штаб армии решил отобрать у него 14-ю пехотную дивизию и передать ее перегруженному танками XVI корпусу, чтобы усилить удар на главном направлении. Когда Модель запротестовал — ведь теперь в корпусе оставались всего 2 пехотные дивизии и никаких резервов для отражения вражеских контратак, — Паулюс хладнокровно ответил, что в случае необходимости можно будет использовать резерв Группы армий «Юг» — VII корпус. Записи подполковника Бейтлера сообщают, что Модель вечером 31 августа еще дважды звонил в штаб 10-й армии, так и не сумев убедить фон Рейхенау и Паулюса изменить свое решение. Если вежливый Паулюс наверняка ответил на звонки и постарался переубедить Моделя, то фон Рейхенау если и откликнулся, то наверняка просто посоветовал начальнику штаба корпуса заткнуться и выполнять поставленную задачу теми силами, которые остались.

И кто-то еще говорит, что немецкая военная машина работала с точностью часового механизма. Ну, если это и часовой механизм, то собирали его явно не в Йене, а где-то на окраине Гонконга. От немецкого *Ordnung*'а остались лишь приятные воспоминания...

И все-таки немцы надеялись быстро разгромить Польшу. Собственно, у них не было иного выбора. Ведь Польша была связана оборонительными договорами с Англией и Францией, и если бы те, вступив в войну, немедленно начали активные действия на западных границах Германии, ей пришлось

бы очень плохо. Впрочем, западные союзники не собирались воевать, политика умиротворения была им гораздо ближе. Они даже пытались убедить польского командующего маршала Рыдз-Смиглы не проводить всеобщую мобилизацию.

По плану «Вайсс» немецкая Группа армий «Север» должна была разгромить войска противника, находящиеся в Польском коридоре, после чего двигаться к реке Нарев, выходя в тыл польских армий, обороняющихся на Висле.

Группа армий «Юг» действовала против польских сил в Галиции и большой излучине Вислы. Кстати, здесь впервые в немецких планах появляется фраза, которая потом будет повторяться с унылой настойчивостью: «Разгромить силы противника, не доходя до водного рубежа реки N». В данном случае в уравнении N равнялось Висле. Потом это будет Сена, Днепр, Дон и так далее.

Основная часть войск Вермахта, а также практически вся авиация и танки были задействованы в операции «Вайсс». Немцы исходили из того, что война должна быть короткой (концепция блицкрига). За две недели польская армия должна быть полностью уничтожена, а страна оккупирована. Этот план строился на широком использовании авиации, и прежде всего пикирующих бомбардировщиков, на которые возлагалась задача поддержки наступления подвижных соединений с воздуха. ОКХ не использовало танки для усиления пехотных дивизий — почти вся бронированная техника была сосредоточена в пяти корпусах: XIV, XV, XVI, XVIII и XIX. Эти соединения должны были найти слабые места в обороне противника, преодолеть ее с ходу и выйти на оперативный простор, выигрывая фланги польских армий. В дальнейшем предполагалось решительное сражение на окружение и уничтожение, причем пехотные корпуса должны были действовать против фронта противника, а подвижные части — атаковать его с тыла. Эта концепция ни разу не была проверена на практике и смотрелась не слишком убедительно. Даже немецкое руководство сомневалось в ее действенности, свидетельством чему — выделение 10-й танковой дивизии из состава XIX танкового корпуса в «непосредствен-

ное подчинение» командующего Группой армий «Север» и создание отдельной танковой дивизии (дивизионной боевой группы) «Кемпф», не включенной в состав танковых корпусов.

Но если посмотреть беспристрастно, состояние Панцерваффе отвечало условиям войны с Польшей (при некоторых натяжках), но ни с каким более серьезным противником. Немцы имели в действующей армии и резерве 1445 танкеток Т-1 (ну не поворачивается язык назвать это существо танком), 1223 — Т-II, 202 — 35(t), 78 — 38(t), 98 — Т-III, 211 — Т-IV и 215 танков управления. Что из этого набора могло воевать, а что нет — судите сами.

Все знают, что Вторая мировая война началась с залпов старого немецкого броненосца «Шлезвиг-Гольштейн» по польским укреплениям Вестеплатте. Но многие ли в курсе, что командир броненосца проявил «разумную инициативу» и начал обстрел за 45 минут до назначенного срока? Мы еще не раз увидим, как немецкие командиры начинают стрельбу раньше, чем положено, нарушая приказы и выставляя свою страну агрессором. Благодаря вот таким «инициативам» у гитлеровской Германии не оставалось даже формальных зацепок, чтобы сослаться на законное объявление войны.

Наступление на севере развивалось без особых осложнений, так как здесь немцы имели слишком большое превосходство в силах. Впрочем, не обошлось без сюрпризов. При наступлении на польские позиции севернее Млавы 7-й танковый полк (дивизия «Кемпф») налетел на баррикаду, сооруженную из железнодорожных платформ. Несколько танков завязли на баррикаде, после чего полк повернул на запад. Еще несколько танков были уничтожены защитниками, пока пытались найти брешь в ограждении. Атака провалилась, и немцы были вынуждены отойти назад. В 18.30 генерал Кемпф сообщил в штаб 3-й армии: «Атака завершилась катастрофой. Ужасные потери в танках, общее количество не известно. Атаковать здесь бессмысленно».

Выяснилось, что полк потерял 72 из 184 имевшихся танков. Немцы сами выбирали место и время, но ничего не добились. Можно ли считать провал первой массированной

танковой атаки Панцерваффе неким символом? Не знаю. Но такой факт имел место быть.

Впрочем, так обстояло дело далеко не везде. 2 сентября наступавшая чуть восточнее группа «Водриг» прорвала польские позиции и двинулась на юг. Чтобы развить успех, командующий 3-й армией генерал Кюхлер сразу перебросил туда потрепанную дивизию «Кемпф». Блицкриг начал приобретать очертания, ставшие позднее привычными, сразу проявилась даже такая черта, как растерянность командования защищающейся стороны. Оно просто не успевало реагировать на стремительные изменения обстановки. Хотя непосредственно на Млаве польские войска удерживали свои позиции, немецкие танки уже находились у них в тылу. Поэтому командующий армией «Модлин» генерал Пшеджимирский приказал отступить. На марше польская пехота была атакована немецкой авиацией и понесла большие потери. Знакомая картина, не правда ли?

Бои в Польском коридоре тоже не затянулись. Немецкая 4-я армия сразу начала наступление на широком фронте, используя превосходство в силах. При этом 3-я танковая дивизия прорвала слабую польскую оборону и двинулась дальше, стремясь отрезать польские дивизии на севере коридора. В результате оперативная группа «Черск» и 9-я пехотная дивизия попали в окружение. Их сопротивление не затянулось, и 3 сентября все закончилось. Командир 9-й дивизии вышел из окружения вместе с 3 офицерами и 20 солдатами. Эта картина нам тоже до боли знакома. Хотя, если посмотреть на карту, становится понятным, что особой заслуги немцев в этом успехе не было. Разгром армии «Поможе» предопределила география.

Ну и как дополнение к описанию боев в Польском коридоре — маленькая история под названием «Миф внутри мифа». Всем известна знаменитая фраза Гудериана: «Польская поморская кавалерийская бригада из-за незнания конструктивных данных и способов действий наших танков атаковала их с холодным оружием и понесла чудовищные потери». Из нее делается вывод о непроходимой тупости поляков, пытавшихся саблями рубить крупковскую броню. Конечно

же, это полный вздор. Но опровергать мифы тоже следует аккуратно, чтобы не родить другие. Вот что пишет известный автор А. Бушков:

«1 сентября 1939 г. возле деревни Кроянты 18-й уланский полк польской кавалерии под командованием полковника Маштелажа пошел в атаку не на танки, а на 20-ю дивизию немецкой мотопехоты, чье продвижение остановил и какое-то время успешно сдерживал. Другие кавалерийские атаки проходили опять-таки не против танков, вдобавок по всем правилам войны — при поддержке бронетехники и артиллерии. Кроме того, следует помнить: слова «атака польской кавалерии» еще не обязательно означают несущуюся в чистом поле кавалерийскую лаву. В составе знаменитой Десятой кавалерийской бригады кроме 10-го конно-стрелкового и 24-го уланского полков были еще подразделения танков, броневедомостей, противотанковая и зенитная артиллерия, саперные батальоны и даже эскадрилья штурмовиков огневой поддержки, однако при описании боевых действий сплошь и рядом упоминалась просто «десятая кавалерийская бригада», что само по себе могло породить недоразумения...»

Но его рассказ — это тоже миф. Все обстояло гораздо прозаичней и обыденней. Польские кавалеристы атаковали расположившийся на отдых немецкий батальон, причем действительно в конном строю. Немцы запаниковали и начали разбегаться, понеся при этом заметные потери. Но, к несчастью для поляков, тут же в лесу стояли немецкие бронетранспортеры. И когда водители и пулеметчики опомнились, они вывели свои машины из леса. Начался расстрел польской конницы, остатки которой в панике бежали. Кстати, погиб и полковник Маштелаж. Когда на следующий день поле боя посетил итальянский корреспондент, ему рассказали, что польские конники атаковали танки. Вот, собственно, и все. Никого, кстати, эта несчастная кавбригада не задержала.

А теперь обратимся к событиям на юге, где в составе 10-й и 14-й армий были сосредоточены почти все немецкие танковые дивизии. Они должны были сокрушить польские ар-

мии «Лодзь» и «Краков», форсировать реку Варта, окружить польские части, а потом двигаться на Варшаву. Сначала немцы продвигались спокойно, так как польская линия обороны была расположена на некотором удалении от границы. Но потом 4-я танковая дивизия задержалась, пытаясь сломить сопротивление поляков. От огня противотанковой артиллерии она потеряла несколько танков. Большой успех немцы имели южнее, где на польскую армию «Краков» обрушились три корпуса. 1-я танковая дивизия сразу вклинилась между двумя польскими армиями, а 7-я польская дивизия была атакована сразу тремя немецкими. Польский фронт сразу начал трещать. Хотя Волынская кавалерийская бригада удержала немецкую 4-ю танковую дивизию еще на один день, 7-я дивизия начала поспешно отступать. При этом поляки не успели взорвать один из важных мостов через Варту, который был захвачен 1-й танковой дивизией. Это заставило командующего армией «Краков» генерала Шиммеля скомандовать общий отход.

В общем, блицкриг немцам удался. Уже 3 сентября польская армия отступала по всему фронту, при этом часть ее соединений уже была разгромлена или вообще уничтожена. Поляки еще не сложили оружия, более того, они попытались нанести удар во фланг наступающей с севера на Варшаву 3-й армии. Однако немцы сами задумали обходной маневр, и 3-я армия начала движение на восток, чтобы выйти в тыл польским войскам в районе Варшавы. В ходе встречных боев 5 и 6 сентября польские 41-я и 33-я дивизии были разгромлены. В это же самое время немецкая 8-я армия не без проблем, но сломала сопротивление поляков на рубеже Варты.

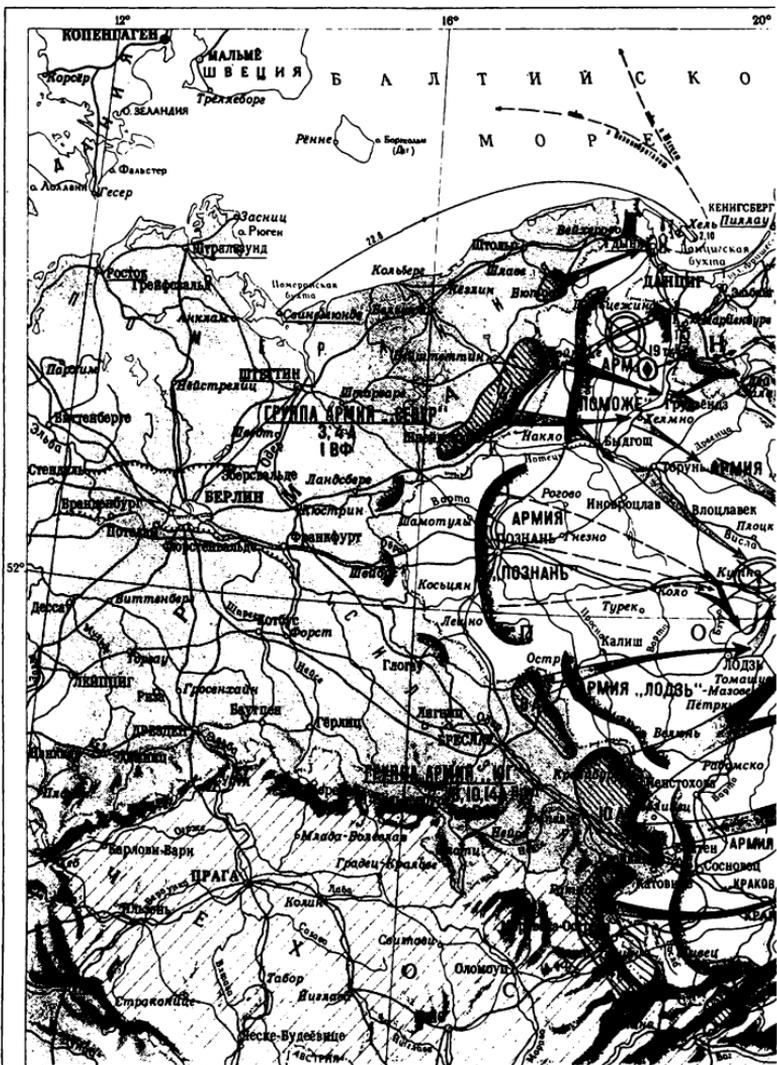
И здесь сказался один из пороков польской системы командования. Если мы обратим внимание на состав сил обоих противников, то увидим, что немцы имели 5 армий, объединенных в 2 группы, то есть четко построенную иерархическую лестницу. Зато поляки имели 7 отдельных армий плюс еще 2 независимые оперативные группы. По ходу дела поляки формировали еще некие временные соединения. И все их действия должен был контролировать единый центр в лице

маршала Рыдз-Смиглы. Но с учетом рухнувшей системы связи все это кончилось разрозненными и неорганизованными перемещениями дивизий и бригад. В результате провалились все попытки встречных контрударов, атаки же отдельных полков и батальонов немцы отбивали без особого труда.

Вдобавок к этому времени резко ухудшилось положение на крайнем южном фланге. Немецкий 5-й корпус и словацкая армейская группа «Бенолак» наконец-то продрались через лесистые хребты Татр и вышли с юга к старинной польской столице Кракову. Поляки, уповая на естественную силу оборонительного рубежа, не имели здесь практически никаких сил, кроме отдельных застав. Кстати, признаться честно, я сам, только работая над этой книгой, узнал об участии Словакии в фашистской агрессии с первого же дня Второй мировой войны.

Поляки не сумели оказать упорного сопротивления на всем протяжении линии фронта, и это неожиданно принесло им определенную пользу. Польские дивизии отступали так быстро, что немцы не сумели реализовать основную идею плана «Вайсс» — уничтожить главные силы противника западнее Вислы. Мы уже рассказывали, какой бардак царил в немецких штабах перед началом военных действий. Сейчас эти разногласия и споры вспыхнули с новой силой. Рундштедт считал, что нужно как можно быстрее двигаться в глубь польской территории. Гальдер по-прежнему настаивал на окружении польских войск в районе Кельце — Лодзь.

Вдобавок ОКХ продолжали терзать «смутные сомнения» касательно возможного хода военных действий на Западном фронте. Ведь там французы (английский корпус пока еще на континент не прибыл) имели как минимум трехкратное превосходство. Однако французская армия не шевельнулась. Почему? Внятного ответа на этот вопрос нет и уже никогда не будет. Мне хочется предложить одну версию, справедливость которой нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Впрочем, как и других, которые считаются официально утвержденными. Как мы помним, союзники объявили войну Германии только 3 сентября. К этому дню поляки уже отда-

Государства и территории, захваченные в марте 1938 г. - марте 1939 г.:

- Германия; Венгрия; Польша;
- Территория Вильнюсской области, захваченная буржуазно-помещичьей Польшей в 1920 г.
- Рубежи развертывания и положения войск сторон к 1.9.1939 г.
- Наступление немецких войск 1-8.9.

- Уничтожение польских кораблей артиллерийским огнем с моря и авиацией
- Прорыв отдельных польских кораблей из Гданьки
- Положение польских войск на 8.9
- Наступление немецких войск 9-17.9
- Направление отхода польских войск из района Познань

ли всю западную границу, а армия «Поможе» уже была уничтожена. Сомнения и без того колебавшихся французов могли заметно окрепнуть. А стоит ли надрываться ради уже разбитого союзника? Перефразируя Бисмарка: стоит ли Померания костей хоть одного французского гренадера? И генерал Гамелен решил: не стоит. Утверждения, будто он ожидал, что поляки продержатся три или четыре месяца, выглядят явно несерьезно. Первые же три дня войны показали, что это чистая фантастика. Вероятно, он предполагал развитие событий по сценарию прошлой войны с той только разницей, что теперь французская армия будет отсиживаться не в полевых укреплениях, а бетонных казематах линии Мажино. И досидится там до полной победы. Ограниченное наступление, начатое в Сааре 4 сентября, уже 7 сентября было остановлено, а 12 сентября французские войска вернулись на исходные позиции. На этом завершилось их участие в Польской кампании.

Причины, подтолкнувшие маршала Рыдз-Смиглы принять предложение командующего армией «Познань» генерала Кутшебы и нанести контрудар по северному флангу немецкой 8-й армии, тоже остаются сокрытыми во мраке. С самого первого дня войны эта армия занимала крайне выгодное положение — перед ней находились только немецкие дозоры, главные бои шли севернее и южнее. Но армия не двинулась с места. Позднее 8-я армия просто нарочно подставила Кутшебе свой фланг, и снова генерал предпочел переложить ответственность на главнокомандующего. Однако маршал Рыдз-Смиглы спохватился, лишь когда положение стало отчаянным. Кстати, немцы видели эту опасность, Рундштедт предупреждал командующего 8-й армией генерала Бласковица о возможных контрвыпадах поляков, но все опасения развеяла немецкая разведка. Абвер сообщил, что армия «Познань» по железной дороге перебросена в Варшаву! В войне против Польши подобные ошибки сходили немцам с рук. В войне против Советского Союза они очень дорого заплатили за неспособность абвера получать хотя бы мало-мальски достоверные сведения о противнике.

Вечером 9 сентября поляки силами 3 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад обрушились на левофланговые пехотные дивизии Бласковица — 24-ю и 30-ю, которые растянулись по дорогам, изо всех сил стараясь догнать ушедшие вперед танковые дивизии. К вечеру 10 сентября они начали отступать, поляки даже захватили 1500 пленных из состава 30-й дивизии. Однако это была маленькая локальная удача, так как наступление было организовано плохо.

«В неувязках и колебаниях поляки потеряли трое суток (11—13 сентября). За это время танковые части немецкой 10-й армии, отброшенные 8 и 9 сентября от Варшавы, были повернуты фронтом на запад. 13 сентября при поддержке до 200 самолетов они перешли в наступление против армий «Познань» и «Поможе», нанося удар теперь уже с востока от Варшавы и отрезав польским войскам пути отхода. Отвергая неоднократные требования врага о сдаче, польские воины вновь и вновь шли в атаку с надеждой прорваться из кольца. Однако численное и техническое превосходство немцев было подавляющим. Их самолеты непрерывно бомбили и обстреливали на бреющем полете польские позиции и районы сосредоточения войск. Пылали леса и деревни. Мужество польских солдат в бою поражало немцев, приводило их в замешательство. Польская кавалерия, вооруженная пиками и саблями, неоднократно бросалась в отчаянные атаки, а пехота с песнями шла вперед и попадала под удары артиллерии и авиации. 8-я армия, неся тяжелейшие потери, шаг за шагом пятилась к югу. Немецко-фашистское командование было вынуждено срочно перебросить из-под Радома в район Кутно дополнительно 15-й моторизованный корпус и другие части. Польская группировка пробилась в Кампиносские леса восточнее Варшавы, но здесь была полностью окружена и расчленена. Лишь незначительная ее часть прорвалась в Варшаву и Модлин. К 18 сентября немцы захватили около 100 тыс. пленных».

Командующий Группой армий «Юг» Рундштедт принял характерное для периода успешного блицкрига решение. Вместо того чтобы встретить польскую атаку лобовым ударом, Рундштедт решил воспользоваться возможностью, что-

бы отрезать и уничтожить собранные поляками силы. 1-я и 4-я танковые дивизии, уже вышедшие к окраинам Варшавы, получили приказ повернуть на запад и не допустить прорыва армии «Познань» к столице. Одновременно, пользуясь высокой мобильностью своих войск, немцы подтянули резервы, и превосходство в силах перешло уже к ним. Против 9 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад Рундштедт бросил 19 дивизий, в том числе 5 танковых и механизированных.

Когда стало ясно, что контрудар особых выгод не принес и ударная группировка оказалась в опасном положении, Рьдз-Смиглы приказал ей отходить на юг к румынской границе. Это был, как бы выразиться помягче, неразумный приказ, и генерал Кутшеба решил вместо этого пробиваться к Варшаве. Однако немецкие танковые дивизии нанесли удар первыми. Именно здесь впервые панцер-генералы в полной мере использовали поддержку Люфтваффе. 16 сентября 820 самолетов нанесли мощный удар по дивизиям Кутшебы. Однако польский генерал сумел нащупать слабое место в кольце окружения — на севере позиции занимала только 4-я танковая дивизия. Именно здесь впервые была продемонстрирована важность поддержки прорвавшихся танков мотопехотой. Остатки польских кавалерийских бригад, а также 2 пехотные дивизии сумели ускользнуть. Поляки сопротивлялись еще 2 дня, а потом еще трое суток немцы провозились с ликвидацией отдельных очагов сопротивления. В плен попали 120 000 солдат. Первая операция блицкрига состоялась и завершилась успехом, хотя заслуги немцев в этом почти не было. Любой, кто интересуется военной историей, может с ходу назвать несколько подобных случаев, когда атакующий сам залезает в мешок, который остается только завязать. И мы еще увидим такие примеры.

Контрнаступление на Бзуре дало полякам временную передышку, которая, впрочем, надолго не затянулась. И все-таки армии «Варшава» и «Люблин» успели подготовиться к защите столицы. Позднее немецкие генералы признавали, что, если бы это контрнаступление было начато раньше, оно принесло бы им гораздо больше неприятностей. Однако го-

ворить, что ход кампании изменился бы, не следует. Дело в том, что уже первые бои продемонстрировали, что в двух компонентах немцы имеют решающее превосходство над противником. Первый — это гораздо большая мобильность войск. Они могли быстро перебрасывать подкрепления на угрожаемый участок с самых отдаленных секторов. Второй — налаженная система связи. Тот же самый Кутшеба просто не получил возможности собрать все силы, которые могли участвовать в контрнаступлении, а Рызд-Смиглы быстро потерял контроль над многочисленными армиями, разбросанными по всей стране. Самое печальное для союзников, что они этого не заметили, и в ходе весенней кампании 1940 года французская армия страдала от тех же самых проблем.

Интересно отметить, что Польская кампания носит фрагментарный характер, распадаясь на несколько отдельных эпизодов, слабо связанных между собой. Первый — это приграничные сражения, которые длились не более 4 или 5 дней. Это позволяет с полным основанием назвать Польскую кампанию молниеносной. Затем последовали бои на Бзуре, причем эта операция выглядела достаточно случайной и совсем не была обусловлена предыдущим развитием событий. И, наконец, третий эпизод — оборона Варшавы. Она делает честь польским солдатам, но эти бои уже не имели никакого военного и политического значения, потому что война давно уже была проиграна.

В этой связи хочется высказать крамольную мысль. Утверждение, что немцы пошли на огромный риск, сосредоточив почти все свои силы против Польши и оголив Западный фронт, давно уже перешло в категорию «все и так знают». Но если попытаться рассмотреть ситуацию объективно, то выяснится, что этот риск был скорее теоретическим. Неуклюжая и не завершившая мобилизацию французская армия не могла начать генеральное наступление сразу после объявления войны 3 сентября, а уже 7 или 8 сентября, в случае острой необходимости, немцы могли начать переброску сил на запад. Это лишь отсрочило бы конец Польши на неделю-другую. К тому же, как показали дальнейшие события, дей-

ствия французов были бы столь же замедленными и неудачными, как и поляков. Французская армия была не готова к современной войне, поэтому риск для немцев был минимальным.

Добавим, что знаменитая статья в журнале «Таймс» появилась 29 сентября, судя по всему, во многом под впечатлением массированных бомбардировок Варшавы. Напомним, что первый массированный налет был произведен 23 сентября, а самый сильный последовал 25 сентября. В нем участвовало 1300 немецких самолетов. Пользуясь тем, что польская авиация была полностью уничтожена, немцы привлекли к бомбардировкам даже транспортные самолеты Ju-52. 27 сентября гарнизон Варшавы капитулировал, немцы взяли в плен еще 140 000 польских солдат. То, что крепость Модлин продержалась до 29 сентября, уже никого не интересовало и ничего не меняло.

Впрочем, не только журналисты использовали красочные эпитеты, но даже официальные советские историки грешили этим:

«19 сентября командующий 8-й армией отдал приказ о подготовке генерального штурма, который предполагалось завершить к 25 сентября. В ночь на 22 сентября немцы приступили к артиллерийской и авиационной подготовке окончательного штурма. Шквал снарядов и бомб обрушился на Жолибож, Марымонт, Старое Место. Уже через два дня оказались полностью выведенными из строя электростанции и телефонная сеть, замолкло радио. Город погрузился во мрак. Следующий день был для варшавян наиболее трудным — авиационные и артиллерийские удары достигли наивысшей силы. Волна за волной налетали немецкие бомбардировщики на жилые кварталы; не встречая почти никакого противодействия, они методически разрушали город. Сотни людей, засыпанные обломками, зывали о помощи. Госпитали, больницы были переполнены ранеными. Убитых хоронили в городских скверах, на огородах. Отсутствие воды делало невозможной борьбу с пожарами. Варшава представляла собой море пламени».

Согласитесь, назвать это сухой историографической ра-

ботой сложно, на анализ тактических действий германских войск такое описание похоже еще меньше.

Резюме. Польская кампания дала первые примеры тактики блицкрига, хотя они во многом были обусловлены случайными факторами. Немцам удалось две операции на окружение, однако в Польском коридоре все было решено географией театра, а в ходе боев на Бзуре генерал Кутшеба сам загнал свои дивизии в ловушку, хотя не следует винить его слишком сильно. Он не представлял себе, насколько выше мобильность немецких соединений, поэтому не видел особой опасности для себя.

Глава 5

ЭТАЛОН БЛИЦКРИГА

Полагаю, всем, кто изучает военную историю, известно это сражение. Один из противников, соблазнившись внешне благоприятной возможностью, ослабил центр позиции, двинув крупные силы для атаки вражеского фланга. Другой воспользовался предоставленной ему возможностью, нанес удар прямо по ослабленному центру, прорвал его, прижал вражеские войска к водной преграде и уничтожил их, хотя отдельным группам и посчастливилось ускользнуть. Узнаете? Правильно, Аустерлиц, 1805 год. В смысле Седан, 1940 год. Странная параллель? Но если вы вдумаетесь, то будете вынуждены признать, что во многом параллель справедливая. Самая блестящая, самая известная победа Наполеона. Самая известная победа Вермахта. Но на этом сходство не заканчивается. Как у Наполеона, так и у немцев дальнейшие победы Вермахта вели Германию прямо в пропасть.

Итак, после нескольких месяцев странной войны немцы, которые высвободили свои основные силы, разгромившие Польшу, решили перейти к активным действиям. Первоначальный план наступления представлял собой почти точную кальку незабвенного плана Шлиффена и предусматривал удар по левому флангу французской армии — через Бельгию и Люксембург. Одновременно войска на линии Мажино

должны были ложными атаками создать у французов впечатление, что наступление готовится именно здесь. Но это коротенькое слово «почти» означало достаточно серьезные изменения. «*Aufmarschanweisung № 1, Fall Gelb*», составленный Гальдером, предусматривал тупой лобовой удар миллионной армии с целью отбросить французов за реку Сомма. Никаких маневров, никаких обходов. Гитлеру этот план не нравился, но, за неимением альтернатив, пришлось согласиться.

Началу наступления предшествовала целая настоящая детективная история, и даже не одна. Все началось 10 января 1940 года, когда легкий связной самолет Люфтваффе из-за сильного тумана разбился на территории Бельгии. Немедленно примчавшиеся пограничники увидели немецких офицеров, которые жгли какие-то бумаги. Пограничники сделали несколько выстрелов в воздух, и немцы сдались. Однако немного позднее майор Рейнбергер, который вез эти бумаги, устроил драку в помещении пограничного поста. Он пытался разорвать обгоревшие клочки бумаги, вырвать револьвер у бельгийского капитана, набить ему морду. В общем, вел себя очень достойно.

Причины для беспокойства у Рейнбергера были самые веские. В руки бельгийцев попал экземпляр оперативного приказа по 2-му Воздушному флоту, в котором раскрывался план немецкого наступления и были расписаны задачи частям и соединениям флота. Когда об этом стало известно Гитлеру, он пришел в бешенство. С присущим ему темпераментом он пообещал расстрелять весь свой Генеральный штаб, это «скопище дураков и изменников». Правда, гора родила мышь. Все завершилось снятием со своего поста командующего воздушным флотом генерала Гельмута Фельми и заменой его Кессельрингом.

И тут, буквально накануне начала наступления, возник Манштейн, который тогда занимал пост начальника штаба Группы армий «А». 12 января он с разрешения командующего группой армий Рундштедта, которому тоже не нравился план Гальдера, направил в ОКХ меморандум, в котором утверждал — достаточно резонно, — что теперь перспективы

наступления становятся неясными. Манштейн пытался доказать, что его реализация приведет к повторению кровопролитных и бессмысленных окопных боев. Утверждение более чем спорное. Однако главным в меморандуме Манштейна было другое — он предлагал принципиально иной план. В разработке операции ему помогал Гудериан, случайно оказавшийся в это время в штабе группы армий.

Согласно этому плану главный удар предлагалось нанести южнее — в районе Седана, чтобы отсечь армии союзников, выдвигающиеся в Бельгию. Манштейн безапелляционно утверждал: «Только реализация этого плана даст в результате решительную победу над французской армией». ОКХ поступило именно так, как и положено поступать любой нормальной бюрократической конторе, и отфутболило меморандум наверх, в ОКВ, предоставив право решать начальству. Гальдер заявил, что предложение Манштейна выйти к Седану на пятый день операции абсурдно. Манштейн подверг ОКХ массовой бомбардировке планами, направив туда 7 меморандумов за два месяца.

Чтобы избавиться от назойливого подчиненного, Гальдер избрал самый верный способ: убраться с повышением. Манштейна назначают командиром корпуса и переводят к новому месту службы в Восточную Пруссию. 30 января после инцидента с самолетом утверждается новый вариант плана Гальдера. То есть ошибаются те историки, которые заявляют, будто именно этот инцидент привел к принятию плана Манштейна.

Однако положить под сукно план Манштейна не удалось. Результаты двух штабных игр подтвердили, что в целом он прав. Более того, с помощью закулисных маневров удалось добиться вызова Манштейна в Берлин, где он 17 февраля представил свой план Гитлеру. И фюрер его одобрил! После этого Гальдер уже не осмелился возражать. После этого события понеслись галопом. 24 февраля Браухич подписывает новый вариант оперативного плана «Гельб», но при этом Гальдер все-таки ухитряется внести в него свои коррективы, которые фактически выхолащивали идею Манштейна. Удар предусматривался, но за ним не следовало развитие успеха.

Началась перегруппировка сил и подготовка, и требовалось только назначить командующего ударной группировкой. Было бы естественно увидеть на этом посту одного из панцер-генералов, в первую очередь Гудериана. Однако, увы, он имел один серьезный недостаток — временами, в самый неподходящий момент, он проявлял пессимизм. Вот и сейчас он позволил себе в присутствии Гальдера брякнуть, что не уверен в успехе, потому что танковая операция спланирована неверно. (В скобках заметим — это была чистая правда.) В результате главный удар нанесла танковая группа «Клейст», а не танковая группа «Гудериан», хотя старый кавалерист Эвальд фон Клейст вряд ли был идеальным командиром для такой операции. Гудериан так и остался командиром XIX танкового корпуса. В состав танковой группы вошли XIX танковый корпус (Гудериан), XXI танковый корпус (Рейнхардт), IV моторизованный корпус (фон Витерсгейм).

Чтобы яснее представить происходившее потом, необходимо привести численный состав немецких танковых сил. На 1 мая 1940 года в сухопутных войсках числились: 1077 Т-I, 1092 Т-II, 143 35(t), 238 38(t), 381 Т-III, 290 Т-IV и 244 командных танка, хотя действительная численность танковых полков, конечно, была меньше. Но обратите внимание: из 3465 танков 1077, или 31% — это совершенно ни на что не годные Т-I, а еще 1092 танка, или 31% — ограниченно годные Т-II. То есть фактически две трети Панцерваффе годились только для парадов.

И вот после 9 месяцев затишья Западный фронт пришел в движение. Первая молния сверкнула вечером 9 мая 1940 года, когда германские войска начали вторжение в Люксембург. Ночь. Парашютисты генерала Штудента высадились в нескольких местах на территории Бельгии и Голландии. Самым замечательным их успехом стал захват мощного бельгийского форта Эбен-Эммаэль. Эта операция заслуживает отдельного подробного описания, но нас она интересует лишь в том плане, что теперь была открыта дорога войскам Группы армий «Б». В открывшуюся брешь рванулись дивизии XVI танкового корпуса Эриха Гёппнера.

Это окончательно убедило французов, что немцы снова

действуют согласно плану Шлиффена. Генерал Гамелен приказал начать выдвижение войск на север, в Бельгию. Реакция немецкого командования была предсказуемой: «Ради бога, только не мешайте им!» Ведь чем больше войск окажется внутри планируемого котла, тем лучше. Ошибку усугубил Черчилль, который настоятельно требовал ввести войска на бельгийскую территорию и настаивал на переброске новых подкреплений именно для этого. Можно сказать, что англичане и французы принялись радостно заталкивать друг друга в расставленный капкан.

Одновременно была реализована одна из идей блицкрига — использование господства в воздухе. Люфтваффе нанесли удар по «мирно спящим» англо-французским аэродромам. Правда, генерал д'Астье в своем рапорте утверждал, что в результате удара по 50 аэродромам были уничтожены всего 4 самолета, а еще 30 повреждены. Верить этому или нет — дело ваше.

Командующий французской 2-й армией генерал Хюнтцигер приказал 2-й и 3-й легким механизированным дивизиям нанести удар во фланг Гёппнеру. Немцы находились в сложном положении, поскольку уже начали испытывать проблемы с топливом. Их пехота и артиллерия начали отставать. Но снижать темп наступления никто не собирался. Командир 4-й танковой дивизии генерал-лейтенант Штевер потребовал организовать доставку топлива по воздуху.

В результате 12—13 мая в районе Ханнута состоялось крупнейшее на тот момент танковое сражение, в котором участвовало около 1200 танков. Рано утром 12 мая немецкая 4-я танковая дивизия атаковала позиции французской 3-й легкой механизированной дивизии (DLM) в районе этой деревни.

«Сначала произошли столкновения легких сил. Машины DLM столкнулись с сильной завесой немецкой танковой дивизии. Начались схватки между бронеавтомобилями, мотоциклистами и отдельными французскими 25-мм противотанковыми орудиями. Наши командиры сообщали по радио, что ведут огонь по крупным силам немцев, как только те появляются».

Постепенно накал битвы нарастал, так как в дело вступили главные силы 4-й танковой дивизии. Увы! Эта дивизия имела на вооружении танки Т-I и Т-II, боевые качества которых мы уже рассматривали. Им противостояли «Сомуа» S-35 и «Гочкисс» H-35. Столкновения с французскими танками они не могли выдержать, а снаряды даже 25-мм пушек прошивали их тонкую броню, как иголка лист бумаги. Немецкие же пушки ничего не могли сделать с 40-мм броней. Помните отчеты по Гражданской войне в Испании? Вот где аукнулось решение «отложить и подождать».

Все это вылилось в форменный анекдот. Командир одного из немецких танков, придя в полное отчаяние от своей беспомощности, вскарабкался на «Гочкисс» и попытался молотком разбить призмы смотровых приборов, но сорвался и был раздавлен гусеницами.

На второй день Гёппнер сосредоточил обе свои танковые дивизии и при поддержке авиации мощным ударом прорвал фронт. Французы, которые равномерно размазали свои танки вдоль линии фронта, не смогли оказать сопротивления и начали отступать. Заметьте: пока еще только отступать, не бежать, потеряв голову. Примечательно то, что даже после начала боя командир французского корпуса генерал Приу так и не решился свести свои силы в один кулак.

Позднее французы утверждали, что подбили около 160 немецких танков, потеряв 120 своих. Однако поле боя осталось за немцами, которые впоследствии смогли отремонтировать многие из поврежденных машин. Их безвозвратные потери составили всего 50 танков.

Нужно отметить, что это было не просто первое танковое сражение Второй мировой войны. Это было знаковое событие, наглядно показавшее разницу в военных доктринах. Немцы отмечали, что даже броня и мощное вооружение не помогают французам, так как их танки имели органические пороки, снижающие боевую эффективность. Заметьте, здесь ясно проступает разница между бумажными характеристиками и реальной боевой ценностью даже не танка, а танкового соединения. Кроме того, выяснилось, что французы не способны организовать взаимодействие разных родов

войск, что позволило таким тихоходным самолетам, как Ju-87 и Hs-123, безнаказанно действовать над полем боя.

В это время уже начинает становиться заметной разница в настояниях немецких генералов в высших штабах и на поле боя. Гёппнером овладела «победная лихорадка», и 14 мая он бросил свои дивизии на окопавшуюся французскую пехоту. Результат оказался вполне предсказуемым: 42 танка были сожжены за один день. В итоге в составе 4-й танковой дивизии осталось всего 137 танков из 314, имевшихся 6 дней назад. Конечно, не все танки были потеряны безвозвратно, часть их можно было отремонтировать, и их отремонтировали. Однако потери в личном составе восполнить было гораздо сложнее.

В центре продвижение Группы армий «А» сначала было медленным, но сражались немцы не столько с противником, сколько со скверными дорогами. При этом танковые колонны были надежно прикрыты с воздуха истребителями, поэтому союзники оставались в блаженном неведении относительно готовящегося удара. Однако 12 мая немцы вышли на берега реки Маас, где дальнейший путь был блокирован крепостью Седан. Французы были убеждены, что для штурма Седана немцам придется собрать крупные силы пехоты, подтянуть тяжелую артиллерию, а все это дело долгое, и подготовить штурм удастся не ранее 20 мая. Это примерно совпадало с расчетами Гальдера. В первый, но далеко не в последний раз генералы старой школы не понимают характера современной войны и просто не успевают за событиями. Командующий 2-й армией генерал Хюнтцигер приказал 71-й пехотной дивизии выдвинуться в район Седана и отвел на переход в 50 километров целых два дня. В результате XIX танковому корпусу противостояла одна 55-я пехотная дивизия, но и ее командир, генерал Лафонтэн, не слишком беспокоился. Он полагал, что у него есть время получше оборудовать позиции и подготовиться к удару немцев. Однако у Гудериана имелся собственный план. Он не собирался давать французам «от четырех до шести дней», на которые они рассчитывали. Гроза собиралась очень долго, и вот ударила первая молния блицкрига.

13 мая полки мотопехоты 1, 2 и 10-й танковых дивизий начали форсирование реки, вот только вместо артиллерийской подготовки немцы использовали авиацию. Геринг пообещал Гудериану бомбовый удар неслыханной мощи и, как это ни странно, свое обещание выполнил. 9 бомбардировочных эскадр совершили в течение дня 3940 вылетов, засыпав позиции французской пехоты градом бомб. Непосредственную поддержку немецкой пехоте оказывали пикировочные эскадры, которые совершили около 300 вылетов. Можно только удивляться, почему французская оборона не распалась сразу, поскольку часть укреплений сумела продержаться до вечера. Вот как это описывает очевидец:

«Примерно в полдень появились «Штуки». Сотни самолетов в плотном строю. «Штуки» действовали тремя группами примерно по 40 самолетов каждая. Первая заходила в пике с высоты 5000 футов по два или три самолета за раз, пока вторая кружила на высоте 12 000 футов, следя, какие цели не будут уничтожены первой группой. После этого она сама атаковала их. Третья группа действовала отдельно, выбирая движущиеся цели. После «Штук» за работу снова принялись «Дорнье». Вокруг них жужжали Me-109 и более тяжелые Me-110, расстреливая более тихоходные французские истребители, которые пытались атаковать уязвимые «Штуки».

Взрывы тяжелых бомб буквально переворачивали батареи, уничтожали орудия. Грязь и пыль заклинивали зенитные автоматы. Наблюдатели в бетонных бункерах ничего не видели из-за дыма и пыли. Все телефонные линии были разорваны. Шум стоял просто ужасающий».

У страха глаза велики, и моральный дух французов был сломлен. Первой бежала артиллерия, бросив пехоту на произвол судьбы. В 14.30 открыла огонь немецкая артиллерия. При этом Гудериан нашел своим зениткам, временно оставшимся без дела, необычное применение. Они открыли огонь прямой наводкой по французским бункерам и дотам. В результате части 1-й танковой дивизии вклинились в глубь обороны, после чего не выдержала и французская пехота. Охваченная паникой, 55-я дивизия бежала, бросив даже не атакованные участки фронта. «Толпа беженцев безостанов-

вочно текла через деревню. Все подразделения дивизии, находившиеся в этом районе, — боевые части, штабы полков, колонны снабжения, автопарки — все бежали на юг. Все офицеры словно получили неизвестно откуда приказ «отступить», — с горечью вспоминал генерал Лафонтен. В результате к утру 14 мая фронт был прорван, причем ни один немецкий танк еще даже не успел переправиться через реку.

Немецкие саперы сразу начали наводить понтонный мост на участке 1-й танковой дивизии, которая добилась наибольших успехов. Французское командование осознало, чем грозит переправа немцев через Маас, хотя истинных масштабов опасности оно не представляло. Было решено попытаться уничтожить переправы ударом с воздуха. Но, как говорится, если двое делают одно и то же, совсем не обязательно, что у них получится одно и то же. Немецкая авиация свою задачу выполнила. Союзная — нет. Гудериан собрал в районе переправ огромное количество зениток. Основу ПВО составил 102-й зенитный полк, к которому добавились зенитные подразделения дивизий корпуса. Всего удалось собрать 302 зенитных орудия. Также было организовано патрулирование истребителей.

Союзники бросили на уничтожение переправы 152 бомбардировщика и 250 истребителей. Небо над Седаном превратилось в пылающую топку. В результате союзники потеряли 114 бомбардировщиков (в основном английских) за один день.

Чтобы подбодрить солдат, Гудериан демонстративно расположился именно на мосту. Более того, когда прибыл командующий Группой армий «А» Рундштедт, Гудериан решил рапортовать ему на том же мосту в разгар очередного налета. Вот что пишет об этом он сам:

«Между тем 2-я танковая дивизия форсировала Маас у Доншери и готовилась к наступлению на высоты вдоль южного берега реки. Я поехал туда, чтобы ознакомиться с ходом боя. Встретив ответственных командиров полковников фон Верст и фон Притвиц в боевых порядках частей и поговорив с ними, я снова вернулся к Маасу. Там самолеты противника начали интенсивную бомбардировку. Но чрезвычайно храб-

ро атаковавшим французским и английским войскам все же не удалось достичь моста. Потери их были велики. Зенитная артиллерия праздновала свой день, она стреляла отлично. К вечеру она имела на своем счету около 150 сбитых самолетов. Впоследствии командир полка полковник фон Гиппель был награжден орденом «Рыцарский крест».

Между тем 2-я танковая бригада непрерывным потоком переправлялась через реку. В середине дня, к нашей общей радости, нас посетил командующий армейской группой генерал-полковник фон Рундштедт, чтобы ознакомиться с обстановкой. Я встретил его с докладом на середине моста как раз во время нового воздушного налета. Он сухо спросил: «Здесь всегда так?» Я мог чистосердечно подтвердить это. Затем он очень тепло поблагодарил храбрые войска».

Впрочем, помимо зенитчиков отличились и летчики. В истребительных эскадрах II авиакорпуса 14 мая позднее стали называть «Днем истребителей». Но самым главным было то, что к вечеру 600 танков переправились через реку — Гудериан приказал подтянуть и танковые полки 2-й дивизии, которая не сумела расширить свой плацдарм.

Немецкое командование (Рундштедт и фон Клейст) предпочитало действовать испытанными старыми методами, не понимая стремительного характера блицкрига. Поэтому Гудериан получил приказ закрепиться на плацдарме, подтянуть тылы и лишь потом думать о продолжении наступления. Однако Гудериан думал иначе. 14 мая он двинул свои танковые дивизии дальше. 1-я и 2-я наступали на запад, расширяя прорыв, а 10-я дивизия при поддержке моторизованного полка «Гроссдойчланд» нанесла удар на юг в тыл линии Мажино. Это предусматривалось первоначальным планом Манштейна, но лишь в качестве обманного маневра, чтобы как можно дольше держать французов в неведении относительно направления главного удара. Однако командующий французской 2-й армией генерал Хюнтцигер сам решил немедленно нанести удар по немецкому плацдарму с этого направления.

Командир X корпуса генерал Грансар сумел наскрести для атаки 4-й и 7-й танковые батальоны, вооруженные тан-

ками FCM-36, которые классифицировались как танки поддержки пехоты. Их главным недостатком была скорость — не более 24 км/ч, ведь такому танку нет нужды обгонять пехотинца. Танки должны были поддержать 205-й и 213-й пехотные полки. Однако немедленная атака не получилась. Паника уже начала разъедать французскую армию, словно кислота. Командир 213-го полка убедил генерала Лафонтэна не двигать его полк навстречу толпе беженцев во избежание полного хаоса. Командир 7-го танкового батальона заявил, что не получал никакого приказа. 205-й полк тоже задержался, чтобы пропустить беженцев. Командир 4-го танкового батальона просто решил остановиться на ночь. В результате лишь утром 14 мая французы собрались с духом, причем атаковали только 4-й танковый батальон и 213-й полк. Завязались встречные бои, которые во многом повторили опыт описанных выше столкновений возле Ханнута.

Первые стычки завершились не в пользу немцев, которые потеряли несколько танков. Однако командир 1-й танковой дивизии генерал Кирхнер, который переправился через реку вместе с авангардом, сумел организовать оборону. Немцы сумели использовать скорость и маневренность своих танков, а также козырь, которым они били карты всех противников еще несколько лет, — отлично поставленную систему связи.

Немецкие танки, как выяснилось, могут обойти французские и расстрелять их с фланга и тыла. Но здесь речь может идти только о T-III и T-IV. Кстати, как нетрудно заметить, немцы использовали ту же самую тактику, которую позднее применяли наши танкисты в борьбе с мощными, но неповоротливыми немецкими танками. Как меланхолически замечают германские историки, легкие танки в очередной раз доказали свою полную непригодность к боевому использованию. Поскольку утром 13 мая в бой вступили только 4 роты танков T-I, результату удивляться не приходится. Впрочем, разогнать французскую они все-таки сумели.

Не лучше показали себя и 37-мм противотанковые пушки. Единственным способом борьбы с французскими танками оказался беглый огонь в расчете на то, что засыпанный

градом снарядов танк таки получит хоть одно попадание в уязвимое место. Однако в этом же бою состоялся боевой дебют самого успешного и самого страшного противника танков — 88-мм зенитки. Это были слегка переделанные орудия, установленные на 12-тонном полугусеничном транспортере Sd.Kfz.8. Они входили в состав 8-го тяжелого батальона истребителей танков, приданного 1-й танковой дивизии. Вот уж этим снарядам не мог противостоять ни один танк того времени. Здесь же, в составе полка «Гроссдойчланд», впервые участвовали в бою самоходные орудия StuG-III.

14 мая стало критическим днем операции, но кризис миновал, и французы начали постепенно терять надежду. Зато немцы, как и на севере, от уверенности перешли к самоуверенности, а потом и к нахальству. Их отношение к противнику лучше всего характеризует описанная Гудерианом сцена:

«Снова вперед, к 1-й танковой дивизии! Я встретил командира дивизии в сопровождении его начальника штаба майора Венка и спросил, можно ли повернуть всю дивизию на запад или же часть сил следует оставить для прикрытия фланга, развернув их фронтом на юг восточнее канала Дез-Арден. Венк сказал, размышляя вслух: «Стоит ли пачкаться!» Я сам часто употреблял это выражение. Вопрос был решен, 1-я и 2-я танковые дивизии немедленно получили приказ повернуть всеми силами направо, форсировать канал Дез-Арден и продвигаться на запад с задачей завершить прорыв фронта французов».

Действительно, стоит ли пачкаться? Но, с другой стороны, это было то самое слабое место тактики блицкрига, о котором мы уже говорили — образуется разрыв между танковым авангардом и пехотой. Однако этот недостаток еще нужно было суметь использовать, а французам это не удалось, хотя они и совершили несколько попыток.

Вяло начавшееся немецкое наступление все больше и больше напоминало хрестоматийный пример блицкрига. Гудериан и Роммель, открыто нарушив полученные приказы действовать осторожно, продолжали наступление, разви-

вая успех. Кстати, эта деталь тоже ставит под вопрос реальность блицкрига в советском исполнении. Для дисциплинированного немецкого генерала было психологически очень сложно нарушить приказ — вспомним пресловутые традиции прусской армии! Но все-таки командование учитывало старый военный принцип: командиру на месте виднее. Особенно если такое неповиновение приносило удачу, в противном случае командир мог разделить судьбу генерала Шпонека. Зато советский генерал постоянно находился под дамокловым мечом. Повторять басни о «зверствах кровавой гэбни» не хочется, мы просто порекомендуем вам перечитать мемуары В.К. Попеля «В тяжкую пору», в которых очень красочно описываются советские методы управления войсками. Маленькая справка. Не следует смотреть на выходные данные свежей книги издательства АСТ. Первое издание увидело свет в 1959 году еще в «Оборонгизе», предшественнике «Воениздата», то есть в дремучие «совковые» времена! Судите сами, **как именно** вел себя комиссар Вашугин, если **тогда** об этом решились написать! Подозреваю, что он общался с командиром танкового корпуса на чистом русском с редкими вкраплениями литературного.

Однако вернемся во Францию. День 15 мая стал решающим моментом всей кампании. В ходе не слишком продолжительных и не слишком упорных боев танковый корпус Гудериана взломал оборону французов под Седаном, и теперь настало время пожинать плоды тактической победы, превратить ее в победу оперативную и даже стратегическую. Словом, перед Гудерианом открывались блестящие перспективы, если бы не одно маленькое «но» — запрет наступать дальше до того, как подойдет пехота и закрепиться на плацдарме. Клейст и Рундштедт пытались превратить молниеносный танковый удар в тягучее пехотное наступление. И Гудериан решил нарушить приказ. Приказ командующего танковой группой, приказ командующего группой армий, приказ Верховного Главнокомандующего Адольфа Гитлера, который запретил танкам после форсирования Мааса двигаться на запад. После короткого совещания со

своим штабом он поворачивает 1-ю и 2-ю танковые дивизии на запад. Начальник оперативного отдела штаба 1-й танковой дивизии майор Вальтер Венк напомнил Гудериану его же собственный афоризм: «*Klotzen, nicht Klekern!*» Начался «Бег к морю», который завершился для немцев гораздо более удачно, чем в 1914 году. Кажется, никто из историков не заметил, что с этого момента план «Гельб» превратился в пачку макулатуры. Центр тяжести операции сам собой сместился из Бельгии на юг, в полосу действий корпуса Гудериана, который и принес немцам победу.

15 мая через Маас переправилась 10-я танковая дивизия, и Гудериан приказал ей вместе с полком «Гроссдойчланд» нанести отвлекающий удар на юг. Этот маневр был предусмотрен планом Манштейна, в разработке которого принимал участие и Гудериан, однако Гальдер вычеркнул его из плана «Гельб». Вычеркнул? Ну и что?! Гудериан уже пошел на одно крупное нарушение приказов командования, поэтому такая мелочь его уже не волновала.

Французы попытались нанести контрудар как раз с этого направления, и завязались бои, которые тянулись несколько дней, но не принесли особого успеха ни одной из сторон. В конце концов 17 мая подтянулись немецкие пехотные дивизии, которые сменили 10-ю танковую. Гудериан и ее немедленно направляет поддерживать наступление на запад. Впрочем, наступлением это назвать нельзя. Скорее это было продвижением или даже просто форсированным маршем, так как сопротивление французов практически прекратилось. Вот он, блицкриг в чистом виде — беспрепятственный рейд по тылам с целью окружения вражеских войск на других участках фронта.

Формально перед Гудерианом еще находилась так называемая «Армейская группа Тушона», которая позднее была переименована в 6-ю армию. Но при поддержке авиации 1-я танковая дивизия просто разогнала встреченные французские части. 2-я танковая дивизия прошла сквозь брошенную ей навстречу 53-ю пехотную дивизию, даже не заметив этого.

Ситуация все больше и больше напоминала разгром. 2-я армия понесла тяжелые потери, 9-я армия просто развали-

лась, 6-я армия даже не успела толком сосредоточиться. И все это было достигнуто всего за три дня боев! Впрочем, на других участках фронта дела у союзников шли немногим лучше. Выдвигающиеся в Бельгию войска столкнулись с частями XV танкового корпуса Германа Гота и тоже потерпели поражение. Здесь впервые отличился командир 7-й танковой дивизии Эрвин Роммель, до того считавшийся всего лишь одним из любимчиков Гитлера.

Паника начала распространяться по французским тылам подобно лесному пожару. Вскоре пылало буквально все — снизу доверху. 15 мая, когда еще далеко не все было потеряно и исход сражения представлялся не до конца ясным, премьер-министр Франции Поль Рейно позвонил премьер-министру Англии Уинстону Черчиллю и в истерике прокричал: «Мы разбиты. Мы разгромлены. Мы проиграли битву!» После этого, разумеется, у Франции не было совершенно никаких шансов.

Растерянность и хаос царили повсюду. Одна из самых мощных дивизий союзников — французская 1-я легкая механизированная — 10 мая находилась в районе Дюнкерка. Ее спешно двинули на север, на помощь Голландии. Но, когда дивизия совершила марш в 220 километров, она встретила лишь бегущих на юг голландцев. Дивизия направилась обратно на юг. В результате, когда она встретилась с немцами, из первоначально имевшихся 80 танков «Сомуа» S-35 в строю остались только 3. С подобными маршами, контрмаршами, маневрами и передислокациями мы еще встретимся на других фронтах... Но везде и всегда (по крайней мере, в начальный период войны) командование союзников оказывалось принципиально неспособно оперативно реагировать на стремительные изменения обстановки.

Утром 16 мая 7-я танковая дивизия генерала Роммеля готовилась прорывать линию Мажино, хотя наступала гораздо дальше на запад. Просто немцы полагали, что на всем протяжении французской границы построены мощные укрепления. Однако Роммель встретил лишь жиденькие противотанковые препятствия и редкую цепочку дотов. Далекое не во

всех дотах находился гарнизон, а часть из них стояли просто закрытыми на замок!

Но вернемся к прорыву под Седаном. Теперь наступлению Гудериана мог помешать только один противник — собственное командование. И оно постаралось это сделать. Первый приказ остановиться он получил на следующий день после начала наступления. Оперативно, что и говорить! Вечером 15 мая штаб танковой группы «Клейст» прислал грозную директиву: закрепиться на плацдарме и дожидаться прибытия пехоты. Хотя именно в это время немецкие танки без особых усилий прорвали последнюю линию обороны французов. Теперь между ними и берегами Ла-Манша не было ничего. Последовала весьма оживленная переписка по телефону, в ходе которой Гудериану удалось вырвать у Клейста разрешение «расширить плацдарм, чтобы пехотные корпуса могли последовать за нами». Гудериан специально нашел предельно расплывчатую формулировку, прикрываясь которой он мог позволить себе делать все что угодно.

К ночи 16 мая танки Гудериана вышли к реке Уаза, но в этот же день зарвавшегося панцер-генерала попытался остановить уже командующий Группой армий «А» фон Рундштедт. Его беспокоили растянутые и совершенно незащищенные фланги танкового корпуса, которые прямо-таки напрашивались на атаку. Рундштедт не понимал, что французы уже просто не в состоянии атаковать, поэтому он установил предельный рубеж продвижения Бомон — Ирсон — Монкорнэ — Гринькикур, переходить который могли «только авангарды», но и тем запрещалось удаляться от этого рубежа более чем на 48 километров. Танкам же двигаться дальше было категорически запрещено.

Фон Клейст, Рундштедт, Гальдер были поражены легкостью, с которой немецкие танки сокрушили оборону французских армий. Они постоянно в чем-то сомневались и чего-то опасались и передали свои опасения Гитлеру, который, по инициативе генералов, задержал наступление на два дня, приказав подтянуть пехотные части. По его распоряжению фон Браухич от имени ОКХ утвердил очередной «стоп-приказ». Гудериан счел это ошибкой и пошел на крайнюю меру.

«После блестящего успеха 16 мая и успешных боев 41-го армейского корпуса мне и в голову не могло прийти, что мои начальники по-прежнему думают закрепиться на переднем укреплении у Мааса и ожидать прибытия пехотного корпуса. Мною всецело овладела идея, которую я высказал в марте на докладе у Гитлера, а именно, завершить прорыв и не останавливаться до самого берега Ла-Манша. Я совершенно не мог себе представить, что сам Гитлер, одобряющий смелый план наступления Манштейна и не протестовавший против моего замысла осуществить прорыв, может испугаться собственной смелости и остановить наступление. Однако я чудовищно заблуждался, это стало мне ясно на следующее утро.

Утром 17 мая мне сообщили из штаба танковой группы, что наступление должно быть остановлено, а я должен явиться в 7 часов на посадочную площадку для личной беседы с генералом фон Клейстом. Последний появился точно в назначенное время и, не ответив на мое приветствие, начал резко упрекать меня в том, что я игнорирую замыслы верховного командования. Он не обмолвился ни одним словом относительно успехов моих войск. Когда первая буря миновала и наступило затишье, я попросил, чтобы меня сняли с командования. Генерал фон Клейст удивился, затем кивнул головой и приказал мне передать командование корпусом старшему после меня командиру. На этом наш разговор был закончен. Я направился на командный пункт, вызвал генерала Фейеля и передал ему командование корпусом».

Однако, к огромному облечению Гудериана, в тот же день в его штабе появился генерал Лист. Он командовал 12-й армией, наступавшей следом за Гудерианом. Он сообщил, что командующий группой армий не утвердил отставку и, более того, разрешил «ведение активной разведки крупными силами» при условии, что штаб корпуса останется в Монкорне. Гудериан истолковал это разрешение весьма своеобразно и продолжил наступление. Нет, штаб действительно остался на прежнем месте, зато сам командир корпуса опять отправился в передовые части. Но все-таки этот «стоп-приказ» украл у него два дня. Впрочем, нет худа без добра, тан-

кисты получили очень нужный им отдых и слегка подремонтировали свои машины.

Степень растерянности французского руководства лучше всего характеризует тот факт, что, когда Рейно 16 мая сместил главнокомандующего Гамелена, французская армия оказалась обезглавленной на три дня, причем в самый критический момент. Лишь 19 мая из Сирии прилетел генерал Вейган, который... продолжил стратегию пассивного сопротивления Гамелена, но в еще более ухудшенном варианте. Французские генералы по-прежнему верили, что решающей силой остается пехота.

К сожалению для них, решающей силой в этой битве были танки, поддержанные авиацией. Впрочем, будем справедливы. Если бы не умелые саперы, которые быстро навели мосты, способные выдержать тяжелую технику, наступление не состоялось бы. А защитить переправу помогли зенитчики. То есть мы видим почти идеальный пример взаимодействия разнородных сил. И все-таки первую скрипку играли танки и авиация. Во многом своими успехами Гудериан был обязан тесному взаимодействию с VIII авиакорпусом фон Рихтгофена. Вместе с передовыми частями следовали офицеры связи Люфтваффе, имевшие свои собственные машины с рациями. При необходимости они вызывали грозные Ju-87 из StG 77 и StG 2. Начальник штаба Рихтгофена позднее с легкой тоской вспоминал, что «никогда более не была создана столь совершенная система планирования и проведения совместных операций». Пикировщики появлялись над целью не позднее чем через 20 минут после вызова. Правда, иногда сбила даже эта машина. 20 мая штаб Гудериана был атакован собственными пикировщиками, и сопровождавшие командира зенитчики были вынуждены сбить один. Летчики были странно удивлены, когда обнаружили, кого бомбили. Потери в этом бою немцев против немцев составили одну бронемашину и один самолет. Но все-таки подобные накладки были единичными.

На рассвете 18 мая Гудериан возобновил движение на запад. «Сильным разведывательным отрядом» он, не слишком ломая голову, назначил всю 2-ю танковую дивизию. Кстати,

именно в эти дни состоялась встреча войск Гудериана с дивизией французского апостола танковой войны де Голля. 17 мая его танки попытались выбить немцев из Монкорне, но не преуспели в этом. Вот что пишет сам де Голль:

«19 мая на рассвете — в бой! Танки дивизии, преодолевая ряд последовательных рубежей, двинулись к Креси, Мортье и Пуйи. Они должны были овладеть мостами и преградить противнику путь на Ла-Фер. Танки сопровождала артиллерия. Разведывательный полк и пехотный батальон обеспечивали прикрытие правого фланга со стороны реки, у Барантона. В направлении Марль была выслана разведка. Утро прошло благополучно. Мы вышли к реке Сер, обратив в бегство различные вражеские подразделения, которые просочились в этот район. Но на северном берегу реки противник занимал оборону. Он прочно удерживал переправы и уничтожал наши танки, которые пытались к ним приблизиться. В бой вступила тяжелая артиллерия противника. Мы вошли в соприкосновение с крупными соединениями немцев, двигавшихся к Сен-Кантену. Чтобы форсировать водную преграду и выдвинуть вперед танки, нам не хватало пехоты и мощной артиллерии. В эти минуты я не мог не думать, на что была бы способна механизированная армия, о которой я так долго мечтал. Если бы я располагал сейчас такой армией, чтобы внезапно вырваться к Гюизу, сразу было бы остановлено продвижение немецких танковых дивизий, их тылы оказались бы охвачены смятением, Северная группа армий смогла бы вновь соединиться с армиями Центрального и Восточного фронтов.

Однако наши силы в районе севернее Лана крайне ничтожны. Поэтому немцам удастся форсировать реку Сер. Еще накануне они начали переправляться через нее в Монкорне, который мы уже оставили, а с полудня переправлялись также и в пункте Марль. Они атаковали наш правый фланг на реке в пункте Барантон и наши тылы в Шамбри, бросив в наступление большое количество танков, самоходных орудий, минометов на автомашинах и мотопехоты. А тут еще появились их пикирующие бомбардировщики. Они совершали налеты до самой ночи, держа под угрозой автома-

шины, которые не могли передвигаться вне дорог, и открыто расположенные артиллерийские орудия. Во второй половине дня я получил приказ генерала Жоржа прекратить сопротивление. Развертывание 6-й армии было закончено, и мою дивизию предполагалось немедленно использовать для выполнения других задач. Я решил задержать противника еще на сутки, для чего сосредоточил дивизию вокруг Воржа, с тем чтобы иметь возможность нанести немцам фланговый удар, если они попытаются наступать из Лана на Реймс или на Суассон. Переправу через Эн я отложил на следующий день».

Увы, серьезных успехов де Голль не добился, хотя определенное беспокойство немцы испытали. Сам Гудериан эти события видел иначе:

«Угроза с фланга была незначительной; еще 16 мая мы знали о наличии французской бронетанковой дивизии, новом соединении генерала де Голля, которое, как уже упоминалось, впервые вступило в бой под Монкорне. Де Голль подтвердил наши данные через несколько дней. 18 мая несколько танков из его дивизии подошли на 2 км к моему передовому командному пункту в Ольнонском лесу, охраняемому лишь несколькими 20-мм зенитными пушками».

Итак, танки Гудериана мчались вперед. Примерно в полночь 20 мая, то есть всего через 6 дней после того, как началось наступление с плацдарма возле Седана, танки 2-й дивизии вышли к берегу моря у Абвиля. Гудериан отрезал все войска союзников, находящиеся в Бельгии и Северной Франции. В котел попало более миллиона солдат. Оставалось немного — уничтожить этот котел. Но в этот момент снова сдали нервы у командования. Вялая и нерешительная контратака горстки английских танков у Арраса, имевшая место 20 мая, перепугала Браухича и Рундштедта. Они задержали 10-ю танковую дивизию, следовавшую к Гудериану, «на всякий пожарный». Впрочем, Гудериан был готов действовать и без нее. Он планировал силами 1-й танковой дивизии захватить Кале, а 2-ю танковую двинуть на Булонь.

Только 22 мая Клейст освободил 10-ю танковую от роли никому не нужного резерва и разрешил ей следовать на по-

мощь Гудериану. Тот сразу направил ее к Кале, а 1-ю танковую дивизию двинул на север — на Дюнкерк. Ведь немецкая разведка еще 21 мая сообщила, что англичане намерены эвакуировать свой экспедиционный корпус через этот порт. 24 мая Гудериан находился всего в 24 километрах от Дюнкерка. Еще одно небольшое усилие — и ловушка окончательно захлопнется, тем более что уже подошел и танковый корпус генерала Рейнхардта. Они форсировали канал Аа — последнюю водную преграду на пути к Дюнкерку. Но в этот момент Гитлер отдал очередной приказ остановиться, причем теперь он был сформулирован категорически. Только этот знаменитый «стоп-приказ» спас английскую армию и сделал возможным «чудо у Дюнкерка». Немецкие танки простояли на месте трое суток, и этого хватило англичанам, чтобы вывезти с континента более 330 000 солдат. Это была самая крупная ошибка, совершенная немецким командованием во время кампании во Франции. Говорят, что Гитлер отдал этот приказ, исходя из политических соображений, таким образом он рассчитывал подтолкнуть Англию к мирным переговорам. Но этот вопрос выходит за рамки данной книги.

29 мая Гудериан получил приказ отвести свой корпус на восток и готовиться к операции «Рот» — удару на юг, который должен был окончательно добить французов. Вместе с ним ушла и 7-я танковая дивизия Роммеля. Немецкое командование провело перегруппировку войск, восполнило потери в танковых дивизиях. В ходе этих потрясающе успешных боев немцы потеряли 101 Т-I, 150 Т-II, 44 35(t), 43 38(t), 84 Т-III, 63 Т-IV и 44 командных танка. То есть всю тяжесть боев вынесли на себе относительно немногочисленные средние танки. Пехотные дивизии, почти не участвовавшие в боях, потери имели совсем незначительные. В итоге 71 французской дивизии противостояли 143 немецких. О чем здесь можно было говорить?

Кстати, будет справедливо, если здесь же мы приведем данные о потерях союзников. Французы потеряли около 1500 танков. Англичане переправили на континент 592 танка и потеряли все до единого. При этом в боях погибли 584 танка, и только 8 машин остались стоять на пляжах Дюнкерка.

То есть на самом деле черт, в смысле «Матильда», оказался далеко не так страшен, как его малевали.

Из опыта первых боев немцы сделали вывод, и даже целых два. Первый: действия танковых групп могут принести серьезный успех. Второй: для этого танковая группа должна иметь соответствующего командира. Убирать Эвальда фон Клейста, вроде бы одержавшего победу, было как-то неловко, и его оставили командовать танковой группой «Клейст», которая теперь состояла из XVI танкового и XIV моторизованного корпусов. Но параллельно с этим XIX танковый корпус Гудериана был преобразован в танковую группу «Гудериан». Наиболее отличившиеся дивизии его корпуса (1-я и 2-я танковые) вошли в состав нового XXXIX танкового корпуса, плюс Гудериан получил XLI танковый корпус. Все было готово к последнему акту трагедии.

Немцы начали наступление 5 июня на западном участке фронта. Французы сопротивлялись, как могли, но сила солону ломит, и после двух дней боев фронт был прорван. После этого оборона французов развалилась, и операция перешла в стадию преследования.

На востоке наступление началось 9 июня и фактически повторило сценарий боев под Седаном. Сначала пехота форсировала реку Эна, а потом в прорыв вошли танки Гудериана, которые начали стремительное продвижение в глубь Франции, склоняясь на восток, чтобы выйти к швейцарской границе и отрезать французские армии на линии Мажино. 10 мая XXXIX танковому корпусу пришлось отбить контрудар французских танков, понеся серьезные потери. Однако темп наступления не был снижен.

Гудериан создал второй гигантский котел. Переброшенная в район прорыва танковая группа «Клейст» двинулась прямо на юг. 14 июня пал Париж, а 16 июня французы запросили перемирия. Первая молниеносная кампания успешно завершилась.

Резюме. Первая кампания, в которой немецкой армии удалось полностью реализовать все идеи блицкрига. При этом немцы очень удачно совместили большой и малый

блицкриг, так как молниеносный прорыв танковых войск привел к столь же стремительному крушению Франции. Однако всего этого Вермахт добился благодаря упрямству и неповиновению командира XIX танкового корпуса Гейнца Гудериана. Если бы немецкая армия на Западном фронте действовала в точном соответствии с пунктами плана «Гельб», ни о каком блицкриге не пришлось бы и мечтать. А так получился идеальный вариант, который даже сами немцы больше не сумели повторить ни разу.

Глава 6

МОЛНИЕНОСНАЯ ДОРОГА В НИКУДА

После завершения кампании во Франции немецкое командование какое-то время пребывало в растерянности. Бои завершились слишком быстро, никто не ожидал ничего подобного. Какое-то время Гитлер занимался тем, что усиленно пугал англичан операцией «Морской лев», но этот водоплавающий зверь склеил лапы, так и не успев окунуться в воды Ла-Манша. И тогда было решено заняться Советской Россией. Директива номер 21 получила название «План «Барбаросса». Вообще-то фюреру было не грех на минуту задуматься перед тем, как подписывать этот план. Император Фридрих Барбаросса действительно прославился тем, что пытался реализовать свой персональный вариант «дранг нах Остен», отправившись в Крестовый поход. Но закончилось это мероприятие совершенно бессмысленно и позорно — император утонул в какой-то безвестной речушке по пути к цели. При желании можно усмотреть в этом некое зловещее предзнаменование. Однако в декабре 1940 года никто в Германии об этом не задумывался — слишком сильна была победная эйфория.

Каким же было соотношение сил перед этой новой кампанией? Оно было практически таким же, как и во всех остальных кампаниях Вермахта, — очень плохим для немцев. Самое смешное, что некоторые современные историки снова пытаются затянуть старую песню про «шести- или даже

восьмикратное превосходство немцев в танках». Как это происходит? Ну, для начала запускается басня о том, что построить 28 000 танков мы были просто вынуждены, разумеется, для обороны границ от империалистических агрессоров — у СССР ведь такая длинная граница. Особенно вероятной считалась танковая атака британской армии в районе Нарьян-Мара. Или немецкой — через хребты Киргизского Ала-Тоо. Дальше на белый свет появляется ужасный аргумент номер два: советская разведка сообщала, что к июню 1941 года вполне вероятно было использование Вермахтом трофейных танков, после чего численность Панцерваффе возрастала до 10—11 тысяч единиц. Извините. Если советская разведка определяет численность немецких танков с точностью до 6000 единиц, или 200%, как тогда она может положить на стол Сталину план «Барбаросса» или «Цитадель» раньше, чем его прочитает Гитлер? А если наоборот, и советская разведка видит и знает все — рассказ о 10 000 немецких танков есть преднамеренная и наглая ложь. Выберите сами, что вам больше нравится.

Но на этом историки последней волны не останавливаются. Партия дала установку — доказать, и они доказывают. Появляются многомудрые рассуждения о делении танков на категории в зависимости от технического состояния. Из цифры 28 или там 24 тысяч танков немедленно вычитаются танки, подлежащие капитальному ремонту, третья категория и так далее. При этом сразу негласно постулируется, что у немцев все танки до единого сверкают заводской смазкой и свежезамененными деталями. А у нас, мол, требуют капитального ремонта и полностью небоеспособны минимум 25% танков. Но остановиться на этом было бы невыполнением партийного задания. Поэтому начинаются рассуждения о том, что танки «второй категории», то есть «текущий ремонт», тоже в массе своей небоеспособны. И аккумуляторы у них текут, и траки кривые, а моторесурс так и вообще исчерпан. В результате чего у нас в сухом остатке имеются только танки «первой категории», но тоже далеко не все. Их освоить не успели и предпродажную подготовку не провели.

В общем, из наших 28 тысяч танков остаются едва ли 10%. То есть превосходство переходит к немцам. Конечно, не шестикратное, но все равно — у них уже **больше**. Однако это вызывает другой резонный вопрос. А что следует сделать с командиром мехкорпуса, у которого из 600 танков боееспособными являются только 60? Лично я такого не расстрелял бы, нет. Я бы его повесил. Публично. На площади. Как врага народа и вредителя. Так что господа историки должны выбирать. Либо Красная Армия все-таки имела более 20 тысяч танков, либо ее командный состав был сплошь укомплектован шпионами, вредителями, врагами народа или, в лучшем случае, непроходимыми идиотами. Совместить обе гипотезы невозможно.

Оставим пока вопрос о численности советских танков и обратимся к немецким. Вермахт начал подготовку к вторжению в Россию с удвоения количества танковых дивизий и формирования еще двух танковых групп. Косвенным признаком того, что все это рассматривалось как долгосрочная серьезная мера, служит то, что танковые группы получили стандартные порядковые номера вместо имен, как это было во время боев во Франции. Танковая группа «Клейст» — это что-то непостоянное и недолговечное, зато 1-я танковая группа — это как бы навсегда.

Впрочем, от такого увеличения числа дивизий и групп танков в немецкой армии не прибавилось. В ходе реорганизации Панцерваффе дивизии были просто поделены пополам. Однако же я не спешил бы весело смеяться над этой мерой. Некоторые основания для нее имелись, и определенную пользу она принесла. Учитывая протяженность и глубину нового театра, немцам отчаянно требовались новые танковые дивизии. Но промышленность не могла дать столько танков, вот и пришлось немцам изворачиваться, опираясь на свои скудные ресурсы. А польза была очевидной. Если бы у них осталось прежнее количество дивизий, то и танковых групп удалось бы сформировать все те же две штуки, что и во Франции, и, как следствие, военные действия на Восточном фронте приняли бы совсем иной оборот. Так что, можно

сказать, немцы проявили изобретательность и нахальство, предъявив советскому командованию «куклу». Сверху лежали сотенные купюры, зато внутри, хоть и самые настоящие, но всего лишь трешки.

Но было еще одно изменение в структуре Панцерваффе, которое далеко не все замечают, несмотря на его серьезное влияние на ход военных действий. Как мы уже не раз подчеркивали, секрет успеха блицкрига заключался в налаженном взаимодействии разных родов войск. И вот на нижнем уровне произошла неофициальная реорганизация танковых частей. Ее редко замечают, скорее всего, именно в силу этой неофициальности. Практически в каждой танковой дивизии были сформированы нештатные, но достаточно устойчивые полковые боевые группы. То есть теперь командир танкового полка не должен был обращаться в штаб дивизии, чтобы получить помощь мотострелков, саперов или разведчиков, они были подчинены ему напрямую. Дальнейшее развитие получила и система взаимодействия с Люфтваффе. Офицеры связи Люфтваффе теперь имелись в каждой дивизии, а часто — и в каждом полку.

Кстати, уже из этого видно, что перспективы германского блицкрига в России выглядели довольно туманными. Размах предстоящих операций был в десятки раз больше, чем на Западе. У немцев элементарно не хватало сил, чтобы реализовать намеченный план. Если перед Курской битвой многие немецкие генералы откровенно не верили в успех операции именно по этой причине, то перед началом вторжения в СССР эти сомнения почему-то никого не посетили. Опыление победами — опасное состояние, ведь недаром в Уголовном кодексе давно уже состояние опьянения считается отягощающим обстоятельством.

Мы не будем, как предлагает Суворов-Резун, делить немецкие танки на квадратные километры территории, Т-III в чукотской тундре смотрелся бы несколько сюрреалистично. Но давайте посмотрим на план «Барбаросса» отвлеченным, холодным взглядом. Он был составлен с учетом имевшихся сил, но уже в разделе задач проявляется явное несоответствие сил и поставленных целей. Чтобы одновременно разгро-

мать противника на всем протяжении фронта от Балтийского до Черного моря, **каждой** из трех групп армий требовались по **две** танковые группы. То есть путем элементарной арифметики мы получаем результат — требовалось **шесть** танковых групп, в то время как Германия имела их только **четыре**. На большее у нее не хватало ни танков, ни танкистов. Между прочим, можно ли считать случайным совпадением, что в завершающий период войны Красная Армия имела именно **шесть** танковых армий? То есть уже на стадии планирования ОКВ заложило фундамент будущего поражения Вермахта. Ну, а если Германия не могла в принципе выставить требуемые силы, зачем вообще было начинать войну? Нет, конечно, немцы могли поделить каждую из двух имевшихся танковых групп на пополам и на три части, но это уже получились бы кошкины слезки...

Не меньшую проблему представляла собой и глубина будущих операций. Марш в 500 километров по приличным европейским дорогам немецкие танки еще выдерживали. Конечно, они были надежнее советских, и ремонтная служба в танковых дивизиях Вермахта работала куда лучше нашей, но все равно, следовало учитывать **совершенно неизбежный** процент поломок и отказов. А потом посчитать, сколько танков не выдержат даже простого марша на Москву, без всяких зигзагов и петель, продиктованных ходом военных действий, даже без боевых потерь. Словом, создается впечатление, что при планировании немецкие генералы не учли совершенно объективные географические факторы, которые никоим образом не зависели от численности, уровня подготовки и боеспособности Красной Армии. Кстати, с этим последним фактором у немцев тоже вышла накладка. Все помнят известную фразу Гитлера о том, что он десять раз подумал бы, прежде чем напасть на Советский Союз, если бы знал, сколько танков у Сталина.

С учетом этого неудивительно, что немецкий блицкриг, столь успешный в начале войны, выдохся примерно в 700—800 километрах от границы (кстати, опять же, поразительное совпадение с глубиной непрерывных операций на Западе), и

немцам потребовалась оперативная пауза для приведения в порядок Панцерваффе. Но эта пауза сама по себе означала крах большого блицкрига. Молниеносная война не получилась, да и не могла получиться в принципе, несмотря на все тактические и оперативные успехи блицкрига малого.

Немецкое командование не учло еще один фактор, а именно тотальный характер современной войны, когда мало разбить вооруженные силы государства, нужно еще сломить его политическую систему. Из всех уроков кампании на Западе немецкие генералы увидели только те, которые хотелось увидеть. Французская армия была быстро разбита — на том и закончилась Франция. Но то, что разгром британской армии совсем не привел к капитуляции Великобритании, заметить никто не пожелал. На всякие неудобные моменты Гитлер и его генералы просто закрывали глаза.

А теперь попытаемся рассмотреть, что же сумели сделать 1-я (Клейст), 2-я (Гудериан), 3-я (Гот) и 4-я (Гёппнер) танковые группы, каждая из которых, увы, была не сильнее советского мехкорпуса, и чего они сделать не сумели.

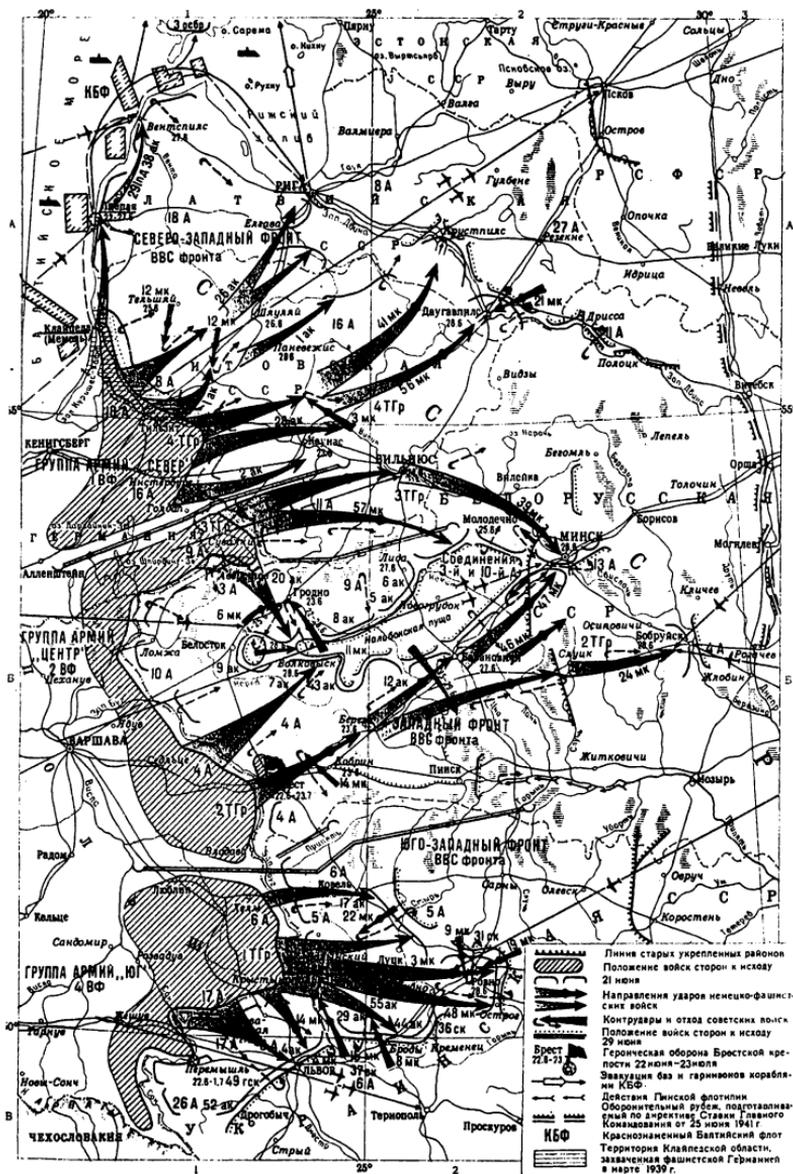
Итак, 22 июня 1941 года немецкие войска пересекли границу Советского Союза на всем ее протяжении — от Балтийского до Черного моря. В последнее время сломано много копий, чтобы доказать, что Германия все-таки объявила войну СССР и не было никакого предательского нападения. Действительно, какие-то ноты были вручены и в Берлине, и в Москве. Но когда? Судя по всему, уже **после** начала военных действий. Мало того, если полистать мемуары германских генералов, то выяснится, что кое-кто из них, например инициативный Вальтер Модель, начал военные действия **раньше**, чем это было предусмотрено приказами командования. Из тактических соображений Модель решил захватить важный мост за час до объявленного приказом начала наступления. И вы полагаете, что он оказался единственным из генералов, пошедшим на подобное нарушение? Поэтому с любой точки зрения нападение Германии на СССР действительно было предательским и вероломным, и двух мнений здесь просто не может быть.

Впрочем, даже этим вероломством невозможно объяснить все происходившее далее. Но начнем по порядку, с севера на юг. Действия Группы армий «Север» и входившей в ее состав 4-й танковой группы генерал-oberста Эриха Гёппнера были простыми и незамысловатыми. Немцы двинулись вперед, не утруждая себя никакими хитрыми маневрами, обходами или попытками устроить котел. Отчасти это объяснялось сложной местностью — леса, болота, многочисленные реки. Но, скорее всего, причина была той самой, на которую мы указывали, — элементарная нехватка сил. Гёппнер имел всего лишь 3 танковые дивизии в составе двух своих корпусов, поэтому мог сделать только то, что мог.

События первых дней войны в полосе Группы армий «Север» объяснить трудно. Начнем с самого простого. LVI танковый корпус генерала Манштейна должен был захватить важный железнодорожный мост через реку Западная Двина, об этом пишет сам генерал в своих мемуарах. Однако при этом никто из историков не замечает одной маленькой детали. В качестве **ближайшей** задачи корпусу указана цель, находящаяся почти в 300 километрах от границы! Манштейн как-то буднично сообщает:

«Если корпус хотел выполнить поставленную ему задачу овладеть неразрушенными мостами через Двину у Двинска (Даугавпилс), то после прорыва пограничных позиций необходимо было сделать следующее.

В первый день наступления корпус должен был продвигаться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в та-

Операция «Барбаросса». Приграничное сражение

ком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого».

И мост был захвачен 8-й танковой дивизией. Если на Западе продвижение на 30 километров в день считалось быстрым и заслуживало определения «блицкриг», то как назвать дневной марш в 80 километров? Кстати, самое интересное, что рекорд по скорости продвижения принадлежал вовсе не танковым частям, а скромной 291-й пехотной дивизии из 18-й армии генерала Кюхлера, которая продвинулась почти на 100 километров. После этого рассказы об упорных боях на границе выглядят какими-то неубедительными.

Утром 26 июня та же самая 8-я танковая дивизия подошла к упомянутым мостам через Двину и захватила их. Видимо, от полной растерянности немцы с ходу захватили и сам город Двинск. Советская 201-я воздушно-десантная бригада «в течение нескольких часов пыталась удержать город», но эти «несколько» оказались равными то ли двум, то ли трем.

XLI танковый корпус генерала Рейнхардта немного отстал от своего соседа и вышел к Двине у Екабпилса на день позднее. Этому была уважительная причина: Рейнхардту пришлось отбить контрудар 3-го мехкорпуса в районе Расейня. Там в достаточно сложный переплет попала 6-я танковая дивизия, слишком велики были силы генерал-майора Куркина — 672 танка, из которых 109 были новыми Т-34 и КВ. Кстати, командир 6-й танковой генерал Ландграф не питал никаких иллюзий относительно боевых возможностей своих танков — трофейные чешские 35(t) — и приказал им в бой с русскими танками не вступать. Приказ был исполнен. Отбивать атаку советских танков пришлось пехоте. Немцы пережили несколько неприятных часов, но советские части атаковали разрозненно, поодиночке, и все атаки были отбиты. Надолго задержать немцев не получилось. Видимо, именно здесь Рейнхардт и потерял тот самый один день, на который он отстал от Манштейна по пути к Западной Двине.

Кстати, когда дело доходило до прямых столкновений, мудрость приказа генерала Ландграфа была видна, что назы-

вается, невооруженным глазом. Генерал Раус рассказывает, как его 11-й танковый полк, столкнувшись с русскими танками, был вынужден отойти, «чтобы избежать полного уничтожения». И в сообщении Совинформбюро говорится об уничтожении под Расейнаем 300 немецких танков. Современные российские источники описывают это несколько иначе:

«Встретив противника на западном берегу реки Дубисса, 2-я танковая дивизия начала разворачивать в боевой порядок 2-й мотострелковый полк, который должен был прикрыть сосредоточение обоих танковых полков. С утра 23 июня завязались бои. 3-й и 4-й танковые полки подтягивали отставшую технику и приводились в порядок после длительного и тяжелого марша. Вскоре левый фланг дивизии был обойден танками противника. На опасный участок были посланы 6 танков 3-го тп, которые отбросили немцев, подбив у них 2 танка и обратив 7 в бегство».

Так или иначе, но немцы предпочли с танками КВ не связываться, сколько бы они ни потеряли, а этот эпизод служит наглядным доказательством того, что к **любым** мемуарам следует относиться с настороженностью. Не отвергать их с порога, а просто не доверять безоглядно, кто бы мемуары ни писал: советский генерал, немецкий фельдмаршал или американский адмирал. Увы, успешные действия отдельных танков не перешли в успешные действия корпуса. В ходе непродолжительных боев 3-й мехкорпус потерял до 80% танков. Единственное, что можно сказать хорошего о генерале Куркине, — он сумел вывести горстку бойцов из немецкого тыла, потеряв при этом **всю** технику и тяжелое вооружение. Вот такие генералы и обеспечивали танкам Манштейна и Рейнхардта молниеносный марш вперед.

Первый серьезный бой Красная Армия попыталась дать немцам на берегах Западной Двины, так как командующий фронтом генерал Ф.И. Кузнецов получил приказ задержать противника на этом рубеже. До сих пор, к сожалению, советские войска сопротивление только обозначали.

Дальнейшие события описаны более чем смутно и неточ-

но, причем опять же, как советскими, так и немецкими источниками. Попытки отбить Двинск завершились неудачей, причем командующий фронтом генерал Кузнецов в своем докладе в Москву, рассказывая о событиях 27 июня, противоречит сам себе. То у него город атакуют какие-то сводные полки, а тремя строками ниже — 46-я танковая дивизия 21-го мехкорпуса. 28 июня Двинск был атакован повторно, теперь уже силами всего 21-го механизированного корпуса генерала Лелюшенко. И снова атаки были отбиты, хотя корпус не далее чем 24 июня получил 105 новых танков. Причем опять повторилась история Халхин-Гола, только в еще более скверном варианте. 42-я танковая дивизия Лелюшенко налетела на только что переправившуюся через Двину немецкую 121-ю пехотную дивизию и была отброшена. То есть в 1941 году встречный бой немецкой пехоты с танками, по идее, смертельный для пехоты, завершается поражением танков.

И тогда появляются произведения из жанра «ненаучная фантастика», к которым можно без колебаний отнести книгу Д.Д. Лелюшенко «Москва—Сталинград—Берлин—Прага». В ней красочно живописуются танковые тараны, рукопашные схватки, переходящие из рук в руки дома. Ну и, конечно, бегущие в панике фашисты. Нет, все это, **разумеется**, будет. Будут и тараны, о чем мы еще расскажем со слов самих немцев, будут и бегущие в панике немецкие дивизии, что будут вынуждены подтвердить немецкие генералы. Только будет это **не здесь и не сейчас**.

Наши генералы ставили себе в заслугу, что им удалось задержать наступление Манштейна, хотя сам он никуда наступать не собирался. Дело в том, что командующий Группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб ухитрился нарушить практически все законы военного искусства. Его танковые корпуса, которые 22 июня стояли бок о бок, теперь разделяло солидное расстояние. Более того, сами корпуса оказались разбросанными подивизионно. Пехота безнадежно отстала, почему был вынужден стоять и Манштейн, который дожидался подхода II армейского корпуса. Наступление войск Лееба приняло какой-то хаотический характер, дивизии

просто катились волной, а подобие организованности появлялось лишь в тех случаях, когда немцы сталкивались с более или менее упорным сопротивлением. Западные историки бесстрастно констатируют: Лееб так и не позволил Гёппнеру свести воедино оба его корпуса, и такое положение сохранялось до самых пригородов Ленинграда. Действовавшая на побережье Балтики 18-я армия была слишком слаба и действовала в одиночку на свой страх и риск.

Кстати, вот маленький эпизод, который еще показывает разницу в методах работы советских и немецких генералов. Опять рассказывает Манштейн:

«В этих боях мне запомнился один маленький эпизод, который был воспринят моими подчиненными не без примеси чувства злорадства. Кто командовал в таких боях танковым корпусом, тот знает, что — как ни удивительно было стремительное продвижение немецких войск вперед — для непрерывного преследования противника войска, тем не менее, всегда нуждаются в присутствии высших командиров в передовых подразделениях и подстегивании с их стороны. Так и я прибыл однажды в штаб одной боевой группы *8 тд*, продвижение которой остановилось из-за неприятельского артиллерийского огня. Сначала я подумал, судя по характеру огня, что это был беспокоящий огонь противника по этой большой дороге, который не должен остановить наше продвижение. Едва я только успел высказать это мнение, как вражеская артиллерия обрушила на нас ураганный огонь, заставивший нас быстро укрыться в щелях. Мой верный водитель Нагель, который хотел быстро вывести машину из района обстрела, был ранен, но, к счастью, только легко. В то время как мы, сидя в наших щелях, пережидали обстрел, господа из этого штаба не могли скрыть своего злорадства по поводу того, что командир корпуса так хорошо проучен фактами. Потом мы все искренне посмеялись и затем отправились дальше».

Можно посмеяться и над другим. Один из современных историков в сборнике «Трагедия 1941. Причины катастрофы» сначала с восторгом пересказывает басни Лелюшенко о практически разгромленном корпусе Манштейна и тут же,

не переводя дух, заявляет: «Но укомплектованность личным составом продолжала оставаться близкой к штатной». И чтобы его слова прозвучали более убедительно, приводит численность танков в группе генерала Гёппнера, ссылаясь на первый том капитального труда Томаса Йенца «Панцер-труппен», страницы 190—191. Ну что же, мы не ленивые, открываем упомянутые страницы этой книги и видим... Что мы видим? Таблицу численности техники в немецких танковых дивизиях на **22 июня**. Пardon-с, подлоги нужно делать более тщательно, не ровен час за руку поймают.

Зато состояние советских войск лучше всего характеризует сводка штаба фронта от 30 июня о состоянии 27-й армии, которая выдвигалась из тыла и до сих пор участия в боях не принимала. Вся **армия** насчитывает 4296 человек! Объяснить такое я не берусь.

Кстати, все тот же автор пишет: «В район Пскова из-под Красногвардейска (Гатчина) по железной дороге были направлены две дивизии 1-го механизированного корпуса — 1-я танковая...» Напомним, речь идет о событиях 30 июня. И как после этого прикажете быть с директивой Ставки № 00329 от 14 июля, которая требует «танковую дивизию (ту самую, не сомневайтесь!) из района Кандалякши немедленно перебросить под Ленинград». По-моему, вот такие истории и роют ямы для будущих катастроф, но я никому не называю свое мнение.

В общем, действия обоих противников в Прибалтике в первые недели войны можно характеризовать кратко: кто в лес, кто по дрова. Только немцам повезло больше, и они продолжали стремительное наступление, хотя фон Лееб прямо-таки напрашивался на хороший урок. А вопрос, куда делась полторы тысячи танков генерала Кузнецова, так и остался без ответа.

Гораздо более драматический оборот приняли события в полосе Группы армий «Центр». Принципиальное отличие ситуации здесь заключалось в том, что она имела в своем составе две танковые группы, а потому фельдмаршал фон Бок мог более свободно маневрировать силами. К тому же каж-

дая из этих танковых групп была сильнее, чем группа Гёппнера.

Задачей группы фон Бока было окружение частей Красной Армии в районе Минска с последующим наступлением в направлении Витебска — Орши. Танковые группы были расположены на флангах группы, а пехотные армии занимали промежуток между ними. План германского командования был смертельно опасным, так как был задуман котел гигантских размеров, ликвидация которого могла затянуться очень надолго. События развернулись иначе, но даже самый благоприятный вариант хода военных действий оказался для немцев роковым, хотя это заметили не все историки. Дело в том, что Группе армий «Центр» был передан последний резерв ОКХ — XXXV армейский корпус. Однако очень быстро его пришлось бросить на фронт, превратив во 2-ю армию. После этого **до самого конца войны** в распоряжении германского командования больше не оставалось резервов, заслуживающих этого названия. Самой хорошей иллюстрацией этого могут служить два критических момента: попытка деблокировать армию Паулюса под Сталинградом и Курская битва. И в том и в другом случае максимум, что удалось найти ОКХ, — это пара дивизий, хотя нужна была целая армия. Зато в распоряжении советского командования уже в июне 1941 года имелись армии второго эшелона, дальневосточные резервы и так далее.

По плану 3-я танковая группа генерала Гота должна была наступать на восток из района Сувалки с максимальной скоростью, чтобы как можно быстрее выйти к Минску. 3-я танковая группа Гота была временно привязана к 9-й армии.

Удар Группы армий «Центр» оказался таким же внезапным, как и удар Группы армий «Север». Танковая группа Гота сразу захватила три важных моста через Неман и начала двигаться в глубь советской территории. Но тут совершенно неожиданно немецкие летчики подставили ножку собственным танкистам. Тыловые колонны VIII авиакорпуса не стали ждать, пока пройдут танки, и ринулись вперед, перемешавшись с машинами 7-й танковой дивизии генерала фон

Функа. Этот бардак продолжался до тех пор, пока немецкие колонны не столкнулись с Т-34 5-й танковой дивизии. Лишь после этого немецкие летчики решили действовать более осмотрительно.

Гудериан также бодро заявляет, что была достигнута полная внезапность нападения и артподготовку он вел по одной-единственной причине — так было предусмотрено планом. Переправа 2-й танковой группы через Буг прошла без задержки, и, хотя Брестская крепость сражалась, это не задержало немецкие танки. Они просто обошли ее справа и слева и двинулись дальше, оставив пехоту разбираться с упрямым гарнизоном. Сам Гудериан двигался с передовыми частями, что следовало бы считать неуместным. В боевых порядках должен следовать командир танковой дивизии наверняка, командир корпуса — пожалуй, но даже при налаженной немецкой системе связи командующий армией не сумеет контролировать все свои войска, находясь на передовом КП.

Темп наступления Гудериана и Гота оказался ничуть не меньше, чем у Манштейна и Рейнхардта. Если посмотреть на карту в шестом томе Советской Военной Энциклопедии, то мы увидим, что 23 июня авангарды Гудериана вошли в Березу, то есть за сутки они преодолели 100 километров. 24 июня танки Гота заняли Вильнюс, пройдя за двое суток около 120 километров. Темпы наступления были совершенно исключительными.

Итак, к исходу первого дня боев немецкие танки вырвались на оперативный простор, и фон Бок предоставил Готу полную свободу действий, которой тот воспользовался, расширив прорыв между советскими 3-й и 11-й армиями до 150 километров.

Поздно вечером 22 июня Народный комиссар обороны маршал Тимошенко направил в войска знаменитую директиву № 3, которую ему еще не раз помянут. Главной в ней было то, что от советских армий требовался переход в наступление. Против Группы армий «Центр» Красная Армия имела значительно больше сил, чем против группы фон Лееба, однако пользы это не принесло практически никакой, и

теперь историки утверждают, что Тимошенко не сумел эти силы использовать. Однако значительная часть обвинений в адрес Тимошенко носит сугубо схоластический характер, хотя по многим пунктам его вину отрицать бессмысленно. Например, пишут, что он не сумел наладить взаимодействие войск Северо-Западного и Западного фронтов. Да, это так. Но вспомним, что танки Гота разделили эти фронты, кстати, совершенно непреднамеренно. Просто такова была география театра военных действий. Да и сами немцы не грешили координацией действий на стратегическом уровне. Во всяком случае, фон Лееб и фон Бок никак друг другу не помогали и свои планы и действия не координировали.

Все началось с контрудара 11-го механизированного корпуса под Гродно. Наши историки пишут, что ему удалось отбросить немецкий XX корпус на 6 километров, но под ударами немецкой авиации корпус был вынужден отойти, и к утру 23 июня город Гродно был оставлен. Опять-таки, смотрим на карту. Гродно расположен примерно в 50 километрах от границы. Получается, что за первый день войны немцы прошли 50 километров туда, да еще и 6 обратно, а потом в первой половине дня 23 июня снова вперед. Не слишком ли это много? Или успех контрудара целиком остался на страницах советских книг? Если посмотреть на карты в «альтернативных» изданиях, то мы заметим, что действительно, немецкая 129-я пехотная дивизия двигалась гораздо медленнее соседей, но вот отступить даже она не думала. И еще вопрос. Почему в контрударе участвовала одна только 29-я танковая дивизия, а 33-я танковая и 204-я механизированная заняли позицию невмешательства? Заявление, что-де 33-я танковая находилась в 40 километрах от района предстоящего боя на фоне темпов продвижения немецких войск, звучит просто смехотворно. Впрочем, кто хочет — повод найдет всегда. Но разве маршал Тимошенко виноват в происшедшем? Или это вина командира корпуса генерала Мостовенко, который не сумел собрать свои силы?!

Дальше дела пошли еще более скверно. С целью ликвидации прорыва немцев из района Сувалкского выступа командующий Северо-Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов

приказал своему заместителю генералу Болдину сформировать ударную группу в составе 6-го и 11-го механизированных и 6-го кавалерийского корпусов, чтобы «нанести удар в общем направлении Белосток — Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу реки Неман».

А вот это уже была очень серьезная ошибка. Похоже, Павлов даже отдаленно не представлял сложившейся ситуации, потому что нацеливал мощнейшую танковую группировку в составе более чем 1300 танков и 370 пушечных броневых автомобилей на пехотные дивизии противника, единственной заботой которых было не слишком отстать от ушедших вперед танковых корпусов. Удар был нацелен на 102-ю и 129-ю пехотные дивизии XLII армейского корпуса немцев. Ни танковым корпусам Гудериана, наступавшим еще южнее, ни танковым корпусам Гота, двигавшимся севернее, этот удар не мешал и не угрожал. Павлов предполагал отрезать ушедшие вперед танки Гота, но дело в том, что в это самое время XLVII танковый корпус генерала Лемельсена из группы Гудериана уже находился в тылу формируемой группировки, которая буквально повисала в воздухе.

Кстати, здесь существует странная путаница, объяснить которую крайне сложно. Почему-то практически все наши историки пишут о том, что целью удара были немецкие VIII и XX корпуса. Но при первом же взгляде на карту видно, что VIII корпус наступал севернее Гродно и находился на правом берегу Немана. Кроме упомянутых двух дивизий XLII армейского корпуса в полосу наступления попадали 162-я и 256-я пехотные дивизии XX корпуса. То есть соотношение сил было еще менее благоприятным для немцев, чем указывает, например, М. Солонин.

Таким образом, не в первый и не в последний раз сложилась идеальная для советских танкистов ситуация — предстоял встречный бой с пехотными дивизиями. Согласитесь, после 50-километрового марша немцы не имели ни времени, ни сил подготовить хотя бы подобие оборонительных позиций. Упомянуть, что группа Болдина по числу танков и броневых автомобилей превосходила любую из танковых групп

Вермахта, уже просто лишнее. Вдобавок Болдин получил полк тяжелых гаубиц из резерва Главного Командования.

Интересно, что немцы полностью проглядели сосредоточение этих огромных сил. Объяснение простое — Люфтваффе вели разведку советских тылов, а наблюдать за районом Белостока просто не считали нужным. В общем, идеальные условия для малого блицкрига. Увы... 23 июня началось наступление группы Болдина, а уже через два дня оно завершилось, причем завершилось полным ее разгромом. Хуже того, немцы практически не заметили этого контрудара. В журналах боевых действий смутно упоминается небольшой кризис у 256-й пехотной дивизии в районе Гродно, но дивизия справилась с ним собственными силами. Об этом же пишет Гальдер, заметив, что все атаки русских были отбиты уже к вечеру 23 июня.

Кстати, самое смешное: вы можете очень внимательно прочитать воспоминания генерала Болдина, но не найдете там никаких упоминаний о наступлении или контрударах. Странно, что ни М. Солонин, ни В. Бешанов, ссылающиеся на эту книгу, не заметили этого простого факта. Все, чем ограничивается Болдин, — это пересказ своих разговоров с командиром 6-го мехкорпуса генералом Хацкилевицем, с командующим фронтом генералом Павловым, с непонятно как очутившимся в его штабе маршалом Куликом. И только.

«И в боевых условиях 6-й корпус проявил себя с лучшей стороны. В полосе, где он оборонялся, гитлеровцам, несмотря на неоднократные попытки, так и не удалось прорваться. Корпус понес потери, но он еще боеспособен и мог, пусть не с полной силой, контратаковать.

...Позвонил Хацкилевич, находившийся в частях.

— Товарищ генерал, — донесся его взволнованный голос, — кончаются горючее и боеприпасы. Танкисты дерутся отважно. Но без снарядов и горючего наши машины становятся беспомощными. Дайте только все необходимое, и мы справимся с фашистами.

В словах Хацкилевича не было и тени бахвальства. В них звучала глубокая вера командира в своих бойцов, уверенность в том, что врага можно бить с большим успехом. Я соз-

навал его положение. Кончится горючее, и танки остановятся. А это — проигрыш боя. Погибнут люди, техника, прекратит существование превосходный механизированный корпус, и врагу будет открыт путь.

— Слышишь меня, товарищ Хацкилевич, — надрывал я голос, стараясь перекричать страшный гул летавших над нами вражеских самолетов. — Держись! Немедленно приму все меры для оказания помощи.

Никакой связи со штабом фронта у нас нет. Поэтому я тут же после разговора с Хацкилевичем послал в Минск самолетом письмо, в котором просил срочно организовать переброску горючего и боеприпасов по воздуху. К сожалению, и этот самолет, и вылетевший затем второй погибли, не достигнув цели. Тяжело сознавать, что все попытки помочь танкистам безуспешны...»

Вот и все, что генерал Болдин сумел рассказать о контрударе 1000 танков, находившихся под его командованием. В сохранившихся документах 6-го и 11-го мехкорпусов вы тоже не найдете ни одного слова о самом контрударе. После этого встает резонный вопрос: **а имел ли он вообще место?** Нет, разумеется, какие-то телодвижения совершались, но, скорее всего, это происходило точно так же, как и на севере. Разрозненные, нескоординированные выпады то танкового батальона, то стрелкового полка, которые немцы без труда отбивали. Разгром получился чудовищным. В 11-м механизированном корпусе, с которым, кстати, Болдин потерял связь на второй день войны, после 4 дней боев осталось 30 танков из 305 и 600 человек из 32 000. 6-й мехкорпус просто растаял без следа.

Зато Болдин рассказывает фантастическую сказку о том, как он, странствуя по немецким тылам, разгромил встреченную танковую колонну, уничтожив за 3 минуты 12 немецких танков. Было бы еще очень здорово, если бы генерал Болдин объяснил, откуда 27 июня на лесной проселочной дороге возникла колонна из 28 немецких танков. Дело в том, что к этому времени танки Гота и Гудериана уже находились в районе Минска и Бобруйска, но никак не в Налибокской пу-

ше, по дебрям которой странствовал бравый генерал. Так есть сильные подозрения, что Болдин элементарно врет.

«Отдохнув и набравшись сил, тронулись дальше. Нас уже около тридцати человек. Медленно продвигаемся на восток. Кричины все хуже. Он скачет на здоровой ноге, одной рукой опираясь на суковатую палку, другой на чье-либо плечо. Прошли метров пятьсот. Вижу, лицо лейтенанта покрылось испариной, но он молчит, не жалуется. Сделали небольшой привал. По рукам пошли фляги с водой. Пьем экономно».

Вот так завершился контрудар конно-механизированной группы, которая формально была сильнее любой из танковых групп фон Бока. 30 человек вместо трех корпусов. Первый советский блицкриг не провалился, он просто не состоялся.

Зато немцы свою задачу выполнили. 28 июня немецкая 12-я танковая дивизия вошла в Минск, однако получился не котел, а «полкотла», потому что танки Гудериана двигались на восток, на Москву, а не на северо-восток навстречу Готу. Лишь во второй половине дня 29 июня его 18-я танковая дивизия встретилась с танкистами Гота. Теперь сформировались даже целых три котла: Минский, Белостокский и Новогрудский. Впрочем, термин «котел» в данном случае представляется неверным, так как организованных советских частей и соединений там не было, как не было и организованного сопротивления. От двух армий остались разрозненные группки солдат и офицеров, которые пытались просочиться наружу. Поэтому, как нам представляется, более правомерно было бы говорить о трех зонах оцепления.

В полосе Группы армий «Юг» дела у немцев сначала пошли не так гладко, как им хотелось бы. Как говорится в старом анекдоте: для этого были тридцать три причины. Во-первых, здесь наиболее отчетливо проявилась нехватка сил. Значительные участки фронта немцы были вынуждены отдать союзникам: венгерским дивизиям сомнительной боеспособности и румынским — откровенно небоеспособным. К тому же 1-й танковой группой, входившей в состав группы армий, командовал знакомый нам по боям во Франции генерал-oberст Эвальд фон Клейст, неплохой, наверное, гене-

рал, но имевший довольно смутное представление о тактике действий танковых соединений, что он уже продемонстрировал во Франции. Да и командиры корпусов, за исключением фон Витерсгейма, тоже были хорошими, но не более того. Вот так и получилось, что с самого начала на южном участке немцы ввязались в затяжные пограничные бои. Ну, о том, что происходило в полосе 4-й Румынской армии, вообще лучше промолчать.

Самым примечательным событием на этом участке фронта стало так называемое танковое сражение под Бродами — Дубно, в котором механизированные корпуса Юго-Западного фронта попытались остановить 1-ю танковую группу фон Клейста. С нашей стороны в сражении участвовали 5 мехкорпусов, насчитывавшие около 2500 танков, в том числе 720 танков Т-34 и КВ, с немецкой — 4 дивизии, которые имели около 800 танков. И снова из наступления советских войск получилось то, что получилось.

Вечером 22 июня нарком обороны маршал Тимошенко приказывает нанести удар силами 5-й и 6-й армий в направлении на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте от Владимир-Волынского до Крыстынополя. Кстати, если план «Барбаросса» был нам прекрасно известен, то почему в приказе Тимошенко не говорится прямо: «6-ю армию и 1-ю танковую группу»? Генерал Кирпонос решает сформировать две ударные группы. В северную включаются 22, 9 и 19-й механизированные корпуса, в южную — 4, 8, 15-й механизированные и 37-й стрелковый корпуса. Так была подготовлена завязка этого самого сражения.

В очередной раз обратимся к шестому тому Советской Военной Энциклопедии. Если верить статье «Приграничные сражения» и приложенной к ней карте (а у нас есть основания им не верить, особенно карте?), то выяснится любопытная вещь — этого сражения просто не было. Имели место разрозненные, нескоординированные атаки советских мехкорпусов, не объединенные ни единым временем, ни единой целью. Собственно, большинство авторов тоже

пишут, что каждый корпус атаковал сам по себе, но все это, мол, проходило в рамках единого плана.

После боев на границе немцы прорвались между Рава-Русским и Перемышльским укрепрайонами и начали наступать на юго-восток. Их XIV моторизованный корпус устремился ко Львову, а LV армейский — к Бродам. Командующий 6-й армией генерал Музыченко, встревоженный этим прорывом, решил нанести встречный удар на Немиров силами 4-го механизированного корпуса, который имел 979 танков, в том числе 456 Т-34 и КВ. Страшная сила, ничуть не уступающая всей танковой группе Клейста. Если верить карте, удар пришелся во фланг LV корпусу, то есть пехотным дивизиям. Снова встречный бой пехоты и танков, который всегда завершался истреблением пехоты. Всегда, **кроме** июня 1941 года... Так во что же все это вылилось? В стыдливую фразу историка: «Что касается контрудара на Немиров, то он не был организованным и не улучшил положения 159-й дивизии». Вдобавок при этом корпус оказался отвлечен от выполнения приказа командующего фронтом.

Более опасный характер принимала ситуация севернее, где наступали главные силы Клейста — III моторизованный и XLVIII танковый корпуса. Они быстро продвигались к Ровно и Острову, и их требовалось остановить. 4-й и 15-й мехкорпуса получили приказ генерала Кирпоноса утром 24 июня нанести удар на Радехов. Увы, дальше начался форменный бардак. Генерал Музыченко отправляет одну из дивизий 4-го мехкорпуса на левый фланг своей армии, и на улицах Львова она столкнулась с частями 8-го мехкорпуса, движущимися в прямо противоположном направлении. Знаете, это мне напоминает фильм «Фанфан-Тюльпан». «Правый фланг мы переведем налево, а левый — направо». Но веселая сцена из кинокомедии в реальной жизни оборачивается кровью и смертью. По утверждениям немцев, части 4-го мехкорпуса 24 июня атаковали противотанковый батальон 71-й пехотной дивизии. В последовавшем бою немцы уничтожили до 50 советских танков. Верить этому или нет?

Наверное, можно, но не безоговорочно. Фактом остается одно — немцы продолжали наступление.

Далее мы обратимся к воспоминаниям маршала Баграмяна:

«Вторая крупная танковая группировка фашистов, прорвавшаяся к Радзехуву, наткнулась на подошедшие сюда передовые части 15-го механизированного корпуса генерала Карпезо. Читатель уже знает, с какими трудностями совершали марш дивизии этого корпуса, оказавшиеся без автотранспорта. Карпезо пришлось оставить в Бродах свою 212-ю моторизованную дивизию, двигавшуюся пешим порядком, приказав ей занять там оборону на случай прорыва вражеских войск. Навстречу врагу Карпезо смог бросить лишь 10-ю танковую дивизию генерала С.Я. Огурцова. Фашистская группировка насчитывала около 350 танков новых образцов. Казалось бы, что с ними может поделаться одна наша танковая дивизия неполного состава, имевшая на вооружении большей частью устаревшие машины. Но советские танкисты решительно ринулись в бой. Бойцы танкового и мотострелкового батальонов, составлявших передовой отряд, дрались с величайшей отвагой. Они отразили все атаки врага. На поле боя осталось свыше двадцати горящих вражеских танков и сотни трупов фашистских солдат. Такой ценой фашисты заплатили за шесть наших подбитых танков».

К сожалению, не отразили, а лишь ненадолго притормозили. К тому же вмешались Люфтваффе, которые изрядно потрепали колонны 15-го мехкорпуса. К тому же имелся один фактор, который подрывал боеспособность наших танковых соединений гораздо сильнее всех немецких танков и пушек, вместе взятых. Речь идет об отвратительном техническом состоянии машин и крайне слабой подготовке личного состава. В 1943 году, во время Курской битвы, наши танковые бригады теряли 15 и более процентов своих танков, выдвигаясь из районов сосредоточения к линии фронта. Летом 1941 года эта цифра могла быть только выше, гораздо выше. Поэтому нет ничего удивительного, что мехкорпуса во время маршей, совсем непродолжительных по **немецким** меркам,

таяли буквально на глазах. Еще больше осложнял положение шквал противоречивых приказов, который бросал дивизии то туда, то сюда.

Точно так же обстояли дела и на северном фланге группы Клейста, где наступал III моторизованный корпус Макензена. Начнем со столь любимых историками действий 1-й противотанковой бригады К.С. Москаленко, которая встретила немецкую 14-ю танковую дивизию, наступавшую на Луцк. Оперативная сводка 5-й армии радостно сообщает, что «в период с 23 по 27 июля 1-я ПТАБ уничтожила и подбила около 150 танков противника». Ну, разумеется, сегодня в это никто не верит, и правильно пишут, что во всей 14-й танковой дивизии насчитывалось только 147 танков. Но, сказав «а», следовало бы сказать и «б». Не составляет особого труда разыскать сводки потерь этой самой дивизии. Буквально под рукой имеются данные на 6 сентября, то есть они включают **еще два месяца** боев. И каковы же эти потери? 27 танков уничтожены и еще 24 повреждены. Еще раз повторю: столько дивизия потеряла за два с половиной месяца боев. Сразу возникает вопрос: а действительно ли «немецким танкам пришлось три дня прогрызаться с большими потерями через огневые позиции»? Я уже не говорю о том, что Луцк находится примерно в 100 километрах от границы и «прогрызание» шло со скоростью около 35 километров в сутки.

Атака 22-го мехкорпуса закончилось его исчезновением. Мы не будем говорить «истреблением», потому что немцы были в этом почти не виноваты. Как и на юге, его дивизии шарахались из стороны в сторону. А если и атаковали, то этим атакам недоставало слаженности и единства. Как холодно сообщают немцы, атаки производились мелкими группами, и 13-я танковая дивизия легко уничтожала их поочередно.

Можно еще очень долго рассказывать о том, куда шла та дивизия, а куда эта, но все это не имеет особого смысла. Уже из приведенных кратких описаний видно, что **не было** танкового сражения под Бродами — Луцком — Дубно. Хотя наше командование имело возможность сосредоточить здесь 6 ме-

ханизированных корпусов и колоссальное количество танков и одним мощным ударом разгромить не только армию Клейста, но и 6-ю армию Рейхенау, избавив ее от тяжелого похода к Сталинграду за своей судьбой, удар не состоялся. Как и в случае с конно-механизированной группой генерала Болдина, имели место отдельные тычки силами батальона или полка, которые немцы без труда отражали. Об этом предельно четко сказал Ротмистров:

«Механизированные корпуса фронта вступили в это сражение после 200—400 км маршей в условиях господства в воздухе авиации противника. Ввод в сражение этих корпусов осуществлялся без должной организации наступления, без разведки противника и местности. Отсутствовала авиационная и должная артиллерийская поддержка. Поэтому противник имел возможность отражать атаки наших войск поочередно, маневрируя частью своих сил, и одновременно продолжать наступление на неприкрытых направлениях».

Впрочем, при желании можно найти даже немецкие источники, которые будут подтверждать мнение наиболее тенденциозных историков советского периода:

«Русским тем не менее удалось сдержать наступление немецких войск. Они не только нанесли наступающим войскам потери и заставили себя уважать, но и выиграли время. Их не удалось ввести в замешательство клинообразными прорывами танковых групп. Русские также несли тяжелые потери, однако им удалось отвести свои плотные боевые порядки за Случь, Верхний Буг, Днестр. Прошли первые 10 дней кампании. После 10 дней во Франции немецкие танки, разгоняя перед собой трусливых французов и англичан, прошли 800 км и стояли у берегов Атлантики. За первые 10 дней «похода на Восток» было пройдено всего 100 км по прямой, и ударные танковые группы немецких войск противостояли превосходящему по силе и техническому оснащению противнику, часто прибегавшему к неизученным эффективным тактическим приемам. Успешное продвижение на этот раз не укладывалось во временной график, установленный командованием. После первых 10 дней оперативный прорыв на южном участке еще не был завершен».

Почему Вольфганг Вертен в истории 16-й танковой дивизии написал такое — я судить не берусь. Можно только предположить, что он перенес опыт XIV моторизованного корпуса на всю группу Клейста. Но дело в том, что XLVIII моторизованный корпус за это время прошел более 200 километров, и особо тяжелых боев они не вели.

Резюме. Первые дни Великой Отечественной войны показали полнейшую профессиональную непригодность советского командного состава. Приграничные сражения не выиграли Клейст, Лееб и фон Бок, их проиграли Кузнецов, Павлов, Кирпонос. Много говорится о сталинских чистках, обезглавивших армию, но нет никакой уверенности в том, что, останься те люди на своих постах, результат оказался бы иным. Немцы стремительно продвигались по всему фронту, и даже на тех участках, где шли «тяжелые» бои, скорость наступления Вермахта составляла около 30 километров в день. Там, где их не было, наступление превращалось в обычный марш мирного времени со скоростью до 100 и более километров в сутки. Но при этом лишь Группе армий «Центр» удался классический блицкриг, который завершился окружением нескольких армий в районе Минска. На юге и севере немцы просто стремительно продвигались в глубь территории СССР. Однако нехватка сил у противника и грубейшие ошибки немцев в оценке военного потенциала СССР привели к тому, что операция «Барбаросса» провалилась буквально в первый же месяц. «Окружить и уничтожить главные силы русских» западнее Днепра немцы не сумели. Зато «победная лихорадка» все больше и больше напоминала белую горячку, что сказалось довольно быстро.

Глава 7

ОСЕННИЙ МАРАФОН

В первый месяц войны против Советского Союза немцы одержали много сокрушительных побед. Были разгромлены практически все армии, развернутые за западной границе, захвачены огромные трофеи, заняты значительные террито-

рии. Однако мало кто понял, что эти победы заложили основы будущего поражения Вермахта. Мало того что разведка, что называется, подставила по-крупному свое собственное командование вооруженных сил, многократно занизив военный потенциал Советского Союза, так еще вдобавок и сами панцер-генералы совершенно неправильно поняли суть происходящего. Это уже 10 лет спустя после окончания войны в своих мемуарах они начали говорить, что все видели, предостерегали и хотели... Ложь! Если они что и видели, то не сумели понять, что именно увидели, а уж насчет «предостерегали» и «хотели» им бы вообще лучше помолчать.

Примерно к середине июля 1941 года настало время подвести первые итоги военных действий на Восточном фронте. Степень заблуждения немцев лучше всего характеризует запись в дневнике генерала Гальдера от 4 июля:

«В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по Западной Двине и Днепру и далее на юг. Об этом свидетельствует перехваченный вчера передававшийся по радио русский приказ о том, что на Западной Двине следует располагать лишь отдельные группы на переправах. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы. Необходимо выждать, будет ли иметь успех воззвание Сталина, в котором он призвал всех трудящихся к народной войне против нас. От этого будет зависеть, какими мерами и силами придется очищать обширные промышленные области, которые нам предстоит занять. Главное же сейчас состоит в том, чтобы лишить противника возможности использовать эти области».

Судя по всему, это заблуждение разделяли и остальные представители верховного командования Германии, потому что было решено фактически перейти к фазе преследования противника. Все тот же Гальдер: «На фронте Группы армий «Центр» возможно обеспечить продвижение танковых частей вплоть до Москвы, а пехоты — за Западную Двину и

Днепр». Что-то уж слишком оптимистично смотрел на ситуацию начальник Генерального штаба Сухопутных войск, потому что менее чем через неделю под Оршей и Могилевом Гудериан и Гот столкнулись со свежими армиями второго эшелона. Наверное, для Гудериана это стало шоком, ведь в Минском котле были взяты 341 000 пленных, захвачены и уничтожены 4799 танков, 9427 орудий, 1777 самолетов.

Кстати, еще одна запись Гальдера за тот же день, достаточно тесно связанная с блицкригом. Наши историки почему-то любят цитировать ее только частично.

«Генерал Тома доложил о впечатлениях, полученных во время поездки на фронт 3-й танковой группы:

а. Борьба с гигантскими танками противника. Против них эффективны 105-мм пушка и 50-мм противотанковая пушка.

б. Танки Т-1 являются обузой для частей, и их следует отправить в тыл для внутренней охраны на отечественной территории, охраны побережья, а также в целях боевой подготовки».

У нас, как вы легко можете заметить, большой популярностью пользуется пункт «б», что совершенно справедливо. Несчастливая танкетка и раньше причиняла массу неприятностей командирам дивизий, куда ее запихивали, а уж на Восточном фронте превратилась прямо в каторжные кандалы. Но вот про пункт «а» почему-то вспоминать не любят. А ведь из него прямо следует, что не такой уж страшной угрозой считали немцы наши танки КВ. Да, неприятно, но не более того. И надежные средства борьбы с ними уже найдены. Поэтому представляется, что истории о мистическом ужасе, который испытывали немцы, только завидев КВ, больше похожи на сказки.

Маховик блицкрига был раскручен до предела, и уже сами хозяева не могли остановить колесо без риска для собственной жизни. Поэтому берлинские механики предпочитали не слышать противного скрежета на оси и не видеть, что колесо начинает понемногу бить из стороны в сторону. Зато если у фронтовых офицеров имелись какие-то иллюзии относительно перспектив дальнейшего наступления, они раз-

велялись очень быстро. Во всяком случае, Гудериан пишет, что под Оршей он столкнулся с неожиданно сильным сопротивлением русских. Но деться было некуда, и 10 июля началось наступление на Смоленск. Гот нанес удар силами XXXIX моторизованного корпуса в направлении на Духовщину, обходя Смоленск с севера. Одновременно 2-я танковая группа Гудериана начала наступление с юга, переправившись через Днепр по обе стороны Могилева. Им удалось окружить 4 дивизии сил 13-й армии, которые, хотя и продолжали сражаться в окружении еще 2 недели, замедлить продвижение немецких танков не сумели. Кстати, во время героической обороны Могилева немцы начали называть его «Русский Мадрид», так как еще помнили события Гражданской войны в Испании. Это тоже стало серьезным знамением, которое панцер-генералы проглядели, хотя и не без оснований.

XLVII моторизованный корпус Лемельсена, наступавший севернее Могилева, двинулся прямо на Смоленск. После боя под Красном уже 16 июля 29-я моторизованная дивизия ворвалась в город. Следом за ней подошла 17-я танковая дивизия. Как-то неожиданно выяснилось, что защищать город некому, потому что две дивизии 16-й армии генерала Лукина были брошены навстречу наступающим немцам. Оборонять город пришлось 129-й стрелковой дивизии, входившей в 19-ю армию, но потерявшей связь со своим штабом, позднее подошли еще две дивизии из той же армии. Но это помогло плохо. Как обычно, в подобных случаях издаются грозные приказы. 17 июля маршал Тимошенко рыкнул на своих подчиненных:

«Государственный Комитет Оборона отметил своим специальным приказом, что командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе войск от Смоленска и сдаче Смоленска врагу. Если эти настроения соответствуют действительности, то подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Оборона считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине. Комитет Оборона приказал пресечь железной рукой подобные

настроения, порочащие знамя Красной Армии. Город Смоленск ни в коем случае не сдавать врагу».

Но помогло это мало, как, впрочем, и любые другие бумажки. К утру 19 июля город был занят немцами.

При этом следует отметить, что оба командующих танковыми группами страшно рисковали, так как их фланги были открыты. Группа Гота растянула свои позиции на слишком длинном фронте. Советское командование могло этим воспользоваться и попыталось, нанеся 4 июля контрудар под Сенно силами 5-го и 7-го мехкорпусов. Однако после первого успеха, когда 7-я танковая дивизия немцев была отброшена назад, немцы стянули туда значительные силы и отбили наступление. При этом, как всегда, советские мехкорпуса растеряли до 30% танков еще на марше.

В этот момент на помощь нам пришло ОКХ. Берлинским стратегам, у которых от обилия заманчивых целей начали разбегаться глаза, вдруг вздумалось разгромить части 22-й и 29-й армий, занимавшие позиции на стыке между группами армий «Центр» и «Север». Для этого оно отобрало у Гота LVII танковый корпус и приказало ему наступать на север в направлении Великих Лук. Город даже был занят 20 июля, но немцев тут же выбили из него. В результате в самый напряженный период боев Гот потерял один танковый корпус из двух. Следует также помнить, что напряжение боев уже начало сказываться и на немецких частях. Непрерывные победы тоже дорого стоили, например, в 3-й танковой дивизии осталось 35% танков, а с подкреплениями дело обстояло очень плохо.

И все-таки резко ослабленная группа Гота прорвала фронт, и 7-я танковая дивизия двинулась на Духовщину. Буквально в самый последний момент немцы успели перебросить к Витебску три пехотных корпуса 9-й армии, иначе положение Гота стало бы просто катастрофическим. Так у него хотя бы появился тыл. 7-я танковая продолжала наступление, и 13 июля ее отделяли от 29-й моторизованной дивизии Гудериана всего около 40 километров.

У Гудериана этого тыла в какой-то момент не оказалось. 13 июля советский 63-й стрелковый корпус нанес контрудар

в направлении на Бобруйск, подрезая южный фланг 2-й танковой группы. Наши войска форсировали Днепр и заняли Жлобин и Рогачев. Наступавший южнее 66-й стрелковый корпус продвинулся на запад на 80 километров, выйдя к переправам через Березину. При нормальной организации это контрнаступление поставило бы Гудериана не на грань, а за грань катастрофы. Но наши стрелковые дивизии не были усилены танками, и немецкое командование успело перебросить резервы, остановив наступление. 22 июля наступление было возобновлено с целью деблокады гарнизона Могилева. Но теперь успехи были совсем незначительными, так как в этом районе была развернута немецкая 2-я армия. Кроме всего прочего, этот контрудар привел к тому, что немного позднее силы Группы армий «Центр» были повернуты на юг, что завершилось Киевским котлом.

16 июля части авангарда 7-й танковой и 29-й моторизованной дивизий встретились, хотя даже сами немцы считают, что окончательно завершили окружение 16-й и 20-й армий только 26 июля. Однако фельдмаршал фон Бок в своих дневниках указывал, что даже после того оставался разрыв в районе Ярцево и Соловьево, и сами немцы признают, что значительная часть окруженных выскользнула из котла. Здесь, к сожалению, приходится в очередной раз отмечать полнейшую беспомощность советского командования. Кольцо окружения было замкнуто чисто символически, особенно слабыми были позиции XLVII моторизованного корпуса армии Гудериана. Он растянулся длинной тонкой кишкой, перерезать которую было, наверное, не слишком трудно. В северной части кольца стояла 7-я танковая дивизия, которая к этому времени потеряла уже более половины имевшихся танков.

Ставка решила попытаться спасти окруженные армии, и была намечена операция по прорыву кольца. Однако план был составлен крайне неудачный, он, словно под кальку, повторял недостатки всех предыдущих. Снова предпринимались какие-то разрозненные тычки с разных сторон. 21 июля создала пять оперативных групп, использовав войска 29, 30, 24 и 28-й новых армий Резервного фронта. Предполагалось

нанести концентрические удары в направлении на Смоленск:

— оперативная группа И.И. Масленникова (3 стрелковые дивизии) должна была наступать в направлении Велижа;

— оперативные группы В.А. Хоменко (3 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии) и генерал-лейтенанта С.А. Калинина (3 стрелковые дивизии) — с северо-востока;

— оперативная группа К.К. Рокоссовского (2 стрелковые и 1 танковая дивизии) — с востока;

— оперативная группа В.Я. Качалова (2 стрелковые и 1 танковая дивизии) — с юго-востока (со стороны Рославля).

Непосредственное руководство оперативными группами было возложено на генерал-лейтенанта А.И. Ерёменко (с 19 июля командующий Западным фронтом).

Одновременно на южном фланге Западного фронта 21-я армия получила задачу возобновить наступление с целью разгрома бобруйско-быховской группировки противника и восстановления связи с осажденным Могилевом (об этом мы уже упоминали), а 13-я армия должна была продолжить атаки на Кричев и Пропойск.

Из полосы 21-й армии по тылам могилевско-смоленской группировки противника была направлена кавалерийская группа в составе 3 кавалерийских дивизий. Хотелось бы посмотреть, сумели бы отбиться немцы, если бы эти силы были сведены в две группы, не более.

В результате все кончилось, как говорится, себе дороже. Мало того, что не удалось пробить коридор к окруженным армиям и освободить гарнизон Могилева, так еще вдобавок в окружение попала группа Качалова. 5 августа фон Бок доложил об окончании битвы за Смоленск. По утверждениям немцев, они захватили 302 000 пленных, уничтожили и захватили 3205 танков, 3120 орудий, 1098 самолетов.

В этот момент ход событий резко изменился. Я уже писал и не отказываюсь от своих слов: у немцев просто не хватало сил, чтобы успешно вести блицкриг на всем протяжении Восточного фронта, что они упрямо пытались делать. Но последующие решения Гитлера это прямо подтвердили. И опять же, я не отказываюсь от своих слов о том, что Германия не

имела шансов на победу в войне с Советским Союзом. Но принятые в начале августа решения лишили немцев даже **те-ни** шанса. Дело в том, что 4 августа Гитлер прилетел в штаб Группы армий «Центр». Там он подтвердил свое ранее принятое решение направить 2-ю танковую группу на север к Ленинграду, а 3-ю — на юг к Киеву. Правда, он разрешил фон Боку ограниченное наступление в районе Ельни, так как уверовал, что у русских не осталось никаких серьезных сил для защиты Москвы. Предвидеть, что вслед за вторым стратегическим эшелонем на фронте появится третий, немцы не могли даже в кошмарных снах. В войне против Польши ошибки стратегической разведки сошли немцам с рук. В войне против Англии они уже обернулись серьезными неприятностями. В войне против Советского Союза слепота Абвера привела к катастрофе.

И все-таки решение Гитлера понять никак невозможно — если бы фон Бок продолжал наступление силами танковых групп Гота и Гудериана, несмотря на все их потери, сохранялись определенные шансы. Рассуждения неких «культовых историков» о стратегической тени южных фронтов, накрывающих войска, идущие на Москву, являются чистой воды схоластикой. К сожалению, советские войска (а генералы в особенности) уже неоднократно показали свою полную неспособность вести наступательные действия, поэтому с юга фон Боку не грозило **ничто**. Зато оборону наша армия вела все более упорно и умело.

Только сейчас немецкие генералы в полной мере оценили протяженность и глубину нового театра военных действий. И тут же в высшем командовании вспыхнули споры — что делать дальше. 7 августа встретились начальники штабов ОКХ Гальдер и ОКВ Йодль, чтобы обсудить дальнейшие планы. Генерал Варлимонт не без ехидства замечает, что подобное совещание проводилось впервые. Три дня понадобилось генералам, чтобы выработать единую точку зрения — нужно наступать на Москву. 18 августа ОКХ готовит меморандум для командующего сухопутными силами фон Браунхича. В нем открытым текстом говорится, что оставшихся

сил хватит для наступления только на одном направлении, и этим направлением должно стать московское. Однако немецким генералам не хватило смелости общими усилиями постараться разубедить Гитлера. Единственным, у кого хватило вредности характера протестовать, снова стал Гудериан, который утверждал, что его дивизии слишком измотаны для броска на юг. Однако с фюрером не сильно поспоришь, и 21 августа Гитлер принимает окончательное решение — направить танки на юг и на север, а не на Москву. Он заявил, что это совсем не новое решение, и действительно, впервые об этом он заявил еще 8 июля.

«Я уже совершенно ясно и недвусмысленно заявлял об этом с самого начала операции. Главной задачей, которой следует решить до начала зимы, является не захват Москвы, а оккупация Крыма на юге, а также промышленного и угольного бассейна на Донце».

Это дополнение к директиве № 34 было представлено фон Браухичу для ознакомления с ним командующих группами армий. Мы можем твердо заявить: 21 августа молниеносная война на Восточном фронте завершилась. Немцам еще удалось несколько блицопераций, завершившихся очень успешно, но вот войну они проиграли окончательно и бесповоротно.

27 июля началась перетряска командования Группы армий «Центр» с учетом предстоящих операций. У Гота отобрали почти все танковые дивизии, передав их Группе армий «Север», а в утешение повесили ему на шею 9-ю армию, так как заболел ее командующий генерал Штраусс. 2-ю танковую группу переименовали в армейскую группу «Гудериан» и погнали-таки на юг. Пришлось ему отводить душу. Стремительный Гейнц лично возглавил переданный ему из 4-й армии IX армейский корпус и в районе Рославля соединился с XXIV моторизованным корпусом фон Швеппенбурга, окружив части советской 28-й армии. После этого армия Гудериана двинулась на юг. С ней должна была взаимодействовать 2-я армия фон Вейхса, но тот наступал на Гомель очень неспешно. Гудериан уже успел отрезать остаткам Центрального фронта пути отхода, когда фон Вейхс добрался до Гоме-

ля. XXIV и XLVII моторизованные корпуса продолжали двигаться дальше на юг, и перед ними не было никаких сил Красной Армии. 30 августа Сталин приказал Брянскому фронту Еременко ликвидировать прорыв, но этот приказ так и остался благим пожеланием. Генерал с немалой обидой пишет:

«Атаки противника носили по-прежнему ярко выраженный авантюристический характер. Прорвавшись на каком-либо участке фронта, гитлеровцы всеми средствами пытались создать видимость полного окружения наших частей. Мчавшиеся по дорогам мотоциклисты и танки вели беспорядочную стрельбу. За танками, как правило, на машинах двигалась пехота. Война в этом районе шла по дорогам и вдоль дорог. Лесов и болот враг избегал. Мотоциклисты и танки «прочесывали» огнем лежащие на их пути леса, не нанося этим огнем нашим частям существенного урона».

Непонятно только, что мешало Еременко этот авантюризм пресечь, потому что войска Гудериана продвинулись на юг почти на 300 километров, захватив плацдармы на реке Сейм. Несмотря на это, Еременко, не краснея, повествует о том, как Гудериан опозорился:

«Далее Гудериан довольно подробно рассказывает о том, как он, напуганный нашим активным противодействием, поспешно запросил подкрепления.

Эти настойчивые требования помощи, расцененные гитлеровской ставкой как панические, а также провал наступления на Трубчевск принесли Гудериану много неприятностей, и он не мог вспоминать о них без горечи и стыда».

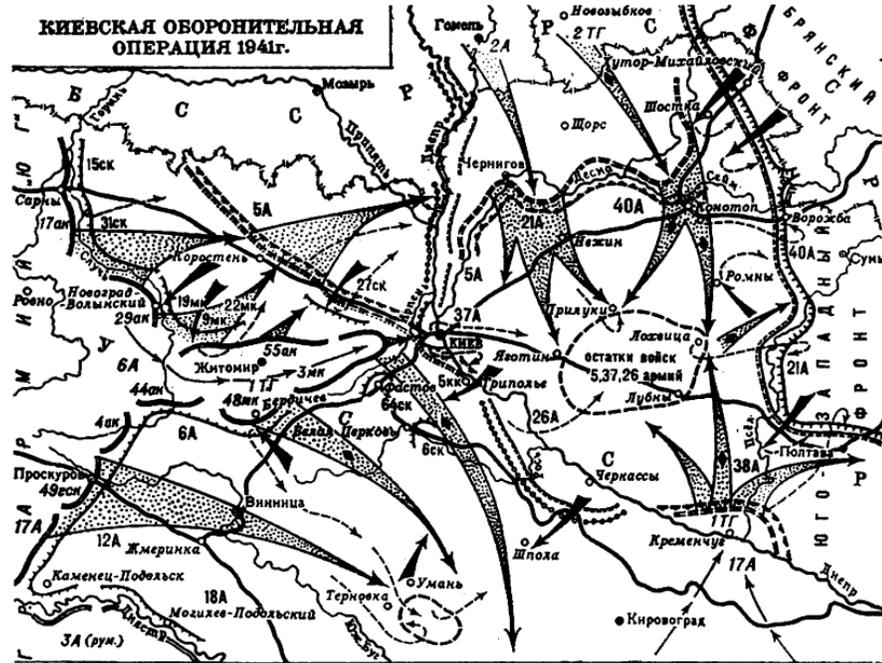
Никаких подкреплений Гудериан не получил, ему даже не отдали его собственный XLVI моторизованный корпус, однако он спокойно продолжал двигаться на юг, не особенно замечая усилия Еременко. По-прежнему атаки производились разрозненно, и немцы их без труда отбивали. Вообще, этот бросок группы Гудериана на юг очень напоминает его же собственный бросок к Ла-Маншу в мае 1940 года. Последствия для находящихся перед ним войск были такими же катастрофическими, но стратегического успеха он не принес. Понимаю, что это звучит странно. Окружение цело-

го фронта — и не стратегический успех, как это? Ну, отодвинули немцы фронт еще на 500 километров, так это для Франции смертельно, а не для России. Ну, потеряли наши войска еще 600 000 человек, так и это для Советского Союза не стало роковым ударом. Вот если бы Гудериану удалось под Дюнкерком уничтожить Британский экспедиционный корпус, хоть в нем и было около 200 000 солдат, тогда ход войны вполне мог измениться кардинально. И, несмотря на все успехи немцев, маховик блицкрига уже скрежетал вовсю и вихлялся, едва удерживаясь на оси.

Наступление Группы армий «Юг» развивалось медленно по сравнению с северным и центральным участками фронта. Прежде всего фельдмаршала Рундштедта словно якорь держала армейская группа «Антонеску» (да-да, того самого), опиравшаяся флангом на побережье Черного моря. Советские войска действовали неудачно, но зато румыны — вообще никак. В результате Группа армий «Юг» превратилась в нечто вроде огромной балки, закрепленной одним концом и вращающейся вокруг него. После прорыва 1-й танковой группы наш Юго-Западный фронт оказался рассеченным на две части, но и северная группировка под Коростенем и южная оказали немцам самое упорное сопротивление. Немцам удалось отрезать в районе Умани части 5 советских корпусов, что было серьезным, но не решающим ударом. К концу августа немцы вышли к Днепру на большом протяжении и уперлись в него намертво. Осторожное поведение фон Рундштедта понятно: немецкая разведка в очередной раз обманула своего генерала. По ее оценкам, генерал Кирпонос имел 73 стрелковых, 16 танковых и 5 кавалерийских дивизий, хотя на самом деле вдвое меньше. Но попытка форсировать столь широкую реку, как Днепр, при таком превосходстве противника легко могла закончиться катастрофой, и фон Рундштедт резонно решил не рисковать. В авиации Красная Армия на этом участке фронта также сохраняла превосходство. В начале августа Кирпонос твердо обещает Сталину удержать Киев, что в этот момент звучит вполне обоснованно.

Но тут вмешалась Ставка, создав некую структуру под на-

КИЕВСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1941г.

Положение немецко-фашистских и советских войск

	на 10.VII		на 30.VII		на 8.VIII		на 9.IX		на 26.IX
	Направления основных ударов немецко-фашистских войск								Контрудары и отступление советских войск

званием «Юго-Западное направление» и поставив во главе его маршала Буденного. Он должен был координировать действия Южного и Юго-Западного фронтов. Буденный сразу принялся распоряжаться. Все подкрепления из района Харькова спешно перебрасывались прямо в Киев вместо того, чтобы укреплять фланги. Даже немецкий агент не мог бы принести большего вреда.

Первым к Киеву вышел III танковый корпус, однако генерал фон Макензен не решился на лобовой штурм. Вскоре части танковой группы Клейста были переброшены на другие участки фронта, а их место занял XXIX корпус. 30 июля немцы предприняли первый штурм, но были без труда отброшены. Следующая атака была предпринята 8 августа, и она тоже была отбита с большими потерями. Ветераны начали с ужасом вспоминать позиционную мясорубку Вердена. На северном фланге выступила советская 5-я армия генерала Потапова, которая так же успешно отбивала атаки 6-й армии фон Рейхенау.

Несмотря на все это, начиная с середины августа генерал Кирпонос неоднократно обращался с просьбами отвести армию Потапова, и 23 августа она уходит за Днепр. Но тут генерал Потапов допустил грубую ошибку, его войска не уничтожили важный деревянный мост в Горностайполе, и немцы прорвались следом. Эти не уничтоженные мосты стали настоящим проклятием Красной Армии. По какой-то неизвестной причине ни в первые дни войны, ни через два месяца после ее начала по всему фронту, от Балтийского моря до Черного, тут и там мосты попадали в руки к немцам совершенно неповрежденными. Кирпонос приказал своей авиации любой ценой уничтожить мост. Штурмовикам Ил-2 удалось поджечь его, и в результате LI корпус оказался отрезанным. Но воспользоваться этим Кирпонос не сумел. Положение советских войск в районе Киева продолжало ухудшаться.

Тем временем танки Гудериана продолжали катиться на юг, хотя их оставалось уже не так много. Во всей армейской группе «Гудериан» имелось не более 200 танков. Часто пишут, что формула блицкрига — это «панцер» плюс «Шту-

ка», но вот количество «панцеров» у Гудериана заметно сократилось, а «Штук» не было вообще. Его наступление подерживали 3-я и 53-я бомбардировочная эскадры, 210-я эскадра скоростных бомбардировщиков (Me-110) и 51-я истребительная эскадра. Для того чтобы остановить его, была сформирована 40-я армия генерала Подласа. Однако 24 августа 3-я танковая дивизия генерала Моделя стремительным ударом захватывает мост через Десну в Новгород-Северском, хотя в ней остался всего 41 танк вместо 198 по штату. Ох уж эти мосты! Попытки выбить немцев с плацдарма, равно как и попытки удара в тыл корпусу фон Швеппенбурга, ничего не дали. Кроме того, наконец-то раскачалась 2-я армия фон Вейхса, которая перешла в наступление и отбросила советскую 21-ю армию, которая имела приказ атаковать западный фланг Гудериана, к Киеву. Попытки Еременко замедлить наступление «подлеца Гудериана» провалились, что бы он потом ни писал. 3 сентября разрыв между Брянским и Юго-Западным фронтами составил около 30 километров, к 10 сентября он увеличился чуть ли не до 100 километров. Части XXIV моторизованного корпуса растянулись на 230 километров, но даже эту тонкую кишку советские части перерезать не сумели. Хуже того, эта потрепанная дивизия смяла 40-ю армию генерала Подласа и захватила Ромны. Положительно советские генералы просто не представляли, что нужно делать в стремительно меняющейся обстановке современной маневренной войны, и выглядели просто беспомощно.

Угроза Юго-Западному фронту стала совершенно очевидной, и 11 сентября генерал Кирпонос запросил разрешение отвести войска с Днепра на рубеж реки Псел. Сталин отказал и назначил командующим Юго-Западным направлением маршала Тимошенко вместо Буденного. Но эти перестановки уже не играли никакой роли.

А тем временем события на южном флесе Киевского выступа тоже принимали все более зловеший характер. 19 августа 9-я танковая дивизия фон Клейста переправилась через реку в Запорожье, но была выбита с плацдарма. 20 августа части 17-й армии захватили плацдарм в Кременчуге, а

25 августа 13-я танковая дивизия захватила важный мост (опять!!!) в Днепропетровске. В течение недели немцы закреплялись на плацдарме, отбивая атаки советских войск. Блокировать плацдарм должна была спешно созданная 38-я армия, которая со своей задачей не справилась. Впрочем, ожидать этого было трудно, так как все свежие резервы направлялись на северный фас.

Несколько неожиданно фон Клейст проявил проблески полководческого таланта: он сумел обмануть своего противника генерала Фекленко. Оставив III моторизованный корпус с частями усиления оборонять мост в Днепропетровске, он перебросил XLVIII моторизованный корпус на плацдарм 17-й армии в Кременчуге. Отметим, что к этому времени у Клейста остался 331 танк, всего 53% имевшихся 22 июня. Но немцам хватило и этого. 12 сентября был нанесен внезапный удар, фронт был прорван. 16-я и 9-я танковые дивизии рванулись вперед, проделав за 12 часов более 70 километров. Это был уже не блицкриг, а суперблицкриг... 2-й батальон 2-го танкового полка разгромил штаб 38-й армии, генерал Фекленко спасся, выпрыгнув в окно. Оставив 17-ю армию прикрывать фланги, 1-я танковая группа устремилась на встречу Гудериану.

Над всем Юго-Западным фронтом нависла угроза уничтожения, но командование не решалось предпринять хоть что-то. Сопrotивление наших войск усилилось, дивизии Моделя потребовалось 2 дня, чтобы захватить Ромны, однако остановить немецкое наступление все равно не удалось. 13 сентября Модель совершил бросок в 50 километров и вышел к Лохвице, где и должен был встретиться с 16-й танковой дивизией Хубе. Официально Киевский котел был захлопнут 14 сентября в 18.20. И в тот же самый день маршал Шапошников напомнил командованию Юго-Западного фронта, что оно должно исполнять приказ товарища Сталина и упорно обороняться. Конечно, легко свалить все на Сталина и говорить о том, что диктатор, мол, не понимал характера современных операций и не успевал за «молниеносным кригом». Но ведь котлы в Минске, Смоленске и Умани

организовал не Сталин, а его генералы, так что показали себя ничуть не лучше.

Маршал Тимошенко предпринял византийскую попытку спасти положение. Он отправил к Кирпоносу на самолете полковника Баграмяна с **устным** приказом начать отступление. Однако Кирпонос, прекрасно зная советские реалии, потребовал **письменный** приказ. Пока шли препирательства, пока готовилась нужная бумага, было потеряно несколько дней. Представить, чтобы Кирпонос позволил себе неповиновение в стиле Гудериана, примеры которого мы не раз приводили, просто невозможно. Впрочем, хотя Гудериана за его выходы никто не расстрелял, звание фельдмаршала один из самых талантливых немецких генералов тоже не получил.

Нужное разрешение пришло Кирпоносу только в ночь с 17 на 18 сентября, и то в нем говорилось об оставлении Киева, но не о выходе из окружения. Но все это было уже бесполезно. К этому времени 5 окруженных армий просто развалились, как это произошло в Минском котле. Немцы нанесли несколько вспомогательных ударов, рассекли котел на части, и на том все закончилось. Попытка прорыва кольца окружения снаружи завершилась провалом. Спешно созданная конно-механизированная группа генерала Белова старательно повторила все допущенные ранее ошибки, не пропустив буквально ни одной. Сухая хроника: 17 сентября атакует 2-й кавалерийский корпус, 18 сентября — 129-я танковая бригада, 20 сентября — 1-я танковая бригада, 22 сентября — 100-я стрелковая дивизия. Чтобы отразить такие атаки, хватало даже вымотанных до предела немецких дивизий.

Бои в котле завершились 26 сентября. Немцы захватили 665 212 пленных, 884 танка, 3436 орудий. Еще одна потрясающая блицоперация. Обратите внимание, непосредственно на все это немцам потребовались около трех недель, не более. Маховик завертелся с новой силой, но тут не выдержала проржавевшая и источенная ось. Огромное колесо со-

рвалось и с воём пошло крушить все вокруг. Первыми под удар попали Панцерваффе:

Если же перейти на язык сухой прозы, то выяснится, что немцы одержали потрясающую военную победу, не решив ни одной из поставленных задач. Захват Донецкого угольного и промышленного района был важен не сам по себе, а лишь в контексте подрыва экономического потенциала СССР. Но этот потенциал, хоть и получил страшный удар, подорван **не был**. Более того, уже летом 1941 года началась масштабная эвакуация промышленных предприятий на восток. Значение этой операции, как мне кажется, **в полной мере** до сих пор не оценено. С моей точки зрения, ее вклад в конечную победу ничуть не меньше, чем у Сталинградской или Курской битвы. Еще один интересный нюанс. Использовать в серьезных масштабах промышленный потенциал Донецкого бассейна немцы так и не сумели. Если заводы «Шкода» исправно снабжали Вермахт танками и пушками, то про «тигры» производства ХТЗ никто ничего не слышал.

В сентябре немецкое командование в очередной раз поверило, что победа над Советским Союзом близка. Красной Армии были нанесены колоссальные потери, Вермахт подошел к Ленинграду, операции на юге тоже развивались удачно. 6 сентября Гитлер подписывает директиву № 35, приказывая создать фланговые группировки для ведения оборонительных операций и отражения наступления армий Тимошенко. Гитлер приказал фон Боку как можно быстрее начать наступление, не задаваясь глупым вопросом: а какими, собственно, силами будет наступать Группа армий «Центр», лишившаяся всех своих танковых корпусов?

Однако 16 сентября фон Бок все-таки подписывает план операции «Тайфун», в которой должны были участвовать три танковые группы. Дело в том, что ОКХ пообещало передать ему группу Гёппнера (3 танковые, 2 моторизованные, 2 пехотные дивизии) и вернуть с юга Гудериана, как только будет завершена операция под Киевом. Как и во время последнего наступления, фон Бок решил удвоить танковые группы с обычными армиями, создавая таким образом не-

кие гигантские «боевые группы». Как обычно, сразу начались споры и дразги. Фон Бок намеревался провести глубокий обход Вязьмы, тогда как ОКХ предлагало не столь глубокую операцию. После ликвидации очередных котлов (а никто из немецких генералов не сомневался, что все пройдет быстро и гладко) Гальдер предлагал бросить моторизованные дивизии прямо на Москву. Но Гитлер вдруг проявил проблески трезвого разума и заявил, что не желает вести бои в крупном городе. Точно так же он не хотел боев на улицах Ленинграда и Киева. Предложение скоординировать это наступление с ударом 16-й армии фон Лееба к озеру Ильмень и армий фон Рундштедта на Харьков фон Бок тоже воспринял без энтузиазма.

Примерно месяц центральный участок фронта оставался статичным. За это время немецкая фронтовая разведка довольно точно определила противостоящие фон Боку силы, выявив 80 из 83 советских стрелковых дивизий. Однако Абвер продолжало кормить высшее руководство сказками, что частично объясняло неумеренный оптимизм ОКВ и ОХК, которые полагали, что здесь находятся только 54 советские дивизии. Не были до конца решены проблемы со снабжением. Танковые дивизии были изрядно потрепаны боями и переходами, танковая группа Гудериана после броска на юг имела не более 50% штатной численности, группа Гота — не более 70%, лишь у Гёппнера все обстояло более или менее нормально.

24 сентября состоялась штабная игра по плану «Тайфуна», который, как надеялись немцы, станет последней блиц-операцией этой войны. В ней участвовали фон Браухич, Гальдер, Кессельринг, то есть чуть ли не все высшее военное командование Германии. Главный удар планировалось нанести силами 4-й армии и 4-й танковой группы, наступавшими в центре. Данные о силах участников крайне противоречивы. Одни источники утверждают, что немцы имели двойное превосходство чуть ли не по всем показателям, другие заявляют чуть ли не о равенстве. Правда, никто не говорит о превосходстве советских войск. Поэтому мы воздержимся от приведения цифр, ограничившись замечанием,

что войскам фон Бока противостояли Западный, Брянский, Калининский и Резервный фронты.

Однако при организации обороны советское командование допустило ряд ошибок. Прежде всего было потеряно время. После того как центр тяжести немецких операций сместился на юг, почему-то был сделан вывод, что в этом году наступление на Москву уже не последует, поэтому подготовка велась достаточно вяло. Документально оформленного плана ведения оборонительной операции на московском направлении у Ставки не было, существовал лишь замысел организации обороны. Да и формировался он поэтапно, а воплощался в жизнь распорядительным порядком. Ставка намеревалась, опираясь на глубоко эшелонированную оборону, не допустить прорыва немцев к столице. Основные усилия предполагалось сосредоточить на кратчайших путях к городу с запада: вдоль дорог Смоленск — Москва и Рославль — Москва. Создание первой очереди оборонительных сооружений намечалось завершить к 15 октября, а второй — к 20—25 ноября. К концу сентября готовность рубежей и линий обороны Москвы не превышала 40—50% запланированного объема работ.

10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта «прочнo закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группу для наступления в будущем». Одновременно совершенствовалось инженерное оборудование местности. Ближе к концу сентября штабы стали получать все больше разведанных о подготовке немцами крупного наступления; обстановка требовала принятия незамедлительных мер. Наконец, 27 сентября командующие Западным и Брянским фронтами получили директиву Ставки:

«В связи с тем, что, как выяснилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка ВГК приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные насту-

пательные операции для улучшения своих оборонительных позиций...

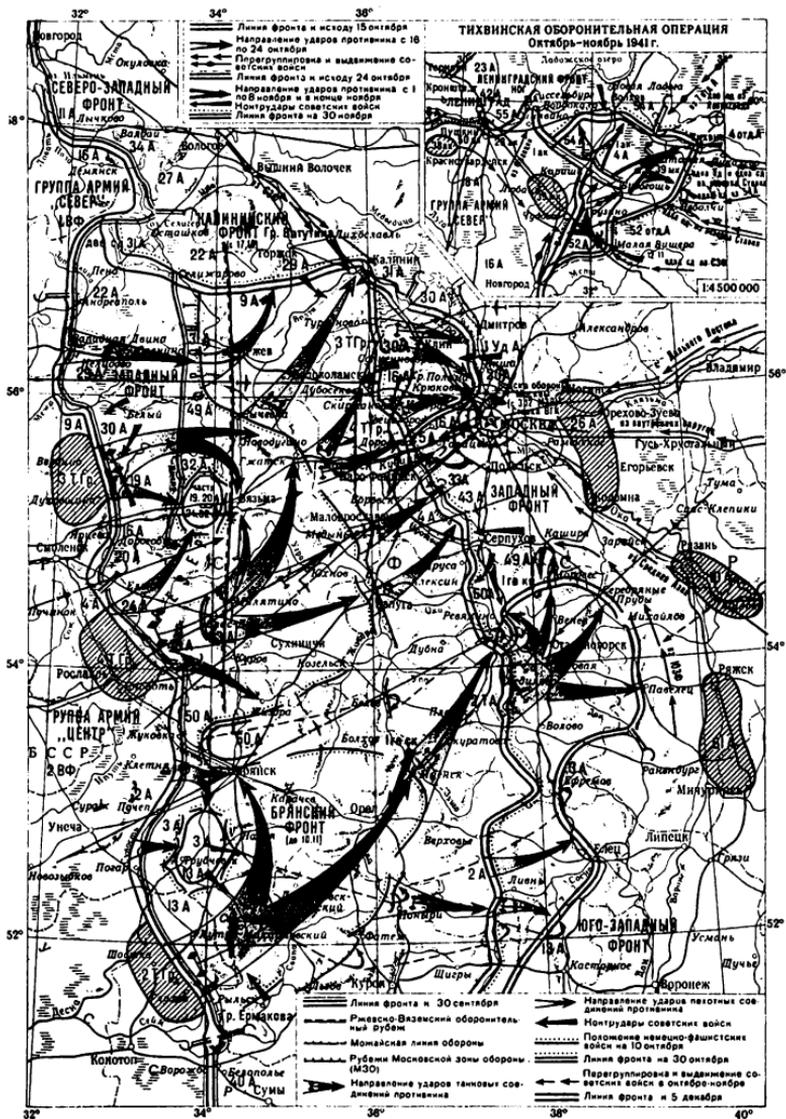
2. Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязму, Брянск, Севск, Курск и стыки с соседними фронтами».

Далее директива требовала от войск «устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями». Ремарка мимоходом: сколько же чудовищных по масштабу поражений потребовалось, чтобы перейти от злосчастных стрелковых ячеек к окопам полного профиля.

Ставка не разгадала замысел противника на московском направлении: районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов врага.

Немецкое наступление началось 30 сентября в 06.35 ударом танковой группы Гудериана, который выпросил себе разрешение начать атаку на двое суток раньше остальных. Он нанес внезапный удар в районе Глухова на стыке между 13-й армией и группой Ермакова. Кстати, «Стремительный Гейнц» не изменял своим привычкам и руководил наступлением с передового командного пункта в Глухове, то есть фактически с линии фронта. Оборона советских войск была прорвана, а контратака Ермакова, предпринятая на следующий день, легко отражена. Так как на остальных участках фронта пока царила тишина, командующий Брянским фронтом генерал Еременко решил, что это всего лишь отвлекающий удар. Тем не менее было решено перебросить к месту прорыва часть резервов.

Буквально на следующий день после начала наступления 3-я танковая дивизия заняла Севск, и XXIV моторизованный корпус устремился далее на Орел — Мценск — Тулу. А советское командование все еще ожидало главного удара в районе Брянска и держало там основные резервы фронта, спокойно глядя на движущиеся танковые колонны немцев. XLVII моторизованный корпус после прорыва резко повернул на север в направлении Брянска, окружая 13-ю и 3-ю армии. На-

Операция «Тайфун»

встречу ему ударил LIII корпус 2-й армии фон Вейхса. Две армии оказались в кольце. Генерал Еременко в очередной раз оказался неспособен контролировать ситуацию, и наступление развивалось беспрепятственно. Во второй половине дня 6-я рота 35-го танкового полка 4-й танковой дивизии ворвалась в Орел, а на улицах города мирно ходили трамваи. За 4 дня наступления эта дивизия прошла 240 километров, что плохо вяжется с рассказами об упорном сопротивлении.

2 октября перешли в наступление 9-я и 4-я армии. Сопротивление бойцов Красной Армии было ожесточенным, часто переходившим в рукопашные схватки, однако недолгим. Танки Гота и Гёппнера вошли в прорывы, и оборона на рубеже реки Десны рухнула. Воспользовавшись успехом Гёппнера, 2-я армия вышла в тыл Брянскому фронту, и наметился еще один котел — теперь уже севернее Брянска.

Брянский фронт погиб в двух котлах. 17 октября была уничтожена окруженная севернее Брянска 50-я армия, а 20 октября был уничтожен котел южнее Брянска, где находились 3-я и 13-я армии. Самому Еременко **очень** повезло, потому что 13 октября он получил ранение и был вывезен на самолете в тыл. Не заслуживал он этого. Впрочем, даже погибая, фронт оказал просто бесценную услугу защитникам Москвы. Как мы видим, ликвидация котлов затянулась, укрыв у немцев целых три недели, в то время когда им был дорог буквально каждый день. К тому же значительная часть личного состава окруженных армий все-таки сумела вырваться, хотя была потеряна вся тяжелая техника. Кстати, за это следует поблагодарить Гудериана. В который раз он предпочел развитие наступления созданию надежного кольца окружения. Главным же было то, что в очередной раз немецкие танки оторвались от пехоты, что вскоре привело к печальным последствиям.

Однако не все шло гладко и у немцев. Совершенно неожиданно командующий 4-й армией Клюге начал вмешиваться в действия Гёппнера, который уже находился в глубоком тылу Брянского фронта. Главные силы 4-й танковой группы стремительно катились к Юхнову, но Клюге прика-

зал XLVI моторизованному корпусу повернуть на север, соблазнившись возможностью устроить еще один котел в районе Вязьмы. Начали сказываться проблемы с работой железных дорог. Танковая группа Гота, прорвав фронт, 4 октября просто встала, так как у нее кончилось топливо. Командующий Западным фронтом генерал Конев использовал эту паузу, чтобы постараться спасти войска, и он добился такого приказа у Ставки. Ну и уж совершенно неожиданным выглядит решение ОКХ в разгар наступления сменить командующего. Генерал Гот получил 17-ю армию в Группе армий «Юг», а его место занял генерал-oberst Рейнхардт. Это были уже совершенно непредвиденные зигзаги взбесившегося маховика.

А дальше начинается очень интересная история вокруг 4-й танковой дивизии, наступавшей на Мценск. Итак, утром 6 октября дивизия вышла из Орла и тут же налетела на засаду, устроенную 1-м гвардейским стрелковым корпусом генерала Лелюшенко. Впрочем, в него входили и две танковые бригады. В последовавшем бою немецкая дивизия потеряла более 30 танков. Вскоре у села Первый Воин, чуть южнее Мценска, последовал новый бой, в котором были уничтожены еще 43 немецких танка. Все это сотворила 4-я танковая бригада полковника Катукова. Далее следует цитата из Гудериана, комментировать которую мы пока не будем:

«Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска северо-восточнее Орла развернулись ожесточенные бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с на-

шим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем».

Однако дивизия генерала Лангермана продолжала идти вперед, но 11 октября под Мценском потерпела новое поражение. Одна только бригада Катукова уничтожила (по советским данным) 133 танка и 49 орудий, остановив немцев на подступах к городу.

А вот теперь мы начнем задавать вопросы. Сначала вопрос Гейнцу Гудериану. Что означает фраза «Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику»? Ведь с танками Т-34 немцы столкнулись прямо на границе, но почему-то тогда не считали их «материально превосходящими» и боролись с ними более или менее успешно. Что случилось? Может быть, как писал детский поэт, «однако за время пути собачка могла подрасти»? Или просто «Стремительный Гейнц» ищет оправдания своим неудачам?

Далее следует вопрос полковнику Катукову. Известно, что к началу операции «Тайфун» в немецкой 4-й танковой дивизии числилось около 100 танков. Из Орла на Мценск вышли всего 59 танков. Из остальных 40 лишь 6 были уничтожены, остальные ремонтировались после поломок и повреждений. Но как из 59 танков уничтожить 133? И как увязать бодрые отчеты Катукова с рапортом генерала Лангермана, сообщившего о потере в бою под Мценском 10 человек убитыми и 33 ранеными, 6 танков уничтоженными и 4 поврежденными, 2 — 88-мм зениток и 2 — 105-мм орудий? Немцы почему-то до сих пор убеждены, что первый день боя за Мценск они выиграли. Потом последовала оперативная пауза (так утверждают немцы) или 7 дней ожесточенных боев (так утверждают наши источники). 11 октября немцам все-таки удалось занять Мценск, но продвинуться дальше к востоку они не сумели.

Гудериан утверждает, что дальше начались сильнейшие дожди, и его танки просто не могли сдвинуться с места. Врет, наверное... Люфтваффе тоже для отвода глаз сократили количество вылетов с 800 в день (6 октября) до 139 (9 октября), также ссылаясь на нелетную погоду. В общем, неважно по

каким причинам, но танки Гудериана (он, судя по всему, тоже не пишет всей правды) застряли под Мценском до 22 октября.

Тем временем грянул гром под Вязьмой. 4-я танковая группа Гёппнера начала быстро продвигаться на Юхнов и Малоярославец. Один из корпусов он повернул на север, чтобы выйти к Вязьме. Там он встретился с наступающими с севера танками генерала Гёппнера. На карте появился еще один котел, в котором оказались части 19, 20, 24 и 32-й армий. Однако и в этом случае более 80 000 солдат вырвались из котла. Эти котлы осени 1941 года уже принципиально отличались от летних. И провозиться с ними немцам пришлось гораздо дольше. В общем, хотя в первой фазе операции «Тайфун» фон Боку и удалось разбить армии, прикрывавшие Москву, уничтожить их он **не сумел**. Гудериан пишет исключительно точно:

«Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, Группа армий «Центр» добилась тем самым еще одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление, чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием германской армии».

Впрочем, в его вопросе уже сразу виден и ответ. Фон Бок громогласно объявил, что захватил в котлах 673 098 пленных, 1277 танков, 4378 орудий. Видимо, чтобы получить круглую и красивую цифру — **миллион**, — еще 332 000 солдат были объявлены убитыми. Однако, выиграв сражение, он потерял время и проиграл войну. Перед немецким фронтом выросли новые армии. Наверное, прав был английский историк Лиддел-Гарт, когда писал, что сила Красной Армии в ее резервах, а слабость — в ее генералах.

Собственно, на этом можно было бы и остановиться, потому что блицкриг 1941 года завершился. Следующей успешной блицоперации на Восточном фронте пришлось ждать полгода. Ни дальнейшие действия немцев, ни зимнее контрнаступление Красной Армии канонам этой теории не

отвечали. Да, немцы еще планировали очередной гигантский котел, предполагая обойти Москву с севера и юга и замкнуть кольцо где-то в районе Орехово-Зуево. Хотя до исполнения этой сладкой мечты им было, как до луны пешком. Они и не дошли.

Если говорить кратко, то немецкие войска совершили еще один рывок по направлению к Москве, причем, как ни странно, самой большой угрозой столице оказалась не армия сверхэнергичного Гудериана и не самая сильная армия Гёппнера, а остававшаяся как-то в тени армия Рейнхардта. Именно она прорвалась ближе всех к Москве, выйдя к Дмитрову, Яхроме, Красной Поляне. Именно ее офицеры «в бинокль рассматривали Кремль», как утверждал доктор Геббельс. Но к этому времени немецкие армии были окончательно обескровлены. О каком захвате Москвы можно бредить, если генерал Раус прямо пишет: «Построив оборону дивизии вокруг 5 уцелевших танков полковника Колля, мы сумели отбить первые атаки сибиряков...» Если всю танковую дивизию можно пересчитать по пальцам одной руки, тут жди неминуемой победы. Или другой пример: главная ударная сила Гудериана — XXIV моторизованный корпус — сохранила целых 11 орудий. Это очень много, так как для подсчета корпусной артиллерии нам уже не хватит пальцев даже двух рук.

1 декабря 4-я армия Клюге предприняла какие-то судорожные попытки наступать, но уже ничего не добилась, а 5 декабря Красная Армия перешла в контрнаступление. Операция «Тайфун» завершилась.

Резюме. Потрясающие успехи первых операций на Восточном фронте замаскировали порочность и авантюристичность плана «Барбаросса» практически от всех, а прежде всего — недостаток сил. В 1941 году немцам так и не удалось решить проблему снабжения наступающих армий. Командующие группами армий стремились к окружению сил противника (идеал блицкрига), но котлы приобретали все более гигантский характер, и ликвидация окруженных группировок превращалась во все более сложную задачу. Кончилось это тем,

что последние котлы вынудили немцев потерять слишком много времени, так и не добившись решающего успеха. Блицкриг требовал от командиров большой самостоятельности, и очень часто они действовали в рамках **директив**, а не **приказов**. Однако это приводило к появлению фигур вроде Роммеля и Гудериана. Они были способны, увлекшись своими собственными идеями и преследуя свои собственные цели, действовать так, что рушился общий план операции. Особенно наглядно все это проявилось в ходе битвы под Москвой. Хвалиться своими действиями здесь не может ни одна из сторон, но немцы проиграли битву. А значит, у них недостатков и ошибок оказалось гораздо больше, чем у нас.

Глава 8

РОММЕЛЬ ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Северная Африка, кажется, самим богом была создана как идеальный театр действий танковых войск. Бескрайние равнины позволяют маневрировать, как душе угодно, перебрасывать силы в нужную точку и облегчают действия авиации, так как укрыться от нее практически невозможно. Однако ирония судьбы заключается в том, что в 1940 году первыми там встретились противники, не имеющие даже отдаленного представления о том, что есть блицкриг. Нет, конечно, и маршал Грациани, и генерал Уэйвелл имели в своем распоряжении танки, вот только пользоваться ими они совершенно не умели. Положение Грациани еще больше осложнялось тем, что итальянские солдаты откровенно не желали воевать. Маршал имел вчетверо больше сил, поэтому ему пришлось проявить прямо-таки фантастическую изобретательность, чтобы находить причины для отсрочки наступления. Только постоянные понукания из Рима вынудили его после трех месяцев промедления перейти границу Египта. Продвижение вперед (назвать это наступлением никак нельзя) продолжалось целых 5 дней: с 12 по 17 сентября.

После этого Грациани счел свою задачу выполненной и остановился, приказав войскам окопываться.

Видя полнейшую пассивность противника, англичане осмелели и решили попытаться атаковать противника. Сразу подчеркнем: операция «Компас» не задумывалась как наступление, пусть даже локальное. Это была не более чем разведка боем. Собственно, иначе и быть не могло, ведь итальянцы превосходили англичан в живой силе в 5 раз, в артиллерии — в 12 раз, в танках — в 2 раза. Единственным козырем англичан были танки «Матильда», о встрече с которыми под Аррасом в мае 1940 года у Роммеля остались самые неприятные воспоминания. Решиться даже на разведку было тяжело, и только 7 декабря отряд «Западная пустыня» под командованием генерала О'Коннора выступил из Мерса Матрух. 9 декабря английские войска подошли к укрепленному лагерю «Нибейва» и атаковали его. Никаких тактических изысков, никакого взаимодействия разнородных сил... Все было исполнено в милом, наивном стиле периода прошлой войны — танки «Матильда» пошли в лобовую атаку прямо на проволочные заграждения и окопы. Но, как выяснилось, итальянцы не были готовы даже к такому. Итог — 4000 пленных и разгромленный лагерь, комендант генерал Пьетро Малетти убит. После этого британские танки двинулись дальше, и к вечеру были уничтожены еще два укрепленных лагеря итальянцев. 11 декабря одна из бригад 7-й бронетанковой дивизии атаковала отступающих итальянцев и захватила 14 000 пленных и 88 орудий. Однако, как гордо заявляют итальянские историки, это не помешало генералу Бергонцоли во главе танковой роты отойти к Бардии.

После этих столкновений итальянская 10-я армия перестала существовать как организованная сила. Остатки ее частей в беспорядке покатались дальше на запад, к Бардии, никем не преследуемые. Дело в том, что англичане просто растерялись, одержав такую грандиозную победу, на которую явно не рассчитывали. Они не только остановились в решающий момент, когда можно было довершить полный разгром противника, но по приказу командования одна из пехотных дивизий О'Коннора была отправлена обратно в

Египет. Разгромленные итальянцы бежали на запад, победившие англичане стремительно двигались на восток. Правда, потом Уэйвелл спохватился, что происходит нечто непонятное, и перебросил на фронт свежую пехотную дивизию из Палестины. Таков был уровень стратегического мышления британского командования.

Впрочем, итальянцам неожиданная передышка ничем не помогла. 3 января 1941 года английские войска пошли на штурм Бардии. Впереди двигались танки — все 22 «Матильды» разом. Бои, назовем это так, продолжались три дня, после чего гарнизон сдался — 45 000 человек, 462 орудия, 129 танков. После этого англичане двинулись далее на запад, к Тобруку, и 21 января атаковали его. На следующий день гарнизон капитулировал — 30 000 человек, 236 орудий, 7 танков. На сей раз английскую атаку возглавляли 16 «Матильды».

И вот здесь англичане окончательно потеряли голову. Северную Африку можно было брать голыми руками, требовалось лишь одно — не останавливаться. Однако англичане остановились. В боях против итальянцев подобные неуклюжесть и неповоротливость оставались безнаказанными, но вскоре англичанам предстояла встреча с совсем иным противником. На горизонте начали сгущаться тучи — Гитлер решил оказать помощь разваливающемуся союзнику. Сначала речь шла об отправке в Африку некоего «заградительного отряда», но вскоре стало понятно, что силами одной бригады Триполитанию не удержать даже немцам, и появилось решение отправить туда целый корпус в составе двух дивизий. Так родился знаменитый ДАК — Deutsche Afrikakorps.

Тем временем англичане продолжили наступление, но теперь ужасные «Матильды» остались позади, и к Беда Фомм вышла только бригада средних танков — целых 29 штук. На результате это не сказалось — 20 000 пленных, 216 орудий, 120 танков. Все эти достижения стоили 7-й бронетанковой дивизии 9 убитых и 15 раненых. Поэтому ничуть не удивительно, что Иден пустил в оборот новый вариант фразы Черчилля о Битве за Британию: «Никогда так много не было сдано столь многими столь немногим!» К марту 1941 года наступление англичан в Ливии завершилось. Они про-

двинулись более чем на 800 километров, взяли 130 000 пленных, в том числе 22 генерала, уничтожили и захватили 400 танков и 1290 орудий, потеряв при этом около 1800 человек. Путь на Бенгази и далее, к границам Французского Туниса, был открыт. Еще одно небольшое усилие — и войска Оси будут окончательно выкинуты из Африки, после чего им вряд ли удалось бы там появиться, учитывая господство британского флота на Средиземном море. Но премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля обуял нестерпимый полководческий зуд (заметим, что его вмешательство в военные дела **всегда** кончалось для Великобритании **очень** скверно), и все самые боеспособные части были-таки отправлены в Грецию. Как сумеют 2 дивизии остановить наступление германской 12-й армии, не знал никто, но их послали.

И как раз в это время в Африку прибывает человек, которому предстоит дать англичанам образцово-показательный урок, — генерал Эрвин Роммель. После разгрома Грациани фон Браухич послал в Африку генерала барона фон Функа. Он должен был провести детальную разведку и принять командование над теми германскими войсками, которые будут посланы на помощь итальянцам. Однако в Германии фон Функу пришлось лично докладывать Гитлеру, который узнал в нем офицера штаба опозоренного генерала фон Фрича. Поэтому фон Функа быстро заменили любимчиком Гитлера. Роммель прилетел в Триполи 12 февраля, но лишь через месяц там появились сколько-нибудь заметные силы немцев — 5-й легкий полк. До этого Роммелю приходилось полагаться только на фальшивые танки, склепанные из фанеры на базе грузовиков.

21 марта Роммель начал наступление, которое тоже не должно было перерасти в крупную операцию, так как в его распоряжении имелась только недоукомплектованная 5-я легкая дивизия. Лишь в мае ожидалось прибытие 15-й танковой дивизии, после чего немцы собирались начать воевать всерьез. Однако теперь уже англичане не сумели оказать немцам практически никакого сопротивления и покатались назад с той же скоростью, с какой ранее наступали. 3 апреля

Роммель захватил Бенгази, 8 апреля была захвачена Газала, 11 апреля — окружен Тобрук. Вот это была настоящая **молниеносная** война! Если англичане проделали этот путь за 3 месяца, то Роммелю понадобились всего 2 недели. Английские командиры даже не представляли, что можно наступать с такой скоростью, ведь 9 апреля во время рекогносцировки того, что считалось глубоким тылом, в плен попали командир отряда «Западная пустыня» генерал О'Коннор и командующий войсками в Египте генерал Ним. Но в целом генеральский улов Роммеля оказался более бедным, чем у англичан, — всего 6 генералов.

Выйдя на границу с Египтом, Роммель остановился. Причина была более чем прозаической — у него просто не было войск, чтобы наступать дальше. Пока что он получил в качестве подкреплений только 2 итальянские дивизии, боеспособность которых была более чем сомнительной. Англичане гордятся тем, что Тобрук выдержал затяжную осаду, но это было совершенно неудивительно. Пока что Роммель лишь обозначал штурмы, отнюдь не собираясь тратить силы на взятие города. Надо заметить, что до сих пор больше всего мешали Роммелю не англичане, а собственные начальники. Сначала ему пришлось чуть ли не угрозой отстранения от командования заставлять командира 5-й легкой дивизии генерала Штрейха выдерживать предписанный темп наступления. Затем начальник итальянского Генерального штаба генерал Гарибольди разразился целой серией истерических призывов остановиться. Позднее в ответ на просьбы Роммеля ускорить отправку подкреплений вместо танков прислали заместителя начальника германского Генерального штаба генерала Паулюса, которому была поставлена задача «помешать этому солдату окончательно спянуть». Паулюс недвусмысленно объяснил Роммелю, что в связи с подготовкой операции «Барбаросса» он не может рассчитывать на новые подкрепления. Хорошо еще, если отправят то, что уже обещали. Например, та же 15-я танковая дивизия опоздала на месяц. Раз наступать не получалось, Роммель постарался закрепиться на ливийско-египетской границе, создав там цепь

опорных пунктов. Правда, при наличии подвижных сил можно было надеяться, что они не разделят судьбу уже уничтоженных итальянских лагерей.

В мае 1941 года англичане предприняли первую вялую попытку прорвать блокаду Тобрука, однако их наступление захлебнулось, не успев начаться. А единственным результатом стал захват немцами важного горного прохода Хальфайя, о чем англичанам вскоре пришлось горько пожалеть. После этого англичане начали готовить новое наступление с целью деблокады Тобрука. Из Англии прибыл конвой, доставивший в Египет 238 танков, в том числе 135 «Матильд». 15 июня англичане перешли в наступление. Это наступление показало, до какой степени британские командиры ничего не понимают в танковой войне. Были нарушены буквально все ее основные принципы. Англичане не провели разведку. Англичане не использовали воздушную поддержку. Англичане не остановили свои танки, натолкнувшись на жесткую оборону. Предсказать результат в таких случаях нетрудно. От двух танковых батальонов, штурмовавших проход Хальфайя, осталось ровно два танка, хотя их встретили всего четыре 88-мм зенитки, которые немцы давно привыкли использовать в качестве противотанковых орудий. Попытка прорваться через хребет Хафид завершилась точно так же. 88-мм зенитки безнаказанно расстреливали британские танки, как в тире.

Однако нет такой стены, которую нельзя попытаться прошибить лбом. На следующий день англичане снова попытались прорваться через хребет Хафид. И если накануне они считали потери батальонами, то теперь счет пошел уже на бригады. На третий день Роммель сам перешел в наступление, намереваясь окружить потрепанную британскую группировку. Но вот здесь англичане продемонстрировали завидную подвижность и сумели выскочить из намечавшегося котла. Впрочем, потери сторон говорят сами за себя — 91 английский танк против 12 немецких. Результатом этой неудачи стало отстранение от командования генерала Уэйвелла, его сменил генерал Окинлек. (Кстати, маленькая ре-

марка. Его фамилия — Auchinleck — читается именно как «Окинлек» с учетом кельтско-французских корней. Поэтому попытка русской «Википедии» превратить его в «Очинлека» заслуживает только сожаления.) Но, как выяснилось довольно быстро, это был единственный вывод, который сделали англичане из результатов провалившегося наступления.

Окинлек энергично принялся за дело, для начала попытавшись развенчать Роммеля, который уже успел прославиться. Но сделал он это более чем своеобразно, издав следующий глупейший приказ:

**«ВСЕМ КОМАНДИРАМ И НАЧАЛЬНИКАМ ШТАБОВ
От Главнокомандующего**

Существует реальная опасность, что наш друг Роммель станет для наших солдат колдуном или пугалом. О нем и так уже говорят слишком много. Он ни в коем случае не сверхчеловек, хотя он очень энергичен и обладает способностями. Даже если бы он был сверхчеловеком, было бы крайне нежелательно, чтобы наши солдаты уверовали в его сверхъестественную мощь.

Я хочу, чтобы вы всеми возможными способами развеяли представление, что Роммель является чем-то большим, чем обычный германский генерал. Для этого представляется важным не называть имя Роммеля, когда мы говорим о противнике в Ливии. Мы должны упоминать «немцев», или «страны Оси», или «противника», но ни в коем случае не заострять внимание на Роммеле.

Пожалуйста, примите меры к немедленному исполнению данного приказа и доведите до сведения всех командиров, что с психологической точки зрения это дело высочайшей важности.

(Подписано) К.Дж. Окинлек
Генерал»

Разумеется, такой приказ лишь повысил репутацию Роммеля, а не принизил ее.

И все-таки даже у Роммеля далеко не всегда дела шли гладко. После двух неудачных попыток деблокировать Тобрук англичане предприняли третью — операцию «Крусей-

дер». В конце концов, если в спорте дают три попытки, то английские джентльмены, всегда рассматривавшие войну как разновидность спорта (граф Игнатъев утверждал это с полным знанием дела), тоже имели право на нее. Для этого наступления англичане сосредоточили крупные силы: 7 полностью укомплектованных дивизий, до 770 танков и 1000 самолетов. Итак, после смены командующего Черчилль рассчитывал на успешное и грандиозное наступление, однако генерал Окинлек занялся тем же самым, что и смещенный Уэйвелл, — начал требовать подкрепления и отыскивать причины для затяжки наступления. Рост сил привел к изменению организационных структур. Отряд «Западная пустыня» сначала превратился в Армию Нила, а потом в 8-ю армию под командованием генерала Каннингхэма, разделенную на два корпуса: XIII и XXX.

Этим силам противостояли 10 потрепанных дивизий Оси, из которых лишь 3 были немецкими, около 400 танков и 450 самолетов. Как часто бывает в подобных случаях, немцы пытались замаскировать слабость своих сил присвоением грозных названий своим соединениям. Если сначала это был, как мы уже говорили, «заградительный отряд», то с прибытием Роммеля он превратился в Германский Африканский корпус — *Deutsche Afrikakorps*, хотя не получил ни одного лишнего солдата. Дальше — больше, летом 1941 года он превращается уже в танковую группу «Африка». Увы, в ее составе как были, так и остались 15-я и 21-я танковые и 90-я легкая дивизии. Да, конечно, следует добавить несколько итальянских дивизий, но их боеспособность как была, так и осталась более чем сомнительной, а участие в операциях чаще всего было чисто символическим. Как говорится, мы пахали. То есть в отличие от английских переименований, немецкие носили чисто психологический характер. Вообще-то мне страшно подумать, что могло произойти, если бы соотношение числа итальянских и немецких дивизий было обратным.

Внешне план англичан выглядел логично: сковать силы Оси на фронте атакой XIII корпуса, в то время как XXX корпус обойдет их правый фланг, уничтожит танковые дивизии

Роммеля и соединится с гарнизоном Тобрука. Но когда начинаешь рассматривать его более внимательно, становится понятно, что весь план представляет собой форменное надругательство над принципами танковой войны. Англичане равномерно размазали свои танковые бригады по всему фронту. Роммель отметил, что англичане подставили ему под удар поочередно три свои танковые бригады.

Английское наступление началось 18 ноября и сначала проходило гладко. 7-я бронетанковая бригада обошла фланг вражеских позиций и двинулась дальше, оттесняя слабые немецкие заслоны. В это время 22-я танковая бригада атаковала итальянскую танковую дивизию «Ариете», но действовала настолько неумело, что итальянцы устояли, уничтожив при этом 40 из 160 атаковавших английских танков. Все-таки англичане добились определенного успеха, захватив аэродром Сиди-Резег. Но уже прозвенел первый звонок. Немцы внезапно атаковали растянувшуюся колонну 4-й бронетанковой бригады и потрепали ее тылы. Англичанам еще повезло, потому что немцы по ошибке направили 15-ю танковую дивизию в другом направлении. Зато 20 декабря она атаковала 4-ю бригаду и уничтожила еще 40 английских танков.

Но совершенно неожиданно для себя 21 ноября Роммель получил удар в спину. 70-я дивизия, составлявшая основу гарнизона Тобрука, нанесла удар навстречу своим танкам. К огромному изумлению немцев, в этой атаке участвовали до 50 пехотных танков. Но встреча не состоялась, так как 7-я бригада ввязалась во встречный бой с подошедшими немецкими танками. Умело используя артиллерию, немцы уничтожили бригаду, в которой осталось только 28 танков из 160.

И все-таки англичане смотрели в будущее с оптимизмом, так как Роммель был вынужден снова разделить свои дивизии. Тобрук осталась блокировать только 21-я танковая. XXX корпус мог прорваться к крепости, однако его командир генерал Норри решил проявить осторожность, так как у него осталось всего 200 танков. Роммель о таком количестве мог только мечтать, а потому, скорее всего от зависти, 22 ноября нанес удар, выбив англичан с аэродрома Сиди-Резег.

Англичане потеряли еще 50 танков, в основном из состава 22-й бригады. Англичане попытались было снова занять аэродром, однако это привело только к очередной гекатомбе. Например, от 7-й бронетанковой бригады осталось только 4 танка, а всего за 4 дня боев англичане потеряли 530 танков против 100 немецких.

Зато на фронте XIII корпуса англичанам удалось добиться более заметных успехов. Были взяты несколько мелких опорных пунктов, другие оказались в окружении. Но 23 ноября Роммель снова попытался перехватить инициативу. Сведя вместе две свои танковые дивизии, при помощи итальянской танковой дивизии «Ариете» он попытался отрезать и уничтожить прорвавшиеся части XXX корпуса. Ценной серьезной потерей он уничтожил одну пехотную бригаду, однако остатки английской группы вырвались из окружения. Однако здесь Роммель начал проявлять нехарактерную для себя нерешительность. Его танковые дивизии то бросались на восток к опорным пунктам на границе, то возвращались на запад к Тобруку. Естественно, что такие метания не принесли успеха, зато принесли новые потери, так как британская авиация наносила удары по немецким колоннам на марше. Приказы либо не поступали в войска, либо истолковывались совершенно неправильно.

Словом, конец ноября стал черным периодом для Роммеля. Впервые ему пришлось отступать, чтобы спасти остатки своих войск. У него осталось не более 60 танков, в то время как англичане, постоянно получающие новую технику, имели впятеро больше. 2-я новозеландская дивизия при поддержке 90 танков сумела прорваться к Тобруку, куда флот доставил еще 70 танков. 27 ноября 15-я танковая дивизия была атакована 22-й и 4-й бронетанковыми бригадами, но сумела отбиться. Однако у англичан тоже не все шло гладко. Хотя Каннингхэм и сумел пробить коридор к Тобруку, удержать эти позиции он не надеялся и предложил Окинлеку отвести войска. На это Окинлек ответил необычайно жестким приказом: «Может быть только один приказ: «Атаковать и преследовать», а потом, немного поразмыслив, по-

просту снял Каннингхэма, заменив его заместителем начальника своего штаба генералом Ритчи.

Теперь Роммель вознамерился уничтожить 2-ю новозеландскую дивизию и снова изолировать Тобрук. О взятии крепости речь даже не шла, так как немецким командирам было совершенно ясно, что у них просто не хватит для этого войск. Впрочем, как выяснилось, войск не хватило и для уничтожения новозеландцев. В ходе упорных боев ему удалось уничтожить одну из бригад, но остатки дивизии сумели отойти. При этом английские танковые бригады хладнокровно наблюдали за происходящим.

Тобрук был снова отрезан, и теперь у Роммеля возникли опасения за судьбу гарнизонов, отрезанных на ливийско-египетской границе. 2 декабря он выслал две батальонные боевые группы, чтобы они прорвались к Бардии и Капуццо, надеясь потом двинуть туда и главные силы, которые пока что приводили себя в порядок. Снижение масштаба боевых действий видно невооруженным глазом — вместо дивизий в ход пошли батальоны. Зато англичане подобных проблем не испытывали, Ритчи занялся делом, которое вскоре станет для него привычным — пополнением и переформированием потрепанных и разгромленных бригад. 5 декабря произошло очередное столкновение, в ходе которого 49 танков Африканского корпуса (все, что осталось) разгромили 11-ю индийскую бригаду, в то время как 126 танков 4-й бронетанковой спокойно стояли неподалеку. Все более четко вырисовывается органический порок британской армии — полнейшая неспособность наладить взаимодействие частей и соединений. Мы с этим еще не раз столкнемся.

К 7 декабря танковая группа «Африка» понесла такие потери, что Роммель принял вынужденное решение снять блокаду Тобрука и отойти на линию Газала, где итальянские тыловые подразделения подготовили оборонительные позиции. Из Рима ему передали, что на восполнение потерь рассчитывать не приходится, поэтому иного выбора у него не было. Итальянский X корпус расположился у побережья, далее находился итальянский XXI корпус, еще южнее —

итальянская мобильная группа: танковые и моторизованные дивизии. За южным флангом стоял Африканский корпус.

Англичане попытались с ходу атаковать линию Газалы, но в очередной раз 7-я индийская бригада была вынуждена сражаться с Африканским корпусом под одобрительные аплодисменты 7-й бронетанковой дивизии, не пожелавшей вмешиваться. Пока немцам удавалось удерживаться, но после трех дней боев 14 декабря в Африканском корпусе осталось всего 8 танков. В дивизии «Ариете» нашлось еще 30. Обороняться с такими силами было немыслимо, и Роммель продолжил отступление к границе Киренаики. Лишь там 19 декабря он получил первое подкрепление с момента начала операции «Крусейдер» — целых 30 танков. Это позволило ему внезапно атаковать и разбить зарвавшуюся 22-ю бронетанковую бригаду, которая потеряла 65 танков. Но горечь поражения англичанам скрасила капитуляция окруженных гарнизонов на ливийской границе. В целом же можно сказать одно: поражение потерпел не Роммель, а командование Оси, не сумевшее или не пожелавшее организовать доставку подкреплений в Африку. Если бы Роммель получил хотя бы четверть того, что бездарно угробили Каннигхэм и Ритчи, он, скорее всего, взял бы Тобрук и дошел до Александрии. Но вышло так, как вышло, и все пришлось начинать сначала.

После Нового года Роммель перешел в наступление и к 4 февраля снова был на линии Газала. После этого наступила передышка, во время которой обе стороны готовились к решающему сражению. Но когда оно началось, события пошли совсем не так, как планировали Роммель и Ритчи. Однако Роммель сумел перестроиться по ходу операции и оперативно отреагировал на неожиданные изменения ситуации. А вот английское командование, причем на всех уровнях, в очередной раз показало, что ему никакой урок не впрок.

Наверное, у каждого генерала есть свой звездный час, свое самое блестящее сражение. Наполеон, скажем, всегда гордился Аустерлицем. Действительно, такой кристально чистой и убедительной победой над превосходящими сила-

ми противника могут похвастаться немногие. У Роммеля таких побед, как ни странно, не было. Да, сражение при Газале было выдающимся успехом, но слишком много ошибок было совершено противником. Лишь это принесло немцам победу, потому что был период, когда Роммель стоял на грани поражения.

Но давайте рассмотрим это сражение более подробно, потому что именно в нем наиболее наглядно проявились диаметрально противоположные взгляды германских и британских генералов на танковую войну.

После зимних боев наступило недолгое затишье — обе стороны восполняли потери и готовились к наступлению. Но если Роммель рвался вперед и жаждал боя, то командующего британскими силами на Ближнем Востоке генерала Окинлека приходилось подталкивать и подпирать, как ранее маршала Грациани. И точно так же, как Муссолини, Черчилль потерял терпение и попросту пригрозил снять Окинлека. Единственное, чего тому удалось добиться, — отсрочки до середины июня «для накопления сил». Роммель не стал ждать и сам перешел в наступление 26 мая 1942 года.

На сей раз силы сторон были значительно больше, чем во время операции «Крусейдер». Англичане имели около 175 000 солдат и 843 танка, еще 420 танков могли быть присланы в качестве подкреплений. Роммель имел всего 80 000 солдат и 560 танков, причем из них 230 были итальянскими, имевшими чисто символическую боевую ценность. Впрочем, ценность британских крейсерских танков тоже можно поставить под сомнение. В артиллерии англичане имели полуторное превосходство, и лишь воздушные силы противников были примерно равны. Англичане надежно окопались, прикрыли свои позиции плотными минными полями и, как им казалось, обезопасили себя от любых неожиданностей. Однако они мыслили категориями прошлой войны и недооценили маневренность и подвижность моторизованных соединений, поэтому южный фланг позиции оказался защищенным совершенно недостаточно. Вдобавок их позиции имели тот же органический недостаток, который подвел итальян-

цев в 1940 году. Отдельные опорные пункты были изолированными, и промежутки между ними не защищал никто.

Итак, 26 мая в 14.00 итальянские X и XXI корпуса начали артподготовку, изображая наступление по всей линии фронта. Но главный удар наносился южнее, в обход английских позиций. Операция «Венеция» началась 27 мая в 4.30. На левом фланге ударной группы наступал итальянский XX корпус генерала Бальдассаре, имевший 228 танков. Впрочем, Роммель трезво смотрел на боевые возможности итальянцев и отвел им обеспечивающую роль. В центре наступал Африканский корпус генерал-лейтенанта Неринга, а на крайнем правом фланге — 90-я легкая дивизия, которой предстоял долгий путь через пустыню. Роммель приказал своим дивизиям следовать в боевом порядке. Возглавляли колонны танки, за ними шли грузовики с пехотой, замыкали строй артиллерия, саперы, связисты. Позади боевых колонн двигались группы снабжения. Именно в этом и была суть немецкой тактики — наступление велось сбалансированными соединениями различных родов войск, в то время как англичане все еще рассматривали танки как некую бронированную кавалерию, не нуждающуюся в поддержке.

Как ни странно, первыми отличились итальянцы. К югу от Бир-Хакейма, когда войска Роммеля начали поворот влево, чтобы выйти в тыл британским позициям, танковая дивизия «Ариете» неожиданно натолкнулась на лагерь 3-й индийской бригады. Вероятно, в темноте итальянцы просто не разобрали, с кем имеют дело, потому что буквально через 30 минут все было кончено. Впрочем, темнота обманула и англичан, потому что бригадир Филоуз успел радировать, что его атаковала «целая дивизия поганых немецких танков». Впрочем, британское командование — генерал Ритчи (8-я Армия) и генерал Норри (XXX корпус) — просто не поверило, что возможно крупномасштабное ночное наступление. На всякий случай они отправили на юг 4-ю бронетанковую бригаду, так как полагали, что этого хватит. Действительно, все завершилось очень быстро.

Любопытная деталь. Среди пленных оказался сэр Уолтер Коуэн, 71-летний британский адмирал, который вышел в

отставку в 1931 году и сопровождал 18-й кавалерийский полк в качестве добровольца. Он опустошил барабан своего револьвера, стреляя по танку Т-III, и пытался перезарядить его, когда командир танка выскочил из башни и захватил адмирала.

Сначала 90-я легкая дивизия столкнулась с патрулями английской 7-й механизированной бригады. После короткой стычки англичане бежали, но в том же направлении двигались и немцы, причем чуть ли не быстрее англичан. Во всяком случае, к укрепленной позиции Ретма они прибыли одновременно, поэтому зацепиться англичанам не удалось, и они были вынуждены продолжать бегство. Таким образом, прошло всего 6 часов с момента начала наступления, а две английские бригады уже были разгромлены полностью. А затем произошла встреча, оказавшаяся неожиданной для обеих сторон. Передовой полк 4-й бронетанковой бригады налетел на колонну 15-й танковой дивизии немцев. От немедленного уничтожения англичан спасло то, что полк имел на вооружении тяжелые (по меркам африканского театра) танки «Грант». Поэтому передовой эшелон немцев понес потери, но командир дивизии генерал фон Ферст быстро приказал одному батальону обойти англичан с фланга, на другой фланг выдвинул батарею ужасных 88-мм зениток, и на том бой завершился. А тут еще подошел второй полк бригады, который натолкнулся на развернутые порядки немцев и был уничтожен раньше, чем успел понять, что происходит. Такова была координация действий английских частей. Разгром бригады довершило уничтожение третьего полка, столкнувшегося с 21-й танковой дивизией немцев. Остатки бригады сумели остановиться, лишь пробежав 32 километра. 7-я бронетанковая дивизия англичан фактически перестала существовать, потеряв 3 бригады из 4. Вдобавок штабная колонна дивизии налетела на авангард 90-й легкой дивизии, и весь штаб в полном составе попал в плен.

Единственным светлым пятном было то, что итальянская танковая дивизия «Ариете», попытавшаяся было с ходу взять опорный пункт Бир-Хакейм, который обороняла пехотная бригада Свободной Франции, была отброшена. Однако эта

заминка не снизила темп наступления немецких дивизий. Перед 8-й армией возникла вполне реальная перспектива попасть в окружение. Следовало действовать, и действовать быстро. Однако британские командиры растерялись. Генерал Норри потерял голову и отправил навстречу немцам очередную бригаду, теперь уже из состава 1-й бронетанковой дивизии. 22-я бронетанковая бригада бодро двинулась вперед, за полчаса потеряла 30 танков и откатилась обратно. Лишь после этого Норри сообразил, что происходит что-то не то, и приказал 2-й бронетанковой бригаде атаковать правый флаг немцев, выделив для поддержки всю дивизионную артиллерию. Этот удар принес определенный успех, так как немцы остановились. Впрочем, более серьезное значение имела нехватка топлива и боеприпасов после целого дня непрерывных боев.

Наступавшие левее итальянцы после единичного успеха стали действовать в привычной для себя манере. Танковая дивизия «Ариете» столкнулась с 1-й бронетанковой бригадой англичан и тут же остановилась, а моторизованная дивизия «Триесте» из состава того же XX корпуса просто пропала. Она должна была прорвать минные заграждения к северу от Бир-Хакейма и обеспечить путь доставки снабжения Африканскому корпусу, но...

Подведя итоги первого дня операции, Роммель был вынужден приостановить наступление и даже оттянуть назад 90-ю легкую дивизию. 28 мая он бросил вперед 21-ю танковую дивизию, все еще надеясь прорваться к морю и полностью окружить британскую 8-ю армию, но эта попытка была предотвращена разрозненными атаками англичан. Все-таки у них было **слишком** много танков. 29 мая немцы простояли на месте, хотя Роммель лично провел колонну со снабжением вокруг Бир-Хакейма. Но этот путь были слишком длинным и ненадежным. Если кризиса и удалось избежать, то проблемы сохранились.

29 мая произошли два события: хорошее и плохое. Начнем с плохого. Самолет генерала Крювеля, командовавшего северной группой войск, был сбит, и генерал попал в плен. К

хорошим событиям можно отнести то, что дивизия «Триесте» сумела-таки проделать проход в необороняемых минных полях и пробилась к полуокруженной группе Роммеля. Проблемы снабжения стали на порядок проще. Но в любом случае наступление немцев застопорилось, и Роммель начал постепенно отводить свои войска на запад. Менее энергичный или, вернее сказать, менее нахальный командир наверняка начал бы рассматривать варианты отступления на исходные позиции, удовлетворившись серьезными потерями, нанесенными противнику, но только не Роммель. Вот чего ему было не занимать — так это оптимизма и здорового нахальства.

В результате создалось оригинальное положение, которое склонные к излишнему драматизму авторы называли Котлом. Именно так, с большой буквы: Cauldron. Формально войска Роммеля оказались в окружении, так как корпус Ритчи прижал их к главной оборонительной позиции 8-й армии. Однако опорные пункты в Бир-Хакейме и Сиди-Муфтахе, занятые англичанами, сами были изолированы. Вдобавок, как мы уже говорили, теперь у Роммеля была если не дорога, то тропинка как раз между этими английскими позициями, по которой он мог организовать доставку снабжения.

День 30 мая не принес каких-то кардинальных изменений в ситуации. Немцы немного отошли на запад и заняли сильные оборонительные позиции на грядях холмов. Командир английской 1-й бронетанковой дивизии генерал Ламсден в очередной раз показал в полном блеске интеллектуальные качества британского генералитета. Имея три бригады, он организовал последовательно три отдельные атаки, позволив немецким зенитчикам в очередной раз поупражняться в безопасной стрельбе по танкам.

И все-таки положение Роммеля оставалось сложным. Ему обязательно нужно было ликвидировать опорный пункт англичан в Сиди-Муфтахе, который занимала 150-я бригада. 20 мая бригада отбила все атаки, и генерал Ритчи передал по радио: «Хорошо сделано!» Но это была единственная помощь, которую оказало командование 8-й армии окружен-

ным. XIII корпус генерала Готта, в который входила злосчастная бригада, занял позицию строгого нейтралитета. Во время повторного штурма 31 мая оборона англичан была прорвана, хотя отдельные узлы сопротивления еще держались. 1 июня Роммель приказал подвергнуть позиции 150-й бригады массированным бомбардировкам, и после ожесточенных боев остатки бригады сдались. Итог: Роммель восстановил связь со своим тылом, взял 3000 пленных и 124 орудия. 8-я армия аплодировала героям, но с места не двигалась.

Однако и теперь Роммелю не удалось спокойно заняться вторым большим зубом — опорным пунктом Бир-Хакейм, который занимали французы. Окинлек, набравшись смелости, решил ликвидировать Котел путем концентрического наступления со всех сторон. Шансы на это были, так как англичане все еще обладали превосходством в силах, нужно было только правильно использовать эти силы. Увы. Северный фас Котла атаковала 32-я танковая бригада, причем практически без артиллерийской поддержки. Результат получился соответственный — уничтожено 50 из 70 танков.

Более драматический характер приняли события на восточном фланге. 5 июня 10-я индийская бригада атаковала позиции итальянской дивизии «Ариете» и прорвала их. Решив, что достигнут успех, генерал Ритчи бросил в прорыв 22-ю бронетанковую бригаду, не подозревая, что главная оборонительная позиция немцев находится дальше. Степень безграмотности британских командиров подчеркивает приказ командира 7-й бронетанковой дивизии, который категорически потребовал, чтобы пехота не мешала действиям танков. Напомним, что сутью тактики блицкрига было взаимодействие разных родов войск, но англичанам так и не удалось понять это до самого конца войны. Результат получился вполне предсказуемый. Танковая бригада потеряла 60 из 156 танков, но сумела удрать, а две пехотные бригады были разгромлены полностью, причем Роммель захватил всю артиллерию 5-й индийской дивизии. Роммель просто не понимал, что происходит, почему англичане дают бить себя по частям,

об этом говорят записи в его журнале. Однако предоставленными возможностями он пользовался очень удачно.

Теперь Роммель занялся Бир-Хакеймом. После трех дней упорных боев и интенсивных бомбардировок потрепанная французская бригада под покровом темноты выскользнула из окружения.

Англичане получили небольшую передышку, пока Роммель возился с Бир-Хакеймом, но использовать ее толком не сумели. Да, они кое-как пополнили потрепанные танковые бригады, но дух офицеров и солдат был надломлен. Все, от генерала Норри, в корпусе которого были объединены все танковые части, до последнего пехотинца, уже не верили в то, что смогут победить Ужасного Роммеля. На бумаге англичане все еще превосходили противника. Несколько неожиданным оказывается вопрос о силах противников. Это легко объяснить — передвижные мастерские вводили в строй подбитые танки, с тыловых баз поступали пополнения, но от этого не было легче. Например, 4-я бронетанковая бригада доукомплектовывалась как минимум дважды, причем чуть ли не с нуля. Считается, что к 11 июня в составе двух танковых дивизий числилось 185 танков, в том числе 77 «Грантов», которые решительно превосходили все, что могли выставить против них немцы. 32-я армейская танковая бригада имела 85 исправных пехотных танков. Еще около 60 танков имелось в 1-й армейской бронетанковой бригаде. У Роммеля после тяжелых боев осталось чуть более 200 танков, но из них 85 были ничтожными итальянскими М13 и немецкими Т-II.

После поражений принято искать виноватых, и британские генералы начали энергично обвинять друг друга, особенно в этом отличились командиры танковых дивизий Ламсен и Мессерви, возненавидевшие друг друга. Вдобавок командиры бригад дивизии Мессерви переругались между собой и с самим Мессерви. Ритчи окончательно выпустил вожжи из рук, позволив командирам корпусов Норри и Готту отвергать любой план штаба армии. В такой обстановке хаоса и разногласий ни о каких успехах нельзя было и мечтать. Южный фланг позиций 8-й армии был смят и загнут

к востоку. Армия оказалась в полуокружении, которое легко могло превратиться в полное, если Роммелю удастся прорваться к морю. Он и намеревался сделать это.

Роммель ожидал, что утром 12 июня англичане атакуют его, но английским командирам, поглощенным оклоками и разборками, было не до немцев. Тогда Роммель сам двинул вперед 15-ю танковую дивизию, приказав 21-й танковой дивизии обойти правый фланг англичан. Вдобавок противотанковые орудия немцев, выдвинувшись вперед, начали обстреливать английские танки с другого фланга. Неудивительно, что те покатались назад. Всего за один день англичане потеряли 138 танков. На следующий день наступление немцев на север продолжилось. Попытки остановить его привели только к истреблению новой порции английских танков, но все-таки Роммель немного притормозил, и это позволило Ритчи вывести две пехотные дивизии, бессмысленно проторчавшие на оборонительных позициях у Газалы, причем 1-й южноафриканской дивизии пришлось прорваться сквозь позиции итальянцев. Началось то, что потом схибно назвали «Газальим галопом».

Когда самолеты-разведчики 15 июня сообщили Роммелю, что англичане поспешно откатываются на восток, он приказал преследовать их, рассчитывая на плечах противника ворваться в Тобрук. Попытки англичан задержать его имели только частичный успех: ненадолго задержавшись, немцы продолжали рваться вперед. 17 июня пополненная (в который уже раз подряд?) 4-я бронетанковая бригада попыталась остановить Роммеля, но встречный бой с 15-й и 21-й танковыми дивизиями немцев и танковой дивизией «Ариете» завершился ее разгромом (в который раз подряд?).

18 июня произошло одно из тех событий, которые внешне незаметны, но имеют колоссальное значение. Немецкие танковые дивизии захватили в районе Бельхамеда склады 8-й армии, которые англичане не сумели ни эвакуировать, ни уничтожить. Огромное количество продовольствия, топлива и боеприпасов позволило армии Роммеля свободно вести бои еще несколько месяцев. Кстати, учитывая огромное количество захваченных английских орудий, боеприпа-

сы тоже были очень кстати. В тот же день немецкие войска вышли к берегу, отрезав Тобрук. Предстоял последний акт грандиозной трагедии.

На этот раз англичане не собирались удерживать Тобрук до последнего. Прежде всего командующий Средиземноморским флотом адмирал Каннинхэм наотрез отказался снабжать крепость. Британский историк сухо сообщает, что адмирал при этом не выбирал выражений. Однако командир XIII корпуса генерал Готт заверил Ритчи, что несколько месяцев крепость продержится свободно. Он даже просил назначить его, Готта, комендантом Тобрука. Однако у Роммеля на сей предмет имелась собственная точка зрения, которая заметно отличалась от английской. Он не собирался возиться с долгой осадой и хотел взять крепость штурмом, чтобы продолжить преследование разгромленной 8-й армии.

Гарнизон крепости состоял из 2-й южноафриканской дивизии генерала Клоппера, который одновременно являлся комендантом крепости, 201-й гвардейской бригады, 32-й армейской бронетанковой бригады, артиллерийских частей — всего 35 000 человек. В общем, достаточно значительные силы, поэтому расчеты Готта можно было бы считать резонными, если бы не надломленный дух англичан, которые оказались неспособны вообще ни к какому сопротивлению.

19 июня немцы производили перегруппировку сил и готовились к штурму. Он начался утром 20 июня с мощного удара авиации. Командовавший авиацией генерал Кессельринг задействовал все имевшиеся у него самолеты. В течение дня они совершили не менее 580 вылетов, к которым следует добавить почти 200 вылетов итальянских самолетов. При этом немцы потеряли всего 3 самолета. Начиная с 5.20, немецкая артиллерия подвергла интенсивному обстрелу юго-западный угол оборонительного периметра крепости. Это привело к тому, что занимавший этот участок батальон индийцев не оказал практически никакого сопротивления. Роммель позднее писал: «Я лично могу засвидетельствовать ошеломляющий эффект атаки. Огромные фонтаны пыли

поднимались над укреплениями, занятыми индийцами. В воздухе мелькали обломки и оружие. Несколько прямых попаданий просто смели проволочное заграждение». В 6.30 немецкая пехота и саперы начали двигаться вперед, а к 7.03 оборона была уже прорвана.

После этого в прорыв были брошены танки 15-й дивизии. Саперы установили мостки через противотанковый ров в глубине обороны, и немецкие танки рванулись вперед. Предполагалось, что 32-я бригада будет встречать контрударными именно такие прорывы, однако англичане в очередной раз повторили традиционную ошибку, не сумев сосредоточить силы. Батальоны поочередно выходили навстречу немецким танкам и просто испарялись, даже не сумев вступить в бой. И после этого кто-то говорит про национальный чемпионат по наступанию на грабли? Нет, впору проводить чемпионат если не мира, то Европы наверняка.

Если Роммель находился в боевых порядках наступающих и все видел собственными глазами, то генерал Клоппер не имел никакого представления об обстановке. А она уже была катастрофичной. Вся восточная часть оборонительного периметра рухнула, подвижный резерв был уничтожен. К 14.00 немецкие танки прорвались к городу и двинулись дальше на запад, предоставив пехоте зачистку обойденных узлов сопротивления. Около 16.00 они подошли к командному пункту Клоппера, которому пришлось поспешно бежать. Он все еще надеялся удержать западную часть крепости, где находились южноафриканские войска, не вступившие в бой. Однако вскоре генерал изменил точку зрения и приказал войскам под прикрытием темноты прорываться из крепости, однако удалось это очень и очень немногим. Организованно прорвался только один батальон шотландских гвардейцев. «Нам оставалось лишь радоваться, что они захватили так много британской техники, так как никто из немцев не догадался, кто мы. Несколько раз их колонны даже останавливались, чтобы пропустить нас», — вспоминал один из его офицеров.

21 июня в 9.40 генерал Клоппер сдался командиру XXI итальянского корпуса генералу Наварини. Вот такая ехид-

ная ухмылка судьбы — во время штурма итальянцы спокойно наблюдали за происходящим, блокируя западный участок периметра, однако именно им выпало принять капитуляцию. Сдалось около 33 000 солдат, но хуже было то, что немцы захватили около 2000 исправных автомобилей и более 2 миллионов галлонов бензина. Как всегда, отдельные подразделения продолжали сопротивляться, не веря приказу о капитуляции, поэтому мелкие бои продолжались еще более суток.

Впрочем, Гитлер оценил заслуги Роммеля и вечером 21 июня произвел его в фельдмаршалы. Роммель стал самым известным и самым молодым немецким фельдмаршалом. «Я — фельдмаршал, это как сладкий сон», — писал он позднее. Он отпраздновал новое звание в характерной для себя манере — съел банку консервированных ананасов и выпил маленькую бутылочку виски из захваченных у англичан трофеев. После обеда он стал более мрачным. «Гитлер сделал меня фельдмаршалом. Но я предпочел бы, чтобы он прислал мне дивизию», — писал он жене.

Роммель был уверен, что впереди его ждут новые триумфы и победы. Сначала его уверенность оправдывалась. На волне успеха он продолжил наступление, хотя эти победы подорвали силы его армии. Общая численность немецкой пехоты в **трех** дивизиях составляла всего 2500 человек, еще 6000 человек могли добавить итальянцы. 60 танков составляли всю ударную силу танковой группы «Африка». Через день после захвата Тобрука войска Роммеля вышли на египетскую границу, присоединившись к 90-й легкой дивизии, которая поддерживала контакт с противником. Попытка задержать немцев силами XIII корпуса провалилась, и войска Готта покатались дальше на восток к остальным силам 8-й армии, занимающим позиции возле Мерса-Матрух.

Но боя в очередной раз не получилось. Учитывая горький опыт предыдущих боев, Окинлек приказал своим танкам вступать в бой только в благоприятной обстановке. Это дало результат, хотя вряд ли тот, на который рассчитывал британский генерал. 90-я легкая дивизия быстро форсировала минные заграждения и 27 июня перерезала пути отхода из Мер-

са-Матрух. 21-я танковая дивизия провозилась с минными полями чуть дальше, но тоже форсировала их. В результате занимавший позиции свежий X корпус генерала Холмса попал в клещи и после недолгого сопротивления бежал. Некоторую проблему создала только 1-я новозеландская дивизия, которая только что прибыла в Египет и пока еще не знала, что Роммеля надо бояться. Но Роммель лично возглавил атаку 90-й легкой дивизии, и все закончилось, хотя у него просто не хватило солдат, чтобы задержать англичан. И снова в руки немцев попали крупные склады, которые обеспечили им безбедную жизнь еще на некоторое время.

Английская армия покатила дальше — к Эль-Аламейну. Немцам так и не удалось захватить с ходу эту позицию, потому что африканские расстояния, немногим отличавшиеся от российских, просто съели армию Роммеля. Фельдмаршал ликовал: «До Александрии всего 100 миль!» Но преодолеть это расстояние ему не было суждено. Первая и самая главная причина — у него элементарно не хватало сил. Восточный фронт точно гигантский пылесос вытягивал все немецкие резервы, и выкроить войска еще и для Африканского театра было физически невозможно. Самое большое, на что он мог рассчитывать, — это пополнение все тех же самых трех дивизий. Вторая причина заключалась в исключительной природной оборонительной силе этой позиции. Левый фланг англичан упирался в низину Каттара, непроходимую для танков, поэтому Роммель был лишен возможности применить свой излюбленный обход с фланга. Он был вынужден штурмовать английские позиции в лоб, и вот здесь сказался колоссальный перевес англичан в силах. Атаки Роммеля захлебнулись, африканский блицкриг завершился.

Глава 9

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ОШИБКИ

Начать рассказ о событиях лета 1942 года на Восточном фронте мне хочется с пространной цитаты из повести братьев Стругацких «Сказка о тройке»: «Годзилла прожег стену

между Аукалкой и Уголовницей, ворвался во двор и вышел защитникам в тыл. Однако был он дубина, по слухам — самый здоровенный и самый глупый из четырехглавых драконов. В тактике он не разбирался и не хотел, а потому, вместо того чтобы сосредоточенными ударами сокрушить одну башню за другой, кинулся на все четыре сразу, благо голов хватало... И Годзилла, естественно, пострадал через дурачность свою и жадность... Лишившись половины голов, и без того недалекий Годзилла окончательно одурел, пометался по крепости, давя своих и чужих, и, брыкаясь, кинулся в отступ. На том бой и закончился».

Примерно так же вело себя командование и той, и другой стороны. И советские войска, и немецкие бросались на любую цель, какая только подвернется, вместо того чтобы нанести один мощный удар в самом важном направлении. В результате никто так и не сумел добиться решающего успеха, и все наступления завершились катастрофами для наступавших. Противник охотно обрывал Годзилле одну голову за другой, благо тот сам подставлялся. Вся разница заключалась в том, что у немецкого Годзиллы шеи оказались длиннее, и он сумел дотянуться немного дальше, что не избавило его от печального конца.

В ходе зимних операций, в частности во время битвы под Москвой, немецкая армия потерпела тяжелое поражение. Оно еще не было катастрофическим, однако боеспособность Вермахта была серьезно подорвана. Немцы понесли ощутимые потери в живой силе и колоссальные — в технике и тяжелом вооружении. В особенно плачевном состоянии находились Панцерваффе — главная ударная сила Вермахта. Согласно данным Томаса Йенца, в январе 1942 года на всем Восточном фронте боеспособными были только 158 танков, поступивших с заводов. **Все** 1015 танков, числившихся в войсках, имели те или иные неисправности. Фактически в январе 1942 года немецкие танковые войска просто не существовали. К марту месяцу количество исправных танков удалось поднять до 643, но согласитесь, это ничтожно мало. Не лучшим было и состояние пехотных дивизий. Лишь 8 из них

сохранили боеспособность, а еще 50 считались «ограниченно боеспособными». Немецкие генералы вынужденно констатировали, что потери в личном составе восполнить не удалось.

Но, несмотря на все это, Гитлер не отказался от идеи нового крупного наступления. Было найдено удобное объяснение всем происшедшим неприятностям — Вермахт был разбит «генералом Мороз», зато с наступлением лета он снова покажет, на что способен. В ставке фюрера разгорелись тихие склоки. Каждый командующий группой армий стремился перетянуть кучее одеяло на себя и добиться наступления именно на своем участке фронта. То, что германская армия больше не способна наступать везде, стало понятно всем.

После долгих споров 5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву № 41. Она предусматривала серию последовательных операций, переходящих одна в другую. Сначала предполагалось нанести удар в направлении Воронежа, потом танковые дивизии следовало повернуть на юг, чтобы образовать огромные клещи вместе с армиями, наступающими от Харькова. То есть мы снова видим все тот же блицкриг в его гипертрофированном, гигантском виде. Далее немцы собирались устроить еще один огромный котел на Дону, а потом повернуть на Кавказ. Таким образом они собирались подорвать экономическую базу Советского Союза, захватить донецкий уголь, кубанскую пшеницу, кавказскую нефть.

Правда, неясным оставалось одно — какими силами следует проводить эту вторую серию русского блицкрига. Даже после призыва миллиона зеленых новобранцев некомплект составлял более полумиллиона солдат и офицеров. В танковых дивизиях теперь числилось в среднем 130 танков, но среднее — понятие очень растяжимое. Например, 4-я танковая дивизия к началу летнего наступления имела около 50 танков, 16-я — 90 танков, 22-я — 176 танков. В общем, удалось нормально укомплектовать только дивизии Группы армий «Юг», которым предстояло вести главное наступление. Кстати, советская «История Второй мировой войны» указывает, что к маю 1942 года Вермахт имел 3229 танков, а

все тот же Томас Йенц дает цифру 1791 танк плюс 536 новых машин. Разница составляет 1000 танков...

Чтобы как-то исправить положение, германское командование решило активнее использовать войска союзников, о чем ему еще пришлось горько пожалеть. Очевидно, немцы забыли опыт использования румынских дивизий на самом южном участке Восточного фронта. Удалось собрать 52 дивизии, что составило четверть общего их количества. Конечно, Кейтель или Йодль не собирались использовать румынские или итальянские дивизии для активных действий, но рассчитывали прикрыть ими северный фланг наступающих немецких войск. Фельдмаршал Рундштедт прямо заявлял: «Румынские офицеры и солдаты не выдерживают никакой критики, итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают, как бы поскорей убраться домой».

Однако Красная Армия не стала ждать, пока немцы приведут в порядок свои войска, и попыталась перехватить инициативу, проведя несколько наступательных операций. Увы, они чаще завершались неудачами и приводили к серьезным потерям. И самое главное для нас — не имели даже отдаленного подобия с блицкригом. Именно поэтому мы не будем рассматривать Торопецко-Холмскую операцию и Ржевско-Вяземскую. Если хотите, это было полное отрицание принципов блицкрига. Но даже в этих неудачных наступлениях появилось и одно серьезное отличие от событий 1941 года, которое немцы не заметили. Иначе ОКВ серьезно задумалось бы, прежде чем готовить свои грандиозные наступательные планы. В 1941 году окружение советских армий приводило к их быстрой и бесславной гибели, они просто рассыпались в пыль. В 1942 году в ходе не слишком удачного наступления под Вязьмой в немецком тылу оказались части 33-й армии генерала Ефремова. Однако армия продолжала сражаться более месяца в полном окружении, после чего сильно потрепанные дивизии все-таки сумели прорваться к своим. Так же завершилась и попытка немцев окружить 29-ю армию. Сумел вырваться из немецкого тыла кавалерийский корпус генерала Белова. То есть механизм блицкрига откровенно сбоил в тех случаях, когда окруженные войска про-

должали упорное сопротивление. Период «оцепления территории» закончился, начались «бои в котлах». Справедливости ради нужно отметить, что с этой же проблемой столкнулись и советские войска в районе Демянска. Как-то неожиданно выяснилось, что мало окружить дивизии противника, их еще требуется уничтожить, что временами сделать гораздо труднее.

Давайте посмотрим на котлы 1941 года, непредвзято отнесясь от заскоружных штампов. Что же мы тогда увидим?

Минский котел. Сопротивление — никакого. Результат — полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Киевский котел. Сопротивление — никакого. Результат — полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Смоленский котел. Сопротивление — слабое. Результат — практически полное уничтожение окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом ошибок Гудериана. Действия немцев — оцепление района, последующее прочесывание.

Могилевский котел. Сопротивление — ожесточенное. Результат — практически полное уничтожение окруженной группировки. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных на долгий срок.

Брянский котел. Сопротивление — слабое. Результат — уничтожение большей части окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом ошибок Гудериана и нехватки сил. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных не слишком долго, но в критический момент.

Вяземский котел. Сопротивление — слабое. Результат — уничтожение большей части окруженной группировки. Спасение части войск стало результатом нехватки сил у противника. Действия немцев — создание кольца окружения, привлечение крупных сил пехоты и артиллерии, связанных не слишком долго, но в критический момент.

То есть мы видим, что далеко не всегда даже успешные блицоперации приносили немцам желаемые результаты. А с течением времени эти результаты становились все менее и менее значительными.

Харьковское сражение 1942 года интересно тем, что разведка обоих противников оказалась не на высоте. Немцы готовили наступление на южном участке фронта «Фридрихус 1» с целью уничтожить советские войска на Барвенковском выступе, а Юго-Западный фронт готовил наступление на Харьков как раз с этого выступа. Второй удар предполагалось нанести из района Волчанска, что позволило бы окружить два корпуса 6-й армии Паулюса. Ни та ни другая разведка подготовку этих операций не вскрыла. Немцы намеряли начать свое наступление 16 мая, но советское наступление началось на 4 дня раньше.

Наступление северной группировки из района Волчанска силами 21-й и 28-й армий не заладилось с самого начала. Хотя в некоторых местах тактическая оборона немцев была прорвана, наибольшее продвижение было достигнуто на флангах, а не в центре. В результате Ось наступления отклонилась от намеченного направления. Вместо продвижения на юго-запад, на Харьков, 28-я армия фактически повернула на северо-запад. Именно там наши войска продвинулись далее всего, и там были сосредоточены наиболее боеспособные дивизии. Командующие обеими армиями не задумались, зачем они продолжают бессмысленное наступление. Однако уже 13 мая противник нанес контрудар, используя танковые дивизии, приготовленные для собственного наступления, и остановил 28-ю армию, хотя положение немцев было крайне сложным. Резервов у них было мало, приходилось снимать части со спокойных участков фронта. В итоге наши войска продвинулись примерно на 25 километров на фронте протяженностью чуть более 50 километров.

В результате боев 12—14 мая северная ударная группировка прорвала оборону противника на фронте 56 км. Продвижение «коренной» 28-й армии составило 20—25 км. Если бы не контрудар двух танковых дивизий, наступление могло бы считаться проходящим практически по плану. Советское

командование ожидало ввода резервов противника только на 5—6-й день наступления. Контрудар 3-й и 23-й танковых дивизий удалось сдержать, но за это пришлось заплатить дороговую цену. Из восьми танковых бригад, обеспечивавших непосредственную поддержку пехоты в северной ударной группировке, шесть (57, 90, 36, 13, 133-я и 6-я гвардейская) были задействованы на прикрытии левого фланга. 84-я танковая бригада, назначенная для действий совместно с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом, понесла большие потери в ходе наступления и насчитывала всего 13 танков.

Наступление южной ударной группы — 6-й армии генерала Городнянского — тоже развивалось успешно, но не там, где это требовалось. Нужно было наносить удар на север, но получилось наступление прямо на запад. Нельзя сказать, что обе группировки совсем не продвигались в намеченном направлении. Но туда, куда требовал план операции, они продвигались на считанные километры, а куда не надо — на десятки километров. В результате план окружения 6-й армии рухнул прямо в первый день наступления, и зачем оно продолжалось — сказать сложно. Вероятно, наше командование хотело измотать и обескровить противостоящие немецкие дивизии. На деле же получилось прямо противоположное. Вдобавок наши генералы упустили благоприятный момент для ввода в бой танковых корпусов. Формально повод имелся — пехота не вышла на намеченные рубежи. Однако ведь именно в таких случаях и должен командующий оценивать обстановку и принимать решение. Венгерская 108-я легкопехотная и немецкая 62-я пехотные дивизии были разбиты, еще одно небольшое усилие — и немецкий фронт просто рухнул бы. Если и не совсем блицкриг, то нечто, его напоминающее, получилось бы. Увы... Впрочем, всему этому удивляться не приходится. Наше командование так тщательно подготовило наступление, что 12 мая пехота 6-й армии действовала без авиационной поддержки. И это при наличии почти 500 самолетов!

Состояние командования Группы армий «Юг» к 14 мая можно было охарактеризовать как паническое. Фон Бок зво-

нил Гальдеру и высказывал сомнения в возможности остановить советское наступление ударом группы Клейста с юга:

«Атака Клейста с имеющимися силами вряд ли принесет ожидаемый успех. Клейст, с которым я разговаривал только что, думает, что атака [325] будет удачной, если противник не атакует первым. [...] Я не могу принять на себя это решение» (*Воск F. von. Op.cit. P.477*).

Как альтернативу удару по южному фасу Барвенковского выступа фон Бок предлагал снять с фронта Клейста 3—4 дивизии и использовать их для ликвидации бреши южнее Харькова. Фактически наступление Юго-Западного фронта поставило «Фридерикус» на грань полного фиаско. Но Гальдер принял на себя рискованное решение и убедил в его правильности Гитлера. Атака на южный фас Барвенковского выступа должна была начаться как запланировано.

Советское командование действовало из рук вон плохо. Полная пассивность Южного фронта позволила снять оттуда часть сил 1-й танковой армии Клейста и перебросить их под Харьков. Вот бы где сковывать противника, а не под Вязьмой и Ржевом! И все-таки сейчас был уже не 1941 год, хотя выразилось это прежде всего в слабости немцев.

Проще всего разобраться с действиями немцев против северной ударной группировки, наступавшей в районе Мурома, потому что здесь все свелось к простому выдавливанию советских войск с занятой ими во время наступления территории. Сначала Паулюс сумел остановить наступление 21-й и 28-й армий, нанеся контрудар. Однако по непонятной причине он поступил именно так, как всегда действовали советские генералы — 3-я и 23-я танковые дивизии ударили прямо в лоб 28-й армии. Когда 19 мая было начато наступление с целью ликвидации вклинения, удары наносились опять-таки прямо по центру вместо попыток срезать клин. Штаб XVII корпуса попытался было сделать что-то в этом плане. Сводный отряд из трех полков, надерганных из разных дивизий, провел вялую атаку под основание северного фаса вклинения и даже продвинулся на пару километров, но на том все и завершилось. Ни на что более серьезное немцы здесь не могли рассчитывать.

Гораздо хуже развивались события на юге. Собственно, виноваты в этом именно советские генералы, которые загнали в ловушку части двух армий. Было понятно, что наше наступление успеха не имело и что армии находятся в опасном положении, так как сами залезли в глубокий мешок. Но никаких выводов не последовало. Генерал Городнянский не мог решиться вообще ни на что, он просто сидел и ждал, что предпримет противник. И дождался.

К 17 мая немецкие войска завершили перегруппировку и на рассвете перешли в наступление. Однако эти действия носили далеко не столь организованный характер, как стремятся сейчас представить наши историки, утверждая, что «все было решено заранее». В первые дни наступление на северном фланге только обозначалось, так как там у Паулюса имелись одни пехотные части. Единственный удар наносился с юга силами III танкового и XLIV армейского корпусов. Все та же проклятая нехватка силы вынудила немцев начать «полблицкрига», но советские генералы не сумели нейтрализовать даже половину. Уже к полудню оборона советской 9-й армии была прорвана, и немецкие танки продвинулись на 20 километров. Вот что пишет по этому поводу А. Исаев:

«Вскоре, сломив сопротивление полка 333-й стрелковой дивизии, 1-я горно-егерская дивизия заняла большую часть Барвенкова. В район Долгенькой наступающие соединения XLIV армейского корпуса вышли уже к 14.00 первого дня наступления. Показательно, что наступление одна из немецких ударных группировок начала из района удержанного немцами зимой 1942 г. Славянска. Город был из тех пунктов, которые требовалось брать «в лоб» и бесполезно обходить. В Долгенькой наступающие немцы разрушили узел связи. В результате связь штаба Южного фронта с 9-й армией отсутствовала до 24.00 17 мая».

Поверим? Я бы предложил несколько усомниться. Опять же, главную роль катализатора сомнений играет карта. 1-ю горно-егерскую дивизию перед началом наступления от Барвенкова отделяли около 15 километров. Единственный разумный вариант объяснить сказанное Исаевым заключается в том, что горные егеря просто подъехали к Барвенкову на

автомобилях, спешили и взяли город. 15 километров и 8 часов наступления... Тяжелые бои по прорыву обороны на исходном рубеже и штурм города в этот временной промежуток вписываются плохо.

Хуже всего была полнейшая разобщенность между советскими штабами самых высоких уровней. 6-я армия совершенно не подозревала, что происходит в 9-й, штаб Южного фронта вообще пребывал в состоянии блаженной спячки. И когда мне после этого начинают доказывать, что наши войска были обеспечены рациями полностью, единственное, что хочется спросить: так почему же не было связи?!

Дело в том, что именно 17 мая генерал Городнянский наконец-то решился пустить в дело свои танковые корпуса и нанес новый удар, залезая еще глубже в мешок. Его танки продвинулись на 15 километров в направлении Мерёфы, пехота старалась по возможности не отставать. Создавалось впечатление, что немецкое и советское командования действуют по единому плану.

Наше командование спохватилось лишь к вечеру, когда ситуация приняла критический характер. В этом районе находились значительные резервы, которые тоже почему-то соблюдали нейтралитет в начавшихся боях. Так и остается неизвестным, почему командующий 9-й армией генерал Харитонов не счел нужным доложить о немецком наступлении в штаб Южного фронта и Юго-Западного направления. Он мог попытаться своей властью задействовать резервные дивизии, но это уже за гранью допустимого.

Немцы вели наступление тоже довольно странно. Выйдя к Петровской, III танковый корпус вдруг резко поворачивает влево и начинает движение параллельно исходному рубежу. Формальное объяснение этому найти можно, ведь во фланг наступающей группировке нанес удар советский 2-й кавалерийский корпус. Но ведь для отражения таких ударов предназначена пехота! Она всегда обеспечивает фланги наступающей танковой группировки. Продвижение немцев на север в период с 19 по 21 мая затормозилось. На северном фазе по-прежнему царил покойствие. Нашему командо-

ванию были подарены два драгоценных дня, однако оно воспользоваться этим подарком не сумело.

22 мая опомнившийся командир III танкового корпуса генерал Брейт возобновляет наступление на север. К этому времени на северный фас прибыли части 3-й и 23-й танковых дивизий, которые ранее действовали против северного вклинения. Заметьте, **части**, но не сами **дивизии**. К вечеру 22 мая немецкие группировки встречаются у Байрака и Глазунки. Кольцо замкнулось. В окружение попали: 5 стрелковых дивизий 57-й армии (14-я гвардейская, 99, 150, 317 и 351-я), 8 стрелковых дивизий 6-й армии (41, 47, 103, 248, 253, 266, 337 и 411-я), 2 стрелковые дивизии армейской группы Л.В. Бобкина (270-я и 293-я), 6 кавалерийских дивизий 2-го и 6-го кавалерийских корпусов (38, 62, 70, 26, 28 и 49-я), 2 танковых корпуса, 5 отдельных танковых бригад, артиллерийские, инженерные части и различные вспомогательные подразделения.

Только сейчас маршал Тимошенко просыпается. Для прорыва кольца окружения 23 мая спешно создается сводный танковый корпус, который должен действовать совместно с 38-й армией. Однако наступление начинается только 25 мая. Продвижение корпуса измеряется сотнями метров, хорошо еще, потери пока не слишком велики. 26 мая корпус попал под совместный удар советской и немецкой авиации и весь день простоял на месте. Однако именно в этот день навстречу корпусу в районе Чепеля прорвалась группа под командованием генерал-майора Кузьмина, командира 21-го танкового корпуса. Этот прорыв возглавляла закаленная в боях 5-я гвардейская танковая бригада. Танки были выстроены «колоколом» (до чего немцы додумались только к Курску). Но из 22 000 солдат прорвались только 5000. Практически все танки этой группы погибли.

В тот же день 26 мая прорвалась еще одна группа, построенная вокруг 23-й танковой бригады. Этому можно было бы порадоваться, если бы не одно «но». Из котла вышли все танковые части, и теперь оставшаяся пехота была обречена.

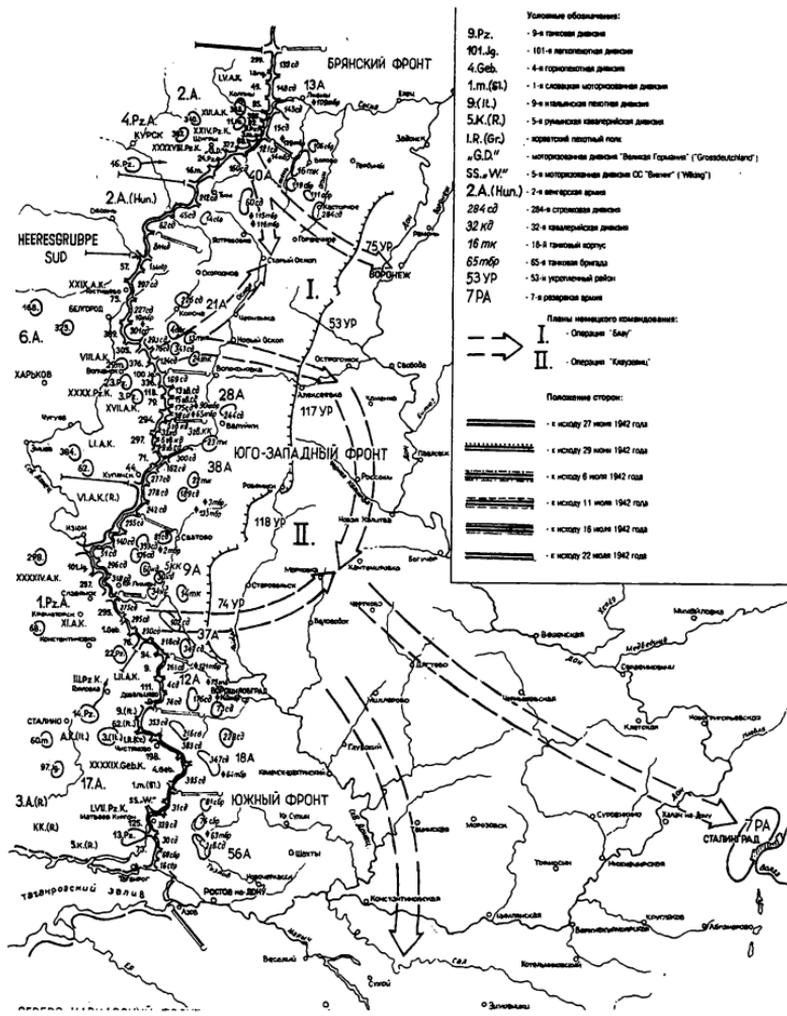
Организовать более крупный прорыв наши командиры не сумели.

Тем временем немецкое командование поспешно усилило кольцо окружения, перебрасывая туда дополнительные силы — 22-ю танковую, 68-ю и 125-ю пехотные дивизии. Последняя успешная попытка выхода из окружения состоялась в ночь с 27 на 28 мая, когда к тому же Чепелю вышли еще около 6000 человек. Общие потери Красной Армии в очередной раз оказались очень высокими. Они составили около 270 000 человек, из которых 207 000 попали в плен. Признается потеря 652 танков, 1646 орудий и 3278 минометов, но при этом следует оговорка, что «установить потери вооружения и техники из-за отсутствия документов по ряду соединений и частей не представляется возможным».

К сожалению, наши командиры вместо того чтобы организовать прорыв всеми силами, оставив за собой обреченные арьергарды, предали себя безудержным фантазиям. Так, «в штабе Юго-Западного направления появлялись и более интересные варианты. Например, была идея пробиться через ослабленный фронт Чугуевского выступа. 21 мая К.С. Москаленко был даже дан приказ перегруппироваться и начать наступление к северу от Чугуева. Однако из-за невозможности в срок сосредоточить ударную группировку от этого плана пришлось отказаться».

Разгром армий Юго-Западного фронта решили свалить на немцев, которые сосредоточили силы в совершенно неожиданном месте. Наше командование и разведка совершенно не предполагали возможности наступления противника на южном направлении. Его ждали, видите ли, в районе Воронежа с последующим обходом Москвы с востока. Впрочем, когда немцы нанесли удар там, отразить его тоже не удалось.

Оправившись от неожиданности, немцы все-таки приступили к реализации своего собственного плана летнего наступления, который получил кодовое название «Блау». Интересно заметить, что сначала этот план носил имя «Зейдлиц» — в честь известного кавалерийского генерала. Однако Гитлер, видимо, вспомнив плачевную судьбу «Барбароссы»,

Операции «Блау» и «Клаузевиц»

решил более не рисковать громкими названиями и снова обратился к «цветным». Ведь были уже план «Вайсс», план «Гельб», план «Рот», и все эти «каждый охотник желает знать...» завершались для Вермахта удачно. Наверное, поэтому «Зейдлиц» превратился в синего «Блау». Однако его продолжение так и осталось под громкой фамилией Клаузевица, хотя знаменитый военный теоретик должен был в гробу перевернуться, глядя на то надругательство над основными принципами военной науки, в которое превратился этот план.

28 июня германская армия перешла в наступление силами армейской группы «Вейхс», в которую вошли немецкие 1-я танковая и 2-я армии, а также венгерская 2-я армия. Не от хорошей жизни ненадежные союзники начали появляться на направлениях главных ударов. В связи с этим не вполне убедительными выглядят причитания многих советских историков о том, что наши армии к лету 1942 года были укомплектованы зелеными новобранцами. Положение немцев было ничуть не лучше, если не хуже. Наши генералы пока еще не привлекали себе на помощь «доблестные монгольские дивизии», а вот немецкие были вынуждены полагаться на венгров, итальянцев «и прочих разных шведов».

Удар был нанесен по левому флангу Брянского фронта. В первом эшелоне противника наступали 3 танковые, 1 пехотная и 1 моторизованная дивизии XXIV моторизованного и XLVIII танкового корпусов, им противостояли всего 3 стрелковые дивизии. Поддержку с воздуха оказывал самый мощный и самый опытный в делах взаимодействия с наземными войсками VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгофена. После напряженного боя XLVIII корпусу удалось прорвать советскую оборону в стыке 13-й и 40-й армий, продвинуться на 8—15 км на восток.

Чтобы парировать намечающуюся угрозу, к участку прорыва были направлены резервы Брянского фронта и несколько танковых корпусов Юго-Западного фронта и резерва Ставки. В общей сложности они насчитывали свыше 1000 единиц бронетехники, и их вполне хватило бы не только для отражения наступления, но и для разгрома ударной групппи-

ровки фон Вейхса. Однако в очередной раз повторилась навязшая в зубах картина. Формально была создана специальная танковая группа генерал-лейтенанта Федоренко. У немцев танков было вдвое меньше, но наши корпуса атаковали поодиночке. Первым вступил в бой 29 июня 16-й танковый корпус, на следующий день на поле боя появился 1-й танковый корпус. 4-й и 17-й танковые корпуса прибыли еще позднее.

Предполагалось, что удар будет нанесен во фланг и тыл наступающим дивизиям XLVIII танкового корпуса. Если бы это произошло, то немецкое наступление, конечно же, было бы сорвано. Но мало задумать хороший план, нужно еще его реализовать. У наших генералов получился очередной лобовой удар, завершившийся очередным разгромом наших войск. Объяснение было найдено очень быстро, и оно вполне удовлетворяет и современных историков. Немцы использовали новую технику — танки T-IV и самоходки StuG-III F, вооруженные длинноствольными 75-мм орудиями. Да, использовали. В составе немецких дивизий первого эшелона числилось ровно 36 таких танков. Для справки: ужасно грозных танков T-II в них оставалось еще 67 единиц. Производство штурмового орудия StuG-III F началось в марте 1942 года, и за 3 месяца немцы наштамповали их аж 109 штук. Вы полагаете, что все эти самоходки до последней оказались под Брянском?

Кажется, только бывший начальник штаба Брянского фронта генерал Казаков имел мужество написать: «Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении». То же самое, хотя в более завуалированной форме, пишет и маршал Василевский:

«Можно ли после этого говорить, что Ставка обошла своим вниманием Брянский фронт? Тех сил и средств, которыми он располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по

флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогали. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвавшегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М.Е. Катуков, Н.В. Фекленко, М.И. Павелкин, В.А. Мишулин, В.М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогали своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей».

Впрочем, о контрударах довольно быстро пришлось забыть. 30 июня перешла в наступление 6-я армия Паулюса. Она нанесла удар из района Волчанска и сразу прорвала оборону на стыке 21-й и 28-й армий. 29-я моторизованная дивизия начала двигаться на север в направлении Старого Оскола, куда уже подходила 16-я моторизованная дивизия фон Вейкса. Намечался очередной котел, в котором могли оказаться 21-я и 40-я армии. Однако командующий 21-й армией генерал Данилов сразу решил отводить войска, приказав 13-му танковому корпусу прикрывать этот отход.

28-я армия также начала отступление, но не на восток, а на юг. Командующий армией генерал Рябышев предполагал остановить немцев встречным (а каким же еще?) ударом 23-й танковой бригады. Мне уже надоело, но приходится снова цитировать:

«6-я и 113-я танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией.

В результате такой неорганизованности танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наших наступающих танков».

Слава богу, ноги унести успели. Однако 40-й армии повезло меньше, чем 21-й и 28-й. Часть дивизий ее левого фланга попала в окружение в районе Старого Оскола и была уничтожена, кольцо окружения было замкнуто 3 июля 1942 года. Кстати, запомните эту дату. Это был день окончания **последней** успешной попытки немецкого блицкрига в России. Конечно, и позднее случались прорывы танковых частей, и даже возникали котлы (правда, все реже и все более мелкие), но это происходило спонтанно, а не планировалось заранее. Интересно, можно ли считать простым совпадением, что именно в это же время завершилась и последняя немецкая успешная блицоперация в Северной Африке? 21 июня стремительной атакой был взят Тобрук, после чего блицкриг в Северной Африке захлебнулся.

Замкнув кольцо, танки фон Вейкса двинулись к Воронежу. Создалась интересная ситуация: внешне оправдывались опасения Сталина, который боялся, что немцы нанесут удар на юге и предпримут глубокий обход Москвы с востока. И действия фон Вейкса выглядели началом именно такой операции, хотя у немцев даже в мыслях не было ничего подобного. В соответствии со своими планами они намеревались повернуть на юг вдоль Дона, чтобы выйти к Сталинграду и двинуться на Кавказ.

Чтобы предотвратить захват Воронежа, Ставка выдвинула на это направление очередные три резервные армии (сила Красной Армии в резервах!) и 5-ю танковую армию генерала Лизюкова. Удар по XLVIII танковому корпусу планировалось нанести 5 июля, но к указанному сроку на исходный рубеж прибыла только 7-я танковая бригада Ротмистрова. Остальные два корпуса задержались, так как их перевозили по железной дороге, хотя расстояние не превышало 100 километров. С одной стороны, решение странное, так как оно вело к большой потере времени. А с другой, если вспомнить, что потери наших танковых корпусов во время маршей слишком часто превышали боевые, невольно задумаешься: а странное ли?

В результате наступление началось только утром 6 июля

ударом корпуса Ротмистрова. На следующий день в бой вступили 11-й танковый корпус и 19-я отдельная танковая бригада. В ходе ожесточенных боев немцев удалось немного потеснить, и только 10 июля в наступление перешел 2-й танковый корпус. Все, как обычно, — разрозненные удары растопыренными пальцами. И результат получился обычный: из 641 танка, имевшегося на 6 июля, к 17 июля в армии осталось лишь 142 танка. Правда, 158 машин еще можно было отремонтировать, но это было слабым утешением. Наши генералы не устали доказывать, что они в подметки не годятся немецким панцер-генералам, хотя в смелости им не откажешь. 25 июля 1942 года командующий 5-й танковой армией А.И. Лизюков лично возглавил атаку, намереваясь пробить брешь в обороне противника у села Сухая Верейка и вывести из окружения часть, принадлежащую его армии. КВ А.И. Лизюкова был подбит, и командующий одной из первых советских танковых армий погиб. Гудериан тоже любил командовать боем с передовой, но делал это из машины управления, а не из линейного танка. И все-таки, хотя немцы достигли крупных успехов во время операции «Блау», события 1941 года, когда бесследно исчезали целые советские фронты, не повторились.

7 июля немцы начали операцию «Клаузевиц». Судя по всему, Гитлер забыл, если знал вообще, что с 1812 по 1814 год Карл Клаузевиц был полковником русской армии. Двусмысленное, согласитесь, название для операции против русской армии. В этот же день Группа армий «Юг» была разделена надвое: на Группу армий «А» и Группу армий «Б». Одна из них должна была наступать на Сталинград, вторая — на Кавказ.

Целью операции «Клаузевиц» и одним из пунктов директивы № 41 было окружение и уничтожение основных сил Юго-Западного фронта. Выполнение этой задачи противником осуществлялось путем нанесения двух ударов: одного из района южнее Воронежа силами 4-й танковой и 6-й армий Группы армий «Б» и другого — из района Славянска, Артемовска силами 1-й танковой армии Группы армий «А» в общем направлении на Миллерово. Но по ходу дела планы

Гитлера изменились. Внезапно он решил попытаться уничтожить вообще все южное крыло советского фронта, отрезав его к северу от Дона общим ударом на Ростов. 11 июля он подписывает директиву № 43, которая больше всего напоминает фантастический роман из жанра альтернативной истории. Тут была и высадка морских десантов в Анапе и Новороссийске, и захват нефтяных полей Северного Кавказа... Было все, кроме необходимых для этого сил.

Немцы попытались было устроить еще один котел войскам Юго-Западного фронта, но потерпели неудачу. XXI танковый корпус отрезал 9-й и 38-й армиям путь на восток, а III танковый корпус из состава 1-й танковой армии вклинился между 9-й армией тогда еще Юго-Западного фронта и 37-й армией Южного фронта. У хутора Водяной 15 июля 1942 года немецкая 14-я танковая дивизия III танкового корпуса установила контакт с наступавшими ей навстречу соединениями XI танкового корпуса и кольцо окружения вокруг войск 9-й, 38-й и части сил 24-й армий в районе Миллерово замкнулось. Однако как раз в этот день Ставка отдала приказ на общий отход за Дон, поэтому окруженные армии, не пытаясь особо обороняться, прорвали пока еще слабое кольцо окружения и отступили, хотя и не без потерь. Штаб Группы армий «Б» еще 13 июля грустно доложил ОКХ, что «неприятель прорвался на восток и юго-восток и снова сильными частями двинулся к югу». Фон Бок в неудаче операции прямо обвинил берлинских стратегов, завив, что ударная группировка имела сильный центр и слабые фланги и что в таком случае ни на какие котлы рассчитывать не приходится. Этого ему уже не простили, и 13 июля фельдмаршал фон Бок был снят с поста командующего Группой армий «Б». Его заменил фельдмаршал фон Вейхс. Официальная причина — потеря темпа наступления и слишком долгая задержка в районе Воронежа, но эту отставку можно считать косвенным признанием относительной (только относительной!) неудачи операции «Блау». Позднее Гитлер заявит Кейтелю:

«Он (фон Бок) теряет из-за этого (Воронежа) 4—5 дней. И это в то время, когда дорог каждый день, для того чтобы окружить и уничтожить русских; он продолжает сидеть там,

наверху, с четырьмя лучшими дивизиями, в первую очередь с 24-й танковой дивизией и дивизией «Великая Германия», цепляясь за Воронеж. Я еще сказал — не нажимайте, если встретите где-либо сопротивление, идите южнее к Дону. Решающее — продвинуться как можно быстрее на юг, чтобы мы могли действительно захватить противника в клещи. Так нет, этот человек делает совершенно обратное. Затем пришла эта беда — несколько дней плохой погоды, в результате чего русские неожиданно выиграли 8—9 дней, в течение которых они смогли выбраться из петли».

Дальнейшее продвижение немцев на юг к Ростову уже мало что дало им. Второй котел они захлопнули, однако он был пуст, так как войска Южного фронта сумели достаточно организованно отступить. Приказ фон Вейхсу «не позволить противнику отступить на восток и уйти на юг через Дон» остался невыполненным.

К 24 июля немецкие армии вышли на берега Нижнего Дона на большом протяжении и захватили несколько плацдармов на левом берегу реки. А 25 июля Вермахт совершил прыжок в пропасть, начав наступление с этих плацдармов. Основой военного искусства всегда считалось сосредоточение сил и создание превосходства на одном участке. Немецкое наступление лета 1942 года шло вразрез с этим принципом. Мало того, что немецкая армия попыталась наступать сразу на двух расходящихся направлениях: на восток и на юг, так еще и второе наступление приняло более чем странный характер. Посмотрите на любую карту военных действий южнее Дона. Вы увидите, что немецкие войска постепенно разворачиваются подобно лепесткам веера, расходясь в разные стороны. То есть не только две группы армий не были сконцентрированы на одном важнейшем направлении, так вдобавок одна из них превратилась в какую-то аморфную массу, начав действовать отдельными дивизиями, если не вообще полками.

Нехватка сил привела к тому, что мобильные танковые соединения перебрасывались с одного направления на другое, создавалась обстановка хаоса и нервозности, потому что немецкие генералы не знали, на какие, собственно, силы

они могут рассчитывать в предстоящих операциях. Например, в середине июля на Сталинградском направлении не оставалось ни одного танкового корпуса. Но тут 23 июля 1942 года Гитлер подписывает очередную судьбоносную директиву № 45, которая предписывала изъять два подвижных соединения из состава Группы армий «А» и передать их в Группу армий «Б» для продолжения наступления на Сталинград. Одновременно из состава Группы армий «А» выводилась в резерв моторизованная дивизия «Великая Германия». 11-й армии, которая по директиве № 43 должна была высаживаться в Тамани и содействовать наступлению на Кавказе, предписывалось отправиться под Ленинград вместе со всей тяжелой артиллерией. Получив директиву № 45, фельдмаршалы Лист и Вейхс были вынуждены исполнять ее и начали переброску войск с кавказского направления на сталинградское. В период с 23 по 25 июля из состава Группы армий «А» в Группу армий «Б» были переданы управления XXIV и XLVIII танковых корпусов и две танковые дивизии — 23-я и 24-я. Вскоре за ними последовали 14-я и 16-я танковые, 29-я моторизованная дивизии. В Группу армий «Б» также была направлена из Донбасса походным порядком 8-я Итальянская армия. Кроме того, XI армейский корпус 17-й армии был выведен в резерв главного командования и также направлен пешим строем на сталинградское направление. Весь южный фланг немцев трясет, словно в лихорадке.

Группы армий «А» и «Б» наступали под прямым углом друг к другу. Фактически начались две **независимые** операции на различных направлениях, при том, что сил у немцев хватало максимум на одну. Цели этих операций находились на огромном расстоянии. Ни к чему хорошему это привести не могло. Блицкриг, всегда нацеленный на уничтожение войск противника, выродился в захват территории, не имевшей особого значения. Еще больше ухудшала положение немцев неразвитая система коммуникаций в этих бесплодных степях. Если во время наступления в средней полосе России они жаловались на **плохие** дороги, то здесь не было **никаких**.

Резюме. Летом 1942 года немцы на южном направлении добились серьезных успехов опять-таки вследствие крайне неудачных, даже беспомощных действий советского командования. Попытка наступления под Харьковом, первый советский классический блицкриг, провалилась главным образом именно поэтому. Действия немцев по ликвидации Барвенковского выступа тоже были недостаточно умелыми. Все-таки генерал Паулюс привык служить начальником штаба, а не командующим армией. Но наши генералы действовали еще хуже.

Но в результате немцы не сумели решить **ни одной** из поставленных задач, разбросали свои войска по огромной территории и растянули сверх всякого предела коммуникации. Катастрофа под Сталинградом была подготовлена еще планом операции «Клаузевиц». Лето 1942 года стало и окончанием успешных операций блицкрига в исполнении немецких войск. После этого данный тактический прием мы видим только в исполнении Красной Армии, причем их результаты для противника варьируются от серьезного поражения до полного и стремительного разгрома.

Глава 10

ПРОТИВОДАНИЕ

Когда читаешь описания стремительных кампаний панцер-генералов, возникает соблазн объявить блицкриг неким чудо-оружием, мечом-кладенцом в руках новоявленных титанов. На самом деле это оружие давало осечки уже с самых первых дней войны, но Гудериан; Манштейн, Меллентин, Раус и другие очень неохотно вспоминают о своих неудачах. А ведь эти неудачи имелись, причем у каждого из них.

Средства противодействия блицкригу начали искать далеко не сразу. Сначала теорию Гудериана воспринимали как некую отвлеченную логическую конструкцию, слабо связанную с реальными боевыми действиями. Ну, мало ли теорий навывдумывали генералы, оказавшиеся не у дел после окончания мировой войны? К тому же измышления генера-

ла Джулио Дуэ, проповедовавшего религию тяжелых бомбардировщиков, выглядели привлекательней. Победить, не прикладывая рук, казалось заманчивым. Спыхватились западные теоретики только после разгрома Польши. Настоящая паника разгорелась после капитуляции Франции. Но выяснилось, что противоядие от блицкрига найти далеко не просто. Во всяком случае, англичанам в Северной Африке это не удалось. Британские генералы менялись один за другим, менялись места боев, но результат все равно оказывался плачевным для англичан.

Если мы более тщательно присмотримся к истории блицкрига, то увидим, что впервые эта тактика начала сбоить на Восточном фронте, хотя и далеко не сразу. Как мы уже писали, большой блицкриг с треском провалился уже к осени 1941 года, молниеносной победы над Советским Союзом немцы не одержали, да и не могли одержать. А вот осенью 1942 года впервые нашла коса на камень и у малого блицкрига. Провал операции «Тайфун» был обусловлен совсем иными факторами, о чем вообще можно говорить, если Гудериан собирался штурмовать Тулу, имея 20 танков?! Но бои в предгорьях Кавказа продемонстрировали, что даже полнокровные, отлично подготовленные танковые дивизии могут быть остановлены. Хотя для наглядности нам придется упомянуть несколько случаев из более поздних операций.

Первым и самым очевидным способом противодействия блицкригу — глубокий прорыв, окружение, взаимодействие всех родов войск — было использование свойств местности. Нельзя даже думать о стремительном продвижении по болотам, лесам или оврагам. Идеальной для блицкрига местностью является гладкая как стол равнина со множеством дорог, желательно шоссейных. В противном случае танк теряет скорость, а если местность изобилует естественными укрытиями, он становится крайне уязвимым даже для пехоты. Именно это использовали советские войска в боях на Кавказе. В этом случае немцы были просто вынуждены наступать по невыгодной местности — другого пути к бакинской нефти просто не имелось. Однако сразу возникает вопрос: а зачем они погнались вперед танки? Или после успешного насту-

пления на Дону панцер-генералы безоговорочно уверовали во всемогущество этого оружия?

Однако имелись случаи, когда наступающий намеренно выбирал «противотанковую» местность. Мы говорим о двух операциях немецкой армии в Арденнах. Заросшие густыми лесами холмы — ничуть не лучше болот, в которых утонули под Ленинградом первые «тигры». Танковые колонны могут двигаться только по узким дорогам, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. И все-таки в 1940 году немцам сопутствовал успех. Почему? Здесь мы имеем дело с одним из наиболее распространенных мифов Второй мировой войны. Давайте перечитаем повнимательнее воспоминания самих немецких генералов. И тогда мы увидим, что танки не прорывались через Арденны. Все было сделано пехотой, а танковые корпуса уже выдвигались вслед за ней, причем сразу начали испытывать проблемы. Не от хорошей жизни Гудериан вводил в бой свои дивизии поочередно, одну за другой, и действовать они начали уже на другом берегу Мааса, после захвата Седана. А там местность была уже совсем другой. Но, похоже, немецкие генералы сами уверовали в миф, который создали. Поэтому в 1944 году они попытались в этом же самом районе нанести удар танковыми дивизиями. Им пришлось на собственном примере убедиться, что лесные массивы не подходят для действия танковых частей. Прорыв выродился в продвижение двумя «кишками», которые союзники сумели остановить, пусть и не без проблем. О каком развитии успеха может идти речь, если захваченный участок простреливается насквозь даже не из дальнбойных, а из танковых пушек?

Зато образцом умелого выбора маршрутов наступления должна служить Белорусская операция 1944 года, когда Красная Армия наступала по местности, наверное, даже более сложной, чем Арденны. Однако после этого наступления Группа армий «Центр» перестала существовать. Ну, а тем, как был обеспечен переход 6-й гвардейской танковой армии через хребты Большого Хингана, можно только восхищаться.

Не менее серьезное значение имеет погодный фактор.

Если осенью во время дождей дороги превращаются в непроходимое месиво, то о каком наступлении может идти речь? Кстати, мы все помним прелестный комментарий Суворова-Резуна относительно боевых качеств «грозных» трофейных танков 38(t) и приложенную к нему фотографию. Дескать, немцы ставили их на бревна, чтобы во время ночного заморозка танк не примерз к земле, иначе, мол, оружие блицкрига было неспособно сдвинуться с места. Давайте уточним, все было почти так, только чуточку не так. Немецкие генералы действительно как огня боялись заморозков в период осенней распутицы. Танки тонули в грязи по оси колес, и если ночью ударял мороз, то сам дьявол не помог бы им двигаться дальше, но не потому, что траки к земле примерзли. Тот же генерал Раус мрачно упоминает, что по этой причине он был вынужден бросить чуть ли не две трети своей техники — танки, самоходки, бронетранспортеры. Вообще-то додуматься до бревна под гусеницами несложно, но поди ж ты, не у всех получалось. Так что и погодные условия могут очень даже эффективно остановить блицкриг. Кстати, нашим танкам распутица мешала точно в такой же степени, как и немецким, поэтому не следует уж всех собак вешать на Панцерваффе.

Суть тактики блицкрига заключалась во взаимодействии различных родов войск. Самым эффективным, конечно, было содействие пикировщика, ужасного Ju-87, в переводе на русский он назывался «Штука» — аббревиатура от немецкого «Штурцкампффлоуцойг». Воющий сиренами самолет не заметить просто невозможно. Временами поддержка авиации имела решающее значение, например во Франции весной 1940 года или при штурме Тобрука в 1942 году. Но со временем немецкая авиация потеряла господство в воздухе, особенно это было заметно на Западном фронте. И тогда панцер-генералам пришлось перейти к ночным атакам или, как во время операции «Вахт ам Рейн», использовать нелетную погоду.

Артиллерийская поддержка для немцев не имела особого значения, так как те же пикировщики получили прозвище «летающей артиллерии». Многодневные обстрелы позиций

противника остались в прошлом, их заменили непродолжительные огневые налеты. Но артиллерия имела большое значение на стадии ликвидации котлов.

Именно для того, чтобы взаимодействие было максимально эффективным, немцы начали обеспечивать формирование так называемых боевых групп (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из частей различных родов войск, входящих в дивизию. Ядром боевой группы становился танковый или пехотный полк, которому придавались дивизионы артиллерийского полка, батареи противотанкового дивизиона, роты саперного батальона. Часто боевая группа получала в свое распоряжение средства усиления, приданные дивизии из корпуса. Возглавлял боевую группу командир полка, а в случае танковых частей — командир пехотной бригады или танкового полка. Тем самым автоматически решался вопрос взаимодействия войск, распоряжения артиллеристам и саперам отдавал сам командир боевой группы без подачи заявок командиру дивизии или корпуса. Никто из союзников до этого не додумался. Неким аналогом могут служить боевые командования американских танковых дивизий, аналогом, но не более того.

Поддержка других родов войск была не столь заметной, однако ничуть не менее важной. Например, одной из причин провала немецкого наступления под Курском в 1943 году стала слабость саперных подразделений. Немцы теряли десятки танков на наших минных полях, и уже не имело никакого значения, что подрыв на mine чаще всего не был для танка смертельным. Перебитую гусеницу или поврежденные катки можно было заменить, и немцы делали это, так как имели отлично налаженную ремонтную службу. Вот только имелось одно маленькое «но» — эти танки требовались здесь и сейчас, а не завтра и где-то в стороне. Кстати, этим умело воспользовались советские командиры под Курском, приказавшие отстреливать немецких саперов, занимавшихся разминированием. Не от хорошей жизни немцы стали использовать для разминирования пикировщики (кстати, вот еще неожиданный пример взаимодействия с

авиацией!) и взрывающиеся танкетки «Голиаф». Но ни тот ни другой вариант не мог заменить работу саперов.

Разумеется, союзники пытались найти тактический прием, который развеет проклятие блицкрига, но особо не преуспели в этом до самого конца войны. Первой рухнула идея статичной обороны в стиле Первой мировой войны, ведь, собственно, против нее и было направлено жало блицкрига. Польский генерал Станислав Мачек, командир 10-й мотокавалерийской бригады, на основе собственного плачевного опыта подготовил большой меморандум на тему «что такое блицкриг и как же с ним бороться». Он передал документ французам, но те не удосужились даже прочитать «измышления какого-то поляка». Вы будете смеяться, но немцы захватили этот меморандум среди прочих документов французского Генштаба в так и **не распечатанном** пакете!

Нет ничего удивительного в том, что французы оказались беспомощны в борьбе с блицкригом. Генерал Вейган выдвинул было предложение о глубоком эшелонировании обороны, состоящей из отдельных опорных пунктов. Но ведь противник мог без труда обходить их, уничтожая поочередно огнем тяжелой артиллерии, что и делала Красная Армия в Маньчжурии в 1945 году, взламывая оборону японцев.

Однако во время боев в той же Франции атаки английской 1-й танковой бригады и французской 4-й танковой дивизии (де Голль) **во фланг** наступающим немцам приводили к серьезному кризису, который разрешали только удары Люфтваффе. В то же время многочисленные удары советских танковых частей **в лоб** наступающим немецким дивизиям приводили только к многочисленным бессмысленным потерям. Самым надежным способом остановить блицперацию было удерживать фланги прорыва, превращая его в тонкую кишку, которую можно было срезать ударом во фланг, как сделали немцы под Барвенковом. Пример такой обороны продемонстрировали наши войска под Курском, когда немецкий фронт наступления стремительно сужался при продвижении в глубь полосы обороны. Жаль только, что контрудары наносились, мягко говоря, опрометчиво.

Американцы предложили использовать для нейтрализации прорыва большие группы самоходных противотанковых установок. К счастью для себя, они не успели проверить свою теорию на практике. Я бы с удовольствием посмотрел на результаты боя батальоном «тигров» и, скажем, полком самоходок М-10 «Вулверин». Я думаю, что тигр пришьет росомаху одним ударом...

А теперь приведем пример успешной нейтрализации удара танкового корпуса, руководимого опытным и умелым генералом Панцерваффе. Причем противостояли ему далеко не превосходящие силы.

Как мы уже говорили, немецкое командование летом 1942 года откровенно растерялось. Захватывая совершенно ненужную ему территорию, оно растягивало коммуникации сверх всякого предела. Недаром же Группу армий «Юг» пришлось делить пополам на Группы армий «А» и «Б», потому что наступление велось по столь широко разошедшимся направлениям, что уже ни о какой координации действий даже мечтать не приходилось. Сил не хватало, и корпуса 4-й танковой армии судорожно метались то на сталинградское направление, то на кавказское, то снова на сталинградское. Германский Годзилла попытался протянуть головы в прямо противоположных направлениях. Попытка рейда 16-й моторизованной дивизии на Астрахань выглядит уже совершенно необъяснимой ни при каких, даже самых фантастических допущениях. И все-таки к предгорьям Кавказа вышли еще достаточно крупные силы.

Нас интересуют события на восточном участке этого нового фронта. То, что немцы стремились захватить Сочи, Гагры, Сухуми, пусть объясняют их историки, потому что особого смысла все это не имело. Полностью захватить Черноморское побережье? Лишить Черноморский флот баз? А зачем? Он немцам сильно мешал? Если перечитать историю действий этого флота, за компанию сделанного Краснознаменным, останется стойкое впечатление, что он соблюдал нейтралитет в этой войне. Это вам на Балтийский флот, защищавший Ленинград, или Северный, выбивавшийся из сил, чтобы блокировать вывоз никелевой руды из Петсамо.

Главной целью немцев на Кавказе была бакинская нефть. Ну и, по ходу дела, не столь важные месторождения в Майкопе и Грозном. Но главной целью наступления был Баку. Однако по какой-то непонятной причине главные силы Группы армий «А» пытались прорваться к Черному морю, тогда как на Баку был двинут один ХХL танковый корпус.

Правда, германское командование привычно считало, что противник вывел на линию фронта все имеющиеся силы, и если их уничтожить, то Кавказ сам упадет в руки фельдмаршала Листа. Многочисленные поражения немцев так ничему и не научили, трезвости или хотя бы элементарной осторожности в оценке ситуации у них не прибавилось. Станный вопрос — а зачем загонять танковые дивизии в Кавказские горы — мы уже и не задаем.

Чтобы еще больше осложнить себе задачу, немцы перетасовали свои дивизии, как колоду карт. На Моздок (и в перспективе на Баку) наступали 3-я и 13-я танковые дивизии из ХХХХ танкового корпуса и 111-я и 370-я пехотные дивизии из LII армейского корпуса. Кстати, когда 9 июля 1942 года ХХХХ армейский корпус был переименован в танковый, в его состав включили 3-ю и 23-ю танковые дивизии, но к августовскому наступлению, как мы видим, состав корпуса изменили. Может, эти импровизации повлияли на слаженность действий? Неизвестно. Однако именно на этом направлении немцам преподали классический урок борьбы против блицкрига, не упустив ни одного пункта из перечисленных выше. Непонятно лишь одно: почему для освоения этой премудрости понадобились полтора года войны и многие миллионы потерь?

23 августа немецкие войска начали наступление на Моздок и после 3 дней боев сумели занять город. После этого они попытались захватить переправы через Терек, чтобы обеспечить плацдарм для наступления на Грозный. Атака в направлении побережья Каспия, где открывалась прибрежная дорога на Баку, была довольно вялой. Хотя там наступал корпус «Ф», не нужно заблуждаться относительно его сил. Это было всего лишь диверсионное соединение, сформиро-

ванное для действий на территории Ирана и Ирака, по численности и силе не превышающее усиленного полка.

Советское командование всерьез опасалось потери основных нефтяных районов, а потому постаралось сосредоточить здесь как можно больше сил. Однако в начале операции был допущен ряд ошибок, прежде всего в распределении войск, но это мало помогло немцам.

2 сентября немецкие войска начали форсирование Терека и после упорных боев сумели создать плацдарм у Кизляра. На следующий день под прикрытием тумана немцы переправились через реку и создали еще один небольшой плацдарм у Предмостного, однако все попытки расширить плацдармы провалились. На следующий день немцы попытались нанести более сильный удар. Вот как об этом рассказывает маршал Гречко:

«В 5 часов утра 4 сентября началось наступление группы «Блиц» — на три дня раньше, чем намечалось по плану. Очевидно, командир этой группы полковник Либендорф настоял на этом по причине исчезновения немецкого офицера, знавшего о плане наступления. Противник бросил в бой около 100 танков. На большой скорости танки подошли к подножию Терского хребта. Подъем становился **все круче**, и тут-то они были встречены залпами с высоты Крейсер. Первые же выстрелы пушек 47-го гвардейского истребительного дивизиона и стоящих в укрытии танков заставили противника повернуть назад. Но скоро вражеская атака возобновилась. Несколько часов продолжался жестокий бой за высоту Крейсер. Несмотря на ожесточенные атаки врага, советские воины удержали эту важную позицию».

А сейчас попытайтесь вспомнить: часто ли в мемуарах наших генералов и маршалов упоминается умелое использование оборонительных свойств местности? Обычно их рассказы пестрят героическими сержантами и вдохновенными речами политруков. Правда, мемуары Гречко тоже этим грешат.

К вечеру 5 сентября немцам удалось прорваться на стыке между 8-й и 9-й стрелковыми бригадами. Они продвинулись

вперед на расстояние около 5 километров, но наша пехота **удержала** фланги прорыва, и немцы были остановлены. Еще несколько дней немцы пытались прорвать оборону, но безуспешно. А потом советское командование решило нанести контрудар, и произошло то, что мы уже видели десятки раз. Была создана ударная танковая группа в составе 52-й танковой бригады и 75-го отдельного танкового батальона. Лихая атака, без разведки, без поддержки артиллерии, завершилась уничтожением атаковавшего отряда. Командира бригады отдали под трибунал, но сделанного, как говорится, не исправишь. Впрочем, немцев удалось оттеснить обратно на исходный плацдарм.

Командиром XXI корпуса был Гейр фон Швеппенбург, который ранее командовал XXIV моторизованным корпусом — главной ударной силой армии Гудериана — и имел огромный опыт успешных блицопераций. Поэтому понятно, что он делал ставку на ударную мощь танков. Он сумел втиснуть на плацдарм главные силы 13-й танковой дивизии и 13 сентября возобновил наступление. Однако Кавказ заметно отличался от средней полосы России, да и противостояли фон Швеппенбургу теперь уже другие солдаты и командиры. Продвижение вперед измерялось сотнями метров, а потери — сотнями солдат. Для немецкого генерала такое было неприемлемо. К тому же 15 сентября советские войска нанесли ответный удар, отодвинув немцев на несколько километров назад. Линия фронта колебалась то в одну, то в другую сторону.

19 сентября немцы наносят новый мощный удар и захватывают клочок земли в излучине Терека. Он уже отказался от захвата Грозного, захват Орджоникидзе тоже становится все менее вероятным. Но все попытки прорваться к Эльхотово не удаются. Тяжелые бои обескровили немецкие пехотные дивизии, и механизм блицкрига окончательно нарушился. Однако терять немцам было нечего, и они продолжали бесплодные атаки. Сюда была переброшена 7-я танковая дивизия СС «Викинг», и 24 сентября наступление возобновилось. Немцы пытались прорваться через Эльхотовские во-

рота (по долине вдоль Терека) в направлении Орджоникидзе.

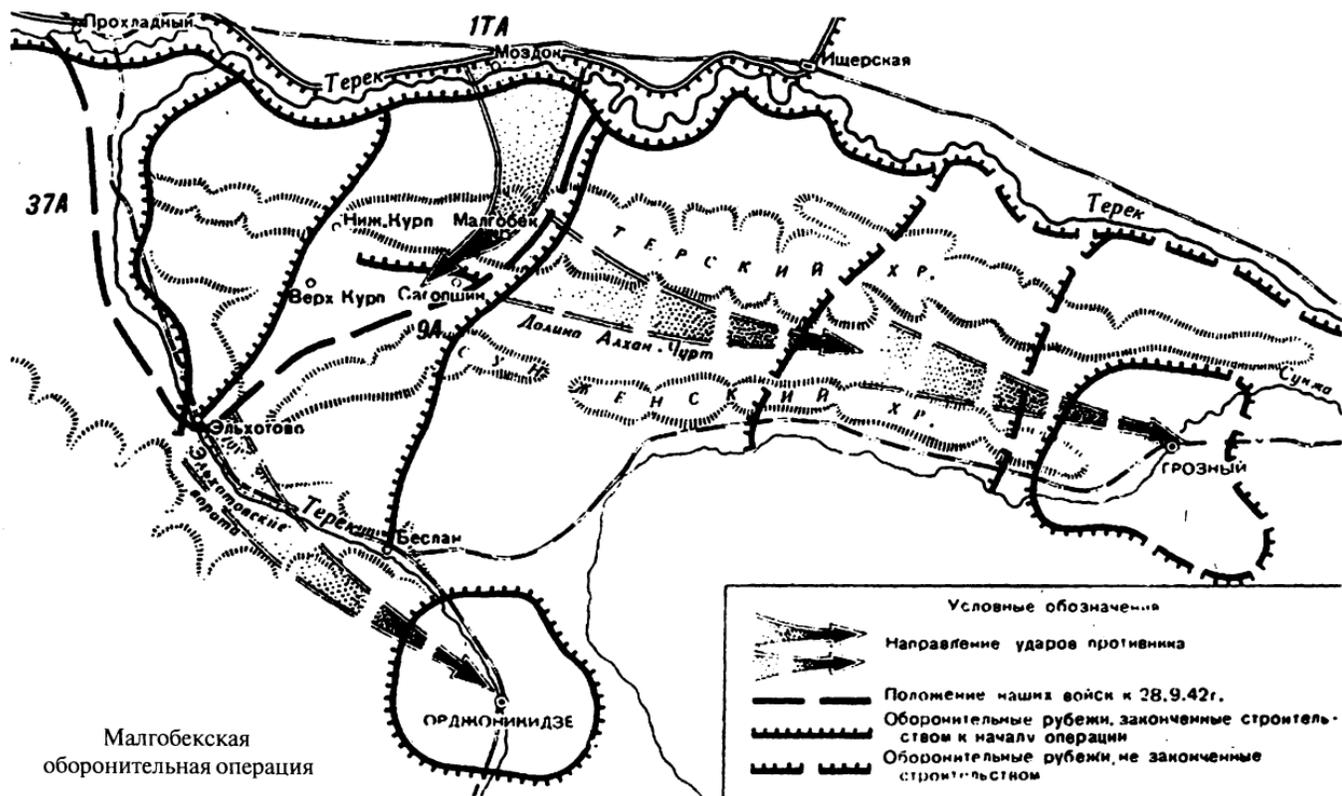
Но 27 сентября мастер блицкрига фон Швеппенбург получил образцовый урок борьбы против блицкрига. Чтобы более точно представить происходящее, мы расскажем, как эти бои смотрелись по обе стороны линии фронта. Сначала слово предоставляется А.А. Гречко:

«Вход в долину обороняли 52-я танковая бригада майора В.И. Филиппова, артиллеристы майора Ф. Долинского и один мотострелковый батальон. Танкам отводилась в этой обороне главная роль. До наступления темноты Филиппов и Долинский договорились о взаимодействии. Ввиду того, что вход в долину в самом узком месте не превышал 7 км, решено было создать ряд противотанковых опорных пунктов, способных к самостоятельной обороне. Эти пункты эшелонировались по долине на достаточную глубину. Каждый из них состоял из танковой засады, усиленной на флангах противотанковыми пушками и автоматчиками.

Первая линия ПТОПов должна была рассечь наступавшие эшелоны вражеских танков на отдельные группы и нанести им тяжелый урон. Поэтому она была наиболее прочной. Эта линия состояла из двух танковых рот, сведенных в три засады, находившиеся в огневой связи между собой. Танки были врыты в землю и стояли в линию под углом 45 градусов к линии наступления врага. Такой боевой порядок позволял им вести одновременный огонь одинаковой силы в нескольких направлениях.

Вторая линия ПТОПов находилась от первой в двух километрах. В нее входило несколько танков КВ и противотанковых орудий.

Третью линию образовывали отдельные танки и противотанковые орудия. На этой линии предстояло добить немецкие танки. КП командира танковой бригады был в центре ПТОПов. Майор Филиппов лично просматривал всю местность. Это помогло ему в дальнейшем четко управлять действиями танков. Поскольку артиллерийский батальон и отдельные орудия располагались вблизи танковых засад, майор Долинский решил находиться вместе с командиром

танковой бригады. Это облегчило ему руководство огнем артиллеристов в соответствии с быстро меняющейся обстановкой.

На рассвете после продолжительного артиллерийского и минометного огня по нашим боевым порядкам гитлеровцы бросили в атаку 120 танков, сотни автоматчиков-десантников и свыше полка пехоты в пешем строю. Танки двигались на предельной скорости двумя группами в 50 и 70 машин, надеясь с ходу ворваться в долину по скатам, образующим ее. В бинокль было отлично видно, что в 5—7 км от переднего края нашей обороны на дорогах скопилось большое количество артиллерии на тягачах и автомашин с немецкой пехотой. Это был второй ударный эшелон, подготовленный противником для развития успеха в глубину.

Лишь только танки врага приблизились к нашей обороне на 700—800 м, артиллерия и минометы открыли по ним сильный огонь. Первыми очередями наших пулеметчиков с фашистских танков были сметены автоматчики. Тотчас артиллерия перенесла огонь на пехоту, следовавшую в 300 м за танками. Одновременно произвели несколько точных залпов гвардейские минометы. Их снаряды разорвались в гуще фашистской пехоты. Потеряв до половины состава, фашисты стали отходить. Между тем танки продолжали упорно идти вперед, считая, видимо, что пехота их скоро догонит. Но в этот момент вражеские танки, автоматчики и пехота находились на далеком расстоянии друг от друга. При любом физическом напряжении они не могли уже вместе ворваться на наш передний край обороны. Тем самым создалась благоприятная обстановка для разгрома врага по частям.

Когда немецкие танки подошли вплотную к первой линии ПТОПов, весь огонь обрушился на них. Через минуту на поле боя уже пылали шесть немецких танков и около десяти остановились, подбитые снарядами.

Так как левая группа немецких танков (50 машин) оказалась ближе к нашим позициям, главный удар нанесли сначала по ней. Он был настолько мощным, что уцелевшие немецкие машины повернули назад. Тогда засады первой линии сосредоточили свой огонь на правой, более сильной

группе (70 машин) фашистских танков. Наши танки и орудия тыловых опорных пунктов пока молчали, не обнаруживая себя.

Немецкие танкисты первой группы, наблюдавшие за разгромом левой группы танков, видимо, решили, что стоит им прорваться через наш передний край, как они выйдут на тактический простор, где отсутствуют огневые средства.

На большой скорости они помчались вперед, несмотря на то что путь их был усеян пылавшими и подбитыми машинами. Около 18 танков прорвались сквозь первую линию нашей обороны. Однако через минуту они попали под огонь новой линии ПТОПов. Поскольку прорвалась лишь группа наступавших танков, плотность огневого воздействия на каждый из них оказалась здесь даже выше, чем перед передним краем. Вскоре запылало еще семь вражеских машин и несколько повернуло назад. Четыре танка попытались проскользнуть дальше в долину. Два из них, наткнувшись на засаду наших танков, были подбиты, остальные повернули назад.

Благодаря согласованным действиям танкистов, артиллеристов и пехотинцев, мужеству и героизму воинов к ночи на поле боя осталось 53 вражеских танка. Было подбито также 10 орудий различного калибра, уничтожено свыше 800 вражеских солдат и офицеров. Наши танкисты потеряли десять машин, пять из которых вскоре снова вступили в строй».

А теперь вот как это видели немцы, описывая атаку 4-го танкового полка 13-й танковой дивизии:

«В 4.00 командир батальона прибыл на наблюдательный пункт. Погода была дождливой и очень облачной, поэтому пехота получила приказ атаковать в 5.00. Вскоре после начала движения она попала под плотный пулеметный огонь с умело расположенных полевых укреплений, особенно с западной оконечности хребта. Поэтому пехота, все еще находящаяся в низине, оказалась в смертельной опасности. Артиллерийская подготовка закончилась, и танки начали выдвигаться на исходный рубеж для атаки. 4-я рота начала подниматься на хребет, обстреливая многочисленные поле-

вые укрепления и противотанковые орудия, как только они проявлялись. 5-я и 6-я роты вышли к реке, но были обстреляны многочисленными противотанковыми орудиями и ружьями, особенно из роши справа.

Сначала противник стрелял не очень часто. Атакующие шаг за шагом двигались на восток, продираясь сквозь укрепления. 4-я рота на левом фланге получила приказ быстро передвинуться на восток по склону, чтобы атаковать артиллерийские и минометные позиции. В этот момент тяжелая артиллерия начала обстреливать район атаки, сосредоточившись на трех танковых ротах. Артиллерийский огонь был таким плотным, что 4-я рота отошла назад, чтобы укрыться за хребтом.

Противотанковые орудия и ружья все сильнее обстреливали 5-ю и 6-ю роты. Противник был едва виден в густом кустарнике. Хорошо замаскированные танки Mk.III были замечены слишком поздно. Бой с вражескими танками оказался слишком трудным из-за крутого склона и сильного огня.

Несмотря на хорошую работу нашей артиллерии, подавить вражескую артиллерию не удалось, так как она была хорошо замаскирована. Она, как и прежде, стреляла главным образом по нашим танкам. Наша пехота тоже была припшпелена к месту.

...Как уже показали атаки Вознесенской 6 сентября 1942 года, гористая, пересеченная местность непригодна для танков. Так как танки не могли пройти почти нигде, противник получил возможность перекрыть несколько оставшихся секторов минами и другим противотанковым оружием. Так как у него было много и того, и другого, потери в танках оказались относительно высоки и не могли оправдать достигнутые успехи и захваченные территории. Повышенный износ техники в гористой местности вызывал многочисленные поломки».

В результате к 29 сентября после четырех дней упорных боев немецкие войска захватили Терек, Плановское, Эльхотово, Илларионовку, однако дальше продвинуться не смогли и были вынуждены перейти к обороне. Попытка блиц-

крига в неподходящем месте провалилась. 30 сентября генерал Гейр фон Швеппенбург был отстранен от командования корпусом и надолго отправлен в резерв.

Резюме. Очень простое. Блицкриг — это не мегаоружие. Умелый и решительный противник всегда может нейтрализовать его.

Глава 11

О РОЛИ МЫШЕЙ В СУДЬБЕ АРМИИ ПАУЛЮСА

19 ноября 1942 года произошло то, что просто обязано было произойти. Красная Армия перешла в контрнаступление под Сталинградом, а если говорить точнее — нанесла удар по слабым группировкам, прикрывающим фланги немецкой 6-й армии, безнадежно завязшей среди развалин города. Хваленый германский Генеральный штаб оказался не на высоте в первый, но далеко не в последний раз за годы Великой Отечественной войны. Даже первый беглый взгляд на карту подсказывал, где именно будет нанесен удар, потому что армия Паулюса прямо-таки напрашивалась на окружение. Тем более что советское командование более или менее четко представляло ее крайне сложное положение.

Как мы помним, одной из главных составляющих блицкрига является удар по слабым флангам противника, но эти слабые фланги еще требуется найти. Именно этим занимались разведывательные батальоны в составе немецких танковых дивизий при помощи самолетов-разведчиков. На стратегическом уровне поиск слабого участка обороны превращается в сложную задачу. Но в данном случае немцы сами громогласно объявили: «Оно здесь!» Можно даже сказать, завопили во всю глотку. На Сталинград наступала немецкая 6-я армия генерал-oberста Паулюса, а ее фланги прикрывала слева румынская 3-я армия, справа — румынская 4-я армия. Догадываетесь с одного раза, где находились слабые фланги?

Впрочем, какие там, к чертовой матери, фланги?! Слева было то, о чем говорил немецкий историк Шейберт:

«Особенно достойна внимания необычайно большая протяженность линии фронта Группы армий «Б» — почти 1300 км (это протяженность воздушной линии от Женевы до Копенгагена). Если принять во внимание такое большое число подчиненных группе армий объединений, то будет понятно, что имелось очень много даже чисто технических трудностей в управлении войсками. К этому следует присо-вокупить многочисленные проблемы коалиционного характера, в данном случае речь идет о совместных действиях войск четырех наций. Отношения между ними как раз не исключали трудностей. Так, например, нельзя было поставить рядом враждебно настроенные друг к другу румынские и венгерские войска. Это было основанием для размещения 8-й Итальянской армии между 2-й Венгерской и 3-й Румынской армиями».

Ну, только ленивый по такому участку фронта не ударит. А справа фланга вообще не было, потому что сразу за позициями румынской 4-й армии начинался «бескрайний простор степей». То есть к ноябрю 1942 года 6-я армия Паулюса представляла собой нечто вроде пушечного ядра, подвешенного в вакууме. Кстати, и само ядро было изрядно проржавевшим. С одной стороны, танковые соединения были совершенно бесполезны во время городских боев, но с другой — они могли оказаться очень полезны для отражения возможных ударов противника. А чем мог отражать эти удары Паулюс? Только XIV танковым корпусом фон Витерсгейма, в составе которого числилась одна изрядно потрепанная 16-я танковая дивизия. О каких контрударах из глубины обороны могла идти речь?

Впрочем, даже в этой печальной препозиции немцы показали себя достойным противником. Помните рассказ о событиях на Барвенковском выступе, когда наши штабы узнавали о немецком наступлении только через двое суток, а реагировать начинали вообще через трое?

Обратимся к воспоминаниям адъютанта 6-й армии полковника Адама. Да, они написаны в советском плену и пронизаны восторгом истинного просветления, но мы обратимся к сухим фактам, содержащимся в этих мемуарах:

«Телефон яростно звонил. Я сразу очнулся от сна. Не успел я взять трубку, как услышал далекий гул. Ураганный огонь, подумал я. Дежурный офицер доложил: «Тревога, господин полковник! Немедленно к начальнику штаба!» То было начало советского контрнаступления. На листке календаря значилось: 19 ноября 1942 года».

То есть, когда начинается наступления Паулюс, советский командующий армией узнает об этом через двое суток, зато когда начинается наступление на армию Паулюса, тот узнает об этом через 20 минут. Потрясающая разница, не правда ли?! И еще один нюанс. Как полковник Адам узнает об этом наступлении? **По телефону**. При этом звонок поступает мало того, что из соседней армии, так еще из румынской. То есть у немцев обычная проводная связь работает на порядок лучше, чем в Красной Армии. О тонкостях работы радиосвязи в таких случаях говорить просто бессмысленно. Вам не кажется, что эта короткая цитата дает ответ на многие «загадки» 1941 и 1942 годов?

Что же произошло утром 19 ноября? Если сказать коротко — коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Если длинно, то в 8.50 утра после 1 часа 20 минут артиллерийской подготовки атаки войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление с целью окружить и уничтожить немецкую 6-ю армию, застрявшую в Сталинграде. Нет, Гитлер был совершенно прав, когда предостерегал своих генералов от боев в крупных городах и не позволил им штурмовать Киев, Ленинград и Москву. В первый раз немцы изменили этому принципу, и дело кончилось для них катастрофой.

Мы не будем выяснять, кто именно был автором плана «Уран» и когда он был составлен. С моей точки зрения, это просто невозможно. Опирайтесь только на воспоминания Жукова, полагаю, было бы в высшей степени опрометчиво. В то же время рассуждения А. Исаева, который относит разработку плана на конец сентября, тоже можно оспорить, потому что маршал Василевский в своих воспоминаниях пишет, что в конце сентября план был уже утвержден. «Тогда

же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО», — пишет он. Оставим этот вопрос открытым, не стоит заниматься мелочной дележкой сталинградской славы, ее хватит на всех.

Как уже отмечалось, советский план контрнаступления предусматривал нанесение ударов по сходящимся направлениям с целью окружения, а затем и уничтожения действовавшей под Сталинградом крупной группировки войск противника. На северном участке главный удар намечался силами ударной группировки Юго-Западного фронта в составе 5-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П.Л. Романенко и 21-й армии под командованием генерал-майора И.М. Чистякова. Наступая с плацдармов юго-западнее Серафимовича и из района Клетской, эти войска должны были прорвать оборону румынской 3-й армии и своими подвижными соединениями стремительно развивать наступление на юго-восток в общем направлении на Калач.

Для оперативного обеспечения действий ударной группировки с запада и юго-запада часть сил Юго-Западного фронта — войска левого фланга 1-й гвардейской и правого фланговые соединения 5-й танковой армии имели задачу нанести вспомогательный удар и создать внешний фронт окружения вражеской группировки. На третий день операции эти войска должны были выйти на рубеж от Вешенской до Боковской и далее по реке Чир до Верхне-Чирской с целью предотвращения возможных контрударов противника.

Войска Донского фронта наносили два вспомогательных удара: частью сил 65-й армии — командующий генерал-лейтенант П.И. Батов — с плацдарма у Клетской на юго-восток в направлении на Вертячий (Клетская, Венцы, Родионов, Вертячий) и силами правого фланга 24-й армии — командующий генерал-майор И.В. Галанин — из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг также в общем направлении на Вертячий. Действия этих армий имели целью окружить войска противника в малой излучине Дона и отсечь их от главной группировки врага в районе Сталинграда. Соеди-

нения и части 66-й армии — командующий генерал-майор А.С. Жадов, — сражавшиеся севернее Сталинграда, получили задачу активными действиями сковать противостоящего противника.

Войска ударной группировки Сталинградского фронта (51, 57 и 64-я армии) должны были развертывать наступление на фронте Ивановка — озеро Барманцак в северо-западном направлении на Советский, Калач и в ходе наступления соединиться с войсками Юго-Западного фронта. При этом 51-я армия генерал-майора Н.И. Труфанова наносила удар из района озер Сарпа, Цаца и Барманцак, а 64-я армия вместе с правофланговыми соединениями 57-й армии генерал-майора Ф. И. Толбухина — из района Ивановки в северо-западном направлении, охватывая вражескую группировку с юга.

62-я армия имела задачу продолжать сковывать силы противника в городе, 28-я армия — командующий армией генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко — прикрывать астраханское направление.

Следует отметить интересную особенность плана «Уран». Кроме большого котла, в который планировалось загнать главные силы 6-й армии, советское командование собиралось устроить противнику и несколько более мелких котлов. Главная роль отводилась 21-й армии Юго-Западного фронта. Вместе с 5-й танковой армией она должна была окружить 3-ю Румынскую армию, после чего взять в кольцо XI корпус немецкой 6-й армии, располагавшийся на правом берегу Дона. В этом ей должны были помочь войска Донского фронта.

Наступление с самого начала развивалось достаточно успешно. Некоторые авторы сожалеют о том, что нелетная погода помешала советской авиации нанести удар по немецким позициям, и наши армии были вынуждены ограничиться артиллерийской подготовкой. Но о том же самом с нескрываемой горечью пишет и Вольфрам фон Рихтгофен. Если вспомнить события Курской битвы, когда превосходство советской авиации было еще больше, можно предположить, что у немцев оснований сожалеть было несколько больше.

На участке наступления 5-й танковой армии сопротивление румын было сломлено не сразу, поэтому командующий армией решил ввести в бой эшелон развития успеха. 1-й и 26-й танковые корпуса взломали оборону противника, и во второй половине дня в прорыв был введен 8-й кавалерийский корпус. Продвижение армии в первый день составило около 18 километров. Да, это было меньше, чем предусматривалось планом, однако гораздо успешнее, чем все предыдущие попытки Красной Армии.

Вдобавок 1-й танковый корпус возле Песчаного совершенно неожиданно налетел на немецкую 22-ю танковую дивизию и не смог с ходу разбить ее. Советская разведка не сумела своевременно выявить наличие 22-й танковой дивизии противника (мы этому уже совершенно не удивляемся), поэтому столкновение с ней в районе Песчаного оказалось неожиданным. Никаких противников, кроме румын, встретить здесь не предполагалось.

Собственно, эта встреча оказалась неожиданной и для немцев. Эта дивизия считалась резервом группы армий и по собственной инициативе не собиралась участвовать ни в каких боях. Контрудары должны были наносить другие. 19 ноября в 9.00 утра командир XLVIII корпуса Гейм позвонил в штаб Группы армий «Б» и потребовал срочно двинуть его танковый корпус в северо-восточном направлении в сторону Клетской. Свое решение Гейм мотивировал тем, что со стороны Клетской возникла реальная опасность для тыла 6-й армии. Начальник штаба группы армий фон Зондерштерн согласился с командиром корпуса. В 9.30 корпус начал марш к Клетской, на направление вспомогательного удара Юго-Западного фронта. Однако в 10.45 корпус Гейма получает новый приказ, на этот раз от командования сухопутных войск: «Наступление должно осуществляться не на северо-восток, а на северо-запад». XLVIII корпус должен был двигаться к плацдарму у Серафимовича. Командование группы армий приняло правильное решение и направило свой самый сильный резерв на направление главного удара советских войск. Впрочем, «сильный» — это сказано слишком смело. Ударная группа корпуса состояла из одной-един-

ственной танковой дивизии — 13-й. 22-я была передана ему только в декабре. То есть немцы в растерянности совершили то же самое, что многократно делали наши генералы, — контратаковали разрозненными, слабыми группами. Результат, естественно, получился точно таким же. Вот как об этом рассказывает Фридрих фон Меллентин:

«После беседы с Цейтцлером я получил более подробные данные об обстановке в так называемой «оперативной комнате». 19 ноября русские войска в составе трех танковых корпусов, двух кавалерийских корпусов и двадцати одной стрелковой дивизии перешли в наступление с плацдарма в районе Кременской. Они прорвали позиции румын и создали брешь шириной около тридцати километров. 48-й танковый корпус, расположенный за 3-й румынской армией, контратаковал силами 13-й танковой дивизии и находившимися в его подчинении румынскими танками, но был отброшен лавиной русских войск. Командир корпуса генерал Гейм и его начальник штаба полковник Фрибе были отстранены от должностей за нерешительность. Несколько дней спустя я узнал от полковника фон Оппельна из 13-й танковой дивизии, что его танковый полк не смог своевременно выступить из-за того, что мыши перегрызли провода наружного освещения на танках. Однако в любом случае штаб корпуса нес ответственность за задержку, и этим объясняется мое назначение».

Вот так проклятые мыши погубили армию Паулюса!

Но первыми пострадали все-таки румыны. На третий день наступления войска 5-й танковой и 21-й армий сомкнулись и окружили главные силы 3-й Румынской армии. Общее руководство окруженными войсками было возложено на командира 6-й дивизии генерала Ласкара. Командующий 3-й Румынской армией запросил Антонеску о дальнейших действиях, но получил ответ подчиняться приказам Группы армий «Б». Заметьте, и у румын связь работает вполне нормально — от линии фронта до самого Бухареста.

Первое предложение капитулировать румыны получили 22 ноября в 22.30, но сразу его отвергли. Далее последовал спектакль «куда конь с копытом, туда и рак с клешней». Ру-

мыны попытались организовать свой собственный воздушный мост, и в расположении окруженных войск приземлились целых 5 румынских Ju-52, которые доставили боеприпасы, продовольствие и вывезли 60 раненых. На этом комедия в одном действии закончилась под бурные аплодисменты советской артиллерии. У окруженных румын оставалось не более 40 выстрелов на орудие, многие солдаты не ели по три дня. Командиры окруженных румынских соединений генералы Ласкар, Мазарини и Сион на совещании в Головском приняли решение прорываться на запад.

Однако румынские планы были исправлены наступающими советскими войсками. Вскоре был захвачен штаб 6-й дивизии, генерал Ласкар попал в плен, и организованное сопротивление завершилось. Конечно, отдельные отряды продолжали драться до 25 ноября, но это уже не имело никакого значения. Первый котел, который Красная Армия устроила противнику, был ликвидирован практически без задержки. В плен попали 27 000 человек.

Не очень уверенно, но советские командиры постепенно овладевали искусством блицкрига. Первым дерзкую и успешную операцию такого плана осуществил командир 26-го танкового корпуса генерал Родин. Он решил стремительным броском овладеть важной переправой через Дон у Калача. Для этого был создан специальный отряд подполковника Филиппова, в состав которого входило всего 5 танков. Но наглость — второе счастье.

Этот отряд двигался в глубь расположения противника на машинах с включенными фарами. Немцы приняли танки за свои, и они беспрепятственно подошли к переправе. Перебив охрану переправы, отряд захватил ее и организовал оборону. Ганс Дёрр пытается объяснить легкость, с которой была захвачена переправа: «Другая танковая часть русских подошла к мосту и с ходу захватила его без боя, так как охрана моста приняла ее за немецкую учебную часть, оснащенную трофейными русскими танками, которая часто пользовалась этим мостом». Да, такие подразделения были, но почти наверняка охрана моста просто растерялась и разбежалась, не утруждая себя такими сложными рассуждениями. Спустя

полтора года войны нам удалось отплатить немцам их же монетой. Надо ведь и нам когда-нибудь начать внезапно захватывать мосты.

Движение южной половины клещей (51-я и 57-я армии) началось сутки спустя после начала наступления на севере. Причина была совершенно тривиальной — густой туман помешал действиям не только авиации, но даже танковых частей. Интересно, что в соответствии с довоенными доктринами часть танковых подразделений 4-го и 13-го мехкорпусов была использована для поддержки пехоты. Прием оказался удачным, хотя, может быть, 4-я Румынская армия оказалась не такой стойкой, как 3-я. Во всяком случае, на юге оборона противника рухнула практически моментально, и 4-й мехкорпус был введен в прорыв, после чего маховик наступления начал раскручиваться автоматически. Попытка немецкой 29-й моторизованной дивизии остановить продвижение советских танков имела лишь временный успех. Вдобавок эта дивизия так и не попала к месту северного прорыва, куда ее намеревалось перебросить немецкое командование.

В связи с этим хочется сказать, что рассуждения о том, что немцы-де могли организовать надежную оборону в районе озера Барманцак, который мог быть кладбищем советских танковых частей, являются чистой воды спекуляциями. Еще раз напомним протяженность немецкого фронта под Сталинградом — 1300 километров. Какими силами вы намерены держать здесь «надежную оборону»? Или Господь Бог подскажет, что именно в этом месте и в это время следует ждать удара советских армий?! Увы, адмирал Канарис на роль Господа явно не потянул, даже со всем своим абверовским воинством. Немецкая разведка не в первый и далеко не в последний раз не сумела даже приблизительно вскрыть планы советского командования. Да и Генштаб, как мы говорили, оказался не на высоте, потому что предугадать такой удар было не слишком сложно. И в моих словах нет противоречия, потому что одно дело — следуктировать вывод, но совсем другое — знать точно. Впрочем, единственным способом решения немецкой проблемы было спешное отступле-

ние от Сталинграда и сокращение протяженности линии фронта. Но на такое не мог пойти Гитлер.

22 ноября наступающие советские войска захватили станцию Советская, где располагались крупные склады и ремонтные мастерские немецкой 6-й армии. Кроме того, была перерезана железная дорога, связывающая 6-ю армию с тылом.

Хотя Паулюс был информирован о начале советского наступления практически сразу после его начала, он не сразу оценил размеры надвигающейся опасности. 19 ноября он сообщает в штаб группы армий, что 6-я армия намеревается по-прежнему вести разведку боем в черте города. Но немецкая связь работает отлично даже в таких обстоятельствах, и к вечеру Паулюс вынужден изменить план действий.

Он сразу начинает действовать, судя по всему, готовясь к тому самому отступлению на запад, о котором мы говорили. Паулюс снимает свое единственное мобильное соединение — XIV танковый корпус — с фронта к северу от Сталинграда и отводит его на запад, приказывая сформировать западный фронт армии. Одновременно XI корпус отходит к югу, занимая позиции XIV танкового. Таким образом Паулюс на какое-то время оттягивает гибель этого корпуса, который советское командование намеревалось окружить и уничтожить севернее Сталинграда.

Однако внешне разумный план Паулюса тоже страдает отсутствием чувства реальности. Перечисленные в нем населенные пункты Суханов, Скворин, Еруслановский находятся на западном берегу Дона к северо-востоку от Калача. Паулюс собирался сохранить максимально большой периметр, включая область за Доном, не отдавая себе отчета о том, что сил для этого у него уже нет. Он менял один очень растянутый фронт на другой, такой же растянутый. Сам Калач становился важным перевалочным пунктом для выдвигавшихся на новый фронт соединений. Но сохранить позиции, перечисленные в приказе от 20 ноября, он мог лишь в одном случае — немедленно оставив Сталинград.

Нереальность этого плана подчеркнули безуспешные попытки XLVIII танкового корпуса остановить советское на-

ступление. Он был просто смят и отброшен в сторону. Говорить о судьбе примкнувшей к нему румынской 1-й танковой дивизии не стоит.

В общем, решения немецкого командования **на всех** уровнях относительно планов будущих действий были неудовлетворительными. Гитлер намеревался из политических соображений удерживать Сталинград и, кажется, искренне надеялся на успех. Паулюс хотел отойти на запад, **но попозднее**. Фон Вейхс поддержал Паулюса. Вечером 22 ноября Паулюс отправляет в штаб группы армий следующую радиogramму:

«Армия окружена. Несмотря на героическое сопротивление, в руках русских оказались вся Царицынская долина, железная дорога от Советского до Калача, находящиеся в этом районе мосты через Дон, высоты на западном берегу Дона вплоть до Голубинской и Крайнего.

Войска продолжают подходить с юго-востока через Бузиновку и особенно с запада.

Ситуация под Суровикино и Чиром неизвестна.

Под Сталинградом и на северном фронте активная деятельность разведгрупп. Атаки на 4-й армейский корпус и 76-ю пехотную дивизию отражены. На этом участке противник прорвал оборону в нескольких местах. Армия надеется открыть западный фронт восточнее Дона. Южный фронт восточнее Дона еще открыт. Кажется сомнительным, что он может простреливаться из-за значительного ослабления северного фронта и узких линий обороны под Карповкой, Мариновкой и Голубинкой.

Дон покрыт толстым слоем льда, через него можно переходить. Горючее скоро закончится, после чего танки и тяжелые машины встанут, положение с боеприпасами напряженное, продовольствия хватит на шесть дней.

Армия намеревается удерживать оставшийся участок от Сталинграда до Дона и все для этого подготовила.

Надеемся, что Южный фронт удастся закрыть, после чего продовольствие может быть доставлено по воздуху.

Прошу свободы действия в том случае, если не удастся

создать круговую оборону на юге. В этом случае вынуждены будем сдать Сталинград и Северный фронт, чтобы со всеми силами ударить по противнику на Южном фронте между Доном и Волгой и соединиться с 4-й танковой армией. Наступление на запад из-за находящихся там мощных сил противника и сложных условий местности может оказаться без-успешным».

Извините, но я в очередной раз вынужден указать на то, что немецкая связь работала на два порядка лучше нашей. Во многом именно этим объясняются успешные действия немцев в наступлениях 1941 и 1942 годов и наша крайне неудачная оборона. Просто в данном случае спасти Паулюса могли исправные танки, а не исправные радиостанции. Но вторые он имел, а первые — нет.

Паулюс несколько поторопился со своей радиограммой, кольцо окружения еще не было замкнуто, но уже на следующий день радиограмма стала чистой правдой. 23 ноября в 16.00 части 4-го механизированного корпуса соединились с 26-м танковым корпусом в районе Калача и Советского. Вскоре после этого к Советскому вышли бригады 4-го танкового корпуса. Юго-Западный и Сталинградский фронты прочно соединились друг с другом, замкнув кольцо окружения. Теперь все коммуникации, связывавшие 6-ю армию с главными силами Группы армий «Б», были перерезаны. Свершилось!

В кольце оказались штаб 6-й армии, штабы IV, VIII, XI, LI армейских корпусов и XIV танкового корпуса. Чаще всего в списке окруженных частей упоминаются 22 дивизии: 14, 16 и 24-я танковые, 3, 29 и 60-я моторизованные, 44, 71, 76, 79, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384 и 389-я пехотные дивизии, а также румынские 20-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии. Я, кстати, прекрасно помню плакат военных времен: «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии». Но дело в том, что дивизий было 23! Скорее всего, не попавшую в общий счет 9-ю зенитную дивизию пропускают из-за ее подчиненности Люфтваффе. Дескать, какие летчики в кольце? Все они давно улетели. А вот не все улетели. Ну и, разу-

меется, плюс множество частей и подразделений армейского подчинения: инженерные и строительные батальоны, полки реактивных минометов, госпиталя и так далее, всего 284 000 человек.

А дальше началась затяжная и мучительная агония окруженной группировки. Гитлер пообещал выручить окруженную армию, но выручать ее было совершенно нечем. Задачу по деблокированию армии Паулюса вручили фельдмаршалу Манштейну. Однако помимо задачи нужно было дать ему войска, а с этим обстояло гораздо хуже. Помните, в самом начале рассказа об операции «Барбаросса» мы говорили, что у немцев не было резервов, заслуживающих этого наименования? В очередной раз особенно четко это проявилось во время операции «Зимняя гроза». В связи с легкостью переключения клавиатуры с русского шрифта на латинский довольно часто сейчас ее именуют также «*Wintergewitter*».

На основе штаба 11-й армии была создана Группа армий «Дон». Как всегда в отчаянных случаях, громкое название скрывало слабость. К 4 декабря в распоряжение Манштейна прибыли три свежие дивизии: 336-я пехотная дивизия из Группы армий «Б», 7-я авиаполевая дивизия и 11-я танковая дивизия из Группы армий «Центр». Но если говорить честно, то авиаполевую дивизию следовало в лучшем случае считать за половину, эти дивизии, спешно сформированные из наземного состава Люфтваффе, никогда не отличались особой боеспособностью. Три дивизии — это типичная группа армий. Их объединили в XLVIII танковый корпус.

Главный удар наносила 4-я танковая армия Гота силами еще одной спешно созданной пожарной команды. Из района Котельниково по восточному берегу Дона должен был наступать LVII корпус генерала Кирхнера. Корпусу подчинялись 6-я и 23-я танковые дивизии, 5-я и 8-я румынские кавалерийские дивизии.

История контрудара Манштейна характерна прежде всего очередными обоюдными ошибками разведки. Советская разведка неточно оценила направление немецкого удара, немецкая разведка не сумела вскрыть противостоящую группировку сил, вследствие чего Манштейна ожидали мно-

гочисленные сюрпризы, причем исключительно неприятные.

Немецкое наступление началось утром 12 декабря, разумеется, внезапно. Манштейн полагал, что освобождение 6-й армии возможно, хотя сам он рассказывает об этой операции довольно смутно. И его можно понять. Еще в первых числах декабря Паулюс сообщает, что продовольствие и боеприпасы у него кончатся примерно через две недели. Воздушный мост, обещанный Герингом, оказался фикцией. Единственным результатом попыток наладить снабжение 6-й армии по воздуху стало истребление немецкой транспортной авиации.

«Зато теперь самой срочной задачей становится наступление XLVII танкового корпуса. Обеспечив себе в тяжелых боях с крупными силами противника, пытавшимися сорвать его подготовку к наступлению, возможность произвести выгрузку и занять исходное положение в районе Котельниково и нанеся серьезное поражение этим силам противника, корпус 12 декабря начал наступление на Сталинград. Его фланги прикрывали: на востоке, со стороны Волги, — 7-й румынский корпус; на западе, со стороны Дона, — 6-й румынский корпус. Наступление по всем признакам явилось неожиданностью для противника, во всяком случае, он не ожидал наступления так скоро. Вначале корпус успешно продвигается. Но противник срочно перебрасывает сюда новые силы из района Сталинграда. Он отнюдь не ограничивается оборонительными действиями, но постоянно пытается с помощью контратак вновь захватить занятую нашими танковыми дивизиями местность или окружить части этих дивизий превосходящими силами танков. XLVII танковому корпусу неоднократно удается разбить крупные силы противника. Но к 17 декабря, когда в бой восточнее реки Дон может, наконец, вступить 17-я танковая дивизия, исход этих боев, шедших до сих пор с переменным успехом, еще не решен. ОКХ, уступая постоянным настойчивым требованиям командования группы армий, наконец, передало ему эту дивизию, находившуюся в районе своей выгрузки позади левого фланга группы армий. Но дивизии сначала пришлось совершить

продолжительный марш до моста через Дон у Потемкинской и перейти по этому мосту, прежде чем она смогла принять участие в боевых действиях восточнее реки Дон».

В очередной раз словно из-под земли появляются свежие советские резервы, и группа Манштейна остановлена. А сейчас зададим интересный вопрос: а что могло произойти, если бы ее остановить не удалось? Да практически то же самое. Вывести 6-ю армию из Сталинграда не удалось бы! Ослабленные люди, солдаты, утомленные длительными боями, почти не имеющие боеприпасов, сумеют совершить бросок в несколько сотен километров? Извините, чушь! Я категорически заявляю: единственной возможностью спасти армию Паулюса был **немедленный** отвод сразу после начала советского наступления. А еще лучше смотрелся заблаговременный отвод, когда стало понятно, что штурм Сталинграда завершился неудачей. Операция «Зимняя гроза» была бессмысленной. Не обреченной на провал, а именно бессмысленной, так как вывести никого он не сумел бы. При определенном стечении обстоятельств XLVII танковый корпус мог дойти до внутреннего кольца окружения, которое к этому времени уползло далеко на восток. Например, интересна последняя попытка 24 декабря бросить 3 танковые дивизии напролом. Хорошо, что она не состоялась. Немцам здорово повезло в том плане, что ударная группировка не увеличила собой численность окруженных войск.

Однако имелось еще одно обстоятельство, которое ставило под сомнение операцию «Зимняя гроза». Дело в том, что советское наступление продолжалось. Ранее предполагалось провести операцию «Сатурн» — ударом на Ростов отрезать и уничтожить всю Группу армий «А» на Кавказе. Правда, наше командование спохватилось и решило ограничиться операцией «Малый Сатурн», не столь грандиозной по масштабам. Для этого имелись вполне серьезные основания. Операция глубиной более 1000 километров — предприятие исключительной сложности. Даже немцам при их налаженных тыловых службах в летнее время такие операции не удавались. После каждого рывка в 300—400 километров сле-

довала обязательная пауза. Так и сейчас, если бы наши танковые корпуса попытались безостановочно двинуться на Ростов, это привело бы к бессмысленной и бесполезной их гибели.

И все-таки продолжение наступления на запад подвешивало в воздухе ударные группировки Манштейна. Разгром итальянской 8-й армии не только обнажил фланг Манштейна, но и привел к разгрому главной немецкой авиабазы, с которой велось снабжение армии Паулюса. Смелый 150-километровый бросок 24-го танкового корпуса генерала Баданова вынудил немцев поспешно эвакуировать оттуда самолеты. Да, танки Баданова израсходовали топливо и значительную часть боеприпасов, после чего корпус оказался в исключительно сложном положении. Однако критики забывают одну простую вещь — иногда даже тяжелые потери бывают оправданны. Данный случай относится именно к таким.

Зато совершенно иной оценки заслуживает операция «Кольцо», затеянная советским командованием с целью ликвидации окруженной армии. Теперь уже наши генералы затеяли операцию, не имевшую никакого смысла. Объяснение было тем же самым, что и у немецких: там давил Гитлер, здесь Сталин, которому не терпелось как можно быстрее ликвидировать окруженную группировку. Хотя к началу января 1943 года перед Паулюсом стоял лишь один вопрос: когда? Кстати, именно благодаря операции «Кольцо» немецкая 6-я армия сумела выполнить свою последнюю задачу — приковать к Сталинграду как можно больше советских дивизий на как можно более долгий срок. Самым разумным было блокировать окончательно потерявшие подвижность (ни о какой мобильности и говорить уже не стоило) немецкие войска какими-нибудь резервными соединениями и предоставить немцам самим подохнуть в своих норах. Можно было ускорить этот процесс артиллерийским обстрелом. Именно так наши командиры поступали, поднабравшись опыта. Впрочем, при ликвидации последующих котлов уже никто их не торопил.

Несколькими ударами советских войск котел был раздроблен на более мелкие куски. Началась массовая сдача в

плен, несмотря на отчаянные призывы командования продолжать сопротивление. 31 января Паулюс получил звание фельдмаршала и в тот же день сдался. После этого Рокоссовский сделал то, что нужно было сделать с самого начала: обрушил огонь всей своей артиллерии на так называемом северном котле. Он сосредоточил более 300 орудий на километр фронта. XI корпус выдерживал этот обстрел всего сутки, а 2 февраля генерал Штреккер капитулировал. Сталинградская битва завершилась.

Итогом первой успешной блицоперации Красной Армии стало уничтожение целой немецкой армии в составе 23 дивизий и крах южного фланга немецкого фронта. В плен попали около 90 000 человек, в том числе (не могу отказать себе в удовольствии перечислить): генерал-фельдмаршал — 1 шт., генерал-оберст — 1 шт., полный генерал — 3 шт., генерал-лейтенант — 9 шт., генерал-майор — 9 шт. Еще трое немецких генералов погибли в ходе боев.

Резюме. Операция «Уран», проведенная Красной Армией, могла бы считаться эталонным блицкригом, если бы не ошибки, допущенные на ее заключительной стадии. Они не повлияли на общий успех операции, однако не позволили в полной мере использовать прорыв немецкого фронта.

Глава 12

НЕ ЗА ТО ОТЕЦ СЫНА БИЛ, ЧТО ИГРАЛ, А ЗА ТО, ЧТО ОТЫГРЫВАЛСЯ

Летом 1943 года над всем Восточным фронтом нависло тяжелое, напряженное ожидание. Точно так же перед грозой в воздухе витает нечто тяжелое и душное? Когда ты твердо уверен, что вот-вот ударит молния, но пока еще не знаешь точно, где именно и когда это случится. Впрочем, вопрос о том «где» в данном случае не стоял. После весеннего контрудара немцев под Харьковом линия Восточного фронта приняла весьма специфические очертания, и при первом же взгляде на карту становилось понятно: именно здесь! Мы го-

ворим, разумеется, о так называемом Курском выступе или Курской дуге. Поэтому все рассказы многозначительным полусшепотом о великой советской разведке, которая добыла планы немецкого наступления, определила его время и место, должны восприниматься с изрядной долей скепсиса. Уж очень напрашивающимся был ответ. Для решения задачи, будет ли подброшенный камень падать вниз, совсем не обязательно задействовать всю мощь ГРУ.

Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о том, насколько действия немцев в этой операции соответствовали вожделенному идеалу блицкрига, от которых Вермахт уже отошел летом прошлого года, постараемся более детально проанализировать сложившуюся ситуацию.

Зимой 1942—43 года немцы потерпели крупное поражение под Сталинградом, были вышвырнуты с Северного Кавказа и Кубани, сохранив за собой небольшой пяточок на Таманском полуострове. В общем, линия фронта передвинулась на запад на 600—700 километров. Но главными были не территориальные потери, а потери в живой силе и технике. К лету 1943 года Германия на Восточном фронте потеряла почти 700 тысяч человек, причем восполнить эти потери не удалось даже наполовину. Столь же тяжелыми были потери в танках и самолетах, которые также не удалось возместить в полном объеме. Войска союзников Германии на Восточном фронте были разгромлены наголову и окончательно потеряли боеспособность.

Собственно, уже весной 1943 года стало очевидно: Германия **проиграла** войну полностью и бесповоротно, причем на всех театрах. Перелом в Битве за Атлантику наступил в мае 1943 года, и после этого «волчьи стаи» адмирала Деница могли только огрызаться. Союзники начали наступления в Ливии и Тунисе, после чего вопрос о судьбе немецко-итальянской группы армий «Африка» мог формулироваться только так: когда именно она капитулирует? Но главным был и оставался Восточный фронт. Именно от исхода этих сражений зависел срок конечного разгрома Германии.

Но я не буду пытаться выглядеть самым умным, вот, мол,

нашелся такой, пришел и сразу все до корней прозрел и провидел. Нет, все это прекрасно видели и понимали генералы по обе стороны фронта. Другое дело, что слишком часто они не были вольны в своих решениях и поступках, и они были вынуждены подчиняться решениям политического руководства, которое имело свое собственное видение проблемы.

Штаб ОКВ предложил перейти к стратегической обороне на Восточном фронте, чтобы постараться вымотать Красную Армию и нанести ей максимальные потери при попытках очистить от захватчиков территорию страны. Однако этот вариант вел к неминуемому поражению Германии, так как сразу отдавал инициативу Красной Армии и позволял ей сосредотачивать превосходящие силы на избранном участке фронта, наступать там без особых помех. Один из лучших немецких генералов Манштейн (конечно, следовало более точно — фон Манштейн, но в нашей литературе как-то устоялась привычка писать его без «фона») предложил даже несколько вариантов крупных стратегических наступлений, которые могли привести к самым тяжелым последствиям для Вермахта. Это был удар на южном фланге Группы армий «Север», после чего она оказывалась в котле на берегу Балтийского моря. Еще более благоприятные возможности открывались перед советскими войсками на южных участках фронта, где крупное наступление в направлении на Днепр ниже Киева могло привести к окружению главной части сил Группы армий «Юг», изоляции Крыма и Тамани.

Поэтому Манштейн предлагал проводить локальные наступления, но уже не с целью захвата территории, как это было в 1941 и 1942 годах, а лишь для того, чтобы нанести противнику максимальные потери и сорвать его генеральное наступление. Таким образом фельдмаршал надеялся свести войну на Востоке к ничьей. Если он писал это искренне, то мы в очередной раз можем лишь посмеяться над политической наивностью генералов. Однако Манштейн был достаточно умен, чтобы сделать оговорку:

«Сейчас говорят, что мысль о ничейном результате на Востоке уже в 1943 году была только мечтой. Мы не будем теперь говорить о том, было ли это действительно так. Мы,

солдаты, не могли судить, существовала ли с политической точки зрения весной 1943 года возможность достичь соглашения с Советским Союзом. Если бы Гитлер был на это готов, то такая возможность, вероятно, полностью не была бы исключена».

Однако Гитлера не привлекала вся эта мышьяная возня в виде «местных наступлений», «эластичной обороны», «изматывания противника». Ему требовалась не более и не менее, как очередная грандиозная победа. По его приказу немцы начали готовить решительный контрудар под Курском, чтобы расквитаться за Сталинград, нанести очередное крупное поражение Красной Армии и доказать, что летнее наступление было, есть и навсегда останется прерогативой Вермахта. Они рассчитывали снова перехватить стратегическую инициативу. Предполагалось одновременными ударами с севера и юга срезать Курский выступ и загнать в котел полтора миллиона бойцов Красной Армии. Операция «Цитадель» должна была стать факелом для всего мира, как высокопарно объявил Гитлер. Впрочем, мы уже не раз имели возможность убедиться, что трескучие фразы и громкие названия слабо повышают боевую эффективность частей и подразделений.

Сами немецкие генералы более трезво оценивали положение. Многие из будущих командиров операции «Цитадель» откровенно не верили в ее успех по самой простой причине — недостатка сил. Это были все тот же фон Манштейн, Модель, Раус, Гот, Гудериан. Между прочим, именно Модель должен был командовать одной из главных ударных группировок, а Раус — обеспечивать действия второй. И можно ли в таком положении рассчитывать на успех операции? Но приказ есть приказ, и немецкие генералы начали готовиться.

Вероятно, определенные шансы на какой-то частичный успех немцы получили бы, если бы начали наступления сразу после окончания Харьковской операции, разумеется, с паузой для отдыха и восполнения потерь. Однако Гитлером к этому времени завладела безумная идея о некоем «чудооружии», которое решит исход войны. И он несколько раз

приказывал отложить наступление, чтобы войска получили новые танки и самолеты. Не знаю, как назвать слепую веру в то, что 140 «тигров» и 200 «пантер» (хотя танки были действительно **очень** сильными) сумеют выиграть войну...

Советское командование сполна использовало предоставленную ему передышку. В начале марта — апреля неоднократно обсуждался вопрос о том, переходить в наступление немедленно или занять оборону, обескровить немецкие армии и только потом нанести ответный удар. Все советские генералы сходились в одном — немцы попытаются срезать Курский выступ, поэтому именно здесь следует подготовить эшелонированную оборону и сосредоточить резервы. Между прочим, именно эти высказывания ставят под сомнение заявления о «великолепной работе стратегической разведки». Именно стратегическая разведка ошиблась грубейшим образом, утверждая, что главный удар немцы будут наносить с севера. Впрочем, немецкая разведка, как обычно, сработала гораздо хуже. Немцы даже отдаленно не представляли противостоящих сил. С другой стороны, это была их проблема. Одно из главных качеств военачальника — сосредотачивать в нужном месте и в нужное время превосходящие силы. А потом разгромленный пусть себе причитает: «А их было больше». Советское командование к лету 1943 года этим компонентом полководческого искусства овладело в полной мере.

Зато немецким генералам чувство реальности начало отказываться все чаще. Мы уже говорили о том, что при составлении плана «Блау» были отброшены в сторону не только идеи блицкрига, но и основные принципы военного искусства. При подготовке операции «Цитадель» произошло то же самое. Да, на какое-то мгновение блеснул свежий луч неординарной идеи, когда Манштейн предложил вместо ударов под основание Курского выступа нанести один мощный удар прямо по его центру и расколоть этот «пень» пополам, прижать советские войска к их собственным минным полям и уничтожить. Но Гитлер отверг это предложение, как и все остальные. Было решено силой проломить советскую обо-

рону в самом ее прочном месте, уповая на качество новых танков. А ведь мы помним, что основой тактики блицкрига был поиск самого уязвимого места во вражеской линии, чтобы прорваться именно там. Но все течет, все изменяется.

Кстати, а так ли была оправданна ставка на «тигры» и «пантеры»? Есть такое парадоксальное мнение: «тигр» был лучшей противотанковой самоходкой Второй мировой войны. Свои незаурядные боевые качества наилучшим образом эта машина могла реализовать в обороне. А вот во время наступления на первый план могли выйти минусы: слишком большой вес, недостаточная маневренность этого тяжелого танка. Может быть, даже **слишком** тяжелого танка. Хотя официально такого класса не существовало, многие немецкие машины можно было отнести к нему.

Был нарушен и еще один принцип блицкрига — взаимодействие разных родов войск, а потому операция «Цитадель» в конечном счете вылилась в чисто танковый удар. Для этого были веские причины. Как писал историк Мюллер-Гиллебранд:

«Возможности поддержки наступающих войск авиацией, тяжелой артиллерией из резерва ОКХ, специальными инженерно-саперными частями и так далее никогда еще с момента начала войны не доходили до столь низкого уровня».

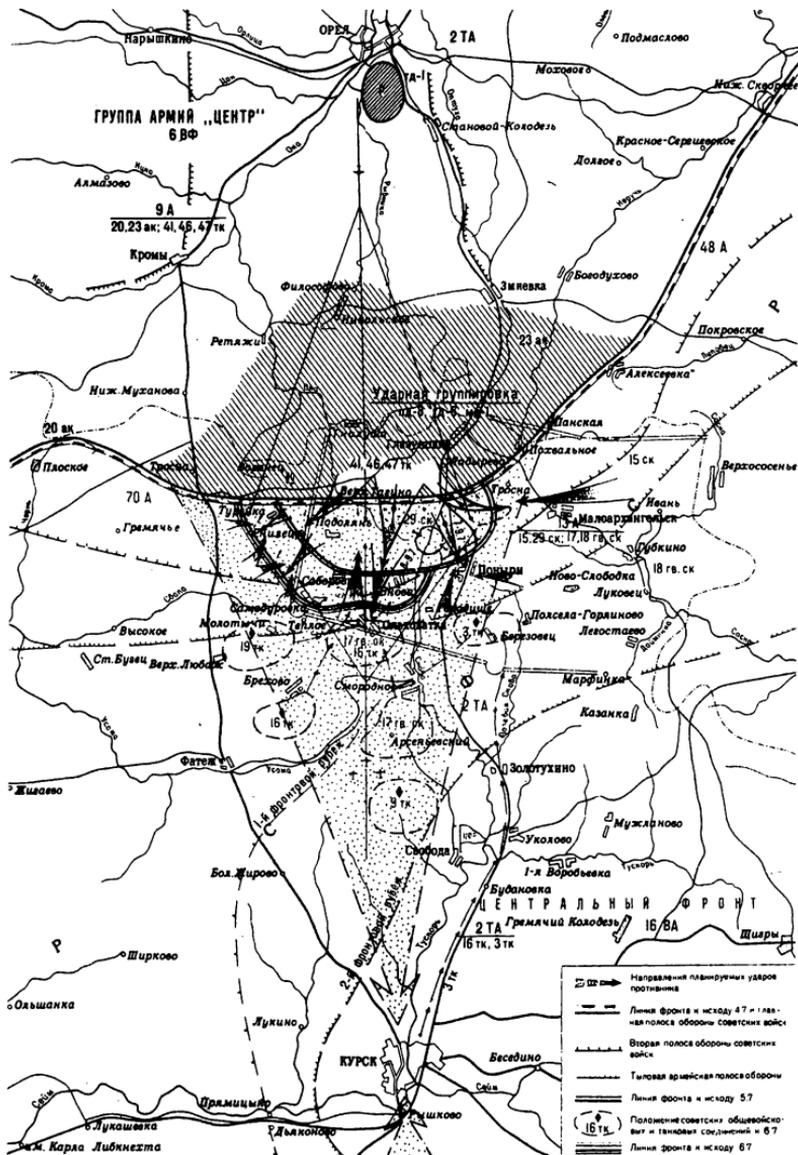
Вам это ничего не напоминает? Мы ведь уже рассматривали одну такую операцию, назвав ее хрестоматийным примером антиблицкрига. Правильно, речь идет об атаке бригады Яковлева на гору Баин-Цаган при Халхин-Голе. Только здесь все ошибки были повторены в стократ большем масштабе. Как ни странно, германское командование, имея за плечами опыт четырех лет войны, вдруг решило использовать советскую доктрину глубокой операции. С тем же самым успехом.

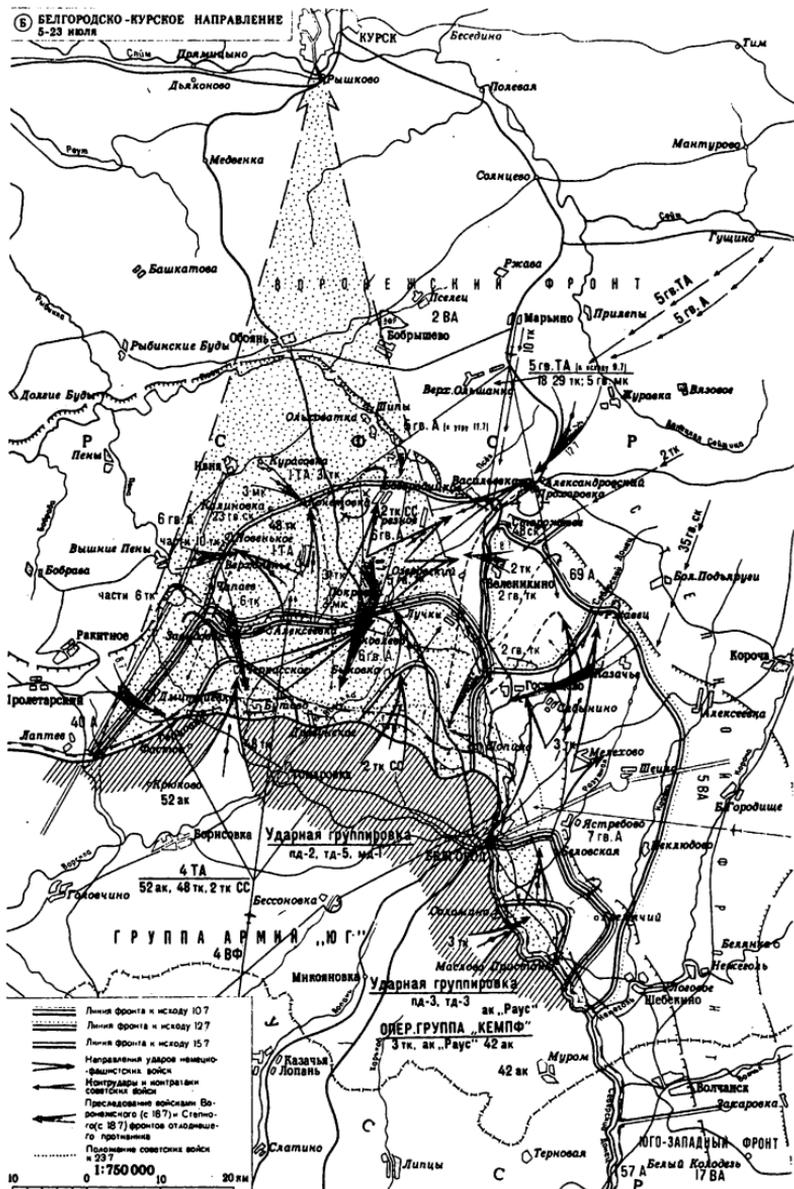
Немецкое наступление началось 5 июля, причем началось совсем не так, как ожидали оба противника. Советские войска нанесли упреждающий артиллерийский удар, чтобы ослабить выдвигаемые к линии фронта ударные силы немцев. Для немцев это стало неприятным сюрпризом, однако

серьезно им не помешало, так как обстрел был начат слишком рано. Хотя многие, наверное, помнят красивую сцену из фильма «Освобождение», показывающую, как Манштейн едет к линии фронта и видит сожженные танки, валяющиеся повсюду трупы. Ах, если бы это было действительно так.

Наступление на северном фланге вела 9-я армия генерала Моделя. Уже одно это вызвало массу вопросов. Наступление задумывалось как мощный танковый удар, так почему вести его должна была общевойсковая армия? Да, ее усилили танковыми корпусами, но штаб армии не имел опыта руководства танковыми частями, и многие его решения в ходе битвы вызвали сомнения. Можно было перевести сюда штаб любой из танковых армий, не задействованных в наступлении, но этого не было сделано. Выбор командующего тоже озадачивает. Разумеется, Модель был одним из самых способных немецких генералов, однако он в первую очередь был известен как пехотный командир, большой специалист оборонительных операций. Может, на решение Гитлера повлияло то, что Модель был одним из немногих высших офицеров, безоговорочно преданных ему? Но еще никогда в военной истории выбор командира по принципу личной преданности вождю не приносил успеха в боях.

Модель располагал крупными силами: 460 тысяч человек, около 6000 орудий и минометов, 1014 танков и самоходных орудий, в том числе 45 «тигров» и все 90 «Фердинандов», 730 самолетов. Но эти цифры выглядят внушительными лишь до того момента, как начинаешь сравнивать их с противостоящими силами Центрального фронта генерала Рокоссовского. Рокоссовский имел 711 тысяч человек, около 12,5 тысячи орудий и минометов, 1785 танков и самоходных артиллерийских установок. С воздуха его войска прикрывала 16-я Воздушная армия генерала Руденко, имевшая 1218 самолетов. Это неравенство сил было еще более увеличено умным решением Рокоссовского, который в очередной раз доказал, что являлся, пожалуй, самым талантливым советским военачальником Великой Отечественной войны. Правильно предположив, что немцы будут наносить удар под самое основание выступа, он сосредоточил на направлении

Операция «Цитадель»
(Белгородско-Курское направление)

главного удара противника большую часть своих войск — 58% стрелковых дивизий, 87% танков, 70% артиллерии. У Моделя не осталось даже тени шанса прорвать оборону Центрального фронта.

Сыграли свою роль и пессимистические настроения Моделя. По данным фоторазведки, он достаточно точно представлял себе глубину и насыщенность обороны советских войск, которую ему предстояло прорывать, и поэтому не верил ни в какой блиц. Модель решил прорвать оборону Рокоссовского силами пехоты, поддержанной тяжелыми танками, артиллерией и авиацией, и лишь потом ввести в прорыв свои танковые дивизии — классическое сражение прошлого: прорыв фронта силами пехоты и ввод в прорыв подвижных частей. Блицкригом здесь и не пахло. Это окончательно сводило его шансы на успех к абсолютному нулю. Как могли несчастные 40 «тигров» поддержать 7 пехотных дивизий на 40-километровом фронте? Это начинало напоминать самое первое применение английских танков в 1916 году. Но если даже тогда немцы сумели справиться с незнакомым оружием, не имея специальных противотанковых средств, то теперь Модель обрекал 505-й тяжелый танковый батальон на серьезные потери.

Еще более странным выглядит решение Моделя использовать для поддержки пехоты «Фердинанды». Если многочисленные StuG III прямо для этого предназначались и создавались, то «Фердинанды» оказались явно не на месте. Все историки пишут, что крупным недостатком «Фердинанда» являлось отсутствие оборонительного пулемета. Этот недостаток особенно ясно проявился во время боев на Курской дуге, когда бедные самоходчики были вынуждены стрелять из орудия по промелькнувшим на прицеле отдельным пехотинцам. После сражения все уцелевшие машины были спешно переоборудованы, и на них появился курсовой пулемет. Машину даже переименовали на всякий случай, и «Фердинанд» превратился в «Элефанта». Так оно и было. Но никто не задался вопросом: а зачем, собственно, этой машине пулемет? Официально «Фердинанд» назывался

«Jagdpanzer», то есть истребитель танков. И практически ни одно самоходное противотанковое орудие пулеметов не имело за ненадобностью. Они должны были издали расстреливать танки противника, используя отличную баллистику своих орудий, а не прикрывать броней пехоту. Между прочим, ни одно из советских самоходных орудий пулемета не имеет, даже знаменитые «Зверобой», столь успешно проявившие себя на Курской дуге. И все они считаются отличными боевыми машинами. Нужно уметь использовать сильные стороны военной техники. Впрочем, как мы уже говорили, Модель не был танкистом.

Интересно отметить, что видный российский историк М. Свирина назвал свою книгу, посвященную «Фердинандам», в полном соответствии с этим неправильным использованием самоходки — «Тяжелое штурмовое орудие «Фердинанд». Действительно, когда начались проектные работы, машина именовалась Schwere Panzer-Selbstfahrlafette — тяжелая бронированная самоходная артиллерийская система. В сентябре 1942 года название изменили на Sturmgeschütz, что совсем близко к классификации Свирина. Увы, на этом дело не закончилось, появился новый вариант: 8,8 cm Rak 43/2 Sfl L/71 Panzerjäger «Tiger» (P). И с этих пор «Фердинанд» уже проходил только как «панцерягер» или «ягдпанцер». Вообще, кажется, по количеству переименований эта машина поставила рекорд в Вермахте, ведь потом появился собственно «Фердинанд», «Элефант»...

Первый удар должен был обрушиться на 13-ю армию генерала Пухова. Можно лишь удивляться интуиции Рокоссовского, потому что именно здесь была построена самая глубокая оборона, именно здесь было сосредоточено максимальное количество противотанковой артиллерии, именно здесь было выставлено более 80 000 мин. Именно эти минные поля с самого начала поставили под сомнение график наступления. Немецкие саперы не справлялись с расчисткой проходов в минных заграждениях, и тяжелые танки и самоходки начали подрываться. Не слишком помогло даже использование радиоуправляемых танкеток «Боргвард», которые использовались именно для уничтожения заграждений.

Каждая такая танкетка несла заряд в 500 кг, и его подрыв уничтожал все мины в радиусе до 50 метров.

Между прочим, многие авторы довольно пишут, что у немцев была отлично налажена ремонтно-эвакуационная служба, которая позволяла такие мелкие повреждения, как перебитый трак или разрушенный каток, исправлять в считанные минуты. Служба была действительно хорошая, но против немцев начал работать тот фактор, о котором мы упоминали — слишком большой вес новой техники. Если эвакуация с поля боя поврежденного Т-III или Т-IV действительно не представляла проблем, то иначе обстояло дело с «тиграми» и «Фердинандами». Существует ряд фотографий, на которых запечатлен этот процесс. Чтобы утащить одну самоходку, требовались сразу **три** стандартных 18-тонных Sd.Kfz.9. Организовать такую колонну и управлять ею — дело достаточно хлопотное, и, появившись на поле боя, она сразу попадала под обстрел. Поэтому с ремонтом поврежденных **слишком** тяжелых танков возникала масса проблем, что следует учитывать, когда речь идет о безвозвратных потерях. Например, из 274 «тигров», выведенных из строя в 1943 году, отремонтировать удалось только 19. Разумеется, безвозвратные потери были гораздо меньше, речь может идти именно о сложностях эвакуации этих стальных глыб.

Войска Моделя начали наступление в 5.30, но к 10.30 после первых небольших успехов наступление застопорилось. Если какие-то части и форсировали минные поля, то подвести подкрепления не получалось. На участке главного удара 6-я пехотная дивизия при поддержке самоходок «Фердинанд» и многочисленных самолетов Люфтваффе сумела форсировать Оку и закрепиться на противоположном берегу. Кстати, злосчастным «Фердинандам» этот успех обошелся очень дорого. Наступавший здесь 653-й батальон в первый же день потерял выведенными из строя 33 из 45 самоходок. Правда, в основном это были подрывы на минах, после которых машины удавалось достаточно быстро отремонтировать, но все-таки подобный уровень потерь впечатляет. К тому же Моделю пришлось принять очень любопытное ре-

шение. Он приказал придать каждой роте «Фердинандов» по взводу танков Т-III, которые имели пулеметы для прикрытия тяжелых самоходок.

Но 20-я танковая дивизия, входившая в тот же XLVII танковый корпус, безнадежно завязла в минных полях. На участке XLI танкового корпуса 292-я пехотная дивизия точно так же после первого успеха вылетела на неизвестное минное поле и остановилась. Вспомогательное наступление XXIII пехотного и XLVI танкового корпусов провалилось полностью. Модель был вынужден снять всю артиллерию армейского подчинения с этих участков и перевести ее в полосу главного удара, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение.

В этот момент появилась советская авиация. Кажется, это был первый случай массового применения противотанковых авиабомб — ПТАБов. Авиационные командиры бодро отрапортовали об уничтожении 106 вражеских самолетов и 65 танков, что даже отдаленно не походило на правду. Вот примерно из таких рапортов и появились полторы тысячи уничтоженных немецких танков. Но вся помощь авиации так и ограничилась одним налетом, потому что вскоре немецкие истребители захватили господство над полем боя. Это позволило немецкой бомбардировочной авиации обрабатывать оборону советских войск на всю ее глубину.

Здесь начинаются разночтения между источниками. Одни историки пишут, что к 10.30 немцам удалось овладеть высотой 254, Озерками и Ясной Поляной. Другие утверждают, что в 16.30 командир XLI танкового корпуса генерал Гарпе сообщил Моделю, что ввел в дело 101-й танковый полк 18-й танковой дивизии (а это было грубым нарушением плана Моделя как можно дольше беречь танковые части) и сумел **продвинуться в направлении** Озерков. Однако Гарпе не рассчитывал выйти к этому населенному пункту ранее сумерек. Как всегда, когда план трещит, начинаются импровизации, и Гарпе предложил использовать остальные подразделения 18-й дивизии, распределив их между 6-й и 292-й дивизиями. В результате 18-я дивизия была бы раздергана на ниточки.

Вскоре после этого Модель побывал в штабе XLVII танкового корпуса. Его командир генерал Лемельсен также начал рушить первоначальный план. Он сообщил командующему армией, что намерен на следующий день ввести в бой 2-ю и 9-ю танковые дивизии, которые сам Модель предполагал использовать для броска на Курск уже после прорыва обороны.

Итогом первого дня пехотного наступления немецкой 9-й армии стало вклинение в советскую оборону на глубину до 5 километров. Наибольших успехов добились 6-я и 292-я пехотные дивизии, однако даже они сумели создать лишь узенькие коридорчики в наших оборонительных позициях, которые не позволяли двинуть далее танковые дивизии. Поэтому более чем странно выглядит утверждение В. Бешанова о том, что «на острие немецкого тарана главная полоса была вскрыта». Красивая игра слов, позволяющая думать, будто немцы вспороли оборону 13-й армии, хотя им еще предстояло прорывать вторую и третью линии обороны, не менее мощную, чем первая. Да и первую линию они не прорвали, а только прокололи в двух местах, причем с огромным напряжением сил, ослабив давление на других участках фронта и преждевременно задействовав часть резервов.

Моделя позднее часто обвиняли в том, что он не использовал больше танков для прорыва обороны Красной Армии. Например, генерал Вальтер Неринг писал: «Из 6 механизированных дивизий на северном фланге 5 находились в резерве. Уже одно это дало решающее преимущество Красной Армии. Было бы гораздо разумнее бросить пару танковых дивизий вперед».

Но дело в том, что Модель использовал **все, что мог**. Уже в первый день наступления он ввел в бой 58% своей бронетехники, в том числе все «тигры». И даже это не принесло ему успеха. Наверное, он мог использовать вообще все танки, которые имел, но даже это не гарантировало полного прорыва обороны, а вот для развития гипотетического успеха у него совершенно точно не осталось бы сил.

Знаете, здесь можно сделать парадоксальный и, навер-

ное, спорный вывод. Операция «Цитадель» провалилась, едва успев начаться. Вспомним, что даже успешное наступление на южном фесе ничего не дало немцам, так как северная половина «клешней» к этому времени была сломана. А план наступления Моделя рухнул уже в первый день, более того, он начал трещать буквально через несколько часов после начала наступления. А поскольку северная группировка немцев была заметно слабее южной, то никакого усиления удара или маневра силами у Моделя не получилось. Так что мы имеем основания заявить, что битва на Курской дуге была выиграна Красной Армией уже 5 июля около 16.00. Немцы еще могли рассчитывать на какие-то локальные успехи, но операция «Цитадель» уже завершилась неудачей.

Примерно так же расценивал обстановку и генерал Рокоссовский, который намеревался 6 июня нанести встречный удар по выдохшимся немцам и перейти в наступление. Здесь он немножко поторопился. Прежде всего потому, что немцы далеко еще не выдохлись, но имелась и вторая причина: на южном фесе события разворачивались далеко не лучшим образом, и Ставка даже предложила Рокоссовскому рассмотреть вариант защиты Курска после прорыва линий Воронежского фронта. Это уже смешало все планы Рокоссовского, и подготовка контрудара оказалась скомканной.

В силу этого бои 6 июля на северном фесе носили очень запутанный и сложный характер, а их главной чертой были сиюминутные импровизации с обеих сторон. Модель окончательно отказался от идеи прорыва русской обороны силами пехоты и ввел в действие почти все свои танковые части.

В 3.30 XLVII танковый корпус Лемельсена возобновил наступление. Но теперь 6-ю пехотную дивизию поддерживали 18-я и 9-я танковые, а справа наступала 2-я танковая дивизия, и всего Лемельсен имел более 600 единиц бронетехники. Левее наступал XLI танковый корпус силами 292-й и 86-й пехотных дивизий, а справа — XLVI танковый корпус силами 20-й танковой и 31-й пехотной дивизий. Все вспомогательные удары справа и слева превратились в сущую фикцию, так как вся артиллерия и авиация были сосредоточены

в полосе главного удара. Модель еще больше сузил и без того недостаточно широкую полосу наступления и бросил в бой дополнительные танковые части. Однако Лемельсен решил, что ему все равно не хватает сил, и потребовал передать ему «Фердинанды». Модель согласился, но его штаб сработал крайне неаккуратно, распоряжения были переданы поздно, а в результате самоходки полдня бесцельно бродили по тылам.

Едва начались бои, как уже в 5.30 пересмотренные планы полетели кувырком. Из штаба XLI танкового корпуса по телефону сообщили, что самолеты-разведчики обнаружили признаки готовящейся контратаки 13-й армии. Генерал Гарпе просил оставить ему 18-ю танковую дивизию, чтобы прочно прикрыть фланг. И тут Модель, судя по всему, запамятовал. Резервы израсходованы, планы рушатся с той скоростью, с какой создаются. В 5.40 он звонит в штаб Группы армий «Центр» и сообщает Клюге, что к вечеру захватит Поньри, Ольховатку, Кашары и Теплое. Но тут же заявляет, что сил у него недостаточно, и просит фельдмаршала прислать из резерва 10-ю панцер-гренадерскую и 12-ю танковую дивизии. Клюге согласился, хотя это оставляло 2-ю танковую армию, державшую фронт на Курском выступе, без резервов. Но взамен он потребовал, чтобы в случае наступления Красной Армии Модель принял на себя командование обеими армиями. Модель поспешно согласился.

Некоторое время спустя Моделю сообщили хорошую новость — 20-я танковая дивизия штурмом взяла Гнилец. На самом же деле он был очищен частями Красной Армии. И тут в очередной раз плохо сработали хваленые немецкие штабы. Немцы обнаружили выдвижение к линии фронта 2-й танковой армии генерала Родина, которая готовилась нанести встречный удар, но никто не удосужился сообщить об этом Моделю. Тот отправился проинспектировать штабы наступающих дивизий и в штабе 20-й танковой лично увидел многочисленные Т-34, шедшие в наступление. Перепуганный командир дивизии потребовал у Моделя прислать «Фердинанды», но, как мы помним, они пропали без вести. В результате наступление дивизии застопорилось, она не су-

мела прорваться к Ольховатке, и все ее достижения ограничили отражением русской контратаки.

С описанием этого контрудара далеко не все ясно. Здесь начинается та самая путаница, о которой мы говорили. Наши историки утверждают, что 107-я танковая бригада, наступая на Бутырки, натолкнулась на вкопанные в землю «тигры». Когда **наступающие** немцы успели это сделать и за чем? Так или иначе, но после небольшого первичного успеха контрудар был отбит, и советские войска начали пятиться. Рокоссовский, видя это, приказал резервной 60-й армии генерала Черняховского начать выдвигаться к линии фронта.

Весь день немцы проводили одну атаку за другой, пытаясь прорваться к Ольховатке и Понырям, но мало преуспели. Рокоссовский, учтя неудачу контратаки, приказал своим танковым частям перейти к обороне и наносить контрудары лишь там, где наступают немецкая пехота и легкие танки. Обе стороны понесли в этот день тяжелые потери, но достижения немцев 6 июля оказались еще меньшими, чем накануне. Они сумели продвинуться только на пару километров.

Ночь обе стороны использовали для подтягивания резервов. Но если Рокоссовский эти резервы имел, то Моделю пришлось проявить незаурядную фантазию. Кроме выпрошенных у Клюге дивизий, он решил использовать в наступлении 12-ю зенитную дивизию, обеспечивавшую ПВО района. Конечно, немцы не раз применяли грозные 88-мм зенитки для отражения танковых атак, но для поддержки наступления эти тяжелые орудия можно использовать только в самых крайних случаях. 7 июля после перегруппировки немецкие войска попытались возобновить наступление. Но Модель сразу совершил очередную ошибку — он нанес удар по расходящимся направлениям. XLI танковый корпус Гарпе попытался захватить Поныри, а XLVII танковый корпус Лемельсена наступал в направлении Ольховатки. Кстати, нехватку сил у немцев подчеркивает и план авиационной поддержки наступления. С 5 до 7 утра авиация должна была поддерживать корпус Лемельсена, с 7 до 12 часов — корпус Гарпе, а потом до вечера — XXIII пехотный корпус генерала

Фриснера, который наступал на Малоархангельское. Мимходом — третье направление, пусть и считавшееся второстепенным!

Наиболее ожесточенные бои развернулись вокруг станции Поньри, которую обе стороны считали ключом позиции. На нее наступали 9-я и 18-я танковые, 86-я и 292-я пехотные дивизии, 654-й батальон «Фердинандов». Здесь оборонялась 307-я пехотная дивизия генерала Эншина, которой было придано огромное количество артиллерии. Но при этом немцы полагали, что более удобная местность для введения танков в прорыв находится западнее, и наносили второй удар в направлении Ольховатка — Молотычи. Такая раздвоенность к добру привести не могла.

В ходе боев 7 июля немцам удалось захватить только северную часть Поньрей, хотя они понесли огромные потери. Наступление на Ольховатку не дало вообще ничего. Кстати, Рокоссовский тоже считал более танкоопасным именно это направление, потому что туда были переведены мобильные резервы, а оборону Поньрей он усиливал только артиллерией. Как мы видим, теперь продвижение немцев измерялось уже не километрами, а считаными метрами. Ни о каком блицкриге, ни о каком прорыве уже не приходилось и мечтать. Перед глазами немецких генералов все более отчетливо проступал кошмар позиционной мясорубки.

Судя по всему, Модель охотно прекратил бы наступление. Его дивизии (особенно XLI танковый корпус) понесли большие потери, солдаты и офицеры были измучены. Советская авиация, несмотря на неумелое руководство, постепенно перехватила господство в воздухе, что еще больше осложнило ведение наступления.

8 июля немцы еще раз попытались наступать, и снова на двух направлениях сразу, причем теперь главные усилия они прилагали в секторе Ольховатки. Но здесь им помешал очередной сбой в работе немецких штабов. Генерал Лемельсен самовольно перекроил весь состав своего корпуса, отобрав у 4-й танковой дивизии (она, по мысли Моделя, наносила удар на этом направлении) ее танковый полк, и сформировал боевую группу «Бурмейстер» на основе 2-й танковой ди-

визии, но при этом подчинил ее непосредственно себе. В результате 4-я танковая дивизия, фактически превратившаяся в пехотный полк, пыталась штурмовать позиции советских войск, в то время как сводная танковая группа, усиленная к тому же «тиграми» 505-го батальона, спокойно стояла на месте и наблюдала за этим. Немцам удалось захватить село Теплое, но Рокоссовский и Пухов немедленно перебросили туда резервы, и немцы были остановлены. Прорваться на Ольховатку они тоже не сумели. Кстати, этот эпизод тоже прекрасно характеризует путаницу в описаниях боев, потому что часть историков утверждает: «4-я танковая дивизия генерала Дитриха фон Заукена силами 101 танка поддержала 20-ю танковую дивизию в бою за Самодуровку». Хотя, как мы видим, на самом деле эти танки действовали в другом месте. Кстати, именно после боев 8 июля впервые прозвучало прозвище самоходок СУ-152 — «Зверобой». Все попытки немцев наступать на Поныри провалились с треском.

Модель был вынужден отменить атаки, назначенные на 9 июля, чтобы дать своим войскам хоть какой-то отдых, хотя это было фактическим признанием краха плана «Цитадель». Понял это и фельдмаршал Клюге, но доложить наверх не рискнул ни он, ни Модель. Генерал Лемельсен попытался было имитировать наступление, но его поредевшие дивизии ничего не добились. На совещании командиров утром 10 июля генерал Гарпе прямо заявил, что если к Понырям будет переброшена новая артиллерия русских, то его пехота будет перебита еще на подступах к станции. Модель официально заявил Клюге, что не сумеет прорвать оборону русских, даже если получит обещанные подкрепления из состава 2-й танковой армии. Кстати, эти подкрепления прибыли очень вовремя. 12 июля перешли в наступление войска Западного фронта, нанося удар по левому флангу армии Моделя, именно в этот день и появилась 10-я панцер-гренадерская дивизия. Немецкому наступлению она помочь не успела, отразить советское не помогла.

Что же мы имеем в итоге? Немецкое наступление на северном фланге Курской дуги велось силами пехоты при поддержке танков, то есть в стиле глубокой операции, а не блиц-

крига. После первых незначительных успехов 5 и 6 июля немцы были остановлены, 7 и 8 июля шли позиционные бои, 9 июля наступление было прекращено. Встречный контрудар советской 2-й танковой армии успеха не имел, но был вовремя приостановлен, поэтому слишком тяжелых потерь армия не понесла.

На южном фланге события развивались по совершенно иному сценарию. Прежде всего отметим мелкую деталь. Все описания боев на северном фланге Курской дуги упоминают в качестве командира генерал-oberста Вальтера Моделя, командующего 9-й армией, которая непосредственно вела наступление. Командующий Группой армий «Центр» фельдмаршал Гюнтер фон Клюге остается в тени. Зато все описания боев на южном фланге пестрят фамилией командующего Группой армий «Юг» фельдмаршала Манштейна. Зато генерал-oberст Герман Гот, командующий 4-й танковой армией, непосредственно ведущей наступление, словно бы отсутствует в районе боев. Впрочем, этому может быть и другое объяснение. Кроме армии Гота наступала также армейская группа «Кемпф», не подчиненная ему.

Манштейн имел больше сил, чем Модель, поэтому он решил избрать иную тактику. Он собирался проломить оборону советских войск массированным танковым ударом, не обращая внимания на потери, предполагая, что у Группы армий «Юг» останется достаточно резервов для развития успеха. Собственно, это можно даже назвать неким суперблицкригом. Вероятно, Манштейн полагал, что для собранных им сил любая советская оборона окажется «слабым местом». Увы, немецкая разведка в очередной раз подставила своих генералов. Ни Модель, ни Манштейн не подозревали, с **какой именно** обороной им придется столкнуться.

Для прорыва обороны немцы решили применить новое, но вполне логичное построение «колокол» — *Panzerglucke*. А сейчас я позволю себе довольно пространную цитату, из которой я впервые узнал об этом новом построении, причем 40 лет назад.

«Когда Володин и Пашенцев вышли из щели и подня-

лись на КП, маленький легкий танк был уже недалеко от гречишного поля. Сначала они и увидели только этот нырявший в пыли маленький танк, и Пашенцев, предполагавший худшее и уже успевший свыкнуться со своей мыслью и теперь вдруг увидевший совсем другое, незначительное, пустяковое в сравнении с тем, что ожидал, — Пашенцев даже весело присвистнул; но уже через секунду сквозь еще редкие в оседавшей пыли просветы показались тяжелые танки, а еще через секунду отчетливо стала видна вся громыхавшая сотнями гусениц наступающая колонна. Пашенцев снова присвистнул, но уже без той веселой нотки, как минуту назад; теперь, как и Володин, он тоже во все глаза смотрел на мчавшуюся по пшеничной осыпи колонну, но в то время как Володин, впервые наблюдавший танковую атаку, поражался грандиозности зрелища, Пашенцев, который сразу заметил и необычное, ромбовое построение, и необычную для атаки стройность и слаженность, старался понять замысел противника. В центре ромба двигались легкие танки, самоходные пушки и гусеничные тягачи с автоматчиками-десантниками, а по бокам — тяжелые танки. Они как бы прикрывали своей броней всю громадную железную лавину. Для Пашенцева это было не просто необычным, как для новичка Володина; Пашенцев имел вполне определенное представление о танковых атаках: танки движутся рассыпным строем, и также врассыпную бежит за ними пехота, — именно к отражению такой атаки он и готовился и потому чувствовал себя уверенно; но сейчас все было не так, как в хорошо знакомых ему предыдущих боях, и его охватывало беспокойство; он знал, что и солдаты, глядя сейчас на этот напозавший черный ромб, чувствуют ту же растерянность, что и он, и ждут от него нужную команду; он искал эту «нужную команду» и не находил и еще больше терялся, понимая, что его нерешительность может оказаться губельной для роты».

И еще одна цитата, наглядно показывающая отлично отлаженное взаимодействие разнородных сил немецкой армии, которое было залогом успеха во многих операциях и благодаря которому стало возможно само существование тактики блицкрига.

«Первое, о чем он сразу же подумал, — под бомбовым прикрытием немцы начнут разминировать проход! Но «юнкерсы» не долетели до позиций батальона, а обрушились на гречишное поле как раз перед самой колонной. Володин тут же высказал восторженное предположение: «Бьют по своим!» — но Пашенцев, хотя и у него возникла такая же мысль, отнесся к этому предположению недоверчиво. Немцы не могли не видеть траншею сверху, а главное, они бомбили совершенно определенно, прицельно, сбрасывая свой смертоносный груз в одно место — впереди колонны. «Разминируют! Бомбами разминируют! Вызвали по радиации самолеты и разминируют!» — наконец догадался Пашенцев. Теперь для него было все ясно, теперь он знал, как вести бой».

Как вы думаете, откуда взяты цитаты? Сухой научный труд Генштаба? Нет, это понятно сразу. Чьи-то мемуары? Скажем, генерала Попеля, что можно было бы заподозрить. Тоже нет. Перед нами всего лишь художественное произведение, повесть Анатолия Ананьева «Танки идут ромбом». Конечно, изучать историю Курской битвы по ней не рекомендуется, но прочитать ее я бы вам всем очень посоветовал. Хотя она и была написана в советские времена, но вещь получилась достаточно жесткая, хотя повестям Василия Гроссмана и уступает.

Отражать наступление на южном фланге предстояло Воронежскому фронту генерала Ватутина, который имел 625 тысяч человек, 8700 орудий и 1704 танка. Наступавшая немецкая группировка имела 332 тысячи человек, 2850 орудий и минометов, 1500 танков. Соотношение сил и здесь было в пользу Красной Армии, вот только руководство здесь оказалось далеко не на высоте.

В качестве экзотической диковины на южном фланге выступали новые танки Т-V «пантера». Однако на тот момент это была совершенно сырая, недоведенная машина, которой даже не требовалось воздействие противника, чтобы выйти из строя. Очень много «пантер» застряли на месте из-за поломок ходовой части, воспламенения двигателей и других поломок. Вдобавок эта бригада, насчитывавшая 200 танков и

теоретически являвшаяся грозной силой, напоролась на плотное минное поле, на чем ее участие в операции «Цитадель» и завершилось. Вот вам еще один наглядный пример, когда нельзя полагаться на одни только книжные рассуждения и подсчеты. Жизнь оказывается гораздо сложнее, опрокидывая мнение, стоящее только на сравнении толщины брони и веса снаряда. Если о «тиграх» и «Фердинандах» в Курской битве говорят буквально все, то «пантеры» там словно бы и не были.

На южном фланге бои начались уже вечером 4 июля с пробных ударов. Немцы прощупывали оборону советских войск и старались ликвидировать передовые опорные пункты. В отличие от Рокоссовского, командующий Воронежским фронтом Ватутин распределил свои войска равномерно вдоль линии фронта, не сумев угадать направление главного удара. Впрочем, это было сложно, так как Манштейн имел больше сил, чем Модель. 4-я танковая армия генерала Гота обрушилась на 6-ю гвардейскую армию генерала Чистякова, а армейская группа «Кемпф» — на стоящую левее 7-ю гвардейскую армию генерала Шумилова.

Немцы перешли в наступление утром 5 июля. На обоянском направлении XLVIII танковый корпус генерала Кнобельсдорфа силами 3-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Гроссдойчланд» атаковал 67-ю гвардейскую стрелковую дивизию. II танковый корпус СС нанес удар по 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Атаке предшествовал мощный удар немецкой авиации. Немцы имели слишком большое превосходство в силах, поэтому позиции обеих дивизий были прорваны. Наши солдаты сражались до последнего, однако остановить противника не сумели. Противник понес ощутимые потери, но свою задачу выполнил — к началу вечера II танковый корпус СС продвинулся уже на 12 километров, однако налетел на густые минные поля перед второй полосой обороны и был вынужден остановиться. Утверждения ряда историков, например В. Бешанова, о том, что срыв графика наступления в полосе армии Гота привел к

крушению плана «Цитадели», следует считать преувеличенным. Судьба битвы решилась не на юге.

Попытка контратаки на фронте 67-й дивизии успеха не принесла. Две роты 245-го танкового полка налетели на немецкие «пантеры», и выяснилось, что ленд-лизовские «Генералы Ли» этим кошкам, что называется, на один зубок. К счастью, сами «пантеры» страдали от детских болезней, и 45 танков из 200 вышли из строя без всякой помощи противника. А к 8 июля в строю **осталось** всего 40 «пантер».

На корочанском направлении III танковый корпус генерала Брейта сразу начал испытывать трудности. 6-я танковая дивизия потеряла много времени при переправе через Северский Донец, а 19-я танковая попала на плотные минные поля и потеряла много танков. 503-й тяжелый танковый батальон, поддерживавший дивизию, потерял на минных полях 9 «тигров». Они застряли в первой полосе обороны. Больше повезло 7-й танковой дивизии, которая прорвала оборону 78-й гвардейской дивизии.

Видя, что ситуация начинает приобретать серьезный оборот, генерал Ватутин выдвинул на вторую полосу обороны 1-ю танковую армию Катукова и два гвардейских стрелковых корпуса. Но при этом он бодро рапортует в Ставку об уничтожении более чем 500 немецких танков. Непонятно только, почему же советские войска все-таки отходят назад?

Но на этом загадки южного фаса не кончаются. В своих мемуарах командующий 1-й танковой армией генерал Катукоев утверждает, что утром 6 июля его войска нанесли встречный контрудар по наступающему XLVIII танковому корпусу немцев. Красочно рассказывает:

«К этому времени в 1-й танковой сложилось общее мнение, что наносить танковым бригадам и корпусам контрудар при сложившейся обстановке просто нецелесообразно.

Ну, хорошо, мы двинемся на немцев... Но что из этого получится? Ведь их танковые силы не только превосходят наши численно, но и по вооружению обладают значительным преимуществом! Этого никак не сбросишь со счетов. Вражеские «тигры» могут бить из своих 88-мм орудий по на-

шим машинам на расстоянии до 2 километров, находясь в зоне недосягаемости огня 76,2-мм пушек наших «тридцатьчетверок». Словом, гитлеровцы в силах и с дальних рубежей вести с нами успешный огневой бой. Так следует ли давать им в руки такой сильный козырь? Не лучше ли в этих условиях повременить с контрударом, делать по-прежнему ставку на нашу тщательно подготовленную глубоко эшелонированную оборону?

Пусть фашисты лезут вперед в надежде, что вот-вот им удастся вырваться на оперативный простор. Пусть гитлеровцы вязнут, гибнут в нашей обороне. А мы тем временем будем перемалывать вражескую технику и живую силу. А когда мы обескровим их части, разобьем фашистский бронированный кулак, тогда и созреет выгодный момент для нанесения могучего контрудара. Но пока такой момент не наступил.

Эти соображения мы доложили командующему фронтом. Ждали ответа, но не получили его и к исходу ночи. А между тем срок выполнения пункта приказа о контрударе наступил, и нам ничего не оставалось, как выдвинуть танки».

Далее следует захватывающее душу повествование о горящих «тридцатьчетверках» и звонке Сталина, который отменил самоубийственную контратаку. Но почему ни один из немецких источников не подтверждает факт контратаки? Ладно, это еще полбеды. Мы прекрасно знаем, какие сказки сочинял Главпур спустя 40 лет после окончания войны. Мы не удивляемся тому, что XLVIII танковый корпус с его 250 танками «заметно превосходит» армию Катукова, имевшую более 600 танков. Но вот чего я решительно не могу понять, так это выпущенной в 2002 году книги Е.С. Катуковой «Памятное», в которой мимоходом рассказывается о боях на «так называемой Курской дуге». Можно было бы с большим уважением отнести к памяти наших воинов...

Но вернемся на «так называемую». Танки Кнобельсдорфа упрямо пытались прорвать линию Зивидовка — Шепелевка — Яковлево, но так и не сумели. 6-я гвардейская армия при поддержке танкистов Катукова удержала позиции. Но наступавший левее II танковый корпус СС мощным ударом

прорвал оборону 51-й гвардейской дивизии, не поддержанной танками, и двинулся дальше. Попытка 22-й гвардейской танковой бригады остановить дивизию «Дас Райх» встречным ударом провалилась. Однако тут на помощь войскам Чистякова пришла сама природа. Немцы обнаружили, что их танки не могут форсировать не слишком глубокую реку Пена, и Кнобельсдорф был вынужден повернуть свой корпус восточнее вдоль дороги Томаровка — Обоянь. Главная же неприятность заключалась в том, что остановить эсэсовцев никак не удавалось. К тому же армейская группа «Кемпф» наконец сумела вырваться с плацдарма на реке Северский Донец, хотя ее продвижение не было таким успешным. В целом танки Хауссера и прорвали оборону Ватутина, прорыв был слишком узким, чтобы ввести в него значительные силы, да и впереди еще оставались оборонительные позиции.

7 июля немецкое наступление продолжалось. При поддержке пикировщиков танковые клинья постепенно прогрызали советскую оборону. На блицкриг это, конечно, походило очень мало, но немецкие командиры полагали, что они вот-вот окончательно сломят сопротивление 6-й гвардейской армии и вырвутся на оперативный простор. Катюков объяснял происходящее очередной сказкой про 700 немецких танков, атаковавших его несчастные корпуса. Поэтому неудивительно, что наши штурмовики претендовали на уничтожение только из состава дивизии «Тотенкопф» 270 единиц бронетехники.

Требовалось что-то предпринять, и командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин, который только что получил очередные подкрепления из резерва Ставки, решил разгромить ударную группировку 4-й танковой армии Гота. 5 танковых корпусов и несколько стрелковых дивизий должны были расчленить, окружить и уничтожить корпуса Кнобельсдорфа и Хауссера. Но почему-то для этого предусматривался лобовой удар по самым сильным немецким дивизиям — «Лейбштандарт» и «Гроссдойчланд». Ватутина ничему не научили безуспешные контратаки 6 июля. Его даже не соблазнила возможность срезать под основание немецкий

клин, нанеся удар по позициям LII пехотного корпуса. Только в лоб!

Встречный бой 8 июля завершился поражением советских танковых корпусов. Атаки проводились хаотично и нескоординированно. Если кто и отличился, так это немецкая штурмовая авиация. Эскадрилья штурмовиков Hs-129В-2 атаковала 4-ю гвардейскую танковую бригаду. Немецкие пилоты показали себя мастерами своего дела и большими фантазерами. По разным заявлениям, они уничтожили не то 80, не то даже 105 советских танков. Непонятно, с кем после этого вела бои дивизия «Тотенкопф» и чем, если учесть якобы понесенные накануне потери. Так что к донесениям летчиков следует относиться с **очень** большой осторожностью. К генеральским тоже, потому что Ватутин сообщил в Ставку об уничтожении 1674 танков. Танковая армия Гота больше не существовала, только сам генерал Гот об этом не подозревал.

Вообще, как нетрудно заметить, в период Курской битвы наибольшие неприятности советским войскам доставляли именно попытки контратак. Когда наши войска стояли в обороне, немецкие танковые части несли огромные потери и продвигались крайне медленно. Но лишь советскими генералами овладевал зуд активности, как это сразу облегчало задачу противника. Именно после провалившегося контр-удара 9 июля немцы добились заметных успехов и вплотную подошли к Прохоровке. Но окончательно прорвать оборону советских войск не удалось ни Кнобельсдорфу, ни Хауссеру, поэтому приказ Гота двигаться на Обоянь и Курск не был выполнен.

После панических заявлений Ватутина и прибывшего к нему представителя Ставки генерала Василевского Сталин передал Воронежскому фронту из состава Степного еще две армии — 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую, которые начинали выдвигаться в район Прохоровки. Назревали крупные события, которым советская историография придает особое значение.

Совершенно отдельного рассмотрения заслуживает сра-

жение под Прохоровкой, хотя выделять его из общей картины Курской битвы неправомерно. Оно является неотъемлемой составляющей боев на южном фланге и выделяется разве что своими масштабами. Кстати, это был уже третий по счету контрудар советских танковых частей по наступающим немцам. До него были контратаки танковых армий Родина и Катюкова.

Знаете, в свое время мне пришлось по служебным делам побывать в Курске, и я просто не мог, понимаете, не мог не побывать в знаменитом мемориале. В воскресенье мы с товарищем отправились на экскурсию. Впечатление осталось очень сложное. Больше всего меня поразили тишина и запустение в музее. Я прекрасно помнил суету и толкотню на Мамаевом кургане и вот такое... Конечно, мемориал расположен не в центре города-миллионера, но если на весь музей оказывается ровно двое посетителей, невольно задумаешься. Смотритель даже, кажется, слегка испугался, когда вдруг объявились гости. Но это так, к слову.

Вообще ситуация с боем под Прохоровкой гораздо более сложна и многогранна, чем ее представляют даже наши историки. Нельзя все сводить к одной только контратаке Ротмистрова 12 июля. Следует рассмотреть события предыдущих дней, и бои на других участках Восточного фронта, потому что они имели самое прямое влияние на ход боев под Курском.

К 10 июля темп наступления южной группировки значительно снизился, однако она продолжала двигаться вперед. За пять дней боев она продвинулась на 25 километров, хотя по плану операции предусматривалось, что это расстояние будет пройдено в первый же день. Немцы понесли большие потери — более 40% танков и штурмовых орудий вышли из строя. Многие из них удалось отремонтировать, однако ведь требовались они здесь и сейчас, а не через пару дней и уж подавно не через неделю.

Генерал Гот был вынужден разделить свои силы. II танковый корпус СС продолжал наступление на Прохоровку, но XLVIII танковый корпус фон Кнобельсдорфа был вынужден повернуть на север, чтобы обеспечить его левый фланг

от угрозы со стороны войск Катукова. На юге III танковый корпус армейской группы «Кемпф» завяз в советской обороне и с огромным трудом обеспечивал фланг ударной группировки Гота. Находящийся еще южнее XI корпус генерала Рауса опасно растягивал свои позиции. Две пехотные дивизии обеспечивали все основание танкового клина Манштейна. Но нанести удар именно здесь Ватутину даже в голову не пришло.

10 июля союзники высадились в Сицилии. Но, несмотря на это, Гитлер приказал не приостанавливать операцию «Цитадель», так как Манштейн продолжал наступать. В связи с этим возникает интересный вопрос: сообщили или нет Модель и Клюге о том, что наступление на северном фланге прекращено? Знали об этом Манштейн и Гитлер? Создается впечатление, что нет.

В ночь на 10 июля противники подтянули к линии фронта резервы, но у Ватутина их было больше. Получив две свежие стрелковые дивизии, Катукоев должен был остановить попытки XLVIII танкового корпуса прорваться на Обоянь. Кроме того, Ватутин передал ему из своего резерва V гвардейский танковый и X танковый корпус.

Фон Кнобельсдорф оптимистично смотрел в будущее, хотя к этому дню численность танков в его корпусе упала до 173 машин. Дивизия «Гроссдойчланд» начала атаку в 3.30 и довольно быстро прорвала оборону, но развить успех не сумела. За день ожесточенных боев она сумела продвинуться только на 5 километров к северу от Верхопенья. Это вынудило фон Кнобельсдорфа обратиться к генералу Готу с просьбой о помощи. Но Гот сумел выделить ему лишь горстку пехотинцев.

Все это время III танковый корпус армейской группы «Кемпф» пытался сломить сопротивление 7-й гвардейской армии, так как должен был прикрывать южный фланг армии Гота. К вечеру 10-июля 6-я танковая дивизия потеряла более половины своих танков. Вообще сам XI корпус оказался в опасном положении, оголив оба своих фланга, потому что XI корпус Рауса просто не имел достаточно сил, чтобы прикрыть растянувшуюся линию фронта. 19-я танковая дивизия

немцев добилась определенного успеха, но лишь потому, что командующий 69-й армией генерал Крюченкин сам отвел войска, чтобы сократить линию фронта и создать резервы. Во второй половине дня, получив нагоняй от Манштейна, Кемпф приказал 6-й и 19-й танковым дивизиям при поддержке «тигров» наступать вдоль реки Северский Донец на Сабынино. В результате немцы сумели продвинуться за день на 12 километров, но все равно отставали от корпусов Гота.

II танковый корпус СС обергруппенфюрера Хауссера 10 июля наступал по обоим берегам реки Псел силами дивизий «Лейбштандарт» и «Тотенкопф», однако серьезного успеха не добилась ни одна из них. Дивизия «Дас Райх» весь день вела ожесточенные бои, но практически не сдвинулась с места. Этот день стал для немцев одним из самых неудачных.

Как ни странно, обе стороны смотрели на ситуацию довольно оптимистично, хотя основания для беспокойства имелись и у русских, и у немцев. Кнобельсдорф и Хауссер готовились продолжить наступление на Прохоровку, а Ватутин собирался встретить их контрударом. Он отдал приказ Катукову прочно удерживать фронт, но одновременно собрать силы для контрудара. Главной задачей Катукова становилось не допустить участия дивизии «Гроссдойчланд» в наступлении.

Однако оснований для оптимизма у Ватутина было больше, чем у Манштейна. Немцы располагали в качестве резерва только XXIV танковым корпусом, тогда как в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования находился целый Степной фронт. Именно оттуда 9 июля началось выдвижение 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова в район Прохоровки. При этом Ватутин на всякий случай еще больше усилил ее.

11 июля наступление немцев на южном фасе Курской дуги свелось фактически к продвижению одной только дивизии «Лейбштандарт» на Прохоровку. Ни «Дас Райх», ни «Тотенкопф» в этот день успеха не добились. Да и «Лейбштандарт» лишь медленно теснил 9-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, но прорвать ее фронт не сумел. В общем, наступление и на южном фасе находилось уже, что на-

зывается, на последнем издыхании. Фронт наступления сузился до полосы одной дивизии. Тем не менее в историографии дивизий СС можно встретить фразы типа: «11 июля «Тотенкопф» и ее две братские дивизии из войск СС смели остатки советского сопротивления». Как видите, врать умеют все.

Но Манштейн решил совершить-таки последнюю попытку. II танковый корпус СС должен был попытаться прорваться к Прохоровке, III танковый корпус при поддержке дивизии «Дас Райх» должен был поддержать его ударом с юга, а XLVIII танковый корпус получил приказ форсировать реку Псел к югу от Обояни.

Смысл решения Ватутина нанести удар в лоб ударной группировке немцев понять очень сложно, ведь встречные танковые бои 6 июля на северном фланге и 8 июля на южном фланге завершились плачевно для нас. Но имеется одно простое объяснение: этого требовал Сталин. Однако Ватутин и Ротмистров могли бы повнимательнее рассмотреть ситуацию. Проблемы противника с прорывом глубоко эшелонированной советской обороны быстро нарастали, и, как мы уже отмечали, южный фланг группировки был откровенно слаб. Армия Ротмистрова смяла бы XI корпус Рауса в считанные часы, после чего могла выйти в тыл корпусам Кнобельсдорфа и Хауссера. Это был бы классический блицкриг — удар по слабому месту и окружение. Вряд ли это привело бы к уничтожению всей немецкой 4-й танковой армии, но уже ни о каком наступлении после этого генерал Гот не мог бы и мечтать. Однако Ватутин с Ротмистровым выбрали самый неудачный вариант действий, позволив немецким танкам в полном блеске продемонстрировать свои достоинства в обороне. Впрочем, Ватутина не раз упрекали в том, что он ставит задачи войскам, не пытаясь оценить их реальные возможности.

В контрударе должны были участвовать дивизии 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий, в составе которых имелось около 850 исправных танков и самоходок. Сосредоточив около 60 танков на километр фронта (розовая мечта творцов теории глубокой операции), советское ко-

мандование рассчитывало стальным катком просто смять все на своем пути.

Самое скверное, что немцы, по данным авиаразведки, прекрасно знали о сосредоточении советских войск и готовились встретить контратаку. Но отражать удар танковой армии предстояло всего лишь одной дивизии «Лейбштандарт», то есть ни о каких полутора тысячах танков речи идти не могло. В составе дивизии к этому времени осталось менее сотни танков. Однако немцы умело развернули свои силы, перебросили на танкоопасное направление между совхозом «Октябрьский» и высотой 252,2 самоходные орудия и готовились к отражению атаки.

Артподготовка началась в 8.00, причем огонь велся вслепую, эффективность подготовки оказалась очень низкой. Через полчаса танкисты Ротмистрова двинулись вперед. Справа наступал 18-й танковый корпус, выстроенный в три эшелона, а левее — 29-й танковый корпус. Их поддерживали несколько батарей самоходной артиллерии. Генерал Ротмистров очень красочно описал эту атаку, повествуя о том, как его танки «буквально пронзили боевой порядок противника». В результате чего «его «тигры»... успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций». Жаль, что эти мемуары вышли в 1984 году, иначе этой фантазии можно было бы найти простое объяснение. Ротмистров чуточку переиграл в компьютерную игру «Панцер Генерал», где можно видеть такие же потрясающие картины, только с американским уклоном. Грозные М-3 «Стюарт» лихо гнут беспомощные «Королевские тигры»...

В действительности все обстояло иначе. Развернутые на гребнях холмов немецкие танки хладнокровно жгли советские танки. Вам это ничего не напоминает? Правильно, мы уже писали об этом. Бездарные и беспомощные попытки англичан атаковать корпус Роммеля во время сражения у Газалы. Точно так же там горела одна танковая бригада за другой.

Ценой чудовишных потерь нашим войскам удалось ворваться в совхоз «Октябрьский» и выбить оттуда эсэсовцев. Хотя бы в этом наша атака оказалась эффективнее англий-

ской, которая вообще ничего не принесла. Но чего это стоило... Например, 25-я танковая бригада потеряла 55 танков из 69.

В последнее время стало модным отрицать подвиги бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Во многом это происходит по причине запредельной глупости и слоновьей неуклюжести пропаганды главпуровского разлива, которая сначала изобретает фантастические подвиги в стиле казака Козьмы Крючкова, который семь австрияков на одну пику насадил, а потом насмерть стоит, защищая подобный бред. Вплоть до обвинений в «распространении заведомо ложных измышлений», что не так давно грозило более чем серьезными сроками. Например, ставятся под сомнение танковые тараны в ходе Курской битвы. Ну что ж, обратимся к заведомо пристрастному свидетелю, у которого не было никаких оснований восхищаться действиями бойцов Красной Армии. Перед вами запись рассказа Михаэля Виттмана о событиях 12 июля:

«Большая группа русских танков продолжала на высокой скорости идти навстречу взводу Виттмана. Он сразу приказал Воллю:

«Целься по головному танку, Бобби!»

Волль навел пушку и выстрелил.

«Прямое попадание!» — закричал Мёллер, который с места водителя увидел гибель очередного танка противника в свои смотровые приборы.

Они увидели, как снаряд с грохотом врезался в левый борт Т-34. Однако вражеская машина еще немного прокатилась дальше и лишь потом взорвалась с ужасным грохотом. Виттман приказал водителю подать танк немного вперед, чтобы было лучше целиться. Как только танк остановился, Волль снова выстрелил и уничтожил еще один русский танк прежде, чем тот сам успел выстрелить...

«Внимание, они прямо перед нами!» — закричал Виттман по радио своему взводу. К «тигру», который находился слева от Виттмана, мчался горящий Т-34. Виттман опасался, что водитель этой машины намерен совершить самоубийство и протаранить танк Лётцша, после чего русские наверняка

вознесутся на небеса, но при этом захватят с собой Лётцша и его экипаж.

«Черт, черт! — завопил Лётцш. — Водитель! Вперед, или они протаранят нас и подожгут!»

Водитель «тигра» Лётцша бросил танк вперед, пытаясь уклониться от горящей вражеской машины. Наводчик в это время тщательно прицелился и выстрелил по движущейся цели с дистанции всего 80 метров. Снаряд ударил в башню Т-34 и с визгом срикошетировал в небо! Экипаж Лётцша ждал, что русский танк взорвется в любой момент, но этот клубок пламени продолжал нестись вперед. Времени выстрелить второй раз наводчик «тигра» не получил. Т-34 подлетел вплотную и протаранил «тигр», прежде чем Лётцш успел приказать водителю отвернуть. Пламя с горящей русской машины быстро охватило «тигр». Половина немецкого экипажа запаниковала и попыталась выскочить из танка».

Вот вам свидетельство непосредственного участника событий. Может быть, Виттман рассказывал о таране, который совершил экипаж командира 2-го батальона 181-й танковой бригады капитана Скрипкина? Да, танковый таран был явлением исключительным, однако и такие случаи имели место. Поэтому нельзя считать, что вопрос о событиях 12 июля окончательно закрыт.

Единственный относительный успех наметился было на правом фланге, где атаковала 181-я танковая бригада. Ей удалось смять разведывательный батальон дивизии «Лейбштандарт», однако командир дивизии бригадефюрер Виш оперативно перебросил на этот участок свой скудный резерв, и атака была остановлена. Хуже того, занимавшая позиции левее танковая дивизия СС «Тотенкопф» перешла в наступление и начала теснить 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. На левом фланге Ротмистрова начала движение вперед дивизия «Дас Райх». К 17.00 все завершилось. 5-я гвардейская танковая армия продвинулась на пару километров, потеряв при этом 340 танков и 17 самоходных установок.

Как ни странно, наибольшего успеха 12 июля добилась потрепанная армия Катукова. Его 1-я танковая армия долж-

на была нанести удар на юго-восток и отрезать немецкую ударную группировку. Хотя успехом этот удар не увенчался и продвижение советских войск было минимальным, Каткову удалось связать боем дивизии фон Кнобельсдорфа. Угроза левому флангу заставила немецкого генерала отказаться от намеченного наступления и даже перебросить на угрожаемый участок 3-ю танковую дивизию. Если бы не это, положение Ротмистрова могло стать совсем скверным.

Тем временем начала надвигаться еще одна неприятность. Мы уже говорили, что командующий 69-й армией генерал Крюченкин, мягко говоря, не вполне адекватно реагировал на ситуацию. А тут еще немецкий III танковый корпус, откровенно буксовавший на месте последние дни, вдруг добился успеха. Утром части 6-й танковой дивизии сумели форсировать Северский Донец и стали теснить войска 48-го стрелкового корпуса. Одновременно перешла в наступление 7-я танковая дивизия, в которой осталось всего 39 танков. На помощь Крюченкину были перебросены несколько бригад резерва, но командиры потеряли управление войсками. Штаб корпуса подвергался постоянным ударам с воздуха, причем самое активное участие в них приняла советская авиация. 48-й стрелковый корпус оказался в мешке между III танковым корпусом и II танковым корпусом СС, но позиции пока удержал, хотя и с огромным трудом.

Впрочем, стремительно меняющаяся и крайне запутанная обстановка позволила группе He-111 нанести точный бомбовый удар по штабу собственной 6-й танковой дивизии. Не остались в долгу и наземные войска. Зенитчики II танкового корпуса СС ухитрились подбить корректировщик FW-189, знаменитую «раму», хотя советская авиация ничего похожего на этот самолет не имела.

Но главным событием 12 июля стал переход в наступление войск Брянского и Западного фронтов на северном фланге против немецких 9-й и 2-й армий. В такой ситуации продолжение наступления на юге было предельной глупостью, и 13 июля Гитлер останавливает его. Заметьте: не 11 июля, на следующий день после высадки союзников в Сицилии, а на следующий день после перехода в наступление советских

войск. Операция «Цитадель», апофеоз немецкого антиблицкрига, завершилась.

Но не завершились бои. Манштейн решил попытаться одержать хотя бы местную победу, отрезав и уничтожив 48-й стрелковый корпус. 13 июля обе стороны потратили в основном на перегруппировку войск, хотя бои местного значения шли почти по всему фронту. Утром 14 июля дивизия «Дас Райх» начала наступление в направлении на юго-восток. На встречу ей наступала 7-я танковая дивизия. Однако сопротивление советских войск с каждым днем становилось все упорнее, а немецкие дивизии уже были изрядно вымотаны. Большого успеха добилась 7-я танковая, но и ее прорыв пока удалось локализовать.

Мы уже не раз говорили о том, что во многом успех немцам приносило налаженное взаимодействие войск, которое требовало безупречной работы систем связи. У нас, к сожалению, все обстояло иначе. Штаб 69-й армии потерял связь со штабом 48-го корпуса, хотя расстояние не превышало 50 километров. Заметьте, это штабы высокого уровня. И как можно в таких условиях рассчитывать, скажем, на оперативное управление по радио, скажем, танковым полком? Говорить об этом можно, а вот наладить связь — вряд ли. А ведь позади были уже два года войны, но ничего так и не изменилось. В результате генерал Крюченкин отправил для руководства выводом войск корпуса из мешка своего заместителя, генерал-майора Труфанова. К 15 июля это было сделано, и сильно потрепанные дивизии выскочили из намечающегося котла. Вечером 15 июля части дивизий «Дас Райх» и 7-й танковой дивизии встретились, но котел был уже пуст. И все это происходит после якобы сверхуспешного контрудара 5-й гвардейской танковой армии, который полностью обескровил и измотал противника! Поэтому совершенно не удивляет приказ, отданный Ватутиным 16 июля: «С целью окончательного истощения сил наступающей группировки противника армиям Воронежского фронта перейти к упорной обороне на занимаемых рубежах с задачей не допустить прорыва противником нашей обороны».

Итогом боев в районе Прохоровки стало тяжелое пораже-

ние Воронежского фронта, во многом обусловленное ошибочными действиями командования фронта и ряда армий. Впрочем, говорить о том, что советские войска оказались на грани катастрофы, тоже неправильно. У немцев уже не оставалось сил для более решительных действий.

Резюме. Операция «Цитадель» проводилась в полном противоречии с постулатами блицкрига, хотя оба немецких командующих нарушали их по-своему. Модель вернулась к старым принципам наступления пехотой при некоторой поддержке танков, что было резонно при попытке прорвать глубокую оборону. Манштейн, наоборот, попытался нанести удар танковыми дивизиями практически без поддержки пехоты. Однако немецкое наступление с самого начала было обречено на неудачу по причине простой нехватки сил. Поражение под Курском действительно знаменовало окончательный перелом в ходе Великой Отечественной войны, но в несколько ином смысле, чем обычно говорят. После него Вермахт окончательно потерял возможность вести успешные операции стратегического масштаба, как наступательные, так и оборонительные.

Глава 13

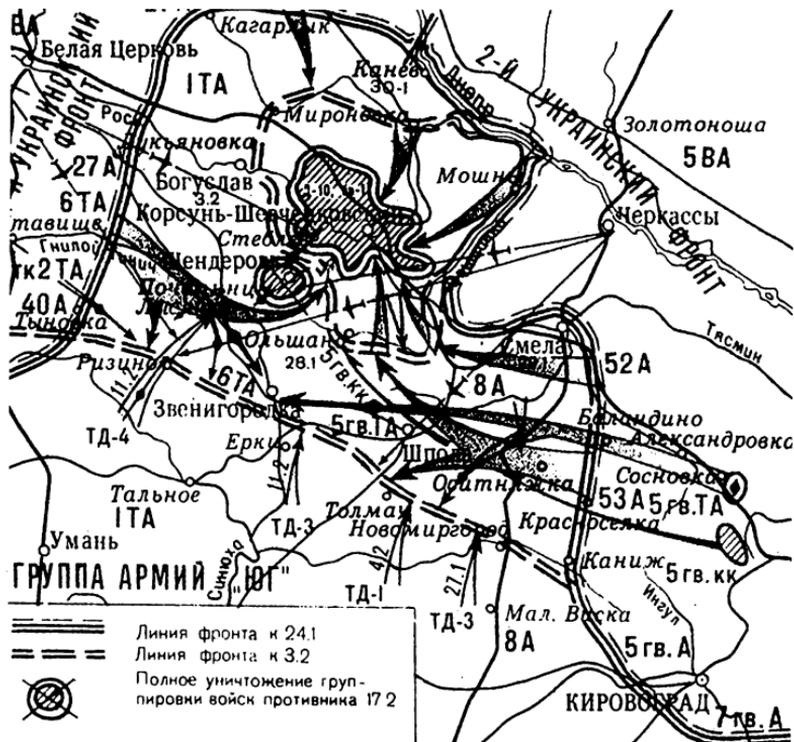
БЛИЦКРИГ ПОКАТИЛСЯ НА ЗАПАД

Как мы уже говорили, Курская битва была не только последней попыткой Германии вырвать стратегическую инициативу у Красной Армии. Она стала переломным пунктом войны в том плане, что после нее Вермахт окончательно потерял способность к успешным действиям стратегического масштаба. Если ранее он еще мог хотя бы вести крупные оборонительные операции типа Ржевско-Вяземской, то к 1944 году пределом мечтаний панцер-генералов стали локальные действия оперативного масштаба. Да, немецкие дивизии еще могли успешно удержать город N в течение недели-другой. Да, в ходе контратаки они еще могли отбросить советские войска на 20—30 километров. Но **не больше!** Удерживать тот же самый город N еще два месяца немцы уже не

могли, разве только Красная Армия по стратегическим соображениям перенесет тяжесть удара на другой участок фронта. И отбросить советские войска на 50 километров немцам уже не удалось ни одного раза до самого конца войны. Может возникнуть резонный вопрос: так почему борьба затянулась так долго? Первый напрашивающийся ответ: Вермахт был слишком огромной конструкцией, и сработала обычная сила инерции, присущая столь большой массе. Остановить ее в один момент просто невозможно. Вторая, не менее важная, причина заключалась в том, что советское командование еще не в полной мере освоилось с изменившейся обстановкой и пока не научилось действовать как полный хозяин положения. Еще были памятные уроки 1941—1942 годов, воспитание победного инстинкта — процесс долгий и болезненный. Но вот когда он появляется, тогда сопротивление этой армии становится бесполезным, что и доказала Красная Армия в 1945 году. Но в 1944 году дело обстояло немного иначе. Мы рассмотрим лишь три операции, которые можно считать наиболее показательными в плане соответствия идеям большого и малого блицкрига.

Первой хронологически была Корсунь-Шевченковская операция, кстати, самая противоречивая по результатам. Впрочем, если вспомнить, как во время Курской битвы командовал генерал Ватутин, особо удивляться этому не приходится.

Общая стратегическая ситуация к январю 1944 года сложилась так, что на южном участке фронта образовался так называемый Каневский выступ. Немцы упорно цеплялись за побережье Днепра в районе Канева, хотя к этому времени войска 1-го Украинского фронта далеко обошли их с запада. На выступе находились 11 немецких дивизий, и их положение внушало серьезные опасения, однако отводить их Гитлер не собирался. Дело даже не в пропагандистском лозунге «Немецкие повара продолжают черпать воду из Днепра». Имелись и какие-то военные соображения. Манштейн, разумеется, во всем обвиняет фюрера. Но, похоже, и ОКХ, утратив чувство реальности, все еще грезило о возможном уда-

Корсунь-Шевченковская операция

ре во фланг 1-му Украинскому в направлении Белой Церкви, хотя сил для этого у немцев уже не было.

Интересная особенность этой операции заключается в том, что советское командование решило начать ее, не имея серьезного превосходства в силах. Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов имели в общей сложности около 250 000 человек, 5300 орудий и 670 танков против 170 000 человек, 2600 орудий и 250 танков немцев. Однако недалеко от района намеченного котла у немцев в резерве находилось несколько танковых дивизий, имевших около 600 танков.

2-й Украинский фронт начал наступление 24 января, и в первый же день тактическая оборона немцев была почти прорвана. Но генерал Конев действовал слишком вяло и не воспользовался благоприятной ситуацией. Лишь на следую-

ший день в бой была введена 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова, которая прорвала немецкие позиции. Но промедление сказалось, так как противник подтянул резервы и сумел затормозить наступление. Более того, наши 20-й и 29-й танковые корпуса сами оказались отрезанными. И тут командующий фронтом генерал Конев показал, что мы уже научились не бояться немцев. Он принимает решение, совершенно немыслимое буквально год назад. 20-й корпус продолжает наступление навстречу частям 1-го Украинского фронта, 29-й корпус занимает оборону фронтом на юг, а резервные части перерубают тонкий немецкий рукав. Так и вышло! 28 января танки 20-го корпуса в поселке Звенигородка встретились с авангардом 6-й танковой армии. А немецкие заслоны в полосе наступления были опрокинуты и уничтожены, началось формирование внешнего и внутреннего фронтов окружения.

Наступление 1-го Украинского фронта началось на два дня позже и сначала проходило не так гладко. На намеченном участке прорыва завязались тяжелые бои, и продвижение было минимальным. Командовавшему фронтом генералу Ватутину пришлось сместить точку приложения сил, но в итоге после ввода в бой 6-й танковой армии оборона немцев и здесь была прорвана. Зато после прорыва наступление шло беспрепятственно, и до встречи с 20-м танковым корпусом Конева никаких проблем не возникало.

Итак, перед нами вроде классическая операция блицкрига. Прорыв фронта, в окружение попадают крупные силы противника, танковые части выходят на оперативный простор, наступает период развития успеха... А вот и нет! Так бы поступил Гудериан. Так бы поступил Манштейн. Но так не поступили советские генералы. Пока не так. Да, одна причина лежала буквально на поверхности. Танковые дивизии в ходе наступления понесли потери, вдобавок началась распутица, и в грязи вязли не только автомобили, но даже танки. Но, скорее всего, сказалось то самое отсутствие победного инстинкта, которое уже помешало нам развить успех прорыва под Сталинградом и уничтожить немецкие войска на Се-

верном Кавказе. Точно так же и сейчас все-таки следовало попытаться ударить дальше. Ведь перед соединенными силами двух фронтов появилась отличная перспектива отсечь всю никопольскую группировку, более того, все немецкие силы западнее Днепра.

Судя по всему, второй раз, когда успех операции превзошел все ожидания, советское командование растерялось и не проявило гибкости, реагируя сообразно изменившейся обстановке. С другой стороны, если посмотреть на привлеченные силы, становится понятно, что большие задачи перед наступающими армиями не ставились изначально. Разгромить целую группу армий силами 700 танков более чем сложно.

Вдобавок была допущена ошибка, немцам совершенно несвойственная. Перед началом прорыва значительные силы снова были использованы для «сковывания» противника. Ох уж это сковывание! Оно становится подлинным бичом советских наступлений, отвлекая от четверти до трети сил, которые можно было использовать для развития успеха. Дело в том, что даже если бы — даже если бы! — немцы и решились попытаться перебросить в район боев войска с неатакованных участков фронта, это потребовало бы времени. А советские дивизии находились бы там с первого же дня.

В общем, Корсуньский блицкриг длился ровно 4 дня, после чего началось уничтожение окруженной группировки. Группировка капитулировать или погибнуть не собиралась, и солдаты генерала Штеммермана оказывали ожесточенное сопротивление. Предъявленный советским командованием ультиматум был отвергнут. Кстати, снова отметим — именно такие попытки сражаться до конца ставят под вопрос ключевую идею блицкрига — наращивание темпа операций. Одновременно немецкое командование начало готовить деблокирующий удар. Спасителем отечества в масштабах 8-й армии был снова назначен Манштейн.

Как всегда, советские историки затягивают привычную песню о превосходстве немцев в силах, особенно в танках. «В составе некоторых немецких танковых дивизий (в основном в дивизиях СС) имелись тяжелые танковые батальоны

танков «тигр», штурмовые орудия «Фердинанда». Танки «тигр» состояли также на вооружении 503-го и 506-го отдельных танковых батальонов», — пишет А.Н. Грылев. А всего Манштейн насобирал около 1000 танков, при том, что на внешнем кольце окружения им противостояло всего 307 советских. Честно говоря, эти рассказы о вездесущих «Фердинандах» навязли в зубах. Да и вообще, каков был бы результат удара 1000 немецких танков, представить несложно.

Сначала немцы попытались прорвать окружение в полосе 2-го Украинского фронта, потому что расстояние до так называемого Городищенского выступа здесь было минимальным. Но минимальными же оказались и успехи четырех танковых дивизий, которые сумели продвинуться всего на 5 километров. Штеммерман тем временем стягивал свои войска к Корсунь-Шевченковскому, постепенно сокращая линию обороны и готовясь к прорыву навстречу деблокирующим группировкам.

В результате основные усилия были перенесены в полосу 1-го Украинского фронта. Здесь появилась танковая дивизия «Лейбштандарт», которая столько крови испортила нашим солдатам под Курском. Командующий 1-й танковой армией генерал Хубе отправил оптимистическую радиogramму окруженным с призывом держаться и твердым обещанием выручить их. Он действительно сосредоточил три танковые дивизии при поддержке двух батальонов «тигров» и 4 февраля перешел в наступление. 6 февраля в его распоряжение прибыла еще одна танковая дивизия. Чтобы парировать немецкий удар, Ватутин ввел в бой 2-ю танковую армию, до сих пор находившуюся в резерве. Здесь сразу возникает резонный вопрос: а почему ранее она не была использована для развития успеха? Временно наступление немцев удалось приостановить, и они взяли паузу для перегруппировки сил.

Утром 11 февраля ударная группировка Хубе (III танковый корпус) снова пошла в наступление в направлении Ризино — Лысянка. Одновременно окруженные войска Штеммермана попытались ударить навстречу им из района Стеблева. После жестоких боев им удалось прорваться к

Шендеровке, и расстояние до авангардов Хубе составляло всего около 10 километров. Но эти километры еще предстояло пройти. Кое-кто из современных российских историков пытается оправдать откровенную неуклюжесть действий Ватутина тем, что якобы немцы старались прорваться на стыке двух фронтов. Полно вам! Ну посмотрите на карты, которые вы публикуете в собственных книгах! Все события происходили в полосе 1-го Украинского фронта, стык фронтов находился в нескольких десятках километров восточнее.

И все-таки ситуация действительно сложилась запутанная, причем запутало ее советское командование. Внешнее кольцо окружения держал фронт Ватутина, а внутреннее — фронт Конева. И координировать их действия действительно было сложно, хотя имелся особый представитель Ставки, который должен был этим заниматься. Кто? Правильно, маршал Жуков. Только кончилось это тем, что «координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов маршал Советского Союза Жуков не сумел организовать четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага, и был отозван Ставкой в Москву».

В общем, положение сложилось странное — недовольны были обе стороны. Немцам никак не удавалось прорваться, Красная Армия никак не могла уничтожить котел, хотя к 16 февраля он сократился до мизерных размеров. Штаб немецкой 8-й армии радировал Штеммерману, что наступление III танкового корпуса захлебнулось и что он сам должен прорываться навстречу ему. Штеммерман предпочел остаться с арьергардом прикрывать прорыв, командовать которым было поручено генерал-лейтенанту Теобальду Либу. К этому времени котел сократился буквально до пяточка диаметром в 5 километров вокруг Шендеровки. На прорыв требовалось разрешение Гитлера, однако Манштейн понял, что промедление смерти подобно, и отправил Штеммерману краткую телеграмму: «Stichwort Freiheit. Zielort Lysyanka. 23.00» — «Пароль «Свобода». Цель Лысянка».

И в 23.00 немцы тремя колоннами пошли на прорыв с примкнутыми штыками наперевес. После ожесточенной рукопашной схватки часть их сумела прорваться. Однако левая

колонна налетела на танки 5-й гвардейской танковой и была практически уничтожена. Рассвело, но бои еще продолжались. Конев, понимая, что появилась опасность упустить немцев, бросил в атаку бригаду 20-го танкового корпуса, вооруженную новыми танками ИС-2. Обнаружив, что противотанковой артиллерии немцы не имеют, танки просто давили повозки и машины гусеницами.

К полудню дезорганизованная толпа добралась до реки Гнилой Тикич. Переправа весьма напоминала все, происходившее на Березине в 1812 году, и никакие заявления немецких историков не заставят меня поверить в «организованность и порядок». Тем более что сами немецкие офицеры в своих воспоминаниях признаются: впервые среди немецких солдат появляются признаки *Kesselfurcht* — котлобоязни. Снимки поля боя ясно доказывают, что ни порядка, ни организованности в помине не было.

Командир дивизии танковой дивизии СС «Викинг» Гилле переправился через реку вплавь, хотя позднее в своих мемуарах маршал Конев писал: «Генерал Гилле, видимо, вылетел на самолете до начала схватки либо пролез через линию фронта, переодетый в гражданскую одежду. Я исключаю, чтобы он пробился на танке или транспортере через наши позиции и опорные пункты». Слава богу, не появилось «женское платье», хотя на танке действительно никто не пробился.

Итог сражения был неудовлетворительным для обеих сторон. Отлично начавшийся советский блицкриг был остановлен **собственным командованием**, что дало возможность спастись части окруженной группировки, хотя советская историография долгое время настаивала на полном уничтожении войск, попавших в котел. В то же время окруженные дивизии перестали существовать как боевые единицы, их требовалось формировать заново. Немцы упрямо настаивают на том, что прорвалось 35 000 человек из 60 000 попавших в окружение, однако это вызывает самые серьезные сомнения. Скорее всего, как это обычно бывает в таких сомнительных эпизодах, истина находится где-то посередине.

Следующей операцией, заслуживающей, кстати, особого внимания, является операция «Багратион». С моей точки зрения, которую каждый волен оспорить, это самая блестящая операция Красной Армии за весь период Великой Отечественной войны. По своему совершенству с ней могут сравниться разве что прорыв Гудериана под Седаном и удар Роммеля у Газалы. Но масштабы этих операций во много раз меньше, а, как мы прекрасно помним, сложности управления войсками возрастают пропорционально квадрату численности, поэтому достижения генерала Рокоссовского заслуживают гораздо более высоких оценок, чем действия панцер-генералов. Особенно если учесть упорство и опыт противника, который ему противостоял.

План операции, который предусматривал одновременный разгром двух группировок противника, удерживавших «белорусский балкон», принадлежал генералу Рокоссовскому. Жуков утверждал, что план был подготовлен в Москве еще до совещания, в котором приняли участие представители Ставки и командующие фронтами. Это сушая правда. Но правда и то, что разработки штаба Рокоссовского были направлены в Москву еще раньше. Это подтверждает абсолютно незаинтересованный свидетель — С.М. Штеменко. Кстати, с книгой его воспоминаний «Генеральный штаб в годы войны» связан один любопытный эпизод.

Некий популярный ныне историк решил посверкать остроумием и высмеять одно из предложений Генштаба. Предложение было действительно не самое разумное. Но метод, который он выбрал, еще хуже — столь любимое советской исторической школой обрывочное цитирование. Сравните сами:

«Идиотизм этой «новой идеи» был настолько очевиден, что, как вспоминает Штеменко, «нас поправили». Решили — окружать, куда уж тут деваться». Это пишет г-н N в своем труде «Десять сталинских ударов». А сейчас посмотрим, что на самом деле говорил Штеменко: «В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции — окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий «Центр». Генеральный штаб, как

уже отмечалось, не хотел употреблять слово «окружение», но нас поправили. Окружению должен был предшествовать одновременный разгром фланговых группировок противника — витебской и бобруйской, а также его сил, сосредоточенных под Могилевом. Тем самым сразу открывался путь на столицу Белоруссии по сходящимся направлениям». Вы чувствуете разницу? Тем более что этот абзац находится уже на совсем иной странице мемуаров и посвящен иному эпизоду. Но — выхвачены два слова, и бульон готов. Нет, опасайтесь кратких цитат!

Операция началась 22 июня 1944 года. Наверное, в этом есть какая-то высшая справедливость — ровно через 3 года после начала Великой Отечественной войны Красная Армия начала свою самую блестящую операцию. Наступление велось на широком фронте, однако главные удары были нанесены в районах Витебска и Бобруйска. Изящество плана Рокоссовского заключалось в том, что не планировался один исполинский суперкотел, образованный сходящимися ударами на Минск, после чего пришлось бы возиться с уничтожением двух или трех армий, хотя, скорее всего, окружить их было можно. Нет, планировались небольшие котлы со стремительным уничтожением окруженных небольших группировок. Злосчастный пример Сталинграда был еще свеж в памяти.

Сначала немецкая оборона затрещала под Витебском в полосе наступления 3-го Белорусского фронта. 6-я гвардейская армия в первый же день наступления прорвала оборону и расширила прорыв до 50 километров. Возник разрыв между IX и LIII корпусами. Командующий 3-й танковой армией генерал Рейнхардт запросил разрешение на отход. Но тут во многом Красной Армии помог, как ни странно, Адольф Гитлер. К этому времени он потерял всякое чувство реальности и занялся крупномасштабным сооружением песчаных замков. Многие города и поселки, разбросанные по всему Восточному фронту, были объявлены «крепостями», хотя на самом деле представляли собой несколько примитивных полевых укреплений, наскоро построенных на окраинах населенных пунктов. Подразделения этих «крепостей» получили

приказ не отступать и сражаться до последнего патрона. 8 марта 1944 года Гитлер разъяснил свое определение крепости, когда издал приказ № 11:

«Будет проведено различие между «укрепленными районами» (*Feste Platze*), каждый из которых будет подчиняться «коменданту укрепленного района», и «локальными опорными пунктами» (*Ortstutzpunkte*), находящимися под командованием боевого коменданта.

«Укрепленные районы» будут выполнять роль крепостей... Они будут препятствовать занятию противником районов, имеющих решающее тактическое значение. Они будут позволять противнику окружить себя, сковывая, таким образом, наибольшее количество его сил и создавая условия, благоприятные для успешных контратак.

«Местные опорные пункты» представляют собой опорные пункты, расположенные глубоко в зоне боевых действий, которая будет прочно защищена в случае проникновения противника. Будучи включенными в основную схему боевых действий, они будут служить резервом обороны, а в случае прорыва противника — краеугольным камнем фронта, образуя позиции, с которых можно будет осуществлять контратаки».

Эта директива разъясняла полномочия комендантов укрепленных районов и ставила их в непосредственное подчинение командующему соответствующей группы армий. Каждый человек в укрепленном районе, независимо от воинского звания или гражданского положения, подчинялся коменданту. Гарнизон должен был постоянно находиться в укрепленном районе и готовить оборонительные сооружения. Гитлер, как правило, настолько поздно объявлял о придании району статуса укрепленного, что уже не было времени возвести какие-либо значительные укрепления до подхода советских войск. Он приказывал гарнизону являться в распоряжение коменданта тогда, когда времени хватало лишь на то, чтобы занять позиции. По определению Гитлера, сложно выявить различие между укрепленным районом и крепостью, за исключением того момента, когда укрепленные районы находились главным образом на Восточном

фронте и, как правило, не имели фортификационных сооружений. В общем, фюрер собственноручно загонял свои войска в котлы, что особенно ярко проявилось во время операции «Багратион».

Гитлер отказался разрешить LIII корпусу отход, но генерал Рейнхардт и командующий Группой армий «Центр» фельдмаршал Буш видели, что происходит. Они приказали командиру корпуса генералу Голльвитцеру готовиться к прорыву. Поздно! 24 июня 4-я авиаполевая дивизия была окружена юго-западнее города, а остальные 3 дивизии корпуса оказались в мышеловке в самом Витебске. Обратите внимание на важный момент: все котлы оказались совсем небольшими, не те, о которых Совинформбюро рапортует под грохот артиллерийского салюта. Но и возиться с ними не пришлось. Уже 25 июля 4-я авиаполевая дивизия прекратила существование под ударами 39-й армии, а сам Витебский котел распался еще на два. 246-я пехотная и 6-я авиаполевая дивизии были окружены в 10 километрах от Витебска, а 206-я пехотная застряла в городе. Под ударами советской авиации их силы таяли буквально на глазах. К вечеру 26 июня положение окруженных стало безнадежным, и генерал Голльвитцер решил попытаться прорваться, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. На рассвете 27 июня немцы пошли на прорыв мелкими группами. Результат таких попыток нам прекрасно известен по событиям лета 1941 года. LIII корпус был уничтожен **полностью**. Правда, немцы до сих пор продолжают спорить о том, что именно с ним случилось. По одним данным, 20 000 солдат погибли, а 10 000 попали в плен. Другие историки утверждают, что погибли 5000 солдат, а в плен попали 22 000. Я думаю, когда они выяснят всё досконально, можно будет внести поправки в новое издание этой книги.

Здесь нам придется сделать небольшое отступление. Как мы уже видели, в 1941 году немцы очень часто ухитрялись вести блицкриг и без участия танков. Почти то же самое произошло и сейчас. В операции «Багратион» участвовала только одна танковая армия — 5-я гвардейская. Причина была

вполне понятная: леса и болота Белоруссии это не самая лучшая местность для танков, они могли действовать только вдоль шоссе Минск — Москва. Именно там и была прорвана немецкая оборона. Что самое важное, советские танки не стали задерживаться, «образуя внешнее кольцо окружения», а двинулись дальше на Борисов, как это и предписывалось всеми канонами блицкрига. Параллельно танковой армии наступала конно-механизированная группа генерала Осликовского. Очень быстро немцы на своей шкуре испытали действенность собственной тактики. Остатки XXVII корпуса, попытавшиеся спастись из Орши, налетели на прорвавшиеся танки с вполне предсказуемым результатом.

Перед немцами встала тяжелая задача — попытаться остановить стремительное наступление советских танков, в котором теперь участвовал еще и 2-й гвардейский танковый корпус, действовавший южнее армии Ротмистрова. В качестве оборонительного рубежа была выбрана река Березина. Эта неблагодарная задача была возложена на 5-ю танковую дивизию, спешно переброшенную в Минск с Украины. Ей также был придан 505-й батальон тяжелых танков. Именно его «тигры» 28 июня первыми столкнулись с 3-м гвардейским танковым корпусом у станции Крупки, но были вынуждены отступить.

Советское командование освоило хитрую науку блицкрига, и танкам Ротмистрова не пришлось в одиночку драться с прибывающими немецкими резервами. 29 июня на помощь танкам уже были подтянуты 5 стрелковых дивизий 11-й гвардейской армии. Комбинированным ударом пехоты и танков (!) оборона немцев была прорвана чуть севернее Борисова, в более слабом месте (!), и после недолгих боев 30 июня оборона немцев на Березине рухнула. Гудериан мог бы порадоваться столь умелому применению своих теорий, но что-то мне подсказывает, что известия об этих событиях не сделали счастливым генерал-инспектора Панцерваффе.

Наступление на Минск с юга, которое вел 1-й Белорусский фронт генерала Рокоссовского, в первые дни развивалось не столь успешно из-за болотистой местности. Но 24 июня в бой вступили главные силы фронта, и немецкая обо-

рона была прорвана и здесь. Командующий 9-й армией генерал Йордан решил бросить в бой свой единственный резерв — 20-ю танковую дивизию. Кстати, обратите внимание на скудость немецких резервов. Дивизия там, дивизия тут — не больше. Но это были проблемы ОКХ. Война не шахматная партия, где оба игрока перед началом получают по 16 совершенно одинаковых фигур. Каждый имеет то, что сумел собрать. А не сумел...

20-я танковая дивизия столкнулась с наступающими советскими войсками южнее Бобруйска и была уничтожена. К 26 июня 1-й гвардейский танковый корпус вышел к городу с юга, а 9-й танковый корпус — с востока. Уже на следующий день 9-й танковый корпус захватил переправы через Березину, и еще несколько немецких дивизий оказались в окружении. Рокоссовский не стал тратить время на создание «железного кольца», справедливо полагая, что никуда они и так не денутся, а бросил свои резервы — 1-й гвардейский кавалерийский и 1-й механизированный корпуса — дальше на запад, на Барановичи. Оборона немецкой 9-й армии рухнула по всему фронту. Правда, не очень понятно, почему немцы не любят признавать, что дела 4-й танковой армии на севере обстояли ничуть не лучше.

Фельдмаршал Буш понимал, что перед его группой армий замаячила угроза полного уничтожения. Вместе с генералом Йорданом 26 июня он вылетел в Ставку Гитлера, но втолковать фюреру ничего не сумел. Единственным результатом визита стало то, что Гитлер снял и Буша, и Йордана. Спасать положение было доверено «пожарнику Гитлера» фельдмаршалу Моделю.

В районе Бобруйска было окружено около 40 000 немецких солдат. Рокоссовский доказал, что прекрасно понимает, как следует действовать в подобной ситуации. Советские артиллерия и авиация успешно перемалывали один немецкий полк за другим, в то время как танки продолжали наступление. Окруженный XXXI танковый корпус совершил несколько попыток вырваться из города, но был расчленен, разгромлен и уничтожен. Всего менее чем за неделю в ходе

боев погибли около 50 000 немецких солдат, а еще 20 000 попали в плен.

После того как немецкий фронт рухнул севернее и южнее Минска, можно было приступить к решению более масштабных задач. Советские войска начали наступление на столицу Белоруссии, угрожая поймать в ловушку остатки сил Группы армий «Центр». Намечавшийся котел был гораздо крупнее, чем все предыдущие, но здесь было выполнено самое главное успешное условие блицкрига — воля противника к сопротивлению была сломлена полностью.

Здесь нам придется немного поспорить с очень авторитетным историком Стивеном Залогой. Он утверждает, что германское командование в отчаянии прибегло к последней мере и попыталось использовать стратегическую авиацию для того, что остановить советское наступление. В общем, правильно утверждает, но **очень** сильно ошибается в деталях. Дело в том, что последнее крупное бомбардировочное наступление Люфтваффе на Восточном фронте началось задолго до операции «Багратион» силами IV авиакорпуса, и имело оно совершенно иные цели. Операция «Цаункёниг» началась 27 марта налетами на железнодорожный узел Сарны с целью помешать нашему наступлению на Ковель, то есть никакого отношения к боям в Белоруссии все это не имело. Налеты продолжались до июля 1944 года. Во время этих операций были практически израсходованы и без того невеликие запасы авиабензина. Поэтому участие бомбардировщиков He-177 в июльских боях было крайне ограниченным, хотя они и нанесли один или два удара по советским танкам под Минском. Более того, немецкие источники подчеркивают, что, хотя атаки проводились днем, потери были очень незначительными, так как советские летчики просто не имели опыта борьбы со столь крупными самолетами.

Однако спустимся с небес на грешную землю. Красная Армия продолжала наступать на Минск с севера и с юга, и попытки остановить их ни к чему не приводили. 1 и 2 июля северо-восточнее Минска проходили ожесточенные танковые бои — 5-я танковая дивизия и 505-й батальон тяжелых

танков попытались остановить 5-ю гвардейскую танковую армию. Ротмистрову опять не повезло, хотя, может быть, он просто был никудышным генералом. А маршалом — тем более. Недаром ведь он, именно он, получил выговор от Сталина, тогда как Черняховский и Рокоссовский — новые звезды на погоны. Кстати, Золотую Звезду Ротмистров ухитрился получить только в 1965 году, в период знаменитых брежневских раздач. В годы войны ни с Катковым, ни с Лелюшенко ему было не сравняться. Армия Ротмистрова снова понесла заметные потери, но немецкая танковая группировка просто исчезла. В 5-й танковой дивизии осталось всего 18 машин, а «тигры» были перебиты до последнего.

В Минске воцарилась паника, весьма похожая на то, что сами немцы видели во Франции летом 1940 года. Город переполняли толпы безоружных беглецов и штабистов, которые совсем не пылали желанием пасть смертью героя, защищая «Фестер Платц Минск», каковая была создана приказом Гитлера. Наоборот, они штурмом брали поезда, уходящие на Запад. Вот здесь можно бросить серьезный упрек советской авиации, которая так и не сумела блокировать железные дороги.

Первыми рано утром 3 июля на окраины Минска ворвались части 2-го танкового корпуса. Днем с юго-востока в Минск вошел 1-й гвардейский танковый корпус. 3-й и 1-й Белорусские фронты соединились. Соппротивление немцев в самом городе было подавлено очень быстро, потому что, как мы уже говорили, оборонять его было некому. Кольцо окружения сомкнулось, а внутри оказались 5 немецких корпусов, или 25 дивизий. 9-я и 4-я танковые армии перестали существовать, как и вся Группа армий «Центр» в целом. Это было крупнейшее поражение Вермахта за всю Вторую мировую войну, гораздо более страшное, чем Сталинград. Можно рассказывать о дальнейших операциях Красной Армии — Вильнюсской, Львовско-Сандомирской, Каунасской, да и вообще написать огромный том, посвященный Белорусской операции. Но это уже лишнее, и рассказывать о преследовании разгромленного противника мы не будем.

Всего за время операции «Багратион» немцы потеряли

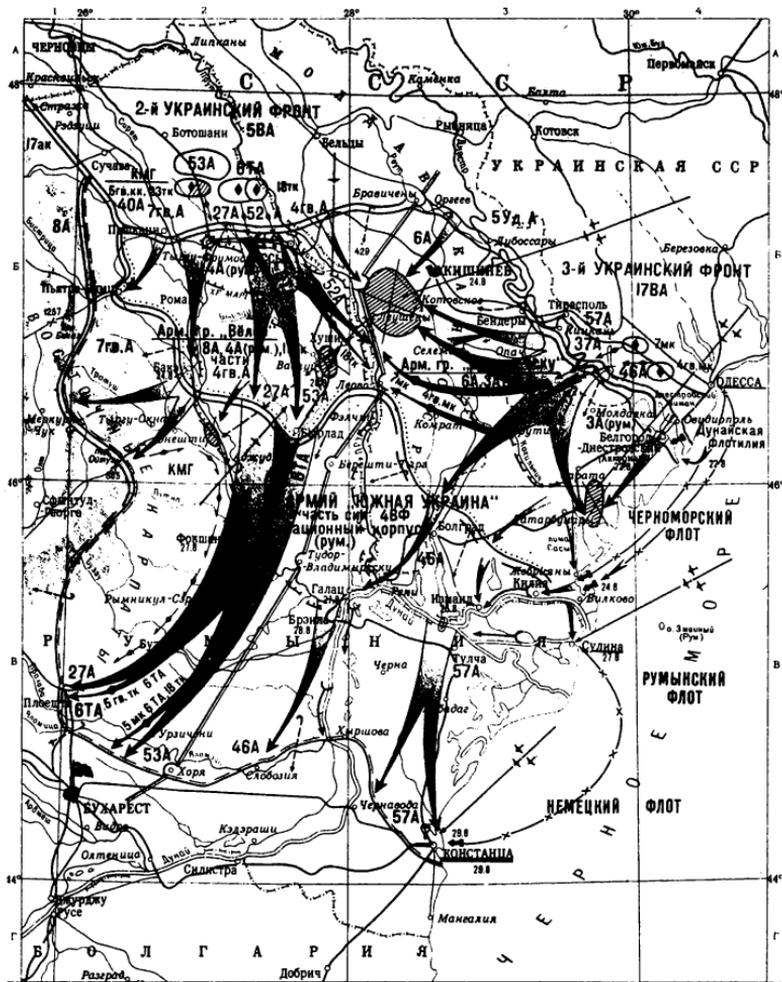
около 400 000 солдат, погибли 10 генералов, а 22 попали в плен. Генералов хотя бы пересчитать можно, но точных цифр своих общих потерь не знают даже сами немцы. Когда-то brave вояки мечтали пройти парадным строем по Москве, и 17 июля 1944 года их мечта исполнилась. Правда, не совсем так, как представлялось когда-то всем этим «мечтателям». Но 56 000 немецких солдат и офицеров во главе с 19 генералами пришлось пройти по улицам советской столицы.

Последней операцией, которую нам хотелось бы рассмотреть, будет Яско-Кишиневская. В некоторых отношениях она была даже более чистым блицкригом, чем «Багратион», так как в этом случае советские танки были введены в чистый прорыв. Однако давайте обо всем по порядку.

Летом 1944 года немецкий Восточный фронт разваливался буквально на всех участках — от Баренцева моря до Черного. Немецкие генералы еще грезили об организации жесткой обороны, о переводе военных действий в позиционное русло, как это было в годы Первой мировой. Гитлер что-то бормотал о крепостях и несокрушимой стене. Да, стену Вермахт попытался выстроить. Только получилось в соответствии со знаменитой фразой: «Стена, да гнилая. Ткни — и развалится». Ткнули на северном участке — Группа армий «Центр» разлетелась в пыль. Ткнули на южном — Группе армий «Южная Украина» пришлось ничуть не лучше.

К середине августа в Молдавии сложилась ситуация, поразительно напоминающая Сталинград. Немецкая 6-я армия занимала выступ, глубоко вдающийся в линию фронта, а ее фланги прикрывали румынские войска — 3-я и 4-я армии. Наверное, немцам следовало хотя бы из суеверия присвоить злосчастной армии другой номер, а то она просто напрашивалась на неприятности, хотя теперь ею командовал генерал Фретгер-Пико, а вовсе не Паулюс.

Замысел операции был прост — нанести удары на двух далеко отстоящих участках фронта: северо-западнее Ясс и южнее Бендер, там, где оборону держали румынские войска. В случае успеха 6-я армия в полном составе оказывалась в котле и могла разделить судьбу своей предшественницы. Советское командование сосредоточило значительные силы и

	Линия фронта к исходу 19 августа		Линия фронта к исходу 24 августа
	Оборонительные рубежи немецко-фашистских войск		Направления ударов советских войск 23-29 августа
	Направления ударов советских войск 20-24 августа		Линия фронта и положение советских войск к исходу 29 августа
	Форсирование Днестровского лимана 22 августа		Действия Дунайской военной флотилии
	Пути перехода кораблей и высадка десантов		Национально-антифашистское вооруженное восстание в Бухаресте 23 августа
	Прорыв кораблей Дунайской военной флотилии в Днестровский лиман и дельту Дуная		

Ясско-Кишиневская операция

на участках прорыва создало многократное превосходство в живой силе, танках и артиллерии. Например, удалось довести плотность артиллерии до 280 стволов на километр фронта, о чем ранее не рисковали даже думать. Главным же отличием от Белорусской операции было то, что на южном участке фронта местность была гораздо более благоприятной для использования танков, поэтому здесь были собраны 1870 танков и САУ.

Наступление обоих фронтов началось 20 августа после мощной артиллерийской подготовки. Артиллерийский удар был настолько силен, что местами первая полоса немецкой обороны была сметена. Вот воспоминания одного из участников наступления:

«Когда мы двинулись вперед, то на глубину примерно десять километров местность была черной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступала от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья».

Войска 2-го Украинского фронта генерала Малиновского в первый же день прорвали главную линию обороны, а 27-я армия — и вторую тоже. За один день наши войска продвинулись на 16 километров. Командующий Группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер позднее писал, что в расположении его армий начался хаос. Чтобы хоть как-то приостановить стремительно развивающееся наступление, он бросил в контратаку под Яссами 3 пехотных и 1 танковую дивизии. Но успеха эта атака не имела. В середине дня Малиновский ввел в прорыв 6-ю танковую армию, которая нанесла удар по третьей и последней линии обороны немцев.

Совершенно непонятно, из каких соображений, но Советская Военная Энциклопедия вдруг начинает нести полную чушь, рассказывая о втором дне операции. Дескать, «противник подтянул к району прорыва 2-го Украинского фронта части 12 дивизий, в том числе двух танковых, и

контратаками попытался остановить его наступление». Да не было у Фриснера в помине таких сил. Он ни единым словом не упоминает ни о каких контратаках 21 августа. Наоборот, все его помыслы были сосредоточены на одном — как бы организовать более или менее упорядоченный отход войск за Прут или даже Дунай. Фриснеру совсем не хотелось, чтобы его дивизии разделили судьбу войск фельдмаршала Буша, поэтому он плюнул на хваленую немецкую дисциплину, плюнул на приказы фюрера и распорядился начать отвод войск. Но было уже поздно. Советские танки оказались глубоко в немецком тылу, отрезав штабы корпусов от штаба 6-й армии. Генерал Фреттер-Пико не захотел присоединиться к командующему **первой** 6-й армией и поспешно перевел свой штаб подальше в тыл. Настолько поспешно, что потом ему пришлось долго отмываться от обвинений в бегстве с поля боя. Фриснер пытается его оправдать, но сам тут же пишет, что штаб группы армий был вынужден взять командование дивизиями на себя. Такое делают не от хорошей жизни.

На фронте румынской 3-й армии наше наступление также развивалось успешно. 22 августа 3-й Украинский фронт окончательно отсек немецкую 6-ю армию от румынской 3-й армии. Генерал армии Толбухин правильно оценивал потенциал той и другой, а потому решил предоставить румын самим себе, сосредоточив основные усилия на действиях против правого фланга немецкой армии. В прорыв были брошены 4-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса, которые начали быстрое продвижение на запад, немного отклоняясь к северу, чтобы на берегах Прута встретиться с частями Малиновского. Уже 23 августа 18-й танковый корпус Малиновского захватил Хуши, а механизированные корпуса Толбухина захватили переправы в Леушени и Леово. На третий день операции окружение немецкой 6-й армии было завершено! А темпам продвижения советских танков позавидовал бы сам Гудериан.

Кстати, после войны полыхнула еще одна битва под Яссами — сражение мемуаров, в которых Гудериан и Фриснер

усиленно старались спихнуть вину за эту катастрофу друг на друга. Впрочем, будем снисходительны к панцер-генералам. Положение не смог бы спасти никто из них, да и вообще следовало бы рассуждать не о немецких ошибках (а кто их не допускает?), а о правильных решениях Малиновского и Толбухина. Дело в том, что на этот раз не повторились промахи Корсунь-Шевченковской операции. 6-я танковая армия, не задерживаясь и не отвлекаясь ни на какие «фронты окружения», продолжала развивать наступление на юг, в направлении Бухареста. Вы хотели блицкрига? Вы его получили!

Тем временем войска советской 46-й армии форсировали Днестр и начали наступать в юго-восточном направлении. 23 августа, когда было замкнуто кольцо вокруг основного котла, 46-я армия, что называется, мимоходом, прихлопнула румынскую 3-ю армию, которая капитулировала, практически не оказав сопротивления. Толбухин как в воду глядел, когда не пожелал выделять для борьбы с ней крупные силы. 3 дивизии и 1 бригада сдались. Это оказалось последней каплей, которая сломила решимость правящих кругов Румынии продолжать борьбу. Вечером 23 августа в Бухаресте произошел «государственный переворот», как иногда пишут наши историки. Хотя какой это был переворот? Король Михай сместил премьер-министра Антонеску и назначил на его место другого генерала — К. Санатеску. В 23.30 по радио была передана декларация короля о прекращении военных действий против союзников. На такой результат операции советское командование не рассчитывало — Германия потеряла еще одного союзника. Хотя и здесь СВЭ не удержалась от того, чтобы не рассказать еще одну сказку об «антифашистском восстании под руководством Коммунистической партии». Самое смешное, что современные историки эту сказку повторяют, хотя буквально через пару страниц абсолютно серьезно пишут, что Коммунистическая партия Румынии насчитывала менее 1000 человек и никаким влиянием не обладала.

В общем, к 23 августа был сформирован внутренний фронт окружения, в котором находились 18 немецких дивизий. О том, как они были разгромлены, генерал Фриснер

скромно умалчивает. Он вообще сваливает всю вину за разгром 6-й армии на румын и... Гудериана. Сам он совершенно не виноват, а советские войска как бы при сем присутствовали, не более.

Большой котел сразу развалился на два меньших, ликвидация которых была завершена 27 и 29 августа. После чего операцию можно было считать завершенной. Яско-Кишиневская операция характерна очень небольшими потерями советских войск — всего около 67 000 убитых и раненых, тогда как немцы потеряли около 250 000 человек. Это наступление имело и более отдаленные последствия — оно открыло советским войскам путь к границам Болгарии. В результате 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, однако уже 9 сентября эта «война без выстрелов» завершилась.

Осенью 1944 года ОКХ пришлось во второй раз заняться неблагодарным делом — заново формировать 6-ю армию. Кстати, мало кто знает, но в последние дни боев в Сталинграде Гитлер приказал собрать по одному солдату из каждой из окруженных дивизий, чтобы они стали «ядром» новой 6-й армии «мстителей». Теперь заниматься подобными глупостями уже было некогда, и армию формировали вокруг успешного бежать штаба Фреттер-Пико. Любопытно будет сравнить состав этой злосчастной армии в различные периоды ее существования.

19 ноября 1942 года в день начала советского наступления под Сталинградом: XIV танковый корпус (60-я и 3-я моторизованные, 16-я танковая, 94-я пехотная дивизии); LI корпус (389, 295, 71, 79-я пехотные, 100-я егерская, 24-я танковая дивизии); VIII корпус (113-я, 76-я пехотные дивизии); XI корпус (44-я, 384-я пехотные дивизии), 14-я танковая дивизия напрямую подчинена штабу армии.

Воссозданная армия на **9 апреля 1943 года**: XVII корпус (302, 306, 294-я пехотные дивизии); XXIX корпус (336-я, 16-я моторизованная, 15-я авиаполевая дивизии); XXIV танковый корпус (11-я пехотная, 454-я, 444-я охранные дивизии); корпусная группа «Митш» (335-я, 304-я пехотные, 3-я горнострелковая дивизии); штабу армии подчинены 79-я и 17-я пехотные, 23-я танковая дивизии.

15 августа 1944 года:

VII корпус (румынская 14-я пехотная, 370-я, 106-я пехотные дивизии); LI корпус (294, 320, 384, 161-я пехотные дивизии); XXX корпус (384, 257, 15, 306, 302-я пехотные дивизии); XXXIV корпус (258, 282, 335, 62-я пехотные дивизии); 13-я танковая дивизия подчинена непосредственно штабу армии.

16 сентября 1944 года:

LVII танковый корпус (76-я пехотная, 4-я горнострелковая, остатки 20-й танковой дивизии), 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер», группа «Винклер». То есть от августовского состава не осталось ничего.

Как мы видим, сразу после разгрома под Сталинградом погибшие дивизии не были восстановлены, несмотря на театральный жест фюрера. Зато приятно отметить, что 384-я пехотная дивизия попала под раздачу дважды — под Сталинградом и под Кишиневом. Ну не везет. Впрочем, мы несколько отвлеклись.

Резюме. Бои 1944 года показали, что советское командование постепенно овладело искусством блицкрига — стремительных рассекающих ударов, окружения вражеских армий противника и их последующего уничтожения с **одновременным** развитием успеха танковыми частями. Эта деталь особенно важна, поскольку лишь летние наступления продемонстрировали это в полной мере. В ходе зимних операций наше командование по-прежнему слишком большое внимание уделяло окруженным группировкам. Летом 1944 года советскому командованию удалось несколько операций в стиле классического блицкрига, которые достойны быть вписаны в любой учебник.

Глава 14

ДЕШЕВАЯ ПАРОДИЯ

Все английские историки с пеной у рта отвергают гнусные обвинения, будто Монтгомери ничего не понимал в танковой войне. Действительно, ну как может фельдмаршал

сэр Бернард Лоу Монтгомери, виконт Аламейн, рыцарь Ордена Подвязки, рыцарь Большого Креста Ордена Бани и прочая, и прочая, и прочая ничего не понимать в танковой войне? Прозрел он ее насквозь и провидел дотла. Правда, результат для британской армии получился более чем плачевный. Причем неоднократно. Особенно тяжело ей обходились победы фельдмаршала, поражения армия переносила как-то легче.

Первый сокрушительный удар от Монтгомери британская 8-я армия получила под Эль-Аламейном. Когда еще победитель теряет 500 танков, а побежденный вдвое меньше? Далее Монтгомери продолжал совершенствовать свое полководческое искусство. Следующий удобный случай представился ему весной 1943 года во время последних боев в Африке. Конечно, мы ни в коем случае не поверим завистливым американцам, которые утверждали: «Это просто мелкий человечиска, который однажды сорвал крупный куш. Он не будет рисковать неудачей после успеха, никому не станет помогать и думает только о себе». Действительно, только прирожденный полководец решится бросить на прорыв укрепленной линии целых два батальона, пока две бригады будут ждать, чтобы войти в прорыв...

Впрочем, мы несколько затянули вступление. Так или иначе, но войска Монтгомери сумели добраться до Нормандии. Как это произошло — история не знает, но только именно в Нормандии союзникам вообще и Монтгомери в частности подвернулась удачная возможность в первый раз за всю войну провести операцию блицкрига. Ведь именно там немцы в 1940 году показывали, как все это делается. И если в Африке у Монтгомери это не получилось, несмотря на убедительные уроки Роммеля, то здесь в качестве учителя должна была выступать тень отца Гам... тьфу, Гудериана.

История эта началась 6 июня 1944 года, когда войска союзников высадились на побережье Нормандии. По плану операции английский 1-й корпус должен был в первый же день операции овладеть городом Кан. И если береговая оборона немцев на английском участке высадки рухнула практически сразу (фильм «Спасение рядового Райана» показы-

вает события на участке «Омаха», а не «Голд» или «Джюно», где высаживались англичане), то с продвижением в глубь полуострова Монтгомери почему-то не спешил. Подчиненные ему генералы правильно понимали своего командующего и тоже не спешили. В итоге англичане проковырялись на берегу чуть ли не до вечера, а когда наконец-то собрались двинуться на Кан, туда успела подтянуться 21-я танковая дивизия немцев. Кстати, единственная на всю Нормандию. Впрочем, будем справедливы, с развитием успеха плохо было не только у англичан, но и у американцев.

Английские историки уверяют нас, что пройти целых 10 километров от берега до Кана британская пехота в течение дня не могла. Ладно, поверим им. Но что делали в это время танки? На побережье были высажены 8-я и 27-я бронетанковые бригады, каждая из которых имела более 200 танков. Небольшая справка: немецкая 21-я танковая дивизия имела всего 160 танков и штурмовых орудий. Самое обидное для английских командиров, что теперь им было крайне трудно придумать оправдание своему слишком медленному продвижению. На вооружении у них давно стояли «Шерманы», а не знаменитые «Матильды», поэтому сослаться на тихоходность и плохую проходимость было нельзя. Еще более сложным положение англичан делало полное и безоговорочное господство в воздухе. И если британская авиация не умела поддерживать свои войска, то охотиться за вражескими колоннами она научилась. В течение дня 21-я танковая дивизия потеряла 70 танков из 124, но город Кан англичане захватить так и не сумели. Этот мелкий эпизод очень характерен для действий Монтгомери — изнуряюще методичных и запредельно осторожных. Я подозреваю, что, если бы в 1940 году в Ливии армией командовал не О'Конор, а Монтгомери, никакого успеха англичане там не добились бы.

Кстати, по плану операции в первый же день высадки предполагалось занять и маленький городок Виллер-Бокаж. Если бы это было сделано, британская армия избежала бы серьезного конфуза, а один из немецких танковых асов лишился бы фантастической победы. Англичане добрались до Виллер-Бокажа только утром 13 июня, это сделала 7-я бро-

нетанковая дивизия, которую Монтгомери считал своим «лучшим игроком». Чего стоит этот игрок, выяснилось буквально через несколько часов.

Авангард 22-й бронетанковой бригады (кстати, маленькое уточнение: слишком многие источники неправильно называют пострадавшее английское подразделение. Мы уже писали о привычке англичан к пышным названиям. Так вот, это был эскадрон «А» 4-го полка йоменов графства Лондон.) решил сделать небольшую остановку в городке, что увидел оберштурмфюрер СС Михаэль Виттман. По его мнению, англичане слишком рано решили, что война выиграна, и он взялся разъяснить англичанам их заблуждение. «Тигр» Виттмана ворвался в городок, стреляя направо и налево. Результатом стало уничтожение 11 танков (5 «Кромвелей», 1 «Шерман-Файрфлай», 3 М5А1 «Хони», 2 командных танков) и 10 бронетранспортеров. За такое достижение Виттман был награжден Мечами к своему Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями и получил звание гауптштурмфюрера. За это же самое достижение подполковник Крэнли не получил ничего. Совершенно ничего. Да разве может такая досадная мелочь отразиться на биографии Артура, виконта Крэнли, считающего свой род поименно с XIII века?!

А сейчас мы сделаем небольшой прыжок во времени и перенесемся в конец июля 1944 года. Все планы и графики операции «Оверлорд» полетели кувырком, но все-таки, провозившись долго и очень долго; союзники начали наступление с пятачка в Нормандии. 25 июля американские войска нанесли удар под Сен-Ло с рубежа, который планировалось достичь на пятый день операции, то есть 11 июня.

Здесь будет уместным обратиться к мемуарам генерала Омара Брэдли, командовавшего американской 12-й группой армий.

«Как только план операции «Кобра» был готов, я рассказал о нем Паттону, поскольку ему предстояло включиться в боевые действия после того, как они развернутся. 18 июля, за два дня до того, как мы намеревались изложить наш план корреспондентам, находящимся при 1-й армии, Диксон,

начальник разведки 1-й армии, явился ко мне, багровый от возмущения.

— Мы узнали от наших корреспондентов, генерал, — сказал он, — что Паттон рассказал об операции «Кобра» представителям прессы при 3-й армии.

— Проклятье! — воскликнул я и бросился к телефону, но Джорджа не было на месте.

Паттон сам позвонил мне и принес свои извинения и объяснения. Да, он рассказал штабу о плане прорыва 1-й армии, но корреспонденты не были допущены на это совещание. План разгласил корреспондентам его офицер по связям с прессой».

Вот такие интересные были представления у американцев о военной тайне. Но еще более удивительно то, что хваленый Абвер так и не сумел воспользоваться подобным беспрецедентным разгильдяйством.

Наступление началось с авиационных налетов. 24 июля стратегические бомбардировщики союзников разбомбили американскую 30-ю пехотную дивизию. 25 июля началась операция «Кобра». Первыми удар нанесли истребители-бомбардировщики Р-47 «Тандерболт». За ним появились 1495 тяжелых бомбардировщиков В-17 и В-24, которые сбросили 3370 тонн бомб. За ними прилетели 380 средних бомбардировщиков В-26. Этот удар был поистине сокрушительным, в полосе 7000 ярдов на 2500 ярдов не уцелело ничего. Правда, вот беда — часть этой полосы снова накрыли американские войска. Результат соответствовал усилиям — более 600 убитых, в том числе командующий сухопутными силами союзников генерал-лейтенант Лесли МакНейр. Самое интересное, что даже после этого командование британских Королевских ВВС упрямо твердило, что самолет поля боя ему не нужен. Неудивительно, что американский VII корпус сумел продвинуться не более чем на 1,5 километра. Похоже, американцы имели весьма своеобразные представления о темпе операций, потому что командир корпуса генерал Коллинз получил прозвище «Молниеносный».

Особенно удивляться такому развитию событий не приходится. Дело в том, что ни англичане, ни американцы не

считали необходимым создавать танковые соединения на уровне корпусов и армий. VII корпус имел 4 пехотные и 2 танковые дивизии, VIII — 4 пехотные и 1 танковую. Да, уровень механизации англо-американских корпусов намного превосходил все, что имели остальные армии, и приставка «механизированный» была просто бессмысленной, это само собой подразумевалось. Однако дело в том, что уровень механизации войск повышал их мобильность, но не ударную силу корпусов. Они могли эффективно продвигаться после прорыва вражеской обороны, но, столкнувшись с мало-мальски серьезным сопротивлением, американский прорыв глож сам собой. Еще больше осложняло положение отсутствие авиации поля боя. Еще не раз и не два американские стратегические бомбардировщики вываливали десятки тонн бомб на головы собственным солдатам, прежде чем командование поняло: штурмовики нужны не только на атоллах Тихого океана, но и на полях Европы. Британские маршалы авиации этого понять не сумели ни в годы войны, ни после.

На следующий день корпус Коллинза снова нанес удар по позициям Учебной танковой дивизии, стоявшей перед ним. Но американская 3-я танковая дивизия была остановлена контратакой двух рот 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх». 27 июля американцы продолжили наступление, и немцы уже не могли сдержать его по очень простой причине — против каждого немецкого батальона американцы выставляли свою дивизию. Против 2 корпусов в полосе наступления немцы имели всего 2 дивизии неполного состава. В результате американская 4-я танковая дивизия к вечеру 28 июля вышла к Кутансу, создав угрозу окружения немецкого LXXXIV корпуса. Генерал фон Хольтиц решил отвести свои войска, пока не поздно. Американцы имели все шансы отрезать и прижать к морю 7 дивизий корпуса, но генерал Коллинз не сдал экзамена по предмету «блицкриг». Вместо того чтобы развивать успех, он остановил танки и при этом даже не попытался подтянуть пехоту, чтобы усилить авангард. Приказ генерала был прост: всем стоять на своем месте. В результате часть немецких сил просочилась сквозь тонкое

полукольцо, часть просто отошла на юг. Недаром командовавший американской 1-й армией генерал Омар Брэдли в своих мемуарах рассказывает только о прорыве немецкого фронта, отделяясь невнятной скороговоркой в отношении последующих событий. Степень непонимания американцами природы войны лучше всего показывает сам план операции «Кобра» — после прорыва немецкого фронта был предусмотрен период консолидации своих позиций.

Однако оборона немцев рухнула, и американцам волей-неволей пришлось перейти к фазе преследования. Однако и здесь действия американцев отличались неповторимым своеобразием. Командовавший немецкими войсками на западе фельдмаршал фон Клюге опасался удара на восток, к Майену и Алансону, что привело бы к окружению его сил, но американцы двинулись на юг, где единственным противником могли быть гарнизоны портов на атлантическом побережье Франции. Но американцы восхищаются этим бесцельным и бессмысленным «бегом на юг». Именно он принес новую славу Джорджу Паттону, который, по мнению американских историков, является одним из трех величайших полководцев: Александр Македонский, Цезарь и Паттон. Как говорится, комментарии излишни.

И все-таки левый фланг Группы армий «Б» оказался висящим в воздухе. Следовало как-то исправлять положение, и Адольф Гитлер нашел выход. Вместо того чтобы отойти на рубеж реки Сена, он решил во что бы то ни стало удержать противника в Нормандии с помощью мощного контрудара. Так родился план операции «Люттих». XLVII танковый корпус в составе 2-й и 116-й танковых дивизий должен был прорваться вдоль реки Вир к побережью Атлантики и отрезать зашедшие далеко на юг дивизии Паттона. Его должны были поддерживать остатки 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх» и только что прибывшая 9-я танковая дивизия. Предполагалось также снять с фронта у Кана 1-ю танковую дивизию СС «Лейбштандарт» и включить в состав ударной группы. Наступление предполагалось начать 6 августа из района Мортена.

Началась сложная шахматная партия, состоявшая из де-

бюта, миттельшпиля и эндшпиля. Черные, в смысле немцы, задумали авантюрную атаку прямо из дебюта, не развив фигуры. Гитлер давно уже потерял всякое чувство реальности, поэтому никого не удивляет его приказ: «Исход битвы за Францию зависит от успеха наступления. Верховное Командование «Запад» получило уникальную возможность, которая больше не повторится, прорвать слишком растянутый фронт противника и таким образом полностью изменить ситуацию». Блицкриг, понимаешь. Напомним, что в это самое время на Восточном фронте завершалась Белорусская операция и начиналась Ясско-Кишиневская. В такой обстановке только и мечтать о решающих наступлениях. Поэтому Клюге смотрел на вещи более реально и полагал, что этот удар позволит ему более спокойно отвести войска за Сену. В телефонном разговоре с фельдмаршалом Гитлер пообещал передать ему 60 «пантер», находившихся в резерве около Парижа, и 80 Т-IV из состава 11-й танковой дивизии, дислоцированной в Южной Франции. Уже из этих цифр становится понятно, какими ничтожными силами располагали немцы во Франции.

Американское командование предвидело возможность этого контрудара, но не знало деталей. В последний момент поздно вечером 6 августа командир XLVII танкового корпуса генерал фон Функ по телефону потребовал от командующего 7-й армией генерала Хауссера отложить атаку, так как 1-я танковая дивизии СС не успела прибыть к Мортену. Одновременно он потребовал снять командира 116-й танковой графа фон Шверина, который отказался передать танковый батальон 2-й дивизии. Операция еще не началась, а среди германских генералов уже запылились склоки. Хауссер отказался переносить начало наступления, так как знал, какое значение придает ему фюрер, но разрешил Функу задержку на 2 часа. Для атаки немцы сумели наскрести всего 120 танков и 32 штурмовых орудия. Атаку планировалось начать ночью, чтобы избежать ударов авиации союзников. Немецкий блицкриг получался каким-то одноногим.

Сразу после полуночи немцы пошли в наступление без предварительной артподготовки. На юге 2-я танковая дивизи-

зия СС «Дас Райх» сумела ворваться в Мортен и двинулась дальше. Наносившая главный удар 2-я танковая дивизия сумела продвинуться на 8 километров, но была остановлена 119-й пехотной дивизией. Наступавшая на севере 116-я танковая дивизия просто не сумела начать атаку. Ее участок фронта должна была занять 84-я пехотная дивизия, но граф фон Шверин вдруг засомневался: а сумеет ли пехота, в случае чего, выдержать давление американцев? И в результате наступление отменил. Раньше ничего подобного в немецкой армии просто не могло произойти. В результате операция «Люutih» провалилась, фактически не начавшись. Из 6 боевых групп в намеченное время атаковали только 3, а четвертая перешла в наступление с опозданием в 5 часов.

Сначала американцы восприняли происходящее довольно спокойно. Сообщение штаба VII корпуса в штаб армии было чистой правдой: «Нескоординированные атаки отдельных подразделений». Лишь после того, как рассвело, стали ясны истинные масштабы немецкого наступления, и тогда Коллинз запаниковал. Особенно его встревожило продвижение танков 2-й дивизии, которое угрожало прорывом фронта. Коллинз бросил навстречу ей сначала 3-ю танковую, а потом еще и 2-ю танковую дивизии. Одновременно он начал выдвигать к линии фронта резервы, сосредоточив вблизи Мортена все свои 5 пехотных и 2 танковые дивизии.

С наступлением рассвета немцы остановились и стали ждать неизбежные воздушные атаки. В дело вступили вооруженные ракетами английские «Тайфуны» и американские «Тандерболты». Летчики совершили около 500 вылетов и радостно сообщили об уничтожении 120 немецких танков, то есть они как бы полностью уничтожили немецкую ударную группу, хотя сами немцы этого не заметили. Однако авиация союзников все-таки сыграла свою роль, остановив противника. В результате немецкое наступление вылилось в серию столкновений местного значения.

Гитлер пришел в бешенство, поскольку операция «Люutih», на которую он возлагал такие большие надежды, провалилась. Виновником неудачи он назначил фельдмаршала Клюге. Под горячую руку попал и граф фон Шверин, кото-

рого отстранили от командования. Все еще лелея надежды на гр-рандиозный успех, фюрер приказал двинуть к Мортену 9, 10 и 12-ю танковые дивизии СС, сняв их с фронта английской армии. Так постепенно начал формироваться пресловутый «Фалезский мешок».

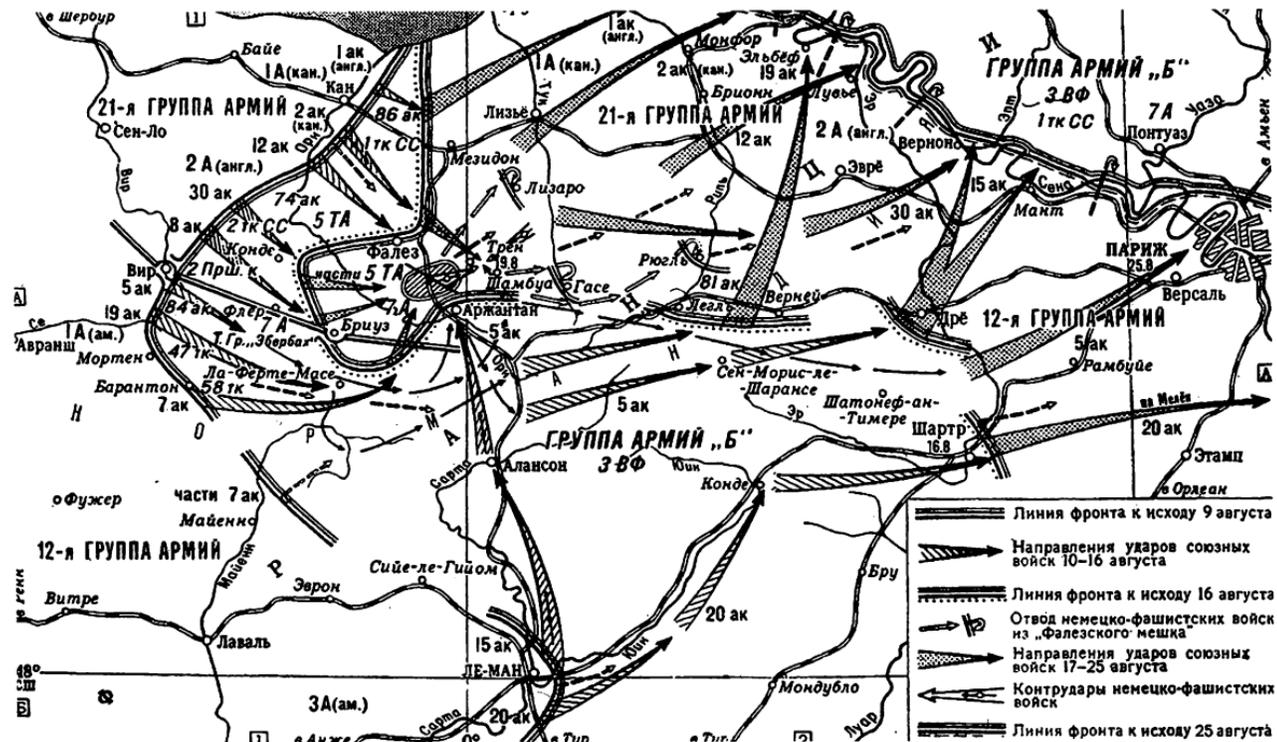
Следующий ход в этом сложном дебюте сделали союзники. 8 августа в наступление перешла 1-я Канадская армия, ее целью был как раз Фалез. Ключе пришлось принимать спешные меры, так как Гитлер оставил этот участок фронта без танковых частей. 10-я танковая дивизии СС «Фрундсберг» уже убыла к Мортену, но остальные две дивизии Ключе успел остановить. Немцы планировали возобновить наступление на Мортен вечером 9 августа (опять же под покровом темноты, чтобы укрыться от истребителей-бомбардировщиков союзников), но им пришлось делать выжидательный ход, отложив его на сутки. Хотя канадцев удалось остановить, имелись все основания подозревать, что наступление будет продолжено. А тут еще американцы сделали ход на противоположном фланге. Армия Паттона заняла Ле Ман, в результате чего начал вырисовываться глубокий охват немецких сил в Нормандии, хотя американцы к этому совсем не стремились. Ключе был вынужден задержать 9-ю танковую дивизию в Алансоне.

Тем временем Гитлер затеял сложную перестройку фигур. По-русски это называется «сделать оргвыводы и принять меры». Для начала был отстранен генерал Функ, командовавший наступлением, и руководство взял на себя командующий танковой группой «Запад» генерал Эбербах. Но Эбербах решил отложить новое наступление до 20 августа. Первая попытка немецкого блицкрига на Западном фронте провалилась с треском, слишком уж велико было неравенство сил. Впрочем, она дала определенные результаты. Части 5-й танковой и 7-й армий сами залезли в мешок в районе Фалеза.

Однако ставшему командующим 12-й группой армий генералу Брэдли понадобилось много времени, чтобы осознать это. До командующего 3-й армией «гениального полководца» Паттона смысл происходящего вообще не дошел. Он

продолжал гнать свои войска в самых различных направлениях, стремясь занять как можно большую территорию, и постоянно требовал у Брэдли подкреплений, «чтобы обеспечить свои фланги». Вместо нанесения одного мощного удара он двинул свои войска, что называется, по всему горизонту. XV корпус наступал на восток, XX корпус — на юго-восток, VIII корпус двигался на юг, не очень понятно зачем. В своей книге генерал Брэдли приводит карту, изображающую положение во Франции на 14 августа, где положение армии Паттона гордо названо «линией фронта». Но ведь у линии фронта просто обязаны быть две стороны, а в данном случае вторая сторона, немецкая, отсутствовала. Дивизии Паттона катились по территории Франции в прогулочном режиме. А с учетом вспыхивающих тут и там восстаний французского Сопротивления можно сказать, что Паттон сумел реализовать розовую мечту советских довоенных теоретиков — глубокую операцию в ее кристально чистом виде. Это был глубокий прорыв механизированных сил, который немедленно приводил к **политическим** результатам — свержению «ненавистного антинародного режима». Вот такая странная ирония судьбы получается.

Иногда на карте театра военных действий складывается такая картина, которую способен понять даже американский генерал. И вот во время совещания Брэдли с Эйзенхауэром было решено попытаться захлопнуть ловушку, в которую немцы сами залезли. На всякий случай американцы проконсультировались по телефону с Монтгомери, и тот согласился с изменением планов. Однако, не желая упускать свой кусочек лавров, Монти потребовал, чтобы канадцы продолжали наступление, и котел был образован совместным ударом на Фалез с севера и юга. Оставалась сушая мелочь — найти силы для решающего удара. В советской или немецкой армиях с этим не возникло бы никаких проблем. Наши командиры могли выделить танковую армию, немцы — примерно равный ей по силам танковый корпус, но для западных союзников это была трудноразрешимая задача, потому что у них не было ни того, ни другого.

Фалезская операция

Как мы уже говорили, генерал Паттон ничего не понимал в происходящем, поэтому, даже получив недвусмысленный приказ Эйзенхауэра, попытался наступать в две стороны одновременно. Часть сил XV корпуса (но только часть!) он направил на Алансон, чтобы оттуда выйти к Аржантану. В результате к Алансону вышли только американская 5-я танковая и французская 2-я танковая дивизии. Завязались упорные бои, так как немцы совсем не были расположены отдавать город. Бои шли двое суток, после чего союзникам удалось-таки прорваться к Аржантану. Бои вокруг этого города отличались не меньшим упорством, но когда французы 13 августа все-таки вошли в Аржантан, немецкие танковые резервы почти сразу выбили их оттуда.

Действия Брэдли и Монтгомери в это время отмечены большим глубокомыслием. Немцы в результате своего неудачного наступления глубоко увязли на фронте Вир — Мортен — Барантон. Худо ли, хорошо ли, но 3-я армия Паттона наступала на Аржантан, поэтому мощный удар от Кана на Фалез и далее на Аржантан отрезал две немецкие армии. Вместо этого общими силами двух групп армий 10 августа было начато **фронтальное** наступление, которые, наоборот, выжимало немцев из намечающегося котла.

И все-таки положение немцев продолжало ухудшаться. Гитлер упрямо цеплялся за идею контрудара и не позволял отвести войска на линию Сены, хотя этот контрудар окончательно потерял всякий смысл. Модель и Эбербах были поставлены перед тяжелой задачей спасти то, что еще можно спасти, но при этом не слишком рассердить фюрера. Поэтому Эбербах перебросил к Аржантану 116-ю танковую дивизию и в очередной раз отложил начало наступления, теперь до 14 августа. Что на самом деле думал генерал — остается загадкой. Я не хочу огульно обвинять всех германских генералов, но если уж начальник ОКВ носит ласковое прозвище Лакейтель, это тоже кое о чем говорит. Эбербах хотел нанести удар с востока, отрезать и уничтожить прорвавшиеся две танковые дивизии союзников. Но, собрав под Аржантаном 1-ю танковую СС, 2-ю и 116-ю танковые дивизии, Эбербах

обнаружил, что имеет всего 70 танков, в то время как каждая из дивизий союзников имела более 200 танков.

Но 13 августа все встало с ног на голову. Высшее командование союзников еще раз показало, что законы войны для него остаются тайной за семью печатями. Никакие попытки найти мало-мальски удовлетворительное объяснение произошедшему далее не приносят успеха, а объяснения многозвездных генералов US Army звучат как детский лепет. Впрочем, приведем ставшую знаменитой телефонограмму Паттона: «Наши части в Аржантане. Позвольте мне двинуться на Фалез, и мы сбросим англичан в море, устроив им второй Дюнкерк». Когда о ней стало известно, Эйзенхауэру пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы замять вспыхнувший скандал.

К 13 августа между канадскими и американскими войсками, находящимися в Фалезе и Аржантане, оставалось около 30 километров. Оставалось сделать последнее небольшое усилие, и в мешке оказались бы 2 штаба армий, 4 штаба корпусов и 15 немецких дивизий. В то, чтодвигающиеся со скоростью улитки войска Монтгомери сумеют закрыть горло мешка, верилось с трудом, но ведь это могли сделать американцы.

Что же говорит обо всем этом одно из главных действующих лиц — генерал Омар Брэдли?

«Пока мы нетерпеливо ожидали Монти в Аржантане, противник усилил оборону коридора. Авангарды танковых войск и частей СС уже отходили через коридор, направляясь к Сене. Но вместо того, чтобы удвоить усилия и отрезать немцам путь отхода, Монти увеличил давление на противника, оставшегося в западной части котла. Он не закрыл брешь у Фалеза, а продолжал оттеснять противника к Сене. Если тактика Монти озадачивала меня, то Эйзенхауэра она просто пугала. А на командном пункте 3-й армии, где пораженные офицеры беспомощно наблюдали, как ускользает от них добыча, Паттон проклинал Монтгомери за грубую ошибку. Джордж был раздражен вдвойне, потому что ему самому не разрешили закрыть проход. Но Монти никогда не возражал, а я никогда не предлагал закрыть проход между

Аржантаном и Фалезом силами только американских войск. Я вполне довольствовался нашей первоначальной задачей и не хотел брать на себя другую.

Хотя Паттон мог закрыть эту узкую горловину, я сомневался, что он сможет удержать ее. Девятнадцать немецких дивизий панически стремились вырваться из ловушки, а Джордж с четырьмя дивизиями и без того блокировал три главных пути отхода через Алансон, Се и Аржантан. Если бы он продвинул свои войска до Фалеза, ему пришлось бы охватить дополнительный участок в 65 километров. Стремительно отходящий противник мог не только прорваться, но и смять Паттона. Я, конечно, предпочитал прочно удерживаться на рубеже у Аржантана вместо того, чтобы идти на Фалез, рискуя сломать шею.

Кроме того, я не хотел рисковать столкновением двух армий, что могло случиться, если бы Паттон двинулся на Фалез. Всякое встречное движение становится опасным и не поддающимся контролю маневром, если каждая из сторон не будет остановлена на определенном рубеже в соответствии с заранее согласованным планом. Беспорядочное вклинение американцев в боевые порядки наступающих войск Монтгомери легко могло привести к опасной путанице, так как англичане могли принять нас за немцев. Однако, задержав Паттона в Аржантане, я не поставил об этом в известность Монтгомери. Это решение было только моим. Оно никогда не выходило за пределы моего командного пункта».

Судить я предоставляю вам. Блестящая возможность уничтожить две немецкие армии была упущена. Впрочем, фанфарон и хвостун Паттон не нуждался в лишних приглашениях и охотно повернул XV корпус на восток. Ведь там его ожидали лавры освободителя Парижа. Но самое обидное для него — этих лавров он так и не получил. Нарушив все приказы, в Париж первой вошла французская танковая дивизия генерала Леклерка.

Впрочем, у союзников нашелся очень влиятельный союзник, если позволить себе такую тавтологию. Гитлер отказался от мысли отрезать всю армию Паттона, но упорно продолжал требовать отрезать, окружить и уничтожить XV

корпус. Как это мог сделать Эбербах, силы которого сократились уже до 60 танков, никому не приходило в голову. При этом фюрер в очередной раз запретил отводить войска из Фалезского мешка. Создалась совершенно безумная, невероятная ситуация: немцы по самые уши залезли в окружение и упрямо отказывались спасать свои армии, но союзники с еще большей настойчивостью и упрямством отказывались эти армии окружать и уничтожать. Шахматная партия, сначала развивавшаяся более или менее нормально, превратилась в настоящие поддавки.

16 августа канадцы доползли до Фалеза и заняли его. Горловина мешка сузилась до 20 километров. Командующий Группой армий «Б» фельдмаршал Клюге крутился, как на горячей сковородке. Он радировал ОКВ, что его танковые части не имеют ни танков, ни топлива, поэтому ни о каких наступательных действиях не может идти речи, следует думать только о спасении. Не дождавшись разрешения командования, Клюге своей властью приказал начать отвод войск из Фалезского мешка. При этом немцы сумели огрызнуться в последний раз. Остатки 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх» и 116-й танковой дивизии отчаянным ударом отбросили американскую 90-ю пехотную дивизию, немного расширив горловину.

Поздно вечером 16 августа немцы начали отвод войск из мешка. Там находились 9 пехотных и 6 танковых дивизий. К этому времени ширина Фалезского мешка сократилась до 25 километров, и он насквозь простреливался артиллерией союзников. Однако Гитлер решил еще более осложнить положение своих генералов, и в самый напряженный момент снял командующего Группой армий «Б» фельдмаршала фон Клюге, заменив его фельдмаршалом Моделем, причем сделано это было в самой бесцеремонной манере. Вечером 17 августа Модель прибыл в штаб группы армий, привезя приказ о смещении Клюге. Тот правильно понял намек и на следующий день покончил с собой.

Модель, прозванный «львом обороны», должен был в очередной раз совершить невозможное. Он разрешил своим дивизиям бросить тяжелое вооружение и технику и бежать.

Артиллерия союзников расстреливала немецкие колонны, истребители-бомбардировщики охотились за каждой замеченной машиной, но пехота и танкисты по совершенно непонятной причине хладнокровно следили за этим бегством. Робкая попытка 1-й польской танковой дивизии перекрыть горловину привела к тому, что в результате контрудара частей II парашютного корпуса генерала Мейндля поляки сами оказались в окружении.

Точные цифры немецких потерь до сих пор остаются неизвестными. Предположительно немцы потеряли около 10 000 человек убитыми и 40 000 пленными. Самое любопытное, что потери союзников оказались лишь немногим меньше, если вообще меньше. Дело в том, что «победители» свои потери скрывали гораздо более усердно, чем побежденные. Известно только, что на одном северном фланге союзники потеряли около 7000 человек убитыми. Потери армии Паттона, действовавшей на южном фланге, остались неизвестными.

Резюме. Во время боев в Нормандии трижды возникала ситуация, когда та или иная сторона могла попытаться провести операцию блицкрига. И все три раза эта возможность была упущена, хотя всякий раз причина была иной. В начале операции «Кобра», после прорыва американских войск на юг, никто из американских генералов просто не подумал о возможности окружить и уничтожить немецкие войска, имевшие совершенно открытый фланг и тыл. Паттона слишком соблазнила возможность занять как можно большую территорию. Попытка немцев провести операцию «Люттих» с целью отрезать прорвавшуюся 3-ю армию Паттона сорвалась по самой банальной причине — нехватке сил. Вдобавок немецкое командование, что было для него совершенно нехарактерно, не сумело реализовать свои собственные планы из-за путаницы и хаоса в системе управления. Третья, самая блестящая возможность окружить и уничтожить целых две немецкие армии представилась союзникам в результате слишком упрямого желания Гитлера провести операцию «Люттих». Это был первый и единственный слу-

чай на Западном фронте, когда союзники могли устроить настоящий котел, но по совершенно непонятным и необъяснимым причинам это не было сделано. В пору заподозрить прямую измену со стороны этих генералов, но ведь не могли же оказаться изменниками два командующих группами армий, три командующих армиями да еще верховный главнокомандующий в придачу?!

Глава 15

БЛИЦКРИГ УЩЕРБНЫЙ

Интересно, заметил ли кто-нибудь, что за весь 1944 год Вермахт на Восточном фронте ни одного раза не попытался провести крупную операцию? Немцы лишь оборонялись, практически всегда безуспешно, что мы уже отмечали, а все их активные действия сводились к тактическим контрударам. Именно тактическим, потому что даже оперативную обстановку эти выпады исправить не могли. На Западе, впрочем, их действия тоже носили вынужденно пассивный характер, Германия все острее ощущала нехватку сил. Однако даже в такой обстановке немцы (если уж говорить совсем точно — Гитлер) дважды попытались переломить ход военных действий, более того — сбросить союзников в море. Первой была совершенно неудачная операция «Люттих», которая провалилась, фактически не начавшись. Второй стала операция «Вахт ам Рейн» — зимнее наступление в Арденнах, которое изрядно потрепало нервы американцам и сильно подпортило отношения между ними и англичанами. Но давайте обо всем по порядку.

Еще 6 сентября 1944 года начальник штаба ОКХ генерал Йодль, всегда тонко чувствовавший настроения Гитлера, излагает фюреру свои соображения касательно «решающего крупного наступления на Западе». Однако Йодль изложил условия, при которых операция могла быть успешной, и сразу стало понятно, что планируемое наступление имеет очень немного шансов на успех, ведь самым главным было любым способом исключить противодействие союзной авиации. И

все-таки немедленно началось формирование специальной армии для этого наступления, она получила название 6-й танковой. Небольшое уточнение: 6-й танковой армией СС она стала только в январе 1945 года, хотя ее чаще всего называют именно так. Немецкие генералы рассмотрели несколько вариантов наступления и выбрали некий средний: ударом из района Аахена и Северного Люксембурга прорвать фронт союзников и стремительным броском танковых частей выйти к Антверпену. Это позволило бы отсечь английскую 21-ю группу армий и устроить ей второй Дюнкерк. Да, мелочиться немецкие генералы не собирались.

11 ноября в ОКВ была создана специальная группа во главе с тем же Йодлем, которая занялась уже детальной разработкой плана операции «Вахта на Рейне». План операции был прост. Предполагалось, что ударная группировка на второй день наступления выйдет к реке Маас и создаст два плацдарма на ее западном берегу — между Льежем и Намюром. После этого танковые дивизии в течение последующих 5 дней выйдут к Амстердаму и разрежут армии союзников надвое. Задача облегчалась тем, что на 130-километровом фронте в Арденнах оборонялись всего 4 американских дивизии 1-й армии генерала Ходжеса. Впрочем, и у немцев положение тоже было далеко не блестящим. Скорее, даже скверным оно было.

Формально ОКВ намеревалось собрать 9 танковых и 13 пехотных дивизий. Но что это были за дивизии! Большую часть пехоты составляли так называемые фолькс-гренадерские дивизии, которые по всем статьям уступали обычным пехотным. В то же время не следует путать их с фольксштурмом, который являлся попросту ополчением. Фольксгренадерские дивизии немцы начали формировать осенью 1944 года после операции «Багратион», когда была уничтожена Группа армий «Центр». Главным их отличием было то, что они имели всего 6 пехотных батальонов вместо 9 в нормальных дивизиях, а основным вооружением было легкое стрелковое. Вдобавок значительная часть личного состава не имела боевого опыта.

Только 22 октября с планом операции знакомят коман-

дующего Западным фронтом фельдмаршала Рундштедта и командующего Группой армий «Б» фельдмаршала Моделя, которым и предстояло заниматься его реализацией. Каждый из них предложил свой вариант плана операции, который Йодль, разумеется, зарубил. По его плану главный удар наносила 6-я танковая армия, которая и должна была форсировать Маас под Льежем. Основу ее ударной мощи составлял 1-й танковый корпус СС, но, увы, он даже отдаленно не напоминал танковый кулак, наступавший под Курском. В него вошли 1-я и 12-я танковые дивизии СС, 12-я и 277-я фолькс-гренадерские дивизии и — уж совершенно непонятно зачем — 3-я парашютно-десантная дивизия. То есть его пехотные дивизии были откровенно слабыми, и рассчитывать на них всерьез группенфюрер Герман Присс не мог. 5-я танковая армия наступала левее и имела задачу прикрывать 6-ю танковую от удара союзников с запада. О состоянии 5-й танковой лучше всего говорит тот факт, что в его LXVI танковый корпус входили всего две фолькс-гренадерские дивизии и ни одной танковой! Самая слабая 7-я армия действовала еще левее и имела задачу прикрывать фланги ударной группировки с юга. При этом генерал Йодль с прямоотой отчаяния писал, что цели операции «не соответствуют имеющимся силам». Ведь по расчетам ОКВ в наступлении подобного масштаба должны были участвовать 15 танковых и 23 пехотных дивизии. У немцев не было и половины этого количества.

Гитлер подписал директиву о контрнаступлении 10 ноября. Буквально накануне генералы Брэдли (командующий 12-й Группой армий) и Эйзенхауэр (главнокомандующий союзников на Европейском ТВД) посетили штаб командира VIII корпуса генерала Миддлтона. Именно его корпус занимал позиции в Арденнах. Во время совещания все трое признали, что фронт американских дивизий слишком растянут, но это не представляет особого риска, так как фолькс-гренадерские дивизии немцев не способны ни к каким наступательным действиям. Более того, никто из американских генералов вообще не верил в немецкое наступление в Арденнах. В лучшем случае допускалась возможность отвлекаю-

шей атаки. После войны Миддлтон на вопрос о том, почему не были подготовлены оборонительные позиции, с наивностью младенца ответил: «А вы представляете, сколько людей и сил потребуется, чтобы отрыть траншею длиной 48 миль?»

Особое значение немецкое командование придавало диверсионной операции «Грейф». Командовать операцией должен был обер-штурмбаннфюрер Отто Скорцени. Ему же было поручено формирование отдельной 150-й бригады СС из солдат и офицеров, владеющих английским языком. Их предполагалось нарядить в американскую форму, вооружить трофейным оружием и посадить на американские бронетранспортеры. Бригада должна была войти в прорыв в полосе 6-й танковой армии, обогнать ее и, не вступая в бои с американцами, выйти к мостам через Маас между Льежем и Намюром. Захватив мосты, бригада должна была удержать их до подхода главных сил.

Утром 16 декабря, перед самым наступлением, войскам был зачитан приказ Рундштедта: «Солдаты Западного фронта, пробил ваш великий час! Вы все сами чувствуете: все поставлено на карту! Выполняйте же свой долг, отдайте все силы и совершите сверхчеловеческое во имя нашего фатерланда и нашего фюрера!» Такие трескучие приказы, как правило, отдают командиры, оказавшиеся в отчаянной ситуации и переставшие верить в успех. И все-таки на участке наступления немцы сумели создать превосходство в силах, хотя это было не слишком сложно, учитывая откровенную слабость корпуса Миддлтона. Они имели в 2,5 раза больше танков и солдат и в 4 раза больше артиллерии. Последнее было важно, так как наступление началось в плохую погоду, мешавшую действиям авиации. Одно из условий Йодля оказалось выполненным! Однако метель мешала не только американцам, но и немцам.

На рассвете немецкая артиллерия открыла бешеный огонь по американским позициям, после чего в атаку пошли специально сформированные пехотные штурмовые батальоны. И в очередной раз оправдалась старая штука: «Любой план существует только до первого выстрела». Наступление на правом фланге 1-го танкового корпуса СС застопорилось,

потому что именно в этот момент на позиции американской 99-й пехотной дивизии выдвинулась 2-я пехотная дивизия, чтобы сменить ее, и в результате 12-я и 277-я фолькс-гренадерские дивизии застряли практически на исходных позициях. Лишь на левом фланге парашютисты успешно двигались вперед, практически не встречая сопротивления. Начался процесс, смертельный для блицкрига, — сужение фронта наступления, однако им еще нужно было уметь воспользоваться. Впрочем, у наступающих проблемы возникают совершенно автоматически, в чем немцы убедились очень скоро.

Командующий 6-й танковой армией оберст-группенфюрер Дитрих решил бросить в бой свои танковые дивизии уже в первый день наступления, так как темп наступления был слишком малым. Однако 12-я танковая дивизия СС тоже застряла, так как ей пришлось ждать восстановления взорванного американцами виадука. 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт» вошла в прорыв в полосе 3-й парашютно-десантной дивизии и устремилась к Маасу. Но в результате наступление велось тонкой кишкой, которую американцы могли в любой момент перерезать. 5-я танковая армия также добилась успеха не на всем фронте наступления, а только на отдельных участках. 116-я, 2-я и Учебная танковые дивизии успешно двигались вперед, тогда как фолькс-гренадерские заметно отстали, что никого особенно не удивило. Командующий 7-й армией генерал Бранденбергер умело воспользовался успехом дивизий фон Мантейфеля, и его 5-я парашютно-десантная дивизия, смяв американские заслоны, двигалась вровень с Учебной танковой дивизией. Однако в целом немецкое наступление с первого же дня развивалось не так, как хотели Дитрих и фон Мантейфель. Прорыв оказался заметно уже, чем планировалось, единый фронт наступления немцы тоже не сумели выстроить. Он имел какие-то странные волнообразные очертания.

Американское командование узнало о начале немецкого наступления лишь через несколько часов. На спешно созванном совещании Эйзенхауэр решил бросить к участку прорыва две танковые дивизии: по одной с севера и юга. По-

рядок их использования должен был определить командующий 12-й группой армий генерал Брэдли. Это говорит о том; что американские генералы все еще не верили в серьезность происходящего. Они убедили себя, что немцы не способны на крупное наступление, а уж в Арденнах и подавно, и действовали соответственно.

Параллельно развивалась операция «Грейф», которую проводили диверсанты Скорцени. Хотя его батальон так и не сумел добраться до мостов через Маас, шуму в американском тылу он наделал изрядно. Генерал Паттон 17 декабря сообщал Эйзенхауэру: «Фрицы, прекрасно говорящие по-английски, навели шороху, резали провода, снимали дорожные указатели, обманывали целые дивизии и создали впечатление вклинения в нашу оборону». Американцам пришлось спешно заняться наведением порядка в собственном тылу. Кстати, наверное, это был чуть ли не единственный случай, когда немцы действительно использовали диверсионные соединения. Во всяком случае, во время операции «Барбаросса» постоянно звучавший вопль «Диверсанты!» не имел под собой никаких оснований.

Американцам пришлось срочно создавать целую сеть контрольно-пропускных пунктов, военная полиция допрашивала все и вся, невзирая на погоны. Вопросы задавались такие, ответить на которые мог только настоящий американец, типа имени подружки Микки Мауса. Правда, генерала Брэдли чуть не поймали, когда он совершенно правильно назвал столицу штата Иллинойс. Полицейский плохо выучил родную географию, и это создало проблемы для командующего группой армий. Кстати, кроме немцев, американцы взяли в плен и большое количество англичан, не имевших никакого представления об американских реалиях.

В конце концов большинство диверсантов было уничтожено. Пойманных американцы расстреливали без особых сомнений, так как немцы носили чужую форму. Скорцени предполагал подобное, но не делился своими соображениями с рядовыми участниками операции, однако и сам он, и его окружение под американской формой носили немецкую на случай попадания в плен.

Как мы уже говорили, метели помешали союзной авиации, однако они же сорвали и высадку немецкого парашютного десанта — операцию «Штоссер». Высадка состоялась лишь 17 декабря в 3.00 в 11 километрах севернее важного опорного пункта Мальмеди. Они должны были перекрыть дорогу, идущую через Мальмеди, и не допустить переброски американских подкреплений с севера. Но десантники оказались разбросанными по большой площади и свою задачу не выполнили. Единственное, что сумел сделать командир отряда подполковник фон дер Хейдте, — это собрать часть своих солдат и организовано сдать их в плен 20 декабря. В общем, все диверсионные операции в американском тылу завершились для немцев неудачей.

17 декабря немецкое наступление продолжилось, и буквально утром этого дня американцам пришлось на собственном опыте убедиться, что зверства эсэсовцев — это не выдумка советской пропаганды. Недалеко от Мальмеди танкисты боевой группы «Пейпер» из состава 1-й танковой дивизии СС в ходе скоротечного боя разгромили 256-й наблюдательный артиллерийский батальон, взяв большое количество пленных. Оберштурмбаннфюрер Пейпер уже прославился своими зверствами на Восточном фронте и, попав на Западный, своих привычек не изменил. Несколько десятков американцев были расстреляны. После войны Пейпера попытались судить и даже приговорили к пожизненному заключению за этот эпизод. То, что он в Советском Союзе уничтожал целые деревни вместе с жителями, американских судей не интересовало. Впрочем, не заинтересовали их и массовые расстрелы бельгийцев. «Пожизненное» заключение длилось всего 11 лет. В конце концов Пейпер переехал во Францию, где и был в 1976 году убит неизвестными лицами. Предполагается, что это были бывшие бойцы Сопrotивления, хотя лично мне **очень** хотелось бы думать, что это была удачная операция КГБ.

Но мы немного отвлеклись. 17 декабря танки Пейпера продолжали наступление, хотя не так быстро, как ожидалось. Сам Пейпер говорил, что дорога, по которой они дви-

гались, подходила для мотоциклов, но не для танков. В результате к вечеру он остановил свою колонну, растянувшуюся вдоль узкой дороги, так и не повернув на север. Здесь Пейпер допустил грубую ошибку, не захватив Мальмеди. В этом случае он мог прорваться к штабу 1-й армии или выйти к Льежу — крупнейшей базе снабжения союзников. Однако он предпочел скрупулезно исполнять приказ и двигался на запад к Маасу. Тем не менее в американских штабах началась тихая паника. Омар Брэдли пишет:

«В ходе арденнского сражения штаб 1-й армии вынужден был поспешно эвакуироваться из Спа, и, словно желая вознаградить себя за перенесенное унижение, офицеры этого штаба после боев начали рыться в донесениях и подбирать цитаты, «доказывающие», что 1-я армия предвидела опасность немецкого наступления, но ее предупреждения не были приняты во внимание в вышестоящем штабе, то есть в штабе группы армий. Такие утверждения 1-й армии являются чистой бессмыслицей, так как фон Рундштедту удалось ввести в заблуждение командование этой армии так же искусно, как и все остальное союзное командование. Я полностью принимаю на себя ответственность за «разумный риск», допущенный нами в Арденнах, но я отвергаю обвинение в том, что я якобы не обратил внимания на какие-то предупредительные сигналы.

11 декабря я посетил Кортни Ходжеса в Спа. Некоторые офицеры штаба 1-й армии любят говорить, что они своевременно предупреждали о грозящей опасности, но штаб группы армии из-за своей беспечности якобы не пожелал прислушаться к их словам. Если эти офицеры действительно предупреждали, то надо сказать, что им не удалось убедить своими доводами не только штаб группы армий, но даже и своего командующего армией. Ходжес не меньше нас был введен в заблуждение демонстративной подготовкой Рундштедта к контрнаступлению в районе реки Рур».

Нужно сказать, что местность в районе, выбранном немцами для наступления, была весьма специфической. Лесистый горный массив не позволял развернуть танковые силы широким фронтом и вынуждал наступать только по дорогам.

В связи с этим особое значение приобретали ключевые развилки, такие, как Мальмеди, Сен-Вит, Уффализ и Бастонь. Именно проблемы с захватом этих пунктов предопределили конечный провал немецкого наступления. 17 декабря немцы могли свободно захватить Мальмеди и Сен-Вит, которые никто не защищал, однако Пейпер, действуя строго по плану, прошел мимо Мальмеди, а на Сен-Вит по непонятным причинам немцы не обратили внимания. В результате немцам пришлось доставлять снабжение 2 танковым и 2 пехотным дивизиям 6-й танковой армии по единственной дороге, так как все остальные проходили через Сен-Вит. Похоже, Дитрих и фон Мантейфель сосредоточили свое внимание на участках, где наступление развивалось более успешно — севернее и южнее города. 18-я и 62-я фолькс-гренадерские дивизии приближались к нему настолько медленно, что американцы успели подготовиться. И если немецкие танки вбили клин во фронт американского VIII корпуса, то Сен-Вит образовал клин, вбитый во фронт немецкого XLVI танкового корпуса. Однако мы помним, что этот корпус был самым слабым в составе 5-й танковой армии и не имел ни одной танковой дивизии.

В результате, когда немцы 19 декабря добрались до Сен-Вита, американцы подготовились к обороне. В городе оказались окружены части 106-й пехотной и 9-й танковой дивизий, причем американцы, к великому удивлению противника, совсем не собирались сдаваться. На дорогах в немецком тылу образовались такие пробки, что Модель и фон Мантейфель были вынуждены бросить свои машины и идти пешком, чтобы успеть на совещание командования. Модель упрекнул фон Мантейфеля: «Мне кажется, что вы отстаете от графика, особенно в районе Сен-Вита». Тот согласился: «Да, но я захвачу его завтра». «Я жду этого. А чтобы вы захватили его побыстрее, завтра я передам вам бригады охраны фюрера», — пообещал Модель.

Однако день 20 декабря прошел в секторе Сен-Вита на удивление спокойно. Немцы просто не сумели подготовить атаку, так как артиллерия застряла далеко позади. И в этот же день произошло еще одно событие, которое окончательно-

но поставило крест на блицоперации. Наступавшие до сих пор вполне успешно танковые дивизии Мантейфеля южнее Сен-Вита уперлись в другой ключевой пункт — Бастонь.

Потерявший терпение фон Мантейфель 20 декабря приказал полковнику Ремеру, командиру бригады охраны фюрера, одному штурмовать Сен-Вит. Однако Ремера больше интересовало успешное продвижение на запад и лавры победителя американцев, в успехе штурма опорного пункта он сомневался и потому решил изобразить атаку, но не более того. После того как американские противотанковые орудия подбили 4 головных танка, Ремер отменил атаку. А 21 декабря он вообще плюнул на Сен-Вит и двинулся дальше, предоставив штурм города фолькс-гренадерским дивизиям. Такое поведение может показаться странным, но следует помнить, кем был полковник Ремер. Именно он, тогда еще майор, внес главный вклад в подавление мятежа 20 июля, а потому он пользовался полным доверием и благоволением фюрера. Это позволяло ему временами игнорировать приказы генералов.

21 декабря XLVI танковый корпус подтянул артиллерию, и после непродолжительного обстрела вечером пехота пошла в атаку. Американцы занимали позиции на невысоком хребте восточнее города. Артподготовка оказалась недостаточно эффективной, и ответный огонь американской артиллерии нанес немцам ощутимые потери. И все-таки они сумели просочиться сквозь американские линии и завязать бой в глубине обороны. А в сумерках появились целых 6 «тигров», которые, ведя огонь с большой дистанции, уничтожили все американские танки и начали обстреливать окопы. Американская пехота не выдержала и начала отходить. Командовавший отрядом подполковник Фуллер просто сбежал, бросив своих солдат.

Командовавший гарнизоном Сен-Вита генерал Кларк из 7-й танковой дивизии «хладнокровно возглавил отступление и сумел создать новую линию обороны в 1000 ярдах позади города». Во всяком случае, так утверждают американские историки. Правда, они не говорят ни слова о боях за сам

Сен-Вит. Зато они с удовольствием сообщают, что ворвавшиеся в город с нескольких сторон немцы занялись грабежом брошенного американцами имущества. В общем, в Сен-Вите возникла очередная дорожная пробка, и примчавшийся туда Модель снова был вынужден идти пешком. Наверное, не самое привычное занятие для фельдмаршала.

Как нетрудно увидеть, история с обороной Сен-Вита, которой время от времени хвастают американцы, выглядит довольно сомнительно. По непонятным причинам немцы долго не обращали внимания на этот город, а когда обратили, американский гарнизон не продержался и одного дня. И все-таки немцы в критический период лишились одного из кратчайших путей к Маасу.

Второй кратчайший путь проходил через город Бастонь. Его судьба была решена на совещании вечером 19 декабря у Эйзенхауэра. Паттон, в присущей только ему манере, заявил: «На хрен. Соберемся с духом и позволим этим ублюдкам добежать до Парижа. Затем мы простоотрежем их и сожрем». Некоторые резоны в такой идее имелись, она позволяла в полной мере использовать мобильность американских войск, хотя отдавать Париж все-таки не следовало. Однако Эйзенхауэр и Брэдли предпочли более осторожный вариант. Главнокомандующий жестко ответил Паттону: «Противнику ни в коем случае не позволят форсировать Маас». Эйзенхауэр решил прочно удерживать края прорыва, заблокировать важные дорожные развилки в Сен-Вите и Бастони и создать линию обороны на Маасе.

19 декабря части фон Мантейфеля подошли к Бастони, но ее гарнизон уже занял оборону. Отметим, что он был ничуть не сильнее гарнизона Сен-Вита — 101-я парашютно-десантная дивизия генерала МакОлиффа и отдельные подразделения 10-й танковой дивизии. Единственным серьезным отличием стало присутствие в городе 4 батальонов корпусной артиллерии. Впрочем, МакОлифф не испытывал твердой уверенности в исходе боев и пообещал командиру корпуса Миддлтону продержаться двое суток в случае полного окружения. Генерал едва успел вернуться в город из штаба

корпуса — немецкие танки перерезали дорогу через полчаса после его возвращения.

Немцы повторили свою ошибку, предпочтя просто окружить Бастонь, вместо того чтобы предпринять решительный штурм. 21 и 22 декабря они прощупывают оборону, в то время как танки фон Мантейфеля вынуждены пробираться вокруг города лесными тропками. Похоже, немецкий командующий решил взять город малой кровью, потому что 22 декабря он послал парламентариев с предложением сдать город. То, что произошло позднее, стало одним из самых замечательных эпизодов американской военной истории.

Когда МакОлиффу принесли бумагу, он расхохотался и грохнул: «На х...!» Потом генерал поинтересовался у своего штаба, что думают по этому поводу офицеры. Кто-то дипломатично заметил: «Ваши слова будет трудно перевести». В результате американцы решили ничего не переводить, и немецкий ультиматум вернулся обратно с приписанным единственным словом. Понятно, что никто из культурных немецких офицеров не понял непереводимой игры слов американских бродяг. Поэтому они поинтересовались у американского полковника, передавшего ответ, что же он, собственно, означает. Полковник охотно пояснил, что на литературном английском это единственное слово означает «Пошли к черту!».

Однако нельзя сказать, что гарнизон не испытывал никаких проблем, пусть даже немцы и не штурмовали город всерьез. Дело в том, что американская артиллерия охотно обстреливала любую замеченную цель, и в результате к полудню 22 декабря начала испытывать нехватку боеприпасов. МакОлифф приказал беречь их на случай штурма. В результате немцы спокойно разъезжали буквально за окраинами, ничего не опасаясь.

Вообще-то судьба Бастони наглядно показывает, что происходит с блицкригом, если в нем недостает одного из компонентов. Под Курском немцам не хватало саперных частей, здесь они наступали без авиационной поддержки и тоже столкнулись с множеством проблем. Если бы в ход по-

шли пикировщики, судьба Бастони решилась бы так же быстро, как судьба, скажем, Тобрука.

Тем временем 3-я армия генерала Паттона начала контрнаступление с юга. 4-я танковая дивизия получила задание прорваться и деблокировать Бастонь, однако она наступала слишком медленно. Как всегда в подобных случаях, нашлись тридцать три объяснения. Во-первых, танковый парк дивизии был слишком изношен и не выдерживал длительных маршей. Многие экипажи были слишком неопытными... И так далее, и тому подобное. Паттон требовал, чтобы дивизия «мчалась, как дьявол», однако она ползла подобно улитке.

Защитники Бастони начали уставать, хотя немцы по-прежнему проводили только пробные атаки малыми силами. И тут на помощь американцам пришел сам Господь Бог, иначе сказать невозможно. 23 декабря резко улучшилась погода, что позволило вступить в игру самолетам 9-й воздушной армии. Как мы не раз отмечали, на Европейском ТВД американцы так и не наладили систему взаимодействия войск и авиации, зато американские летчики занялись любимым делом — принялись охотиться буквально за каждой замеченной немецкой машиной, вынудив противника укрываться по лесам. Такая косвенная поддержка оказалась довольно эффективной, правда, главным образом вследствие большого количества вылетов. За один день 9-я воздушная армия совершила 1300 вылетов. Но более значительной оказалась помощь транспортной авиации. Американские воздушные мосты работали куда надежнее, чем у Геринга, и гарнизон Бастони получил 95% сброшенных грузов. Однако 24 декабря немцы подготовились лучше, разместив вокруг города большое количество зениток, и сбили довольно много транспортных самолетов.

25 декабря немцы наконец-то решились на общий штурм города. Предполагалось, что его будет вести свежая 25-я панцер-гренадерская дивизия, но вовремя успели прибыть только 2 батальона мотопехоты, 2 батальона самоходной артиллерии и 18 танков. Этот отряд сразу был брошен на

штурм, без разведки и подготовки, ведь Модель потребовал немедленно захватить Бастонь. Ему должна была помочь пехота 26-й фолькс-гренадерской дивизии. В очередной раз немцы были вынуждены планировать свои действия так, чтобы не попасть под удар авиации американцев, поэтому штурм был назначен на утро. Город должен был пасть к 9.00. Но штурм был отбит, а приказы штаба корпуса привели только к ненужным потерям. А ближе к вечеру этого же дня танки 4-й дивизии добрались-таки до Бастони. Как любопытный исторический факт укажем, что это был боевой дебют штурмового танка («Шерман» с усиленной лобовой броней).

Хотя немецкое командование уже поняло, что операция успехом не завершится, оно продолжало наступление. Вместо нормального прорыва фронта получились две тонкие кишки — на севере в полосе 1-й танковой дивизии СС, на юге — в полосе 2-й танковой дивизии. Американская артиллерия простреливала их насквозь. Ничего хорошего такое развитие событий не обещало. Похоже, Модель решил подстраховаться и уже 18 декабря сообщил по телефону Рундштедту и Йодлю, что план провалился. 24 декабря Модель снова предложил вернуться к одному из первоначальных вариантов — использовать прорыв 2-й танковой дивизии для окружения и уничтожения американских частей на фронте у Мааса. Рундштедт смотрел на вещи еще более мрачно. 25 декабря он предложил вообще прекратить наступление, так как даже «малый вариант», предложенный фон Мантейфелем, стал невозможен. Однако Гитлер упрямо требовал наступать дальше.

Начиная с 21 декабря, немцы в основном старались выровнять фронт. И если «карман» у Сен-Вита они сумели ликвидировать, то «нарыв» в Бастони сохранился до самого конца операции. 5-я танковая армия с горем пополам, но все-таки двигалась дальше. Несмотря на усиливающееся противодействие авиации союзников, 23 декабря 2-я танковая дивизия подошла на расстояние 27 километров к городку Динан, где была встречена американской танковой дивизи-

ей с тем же номером. После трех дней упорных боев дивизия потеряла около 80 танков и была остановлена. По крайней мере, так утверждают американцы. Второе невозможно оспаривать, первое невозможно проверить. 6-я танковая армия действовала крайне неудачно. Она не сумела продвигнуться на направлении Льежа, не сумела нормально прикрыть фланг 5-й танковой. Все полученные резервы Дитрих израсходовал на укрепление северного фаса выступа.

А по другую сторону линии фронта назревала очередная склока между англичанами и американцами. 20 декабря Эйзенхауэр принял совершенно разумное с военной точки зрения решение: разделить опасный участок на два — северный и южный. Оказавшаяся на северном фесе выступа американская 1-я армия была подчинена Монтгомери. Такое решение стало серьезной ошибкой далекого от политики генерала, хотя Брэдли сразу предупреждал его, что это приведет к падению авторитета американцев. Монтгомери сделал все возможное, чтобы не участвовать в сражении, но при этом выглядеть истинным Спасителем. Он развернул свой XXX корпус на рубеже Мааса с единственной целью — прикрыть фланг и тыл 21-й группы армий, блокировав мосты в Живе, Динане и Намюре. Отдуваться пришлось все той же 1-й армии. Убедительным свидетельством того, как англичане сражались в Арденнах, является цифра их потерь — 200 человек.

Когда Модель понял, что 6-я танковая армия остановлена, он решил все надежды возложить на армию фон Мантейфеля, поручив Дитриху прикрывать ее фланг. Однако при этом резервный II танковый корпус СС все-таки передал именно Дитриху, так как главные силы 6-й танковой армии были связаны боями. Этот корпус должен был захватить очередную дорожную развязку у Вербомона, которую прикрывала американская 82-я парашютно-десантная дивизия.

На рассвете 23 декабря после сильнейшей ночной метели эсэсовцы попытались прорвать ее позиции, но были отбиты. Однако ближе к вечеру подтянулась 2-я танковая дивизия СС «Дас Райх» и после 20-минутной артподготовки отброси-

ла американских парашютистов. Однако на следующее утро погода улучшилась, и американские истребители-бомбардировщики начали охоту за немецкими танками. Это заставило немцев забыть о наступлении. Немецкое наступление окончательно выдохлось.

Резюме. Наступление в Арденнах стало последней отчаянной попыткой Вермахта нанести поражение союзникам на Западном фронте. Задумывалось оно в стиле классического блицкрига — стремительный танковый удар с окружением и уничтожением крупных сил противника. Однако в его ходе еще более отчетливо, чем во время операции «Люттих», проявилась неспособность немецкой армии к наступательным действиям. Прежде всего немцы не сумели собрать достаточные силы. Например, Учебная танковая дивизия к началу наступления имела всего 57 танков. Превосходство союзников в воздухе вынудило немцев пользоваться плохой погодой, исключая вмешательство авиации, но такое решение лишало воздушной поддержки и собственные войска, что могло привести к роковым последствиям, как во время боев за Бастонь. Ошибочным оказался и выбор района наступления. Да, немцы нащупали слабое место фронта союзников и еще раз доказали, что танки могут пройти через Арденны даже зимой. Но «пройти» совсем не означает «успешно сражаться». Даже 2-я танковая дивизия, наступавшая успешнее всех остальных, проходила за день не более 10 километров, что для блицкрига мало. Короче, операция «Вахт ам Рейн» была попыткой с негодными средствами, и все успехи немцев объясняются только беспечностью американцев.

Глава 16

АВГУСТОВСКАЯ ГРОЗА

Наверное, кое-кто скажет, что уже видел это название, и будет совершенно прав. Действительно, есть одна книга под этим названием, посвященная августовским боям 1945 года

в Маньчжурии. Странно другое. Вы не заметили, что как-то постепенно ведущим историком Великой Отечественной войны в России стал Дэвид Гланц? Вам это не кажется удивительным? Вот когда выходят книги Пауля Карелля — оно понятно, как-никак пострадавшая сторона, очень заинтересованное лицо. Но при чем тут Гланц? Полковник американской армии, преподаватель штабного колледжа в Ливенворте, он какое отношение имеет к этой войне? И чем же занят весь наш монументальный Институт военной истории, засиженный академиками, профессорами и докторами наук, как портрет Франца-Иосифа мухами? Лично мне кажется, что изучать историю Великой Отечественной по американским пересказам, по меньшей мере, неловко.

К августу 1945 года на дальневосточных границах Советского Союза отчетливо запахло порохом. Советский Союз принял на себя обязательство начать войну против Японии после окончания военных действий в Европе и намеревался выполнить свои обязательства. Здесь следует сказать несколько слов о мифической угрозе японской агрессии, якобы существовавшей в 1941 году.

Представим, что Япония напала на СССР. В результате она могла получить лишь еще одну тяжелую, затяжную войну с неопределенными (это в наилучшем случае!) перспективами, но при этом ни на шаг не приближалась к решению сырьевой проблемы. Наоборот, расходование стратегических запасов пошло бы ускоренными темпами с учетом масштабов такой войны. Даже в случае захвата каких-то территорий (предположим, жалко, что ли) Япония не приобретала ни капли нефти, ни грамма олова, свинца, цинка, каучука. Ничего этого в сибирской и якутской тайге не наблюдалось. Про освоение японцами Норильска не будет говорить даже сумасшедший. То есть японская агрессия против Советского Союза была бы просто бессмысленной. В самом удачном варианте, если допустить простую оккупацию Японией Приморья и Дальнего Востока, Япония приобретала одни проблемы, но никаких выгод. Японцы помнили уроки интервенции 1920-х годов. Трескучие заявления некоторых ге-

нералов так и остались пустым сотрясением воздуха. Все это подтверждается событиями, происшедшими после 22 июня.

25 июня 1941 года в Токио состоялось совместное заседание правительства и Императорской ставки. Министр иностранных дел Мацуока требовал начала военных действий и оказался в полном одиночестве. Против него дружно выступили военный и морской министры, а премьер-министр Коноэ высказался в том плане, что появляется возможность расторжения Тройственного пакта. 27 июня на новом заседании Мацуока вновь требует начала войны против СССР, на этот раз против него совместно выступают начальники Генеральных штабов армии и флота. Против оказалось даже командование Квантунской армии. Нападение следовало предпринимать в максимально благоприятных условиях, а для этого оставался отрезок времени менее месяца: с 15 августа по 10 сентября. Ранее японцы не могли сосредоточить превосходящие силы, а позднее начинался период осенних дождей, мешавших любому крупному наступлению. Вопрос был закрыт окончательно.

Но Советский Союз в августе 1945 года был настроен гораздо более решительно. Западные историки удивляются скромности претензий Сталина: возвращение южной части Сахалина и Курильских островов. Здесь действительно можно удивиться. Но вспомним, кто больше всего получил в результате разгрома Германии? Польша. Но в странах Восточной Европы были установлены промосковские режимы, так, может, Сталин и здесь рассчитывал на подобный сценарий: ограничиваясь скромными территориальными приобретениями, резко увеличить сферу своего политического влияния? И вдобавок: как вы себе представляете последствия оккупации Хоккайдо?

Исход боев в Маньчжурии был предreshен заранее, достаточно просто сравнить силы противостоящих группировок. После переброски на Дальний Восток дополнительных сил Советский Союз имел там более 1,6 миллиона солдат, более 26 000 орудий, 5500 танков и 3900 самолетов. Хотя общая численность войск противника достигала 1 миллиона

человек, имевших на вооружении 6600 орудий, около 1000 танков и 1800 самолетов, в собственно Маньчжурии находилось около 450 000 японских солдат. Боеспособность войск «независимой империи Манчжоу-Го» была такова, что учитывать их не имело смысла. Впрочем, как и «армию» МНР.

Еще больше ухудшала положение японцев разница в качестве вооружения. Японская армия испытывала острую нехватку тяжелой артиллерии. Противотанковые пушки имелись в ничтожных количествах, вдобавок эти 37-мм «огрызки» были просто бесполезны в борьбе против новых советских танков. Пехота не имела автоматов, да и с пулеметами положение было не лучшим. Несопоставим был и уровень боевой подготовки. За плечами советских солдат были четыре года тяжелых боев с упорным и умелым противником, а Квантунская армия к 1945 году представляла собой жалкое зрелище. В последние два года войны самые боеспособные дивизии были отправлены на Филиппины и в Китай, их заменили неподготовленные резервисты старших возрастов, которые составляли до половины общей численности. Армия испытывала острую нехватку бензина. Самое простое тому доказательство — практически полное отсутствие упоминаний о действиях японской авиации. Да, были какие-то отдельные атаки камикадзе, но две тысячи самолетов словно испарились. Японские танки в боях тоже не были замечены. Словом, нет ничего удивительного в стремительном разгроме японских войск в Маньчжурии.

В апреле 1945 года Советский Союз денонсировал договор о нейтралитете, а 8 августа объявил Японии войну. Вызывает удивление позиция некоторых **российских** историков, которые пытаются обвинить Сталина в вероломстве или коварстве. Использовали, дескать, разницу во времени, и японский посол даже не успел предупредить свое правительство. Японцы 7 декабря 1941 года пытались сделать то же самое, но из-за технических накладок и глупости посла в Вашингтоне предъявили свою ноту уже **после** нападения на Перл-Харбор. А здесь война была объявлена самым закон-

ным образом. Причем до начала военных действий. С японцами расплатились их же собственной монетой, но **честно**.

Замысел Маньчжурской стратегической наступательной операции был очень изящным. Если бы все шло так, как задумало командование, главную роль в наступлении предстояло бы сыграть 6-й гвардейской танковой армии генерала Кравченко. Она была включена в состав Забайкальского фронта, развернутого на том самом Тамцак-Булакском выступе, из-за которого шли бои на Халхин-Голе. Не стоит обвинять автора в непоследовательности, так как в главе, посвященной этим событиям, он писал о совершенной ничемности этого района. В 1939 году он действительно никому не был нужен. Да и сейчас сосредоточить в проклятой солнцем пустыне целую танковую армию было делом очень нелегким, тем более что помимо личного состава и техники приходилось завозить туда буквально все виды снабжения, включая воду. Но в результате мощная танковая группировка наносила удар с совершенно неожиданного направления, выходя в тыл японским укрепленным районам, построенным вдоль советско-китайской границы. Такой удар подрубал под корень всю систему японской обороны в Маньчжурии. Вот как об этом писал автор плана маршал Василевский:

«Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья — территории МНР — в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель — вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда, на пути наступления советских войск этой группы до выхода их в центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны

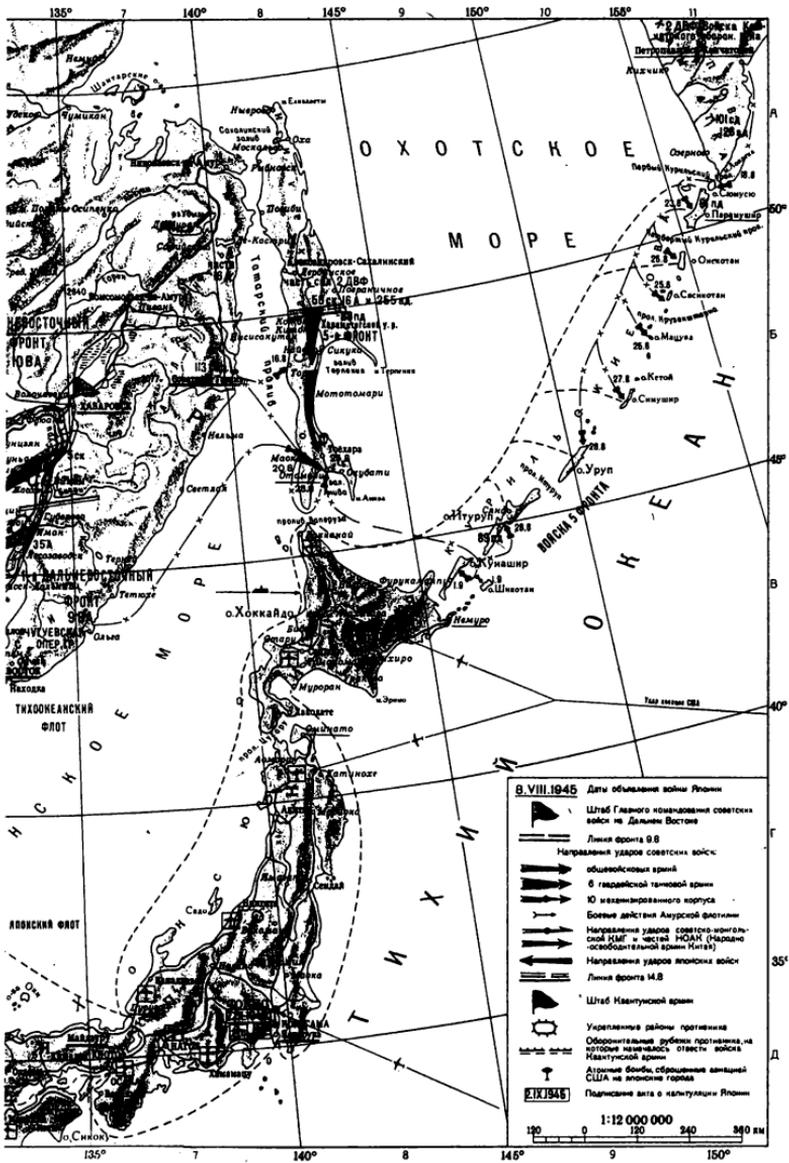
Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цзилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта. После соединения здесь войска этого и Забайкальского фронтов должны были развивать наступление в направлении на Мукден, Порт-Артур. Им предстояло прорвать полосу японских укрепленных районов; для этого они должны были иметь все необходимые силы и средства. Указанные направления обеспечивали полное окружение главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приморье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях».

А теперь присмотритесь повнимательней, вам этот план ничего не напоминает? Заход правым флангом в тыл вражеским армиям, занимающим укрепленный район. Ведь это же план Шлиффена! Только в отличие от немецкого варианта план, подготовленный маршалом Василевским, сработал на «отлично». Получился блицкриг в его первоизданной чистоте — противник даже не сумел толком подготовиться к обороне. Кстати, маленькая ремарка мимоходом. Согласно картам, которые приводит Дэвид Гланц в своей книге, река Халхин-Гол течет по **китайской** территории...

Однако при всей своей красоте этот план вызывает определенные сомнения. Судя по всему, советское командование обмануло само себя. Оно всерьез отнеслось к сказкам, которые рассказывали японцы о непреодолимой полосе укреплений на границе, о грозной и непобедимой Квантунской армии, и решило воевать с японцами по-настоящему. Японцы плохо представляли, с каким противником им предстоит сражаться, но и советская разведка тоже оказалась не на высоте. Собственно, есть подозрение, что наше командование не располагало вообще никакими сведениями о Маньчжурии, японских войсках, дислоцированных там, до-

Маньчжурская операция

рожной сети и так далее. Наверное, не стоило затевать хитрые обходные маневры и наступать через хребты Большого Хингана. Можно было просто ударить вдоль Южно-Маньчжурской железной дороги, как это было в Русско-японскую войну, и все закончилось бы так же быстро. Нечем японцам было останавливать танковую армию. Но что было сделано, то было сделано.

Забайкальский фронт маршала Р.Я. Малиновского начал наступление 9 августа в 00.10, через 10 минут после официального объявления войны. Никакой артиллерийской подготовки не проводилось за полной ее ненадобностью. Максимум, что могли встретить наши войска в этом районе, — конные дозоры баргутов. Конно-механизированная группа генерала Плиева, наступавшая на крайнем правом фланге фронта, за день прошла около 90 километров. 17-я армия генерала Данилова также противника не встретила, и ее авангарды прошли около 70 километров. Главная ударная сила фронта — 6-я гвардейская танковая — наступала двумя корпусными колоннами. Она прошла больше своих соседей и за день преодолела 150 километров, выйдя к подножию Большого Хингана — своего главного противника, гораздо более серьезного, чем все японские дивизии, вместе взятые. Для снабжения армии были задействованы 2 дивизии транспортной авиации. Лишь наступавшая на левом фланге в районе старых боев 39-я армия генерала Людникова встретила некоторое сопротивление японской 107-й дивизии, занимавшей Халун-Аршанский укрепрайон. Однако авангарды армии обошли его, проделав за сутки около 60 километров, что сразу сделало бессмысленным сопротивление на границе.

Сражаться пришлось и 36-й армии генерала Лучинского, наступавшей еще левее. Лучинский сразу бросил 206-ю танковую бригаду на город Хайлар, который являлся центром одноименного укрепленного района. Здесь, как, впрочем, и в других местах, японцы были захвачены врасплох. Уже к вечеру 9 августа танкисты захватили ключевые мосты к северу от города. Японские войска сумели немного задержать наши

танки, но 119-я пехотная дивизия, составлявшая основу гарнизона укрепрайона, начала отступать на восток. Чтобы не снижать темп наступления, генерал Лучинский направил танковую бригаду и 2-й стрелковый корпус в обход города. Как видите, теперь все наши генералы понимали, что ключ к успеху операции — высокий темп наступления. Хайлар был занят 11 августа 94-й стрелковой дивизией из второго эшелона армии. А 12 августа организованное отступление японских частей превратилось в паническое бегство.

Это наступление сразу скомкало все планы командующего Квантунской армией генерала Ямады. Японские тыловые части начали в панике откатываться к Чанчуню и Цицикару. Уже вечером 9 августа Ямада решил попытаться организовать оборону в районе Мудена, фактически бросив на произвол судьбы всю Маньчжурию. Практически все войска были или отрезаны на севере, или должны были бросить свои позиции и спешно отходить на юг.

10 августа танки генерала Кравченко начали форсирование хребтов Большого Хингана. Если бы японские генералы догадались выставить хоть какие-то дозоры на перевалах, его задача усложнилась бы неимоверно. Однако до сих пор Кравченко так и не встретил ни одного японца. Скорость продвижения танковой армии оказалась выше запланированной. За 3 дня она прошла около 350 километров по исключительно сложной местности. Единственным ограничением были постоянные проблемы со снабжением. Отметим также умелые действия генерала Людникова, который не стал связывать свои главные силы уничтожением 107-й дивизии, а двинул их дальше. В результате японцы сами бросили свои укрепления и начали отступать.

Лишь 13 августа 6-я гвардейская танковая армия встретила какое-то подобие сопротивления на подступах к Тунлюю и Таонаню. Это были всего лишь разрозненные группки и отдельные смертники, которые бросались под танки. Впрочем, если вы посмотрите на карту, то сразу поймете, что все это уже не имело никакого смысла. Наши войска находились в глубоком тылу Квантунской армии.

15 августа войска фронта наконец-то столкнулись с сопротивлением противника. Но самое смешное, это были не японские войска, а кавалерия баргутов, которая попыталась остановить продвижение конно-механизированной группы Плиева. Но 27-я мотострелковая бригада разогнала 3 кавалерийские дивизии. Японское командование 18 августа отдало приказ о капитуляции Квантунской армии, но баргуты продолжали изображать сопротивление до 21 августа. Единственной причиной этого можно считать лишь нарушение связи и общий хаос, наступивший в результате стремительного продвижения наших войск, а отнюдь не какой-то особый фанатизм и упорство.

Второй главный удар навстречу 6-й гвардейской танковой армии наносили войска 1-го Дальневосточного фронта маршала К.А. Мерецкова, образуя гигантские клещи, в которых оказалась бы вся Квантунская армия. Однако здесь ситуация была совершенно иной, чем в полосе наступления Забайкальского фронта. Восточные районы Маньчжурии были укреплены значительно сильнее, чем западные.

Но японцы, которые строили эти укрепления около 10 лет, похоже, оценивали возможности Красной Армии по своим собственным. Конечно, пехота при поддержке 75-мм орудий и горстки жестяных танков эти позиции не прорвала бы. Но выдержать удар тяжелых танков, поддержанных многочисленной тяжелой артиллерией и реактивными установками, эти позиции не могли. Уже к вечеру 9 августа три корпуса 5-й армии прорвали фронт на протяжении 35 километров, их продвижение в глубь маньчжурской территории составило от 16 до 25 километров. Если мы вспомним описания операций Панцерваффе, именно такими были критерии блицкрига. При этом ударная группировка не стала задерживаться для ликвидации уцелевших опорных пунктов в Суйфынхэ, Дунцине, Мулине. Этим занялись стрелковые корпуса второго эшелона, и сопротивление японцев не затянулось.

10 августа войска 5-й армии продолжали стремительное продвижение на запад и юг, выходя в тыл приграничным ук-

репленным районам. За этот день советские войска прошли до 30 километров, а ширина прорыва увеличилась до 75 километров. Японская оборона рухнула и на восточной границе. Собственно, именно эта легкость, с которой наши войска проломили японские позиции, и заставляет усомниться в разумности общего стратегического плана. Может, не стоило огород городить?

11 августа авангарды 65-й и 72-й стрелковых дивизий вышли к реке Мулин. Планом операции предусматривалось, что этот рубеж будет достигнут только на **восьмой** день операции. Поэтому совсем не удивительно, что наших командиров охватила победная лихорадка — чувство, которое им нечасто удавалось испытать. Маршал Мерецков приказал еще больше ускорить темп наступления и занять город Муданьцзян на следующий день, хотя по первоначальному плану советские войска должны были занять его только на семнадцатый день. Для выполнения приказа командир 5-й армии генерал Н.И. Крылов сформировал отдельный отряд из танковой бригады, полка САУ и двух стрелковых батальонов и бросил его на Муданьцзян. Наши командиры, опьяненные успехами, решили, что сопротивление японцев закончилось, и двинулись походными колоннами без всякого охранения.

Некоторые наши историки говорят, что утром 12 августа японские войска нанесли сильный контрудар на подходах к Муданьцзяну. На самом деле это была почти символическая контратака, которую предпринял отряд Сасаки (два пехотных батальона 135-й дивизии), приданный 124-й дивизии, защищавшей город. Но если противник окончательно потерял осмотрительность и не ждет никаких неожиданностей, даже 2 батальона могут нанести серьезные потери. Впрочем, японцам удалось лишь немного притормозить наступление армии Крылова, остановить его японцы не могли в принципе. Однако сам Мерецков рассказывает об этом, как о драматическом эпизоде:

«Главная группировка японских войск сражалась у Муданьцзяна. Здесь враг потерял около 40 тысяч солдат. Полу-

чив известие о том, что краснознаменцы прорвали оборону противника в районе Муданьцзяна, я поехал посмотреть и вот что увидел. Сначала, километров на пять, тянулось предполье, подготовленное для сдерживания наших авангардов. Сравнительно небольшой интервал, и мы уперлись в главную оборонительную полосу с долговременными железобетонными точками. Я стал определять глубину этой полосы и в том месте, где находился, насчитал четыре километра. Проехали дальше ровно пятнадцать километров, и перед нами открылась новая полоса обороны трехкилометровой глубины. Отъехали еще на пятнадцать километров и обнаружили еще оборонительную полосу такой же глубины. Узлы сопротивления выглядели чрезвычайно внушительно. При осмотре одного из них мы насчитали 17 артиллерийских дотов, 5 артиллерийско-пулеметных точек, свыше 50 пулеметных гнезд и массу различных сооружений полевого типа».

Но даже СВЭ, отличающаяся, скажем так, своеобразным отражением событий, сухо отмечает: «13 августа 26-й стрелковый корпус, обойдя с северо-востока Муданьцзян, ворвался в город. Это позволило командующему фронтом для сохранения высокого темпа наступления повернуть основные силы 5-й армии в обход города для быстрого продвижения на Гирин». То есть укрепления были, а вот боев не было.

13 августа после ряда столкновений растрепанные подразделения японской 124-й дивизии откатились на север, в холмы вдоль шоссе, и протянули с капитуляцией до 22 августа. Впрочем, это уже никого не волновало, так как советскому наступлению они не мешали.

К этому времени левофланговая 25-я армия начала наступление вдоль побережья на порт Расин. Как и во многих других местах, японская система укреплений оказалась совершенно неадекватной. Важный укрепленный пункт и железнодорожный узел Тумынь, на котором держалась оборона всего приморского фланга Квантунской армии, был захвачен уже к полудню 10 августа. Как и практически по всему фронту наступления, здесь главной помехой совет-

ским войскам стали проблемы с доставкой топлива. Японцы были настолько растеряны, что не оказывали практически никакого сопротивления. Например, 12 августа 393-я стрелковая дивизия на грузовиках атаковала позиции 113-го ук-репрайона, который занимал японский 101-й отдельный полк. Вы представляете это себе? **На грузовиках!** Японцы поспешно отступили, а передовые подразделения дивизии при поддержке морского десанта заняли порт Унги. 16 августа десант Тихоокеанского флота занял Сейсин, окончательно лишив Квантунскую армию прямого морского сообщения с Японией.

После падения Муданьцзяна, который являлся важным узлом коммуникаций Северо-Восточной Маньчжурии, вся система обороны японцев рухнула. Теперь советские войска могли свободно двигаться в любом направлении, тогда как японцы эту возможность потеряли и могли лишь цепляться за те позиции, которые они занимали к этому дню. Под угрозой оказались Харбин, Гиринь, Чанчунь, Мукден — все важнейшие населенные пункты Маньчжурии.

Примерно к 16 августа в Маньчжурии сложилась нестандартная ситуация. С одной стороны, организованное сопротивление японских войск завершилось. С другой — отдельные части и соединения продолжали сражаться. В советских газетах появилось заявление о том, что императорский рескрипт от 14 августа не являлся формальным актом о капитуляции. Так оно и было! Как нота японского правительства от 7 декабря 1941 года не являлась актом объявления войны, так и сейчас не последовало заявления о капитуляции и прекращении военных действий. 16 августа последовал новый рескрипт, в котором говорилось о «намерении начать переговоры о мире». Словом, японцы попытались капитулировать, не капитулировав.

Перед советским командованием встала задача как можно быстрее взять под контроль всю территорию Маньчжурии. Этого требовали не только военные, но и политические соображения: уже приходилось думать и о послевоенном устройстве Дальнего Востока. А на горизонте замаячили

американские корабли, готовившиеся высаживать десанты в порты Китая и Кореи.

Учитывая все это, Василевский принимает оригинальное решение. Он отказывается от организованных, «правильных» военных действий и приказывает сформировать отдельные подвижные отряды, которые получают приказ на стремительное продвижение к указанным пунктам, «не боясь резкого отрыва от своих главных сил». Маньчжурский блицкриг превращается в суперблицкриг.

Подобные отряды (их с полным основанием можно называть боевыми группами) создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии. Между прочим, изобретатели блицкрига до такого решения не додумались. Даже во время операций «Рот» и «Аттила», когда немцам требовалась максимальная скорость продвижения по французской территории, они не стали использовать воздушные десанты. А приказ «не бояться отрыва от своих главных сил» методичным и правильным немецким мозгам казался форменной крамолой, ересью. Ведь помним титанические усилия, которые прилагало ОКХ, чтобы сдержать Гудериана.

Василевский пошел на риск, но скалькулированный риск. Ведь далеко не везде японские войска безоговорочно складывали оружие. Самый наглядный пример этому — затянувшееся сопротивление на Курильских островах. Хотя еще 17 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада отдал приказ начать переговоры с советским командованием, а для удостоверения подлинности императорско-

го рескрипта прилетел брат императора принц Такеда, отдельные соединения Квантунской армии продолжали сопротивление до 26 августа. Речь идет о так называемом Дуннинском укрепрайоне. Однако именно этот эпизод подтверждает правильность тактики советского командования. Поскольку район лежал в стороне от направления главного удара, не было никаких штурмов или атак, не было бессмысленной гибели солдат. Просто начиная с 9 августа за работу взялась 223-я отдельная артбригада большой мощности, которая спокойно и методично уничтожала один опорный пункт за другим — всего 82 штуки. В результате 900 человек — все, что осталось от японского гарнизона, — сдались в плен. Вот если бы так же действовали наши войска под Сталинградом, это позволило бы избежать ненужных потерь и добиться значительно более серьезных успехов.

Нет нужды спешить там, где такой нужды нет, но там, где нужно спешить, — нужно спешить. 18 августа наши десантники заняли Харбин, 19 августа — Чанчунь, Гири и Мукден, 21 августа — Дальний, 22 августа — Порт-Артур, 24 августа — Пхеньян. Такой скорости продвижения не показывала еще ни одна армия.

Первый из многочисленных десантов, которые выбрасывались в ходе боев против Японии, был направлен в Харбин лично командующим 1-м Дальневосточным фронтом маршалом Мерецковым. Возглавлял десант заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Шелахов. Передовой группой в 120 человек командовал подполковник Забелин. По военным понятиям, офицеры были слишком высокого ранга для рядовой операции. Из этого видно, какое значение придавалось десантам советским командованием.

Десантом, высадившимся в Мукдене, командовал начальник политотдела Забайкальского фронта генерал-майор А.Д. Притула. Когда самолеты с десантом подходили к аэропорту, всех занимал один вопрос: откроют японцы огонь или нет? Так что были «комиссары» и комиссары. С самолетов видели изготовившихся к стрельбе японских зенитчиков, хотя ни одного выстрела все-таки не прозвучало. Но даже

после высадки положение десантников нельзя было считать совершенно надежным. Во всяком случае, во время переговоров с командующим 3-м фронтом совершенно неожиданно командующий гарнизоном Мукдена генерал-лейтенант Хонго вдруг взбунтовался и отказался подчиняться ему. Упрямца сумела убедить только эскадрилья бомбардировщиков, прошедшая на бреющем полете над аэродромом.

Именно с этим десантом связана почти детективная история пленения последнего императора Китая, а в 1945 году императора государства Манчжоу-Го Пу И. При всей внешней простоте, в этой истории имеются непонятные и необъяснимые эпизоды.

Когда началось наступление советских войск, император вполне резонно решил, что пора уносить ноги. Перспектива попасть в руки к русским его совсем не радовала. Японцы тоже были согласны с этим, и 11 августа японский посланник Ёсиока предложил ему покинуть столицу Манчжоу-Го город Синьцзин (Чаньчун). Император на поезде отправился к корейской границе в городок Далинцзыгоу, где и остановился 13 августа. Почему? Никто и ничто не мешало императору ехать дальше до Пхеньяна, до Сеула, вообще до самого берега Японского моря. И тем не менее путешествие прервалось.

17 августа Ёсиока предложил императору выбрать нескольких человек из его свиты и лететь в Японию. Ограничение было поставлено потому, что самолет был слишком маленьким, чтобы забрать всех лакеев, наложниц, евнухов и прочих нужных людей. Император Пу И летит, но почему-то не в Японию, а в прямо противоположном направлении — в Мукден. Опять же, что мешало пусть на маленьком самолете, пусть с промежуточными посадками, но лететь прямо на восток? Совершенно ничего. Однако император полетел на запад.

Дальше — больше. Совершенно понятно, что нужно спешить, советские войска стремительно катятся по территории Маньчжурии, но император застревает на двое суток в Мукдене. И вот совершенно естественный финал — 19 авгу-

ста советский десант высаживается на Северном аэродроме Мукдена, где в плен попадает не только командующий японским 3-м фронтом генерал Усироку Дзюн, но и император Пу И. В связи с этим очень хочется задать вопрос: какие все-таки цели преследовали японцы, передав Пу И в руки советских властей? Кто, где и когда успел об этом договориться?

К счастью, нашим войскам не пришлось в полной мере столкнуться с особенностями японского национального характера, хотя кое-где пришлось хлебнуть горя со слишком упорными офицерами. Например, на Курильских островах бои закончились 10 сентября. Кстати, обратите внимание на эту дату — через неделю после **официального** подписания капитуляции. Но в тропиках все могло обернуться иначе.

Например, только в марте 1974 года на отдаленном филиппинском острове Лубанг вышел из джунглей и сдался местным властям 52-летний лейтенант Хироо Онода. За шесть месяцев до этого Онода и его товарищ Кинсики Козука устроили засаду на филиппинский патруль, приняв его за американский. Козука погиб, а попытки выследить Оноду ни к чему не привели: он скрылся в непроходимых зарослях.

Чтобы убедить Оноду, что война кончилась, пришлось даже вызвать его прежнего командира — никому иному он не верил. Онода попросил разрешения оставить на память священный самурайский меч, который он закопал на острове в 1945 году.

Онода был настолько ошеломлен, попав совсем в иное время, что к нему пришлось применить длительное психотерапевтическое лечение. Он говорил: «Я знаю, что в лесах скрывается еще много моих товарищей, мне известны их позывные и места, где они прячутся. Но они никогда не придут на мой зов. Они решат, что я не выдержал испытаний и сломался, сдавшись врагам. К сожалению, они там так и умрут».

В Японии состоялась трогательная встреча Оноды с его престарелыми родителями. Его отец сказал: «Я горжусь то-

бой! Ты поступил как настоящий воин, как подсказывало тебе сердце».

Бр-рр... Представьте что-нибудь подобное на нашей территории.

Соотношение потерь в этой операции до сих пор остается невыясненным. Ясно только одно: учитывая ее скоротечность, количество убитых не может быть слишком большим. Поэтому сложно верить старым советским источникам, которые утверждают, будто Квантунская армия потеряла более 87 000 человек убитыми. Многовато для четырех или пяти дней реальных боев. Наверное, к истине ближе японские источники, которые говорят о 20 000 убитых. С количеством пленных японцев картина и вовсе получается смешная. По советским данным, в плен попало около 640 000 солдат, в том числе маньчжуры и солдаты князя Дэвана. Японцы ухитрились насчитать целых два миллиона пленных, что выглядит совершенной фантастикой — это при численности Квантунской армии, не превышающей одного миллиона человек **со всеми** вспомогательными и союзными частями.

Потери Красной Армии в этой операции, по разным данным, находятся на уровне 8—9 тысяч человек убитыми и около 20 тысяч ранеными. Заявления японцев, будто мы потеряли более 20 тысяч человек убитыми, как бы это сказать поделикатнее, не продиктованы трезвым рассудком.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция завершилась молниеносным разгромом японской Квантунской армии. Реальное сопротивление японцев продолжалось менее недели, то есть операция на все сто процентов отвечает определению блицкрига. Советское командование сумело завершить долгую и кровавую войну, тянувшуюся целых 6 лет, одним коротким, сокрушительным ударом. Конечно, можно было бы ограничиться кратким резюме, как мы делали это в предыдущих главах, но с моей точки зрения, это наступление по целому ряду причин заслуживает более детального рассмотрения.

Дело в том, что слишком многое отличает эту операцию от привычного европейского блицкрига. Первое — это раз-

мах операции, наступление велось на фронте общей протяженностью около 4400 километров, на глубину до 900 километров. При этом следует учесть исключительно сложный характер местности, по которой пришлось наступать советским войскам. Множество горных хребтов, реки, непроходимая тайга разделяли этот фронт на несколько независимых участков. В Европе ничего подобного вы не сумеете найти, и от командования требовалось высочайшее мастерство, чтобы скоординировать действия войск на всех уровнях — от фронтов до батальонов. Советские генералы и офицеры справились с этим почти идеально, некоторые мелкие неувязки можно не брать в расчет. Как мы уже отмечали, немцы в 1941 году наладить подобную координацию на стратегическом уровне не сумели, что во многом и предопределило провал операции «Барбаросса». При этом фронт в Европейской России, несмотря на свои «противотанковые» дороги, обладал гораздо более высокой связностью, чем Маньчжурский театр военных действий.

Как было отмечено выше, нашим войскам приходилось действовать в самых различных условиях. Поэтому для поддержания высокого темпа наступления требовался очень тщательный подбор сил и средств обеспечения, причем в каждом конкретном случае они были различными. Конно-механизированная группа генерала Плиева пересекала пустыню Гоби, 6-я гвардейская танковая армия форсировала горы Большого Хингана, 1-я Краснознаменная армия была вынуждена продираться сквозь Приамурскую тайгу. Сами понимаете, что требования к инженерному и тыловому обеспечению были совершенно различными. Какие-то дивизии получили дополнительные понтонно-мостовые подразделения для быстрого форсирования водных преград. Какие-то — дополнительные автоколонны. 6-я гвардейская танковая получила дополнительные силы авиации для ведения разведки и обеспечения связи между корпусными колоннами. К сожалению, полагаться на радиосвязь даже в 1945 году были рискованно.

Еще одной особенностью Маньчжурской операции было

то, что советскому командованию удалось добиться полнейшей стратегической и тактической внезапности. Принятые меры безопасности представляли собой любопытную смесь изощренных уловок и довольно сомнительных решений. К последним я бы отнес ставшее уже традиционным переименование высших военачальников, ведь пересчитать по пальцам советских маршалов не составляет труда. Другое дело, что японская разведка не сумела раскрыть факт сосредоточения огромных сил на границах Маньчжурии. Иное дело, что и здесь советское командование сумело найти нестандартные решения. Например, 6-я гвардейская танковая армия начала наступление прямо с марша из глубокого тыла, не останавливаясь в районе сосредоточения. То же самое сделала 2-я Краснознаменная армия.

Внезапность вряд ли могла быть более полной. Разведка Квантунской армии утверждала, что Красная Армия не сумеет начать наступления ранее середины осени или даже весны 1946 года. И все действия японского командования говорят об этом. Штаб 5-й армии собрал совещание командиров частей и соединений, обезглавив их в решающий день. Сам командующий Квантунской армией отсутствовал в штабе, находясь на пути в Дайрен.

Советское командование выбрало совершенно неожиданные места для нанесения ударов. Ни один из японских генералов не сумел предусмотреть прорыва через Большой Хинган и Гоби. Не было даже планов отражения наступления в этих районах. Такое тоже бывает очень редко, обычно штабы готовятся к любым вариантам развития событий, но не в данном случае. Степень неведения японских генералов лучше всего характеризует тот факт, что 1-я танковая дивизия, сформированная в Маньчжурии и находившаяся там почти всю войну, в 1945 году была переброшена в Японию. В Маньчжурии остались только 1-я и 9-я отдельные танковые бригады в составе Третьего армейского района. Это, кстати, ставит под **очень** большие сомнения сведения о 1000 танков, имевшихся у Квантунской армии. Вдобавок японцы лишились самого эффективного оружия против любого на-

ступления — контрудара мобильного резерва из глубины обороны.

Вообще, японцы оказались совершенно неспособны противостоять современной армии, имеющей опыт боевых действий на широком фронте. Советское командование использовало боевые группы, ядром которых были танковые подразделения, вместо того чтобы гнать волны пехоты на японские укрепления, и японцы продемонстрировали откровенную беспомощность в борьбе с ними. Квантунская армия застряла где-то в 1935 году, хотя на дворе стоял уже 1945-й.

Советское командование применило еще одну тактическую новинку. Вместо разведывательных групп вперед выдвигались сильные авангарды, способные подавить сопротивление тыловых частей. Эти авангарды действовали на большом удалении от главных сил, иногда до 50 километров, и пользовались полной свободой действий. Воздушные десанты выбрасывались в японский тыл на еще большее расстояние.

В целом Маньчжурская наступательная операция демонстрирует дальнейшее развитие тактики блицкрига с учетом возросших возможностей войск, их улучшившегося технического оснащения. Принципиальной новинкой стало участие в операции воздушных десантов. Это позволяет назвать наступление в Маньчжурии провозвестником комбинированных операций, которые характерны для современных армий. Так что в некоторых отношениях наши генералы намного опередили свое время, жаль только, что ограниченные технические возможности Красной Армии не позволили в полной мере реализовать новаторские замыслы командования. Но и без того темп наступления 6-й гвардейской танковой армии составил 82 километра в день. Даже 36-я армия Забайкальского фронта, которой пришлось вести бой в Хайларском укрепрайоне, за день проходила до 45 километров. Несколько ниже была скорость наступления армий 1-го Дальневосточного фронта, однако и здесь она не опус-

калась ниже 25 километров в день, что немцы считали прекрасным достижением.

2 сентября 1945 года была подписана капитуляция императорской Японии, завершилась Вторая мировая война. Вместе с ней подошла к концу и история блицкрига. Приятно, что именно Красной Армии было суждено поставить эффектную точку, доказав, что этот тактический прием могли применять не только его изобретатели — немцы. Причем советский блицкриг оказался гораздо более продуманным и тонким, чем немецкий.

Библиография

1. Адам В. «Катастрофа на Волге», Смоленск, 2001
2. Ананьев А.А. «Танки идут ромбом», М., 1975
3. Барятинский М.Б. «Немецкие танки в бою», М., 2007
4. Барятинский М.Б. «Советские танки в бою от Т-26 до ИС-2», М., 2007
5. Барятинский М.Б. «Т-34 в бою», М., 2008
6. Белобородов А.П. «Прорыв на Харбин», М., 1982
7. Бешанов В.В. «Танковый погром 1941 года», Минск, 2000
8. Бешанов В.В. «Год 1942 — «учебный», Минск, 2002
9. Бешанов В.В. «Десять сталинских ударов», Минск, 2003
10. Бивор Э. «Сталинград», Смоленск, 1999
11. Бикс Г. «Хирохито», М., 2002
12. Брукс Л. «За кулисами японской капитуляции», М., 1974
13. Брэдли О. «Записки солдата», М., 1957
14. Былинин С. «Сталинградская битва», М., 2004
15. Василевский А.М. «Дело всей жизни», М., 1978

16. Воротников М.Ф. «Г.К. Жуков на Халхин-Голе», Омск, 1989
17. «Вторая мировая война. Сборник статей», М., 1957
18. Горбунов Е.А. «Схватка с черным драконом», М., 2002
19. Де Голль Ш. «Воспоминания солдата», М., 2003
20. Гречко А.А. «Битва за Кавказ», М., 1967
21. Гудериан Г. «Внимание, танки!», М., 2005
22. Гудериан Г. «Записки солдата», Смоленск, 1999
23. Дёттл Г. «Поход на Сталинград», М., 1957
24. Жуков Г.К. «Воспоминания и размышления», М., 2002
25. Игнатьев А.А. «Пятьдесят лет в строю» в 2 томах, М., 1955
26. Исаев А.В. «Десять мифов Второй мировой», М., 2004
27. Исаев А.В. «Котлы 41-го», М., 2005
28. Исаев А.В. «Краткий курс ВОВ. Наступление маршала Шапошникова», М., 2005
29. Исаев А.В. «Когда внезапности уже не было», М., 2006
30. Исаев А.В. «Сталинград», М., 2008
31. Кондратьев В. «Халхин-Гол. Война в воздухе», М., 2002
32. Кульков Е.Н. «Операция «Вахта на Рейне», М., 1986
33. «Курская битва. Хроника, факты, люди» в 2 томах, М., 2003
34. А.Н. де Лазари «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914—1918 гг.», М., 1935
35. Б. Лиддел Гарт «Вторая мировая война», М., 1976
36. Лопуховский Л.Н. «Прохоровка без грифа секретности», М., 2005
37. Макдоно Д. «Последний кайзер», М., 2004
38. Манштейн Э. «Утерянные победы», М., 1999

39. Меллентин Ф. «Танковые сражения 1939—1945 гг.», М., 1957
40. Мерецков К.А. «На службе народу», М., 1968
41. Моррис А. «Благородство поражения», М., 2001
42. Нилланс Р. «Генералы великой войны», М., 2005
43. Новиков М.В. «Победа на Халхин-Голе», М., 1971
44. «Операция «Багратион», М., 2004
45. Росадо Х., Бишоп К. «Танковые дивизии Вермахта», М., 2007
46. Ф. Петэн «Оборона Вердена», М., 1937
47. Проэктор Д.М. «Германо-польская война», М., 2004
48. Самсонов А.М. «Сталинградская битва», М., 1989
49. Свиринов М.Н. «Броневои щит Сталина», М., 2006
50. Свиринов М.Н. «Броня крепка», М., 2005
51. Смирнов А. «Боевая работа советской и германской авиации в Великой Отечественной войне», М., 2006
52. Соколов Б.В. «Правда о Великой Отечественной войне», СПб., 1989
53. Солонин М. «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?», М., 2005
54. Суворов В. «Последняя республика», М., 1995
55. Суворов В. «Очищение», М., 1998
56. Суворов В. «Самоубийство», М., 2000
57. Тарас Д.А. «Операция «Weiss», Минск, 2003
58. Типпельскирх К. «История Второй мировой войны», М., 1956
59. «Трагедия 1941. Причины катастрофы», М., 2008
60. Тухачевский М.Н. «Избранные произведения» в 2 томах, М., 1964
61. Усов В.Н. «Последний император Китая», М., 2003
62. Фаулер У. «План «Барбаросса». Блицкриг на Востоке», М., 2007

63. Федюнинский Ф.Ф. «На Востоке», М., 1985
64. Шишов А.В. «Россия и Япония. История военных конфликтов», М., 2000
65. Шлиффен А. «Канны», М., 1937
66. Эйзенхауэр Д. «Крестовый поход в Европу»
67. «История Первой мировой войны» в 2 томах, М., 1975
68. «Советская Военная Энциклопедия» в 8 томах
69. «История Второй мировой войны» в 12 томах
70. «The history of World War II» in 30 parts
71. Antill P. «Stalingrad 1942», Botley, 2007
72. Arnold J.R. «Ardennes 1944», Botley, 1990
73. Barbier M.K. «Kursk, the greatest tank battle», St. Paul, 2002
74. Drea E.J. «Nomonhan: Japanese-Soviet tactical combat», Leavenworth, 1981
75. Fletcher D. «British tanks 1915—1919», Ramsbury, 2001
76. Ford K. «Gazala 1942», Botley, 2008
77. Forty G. «Tank commanders», 1993
78. Forczyk R. «Moscow 1941», Botley, 2006
79. Fowler W. «Poland and Scandinavia 1939—1940», Hersham, 2002
80. Fowler W. «France, Holland and Belgium 1940», Hersham, 2002
81. Fowler W. «Russia 1941—1942», Hersham, 2003
82. Fowler W. «Balkans and North Africa 1941—1942», Hersham, 2003
83. Fowler W. «Russia 1942—1943», Hersham, 2003
84. Fowler W. «North Africa and Italy 1941—1942», Hersham, 2003
85. Galuszko A., Kolomijec M. «Charkow 1942», Warszawa, 2004
86. Glanz D. «August storm», Leavenworth, 1983

87. Glanz D. «Soviet defensive tactics at Kursk», Leavenworth, 1986
88. Glanz D. «The battle for Kursk», London, 1999
89. Irving D. «The trail of the fox», London, 2001
90. Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (1)», Botley, 2003
91. Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (2)», Botley, 2005
92. Kirchubel R. «Operation Barbarossa 1941 (3)», Botley, 2007
93. Jentz T.L. «Panzertruppen, 1933—1942», Atglen, 1996
94. Jentz T.L. «Panzertruppen, 1943—1945», Atglen, 1996
95. Neeno T. «Nomonhan: The Second Russo-Japanese War», 2005
96. Newton S.H. «Kursk. The German view», Cambridge, 2002
97. Shepperd «France 1940», Botley, 1990
98. Solarz J. «Fall Weiss 1939», Warszawa, 1998
99. Solarz J. «Fall Gelb 1940», Warszawa, 1999
100. Turner A. «Cambrai 1917», Batley, 2007
101. Zaloga S.J. «Poland 1939», Botley, 2002
102. Zaloga S.J. «Operation Cobra 1944», Botley, 2001

Периодические издания

«Фронтовая иллюстрация»:

«Оборона Кавказа», 2000—2002

«Бои за Харьков в мае 1942 года», 2000—2006

«Битва за Москву», 2002—2001

«Бои в Белоруссии», 2002—2003

«Бои в излучине Дона», 2002—2006

«Тигры» на Восточном фронте», 2005—2006

«Военная летопись»:

«Операция «Цитадель». Бои на северном фланге»

«Военные машины»:

«Achtung Panzer: От Севастополя до Сталинграда»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Блицкриг с высоты птичьего полета	5
<i>Глава 1.</i> Сказки дедушки Шлиффена, или Киевская Русь – родина блицкрига	10
<i>Глава 2.</i> Великий танковый скандал	27
<i>Глава 3.</i> Первый блин Халхин-Голом	49
<i>Глава 4.</i> Далекie зарницы	60
<i>Глава 5.</i> Эталон блицкрига	77
<i>Глава 6.</i> Молниеносная дорога в никуда	101
<i>Глава 7.</i> Осенний марафон	126
<i>Глава 8.</i> Роммель Великий и Ужасный.	152
<i>Глава 9.</i> Общие проблемы, общие ошибки	175
<i>Глава 10.</i> Противоядие	196
<i>Глава 11.</i> О роли мышей в судьбе армии Паулюса	211
<i>Глава 12.</i> Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался.	229
<i>Глава 13.</i> Блицкриг покaтился на запад	265
<i>Глава 14.</i> Дешевая пародия	288
<i>Глава 15.</i> Блицкриг ущербный	305
<i>Глава 16.</i> Августовская гроза	320
Библиография	343

Александр Больных
МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА
Блицкриги Второй мировой

- Стратегия и тактика «молниеносной войны».
- Сравнение «блицкрига» Гудериана и «глубокой операции» Галактионова. Киевская Русь – родина не только слонов, но и блицкрига.
- Польша-1939. Блицкрига еще нет, однако немцы нащупывают путь к нему, отработывают методы.
- Блеск молнии – Франция-40. Классический пример «молниеносной войны».
- Операция «Барбаросса». Блицкриг. Но не везде. И не всегда. И не так. Появляется тенденция к гигантомании котлов.
- Первая осечка – операция «Тайфун».
- 1942 год на Восточном фронте – измена принципам. «Годзилла был самый здоровенный и самый глупый из драконов. Он кинулся на все четыре башни сразу, благо голов хватало».
- Ученики усвоили урок, но пока еще не поняли. Сталинград – классический танковый котел и неспособность развить собственный успех.
- «Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался». Курская дуга – анти-блицкриг и могила Панцерваффе как инструмента стратегии.
- Операция «Багратион». Блестящая победа, но блицкриг тут ни при чем.
- Одноногие – галопом! Арденны – блицкриг без авиации.
- Висло-Одерская операция – победа, затянувшая войну. Если бы удалось наладить взаимодействия танков и авиации, мы были бы в Берлине на три месяца раньше.
- И снова классика – Маньчжурия-1945.

Новая книга ведущего военного историка! Свежий взгляд на стратегию и тактику блицкрига. Глубокий анализ основных наступательных операций Второй Мировой. Подлинная история «молниеносной войны».

ISBN 978-5-699-31584-0

9 785699 315840 >